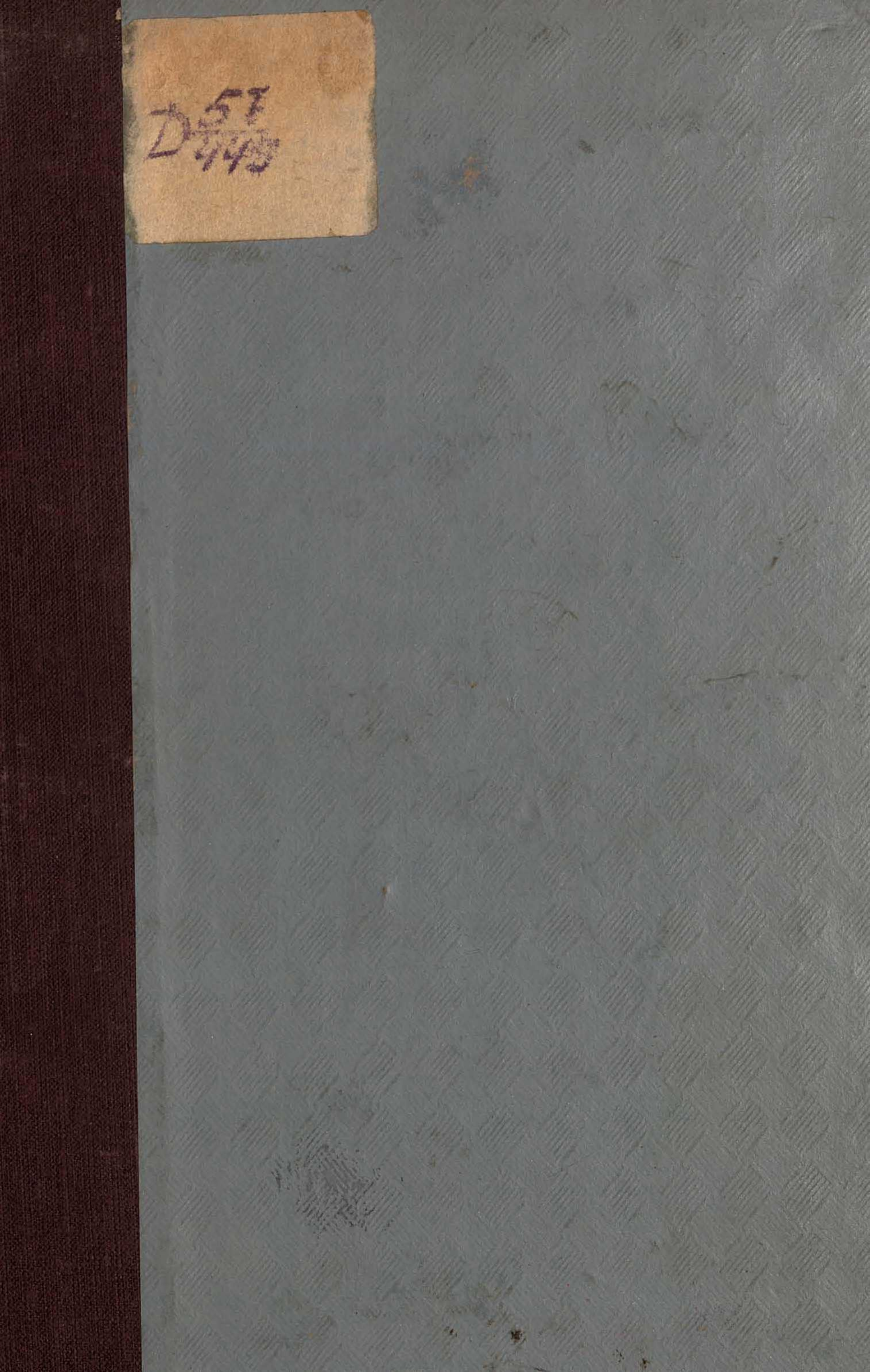

D 57/443

И. И. Мечниковъ.

ЭТЮДЫ
о
ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА.

„НАУЧНОЕ СЛОВО".

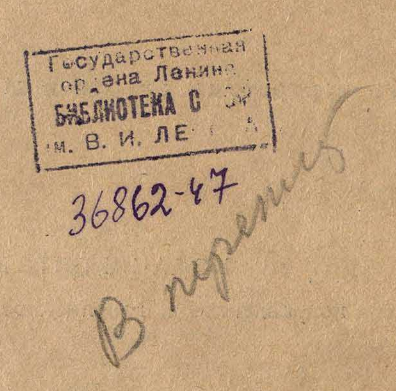
И. И. Мечниковъ.

Этюды о природѣ человѣка.

Съ портретомъ автора и 21 рисункомъ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ,
исправленное и дополненное авторомъ.

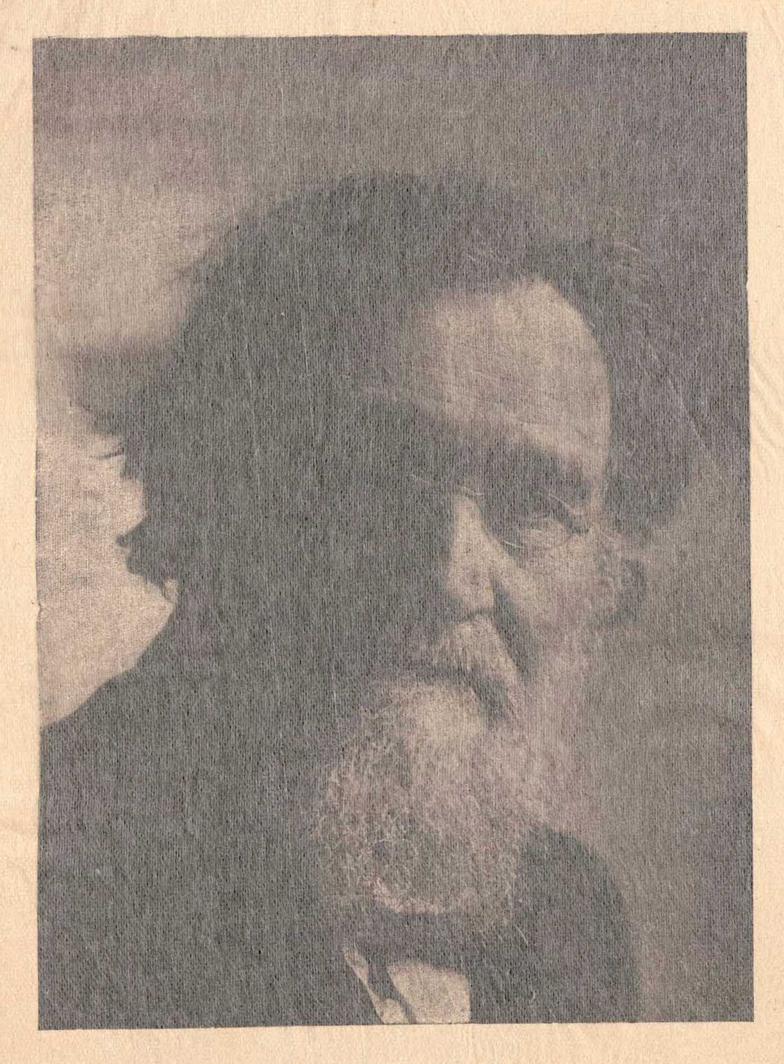
„НАУЧНОЕ СЛОВО".
МОСКВА—1917.

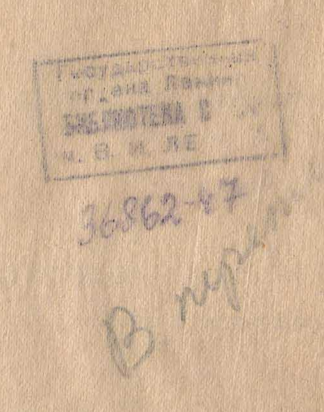

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Пименовская ул., соб. д.
Москва—1917.

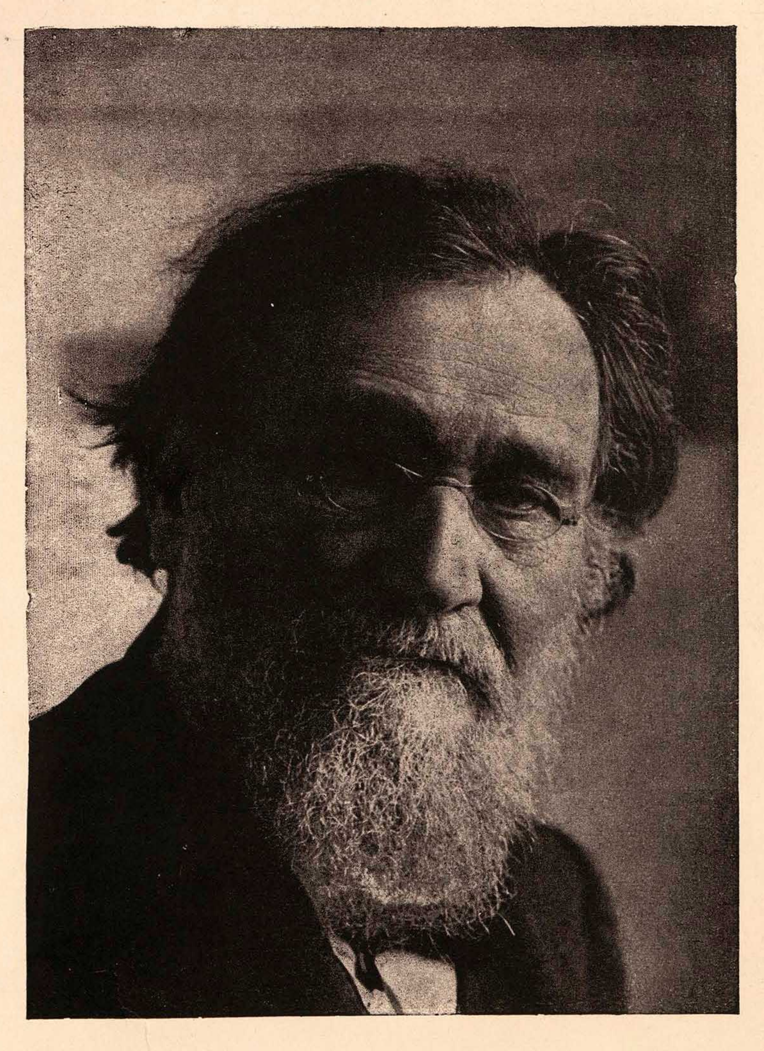

Ил. Мечников

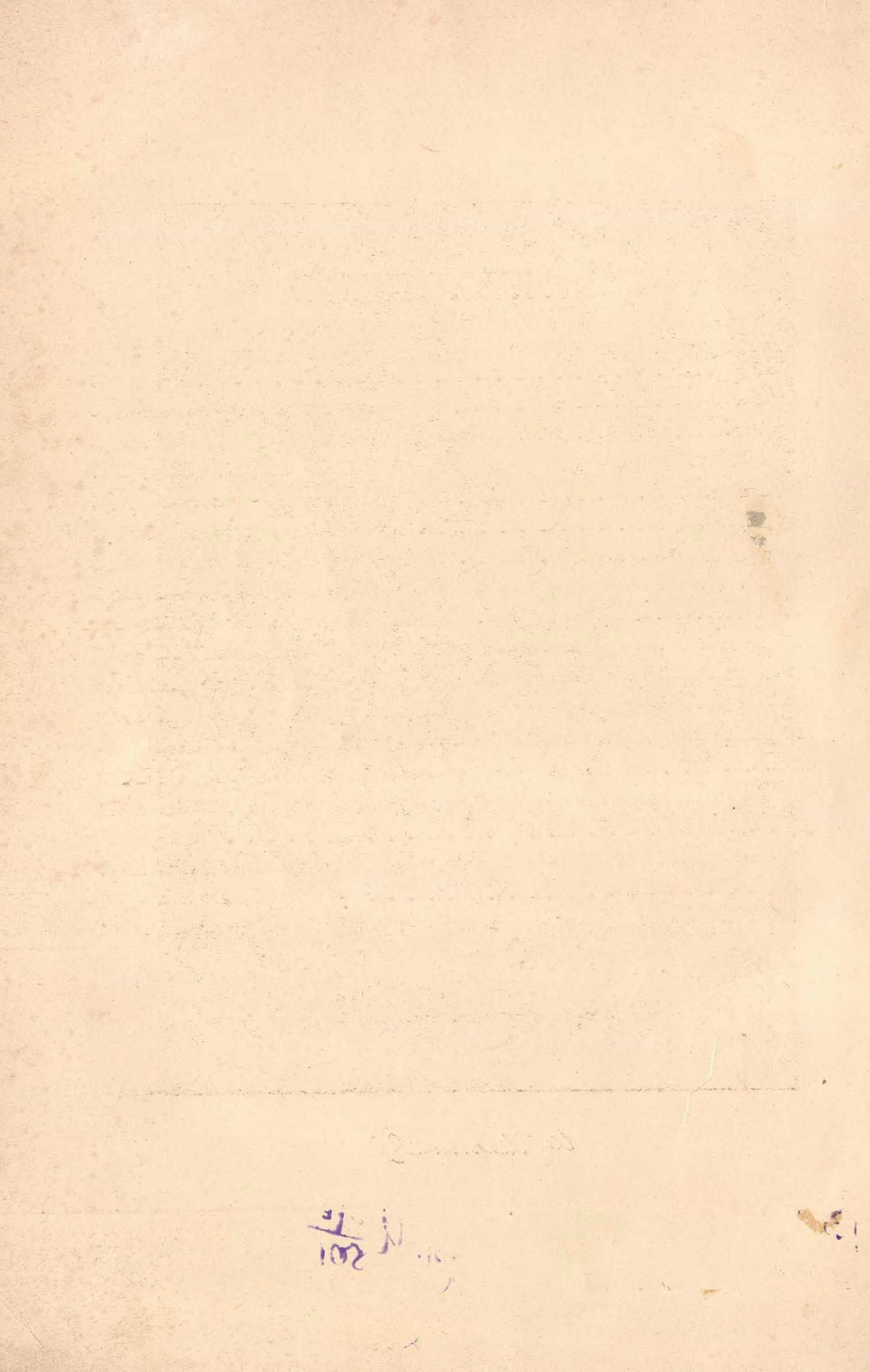

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Пименовская ул., соб. д.
Москва—1917.

Ил. Мечниковъ

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА:

Стр. XI, строка 14 сверху напечатано: внѣшняя, нужно *нынѣшняя*.

Посвящаю эту книгу

моей женѣ.

Ил. Мечниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ издателя.

Въ истекшемъ году скончался Илья Ильичъ Мечниковъ. Имя Мечникова стало всемірнымъ и эта утрата невознаградима для всего человѣчества, во благо котораго онъ жилъ и работалъ. Умеръ Илья Ильичъ, какъ великій изслѣдователь-біологъ, до послѣднихъ минутъ жизни наблюдая надъ своими переживаніями и чувствами и прося близкихъ записывать его мысли. „Такъ рѣдко, говорилъ онъ передъ смертью, случается чтобы люди умирали, завершивъ свой жизненный циклъ и при томъ сознательно; поэтому было бы жаль, чтобы такой примѣръ остался неизвѣстнымъ; это былъ бы неоконченный опытъ". Выпускаемое въ свѣтъ пятое изданіе „Этюдовъ о природѣ человѣка" является изданіемъ посмертнымъ, но за послѣдній годъ своей жизни Илья Ильичъ сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя поправки, дополненія и написалъ новое прилагаемое здѣсь предисловіе. Это были его послѣднія слова, обращенныя къ читателю, въ нихъ уже чувствуется сознаніе близости неизбѣжнаго конца.

Издательство „Научное Слово" потеряло въ лицѣ покойнаго своего лучшаго друга, который всегда, съ самыхъ первыхъ нашихъ шаговъ, относился очень сочувственно ко всѣмъ нашимъ начинаніямъ. Желая почтить память Ильи Ильича, мы издаемъ его полную біографію до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни, составленную женой покойнаго Ольгой Николаевной Мечниковой, и въ значительной части имъ самимъ просмотрѣнную. При благопріятныхъ условіяхъ она можетъ выйдти изъ печати въ началѣ этого года.

Предисловіе къ 5-му изданію.

Болѣе двѣнадцати лѣтъ прошло со времени появленія перваго изданія этой книги.

Много новыхъ фактовъ было открыто за это время; не было недостатка и въ возраженіяхъ противъ моихъ идей; тѣмъ не менѣе вновь добытыя свѣдѣнія, въ общемъ, вполнѣ подтвердили ихъ.

Высказанныя возраженія основаны скорѣе на недоразумѣніяхъ, чѣмъ на прочно установленныхъ фактахъ.

Въ примѣръ могу привести возраженіе *Чарлса Седжвика-Минота*, профессора сравнительной анатоміи въ медицинской школѣ Гарварда, въ Бостонѣ.

Онъ не признаетъ основной идеи моей книги «о дисгармоніяхъ человѣческой природы», а именно дисгармоній, вытекающихъ изъ усиленнаго развитія нашихъ толстыхъ кишекъ, что я считаю не только безполезнымъ, но даже существенно вреднымъ и могущимъ содѣйствовать укороченію нашей жизни.

Въ своей популярной брошюрѣ «о современныхъ задачахъ біологіи», Минотъ настаиваетъ на томъ, что старость и смерть—удѣлъ не однихъ существъ, снабженныхъ толстыми кишками, но и такихъ, у которыхъ вовсе нѣтъ послѣднихъ. Кто же когда-бы то ни было отстаивалъ обратное?

Въ предшествующихъ изданіяхъ этой книги, также какъ и въ моихъ „Этюдахъ Оптимизма", я разсматривалъ нѣсколько примѣровъ естественной смерти у животныхъ, не имѣющихъ и слѣда толстыхъ кишекъ (поденки и коловратки).

Недоразумѣніе, въ которое впадаетъ мой противникъ, сводится просто къ тому, что я приписываю микробамъ нашихъ толстыхъ кишекъ возможность вызывать *преждевременную* старость и смерть, нисколько не считая ихъ причиной старости и смерти.

Но, такъ какъ въ родѣ человѣческомъ старость всегда преждевременна точно также какъ и смерть, то и соображенія мои относительно толстыхъ кишекъ и кишечныхъ микробовъ—сохраняютъ все свое значеніе особенно въ виду много-

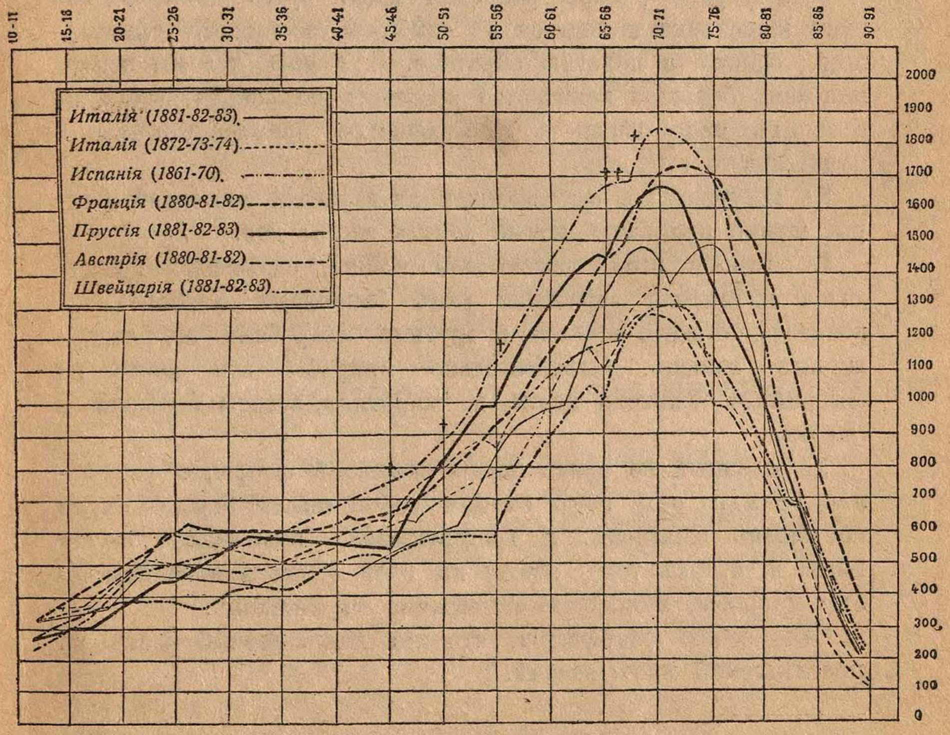
численныхъ новыхъ фактовъ, окончательно установленныхъ со времени появленія перваго изданія этого сочиненія.

Чтобы бросить общій взглядъ на современное положеніе вопроса, совѣтую читателю прочесть слѣдующее извлеченіе изъ моей бесѣды, по поводу семидесятилѣтняго дня моего рожденія, 3-го мая 1915 года.

«Уже въ самыя отдаленныя времена было сказано царемъ Давидомъ, что 70 лѣтъ предѣлъ жизни человѣка.—Болѣе сильные люди достигаютъ 80 лѣтъ; далѣе этого—одинъ трудъ и страданья».

Съ тѣхъ поръ 70 лѣтъ считались нормальнымъ предѣломъ человѣческой жизни. И дѣйствительно, было точно установлено и часто подтверждалось, что наибольшая смертность выпадаетъ на 70, 71 годъ (не включая первыхъ лѣтъ дѣтскаго возраста).

Слѣдующая таблица итальянскаго статистика *Бодіо* служитъ этому доказательствомъ:

Смертность въ различные возрасты на 100,000 рожденій въ каждой странѣ.

Я долженъ почитать за особое, не всѣмъ доступное счастье, что достигъ этой вершины.

Долговѣчность часто считаютъ наслѣдственной.

Такъ знаменитый *Листеръ* — открывшій антисептику, достигъ 85-лѣтняго возраста, благодаря тому, что принадлежалъ къ долговѣчной семьѣ. Отецъ его умеръ 83-хъ лѣтъ, а дѣдъ — въ 93 года.

Я не принадлежу къ разряду долговѣчныхъ семей. Мои дѣды, родители, братья и сестра — всѣ умерли, не достигнувъ моего настоящаго возраста (маленькіе кресты, обозначенные на таблицѣ, указываютъ возрасты смерти моихъ родителей, братьевъ и сестры).

Свою долговѣчность я приписываю тѣмъ гигіеническимъ правиламъ, которымъ слѣдую въ теченіе уже многихъ лѣтъ [1]). Правила эти основаны на убѣжденіи во вредномъ вліяніи нашей кишечной флоры.

Существуетъ распространенная идея, будто микробы нашего кишечника находятся въ симбіозѣ съ нашимъ организмомъ; однако я полагаю обратное. Я думаю, что мы вскармливаемъ большое количество вредныхъ микробовъ, укорачивающихъ нашу жизнь и вызывающихъ преждевременную и мучительную старость.

Къ аргументамъ, основаннымъ на изученіи кишечной флоры, можно прибавить новый доводъ злобы дня.

Въ теченіе этой безконечной войны, ежедневно приходится наблюдать зараженіе ранъ бациллами Уэлша (perfringens), стрепто-кокками и другими микробами изъ содержимаго кишекъ. Слѣдовательно микробы эти вовсе не безвредные сожители наши, а, напротивъ, агенты болѣзней и смерти.

Убѣжденный во вредѣ нашей кишечной флоры, я уже болѣе 18 лѣтъ веду надъ самимъ собой опыты борьбы съ ея погубнымъ вліяніемъ. Я воздерживаюсь отъ всякой сырой пищи и, сверхъ того, ввожу въ свой обиходъ молочно-кислые микробы, мѣшающіе загниванію въ кишкахъ.

Само собою разумѣется, что это лишь первый шагъ въ преслѣдуемой мною задачѣ.

---

[1]) Начиная съ 56 лѣтъ.

Помимо гнилостныхъ бактерій, наша кишечная флора переполнена другими вредными для насъ микробами. Я имѣю въ виду бактеріи, выдѣляющія масляную кислоту—ядъ, всего болѣе разрушающій наши самые цѣнные органы. Изученіе способовъ борьбы съ этими микробами было прервано вслѣдствіе войны, повлекшей уничтоженіе опытныхъ животныхъ.

Но уже съ самаго начала моихъ изслѣдованій я убѣдился въ томъ, что размноженіе масляно-кислыхъ бациллъ не зависитъ исключительно отъ свойства пищи.

При совершенно одинаковомъ режимѣ у нѣкоторыхъ обезьянъ очень много этихъ микробовъ, въ то время какъ у другихъ особей того же вида—ихъ вовсе нѣтъ.

Эти изслѣдованія убѣдили меня въ томъ, что кишечная флора получаетъ опредѣленное направленіе тотчасъ послѣ отнятія отъ груди матери.

Поэтому, чтобы установить хорошую кишечную флору, надо съ самаго ранняго дѣтства засѣвать кишки полезными микробами и удалять вредные.

Слѣдовало-бы дѣлать въ дѣтскихъ пріютахъ опыты въ этомъ направленіи, а также и въ обезьянникахъ, гдѣ необходимо пробовать выращиваніе обезьянъ.

Съ другой стороны—въ пріютахъ для стариковъ—можно было-бы изучать режими, способствующіе нормальной старости и наибольшей долговѣчности.

Въ настоящее время приходится почитать себя счастливымъ, когда въ 70 лѣтъ еще въ состояніи продолжать выполненіе своихъ жизненныхъ задачъ; въ будущемъ—этотъ предѣлъ, конечно, значительно отодвинется.

Но, для достиженія этого результата потребуется еще продолжительная научная работа.

На ряду съ изслѣдованіями кишечной флоры, какъ причины преждевременной старости съ ея сосудистыми нервными и другими пораженіями,—научной макробіотикѣ, которая должна быть почти цѣликомъ создана,—придется изучать старческія болѣзни; между ними первенствующее мѣсто занимаютъ воспаленія легкихъ и злокачественныя опухоли.

Основой новыхъ изслѣдованій должна служить идея, усвоенная нашимъ институтомъ и такъ удачно защищаемая Борелемъ относительно внѣшняго происхожденія раковъ.

Прежде всего слѣдуетъ производить наблюденія въ старческихъ пріютахъ.

Если микробъ рака дѣйствительно существуетъ, то режимъ стерильной пищи и чистота кожи—должны предохранять людей отъ гибельнаго вліянія этого микроба.

Раціональная макробіотика—наука будущаго. Въ ожиданіи ея прикладныхъ результатовъ можно довольствоваться нормальной жизнью въ 70 лѣтъ.

Къ счастью уже въ этомъ возрастѣ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ индивидуумовъ съ укороченнымъ цикломъ жизни (къ числу которыхъ принадлежу я самъ) — инстинктивный страхъ смерти начинаетъ сглаживаться и уступать мѣсто удовлетворенію уже прожитой жизнею и потребности небытія.

Здѣсь мы касаемся одной изъ самыхъ великихъ задачъ, занимающихъ человѣчества съ отдаленнѣйшихъ временъ.

Мыслители обыкновенно приступали къ этой задачѣ въ такомъ возрастѣ, когда всего сильнѣе выражено желанье жить; они приходили къ пессимистическому міровозрѣнію, не представляя себѣ такого душевнаго состоянія, при которомъ желанье это болѣе не ощущалось бы.

Подобной задачей главнымъ образомъ заняты были поэты и писатели. Между ними особенно выдается Толстой, нѣсколько разъ возвращавшійся къ этому вопросу и давшій наилучшее описаніе страха смерти.

Черезъ посредство своихъ дѣйствующихъ лицъ, онъ признаетъ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ «не думалъ о маленькомъ обстоятельствѣ, о томъ, что смерть придетъ и что все будетъ кончено, что не стоило предпринимать чего-бы то ни было и что невозможно помочь этому. Это ужасно, но это такъ», заключаетъ онъ.

Продолжая свои пессимистическія размышленія, онъ прибавляетъ: „если не сегодня, то завтра; а если не завтра, а только черезъ 30 лѣтъ; не все ли ровно?“ (Анна Каренина).

Нѣтъ, это совсѣмъ не все равно!

Толстой, который былъ несомнѣнно великій знатокъ души человѣческой, не подозрѣвалъ, что инстинктъ жизни, потребность жить,—не одинаковы въ разные возрасты.

Мало развитая въ юности, потребность эта сильно преобладаетъ въ зрѣломъ возрастѣ и особенно въ старости. Но,

достигнувъ глубокой старости, человѣкъ начинаетъ ощущать удовлетворенность жизнею, родъ пресыщенья ею, вызывающаго отвращеніе передъ мыслью о вѣчной жизни.

Въ современныхъ условіяхъ такое душевное состояніе обнаруживается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ весьма рѣдки примѣры достиженія глубокой старости при полномъ сохраненіи умственныхъ способностей.

Но въ будущемъ, когда раціональная гигіена установитъ правила нормальной жизни, сегодняшнія исключенія станутъ общимъ правиломъ.

Когда будетъ окончена эта столь продолжительная война, которую отвѣтственныя лица не сумѣли или не хотѣли устранить,—наступитъ длинный періодъ мира.

И когда внѣшняя злоба дня будетъ сдана въ архивъ, задачи, разсматриваемыя нами въ этомъ трудѣ, сохранятъ весь свой интересъ.

Надо надѣяться, что работы, которыя будутъ сдѣланы тогда во всѣхъ научныхъ областяхъ и въ которыхъ мы не сможемъ болѣе принимать участія, будутъ широко содѣйствовать тому, чтобы люди будущаго могли проводить жизнь согласно идеалу *ортобіоза* и могли-бы достигать нормальнаго предѣла жизни, значительно болѣе продолжительной чѣмъ теперь.

Илья Мечниковъ.

Парижъ, $\frac{15}{2}$ ноября 1915 года.

Предисловіе къ первому изданію.

Стремленіе выработать сколько-нибудь общее и цѣльное воззрѣніе на человѣческое существованіе привело къ сочиненію, русскій переводъ котораго предлагается читателю.

Считаю не лишнимъ представить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія относительно исторіи развитія идей, которыя онъ встрѣтитъ въ немъ.

Поколеніе, къ которому я принадлежу, легко и быстро усвоило основы положительнаго міровоззрѣнія, развившагося, главнымъ образомъ, вокругъ ученія объ единствѣ физическихъ силъ и объ измѣняемости видовъ. Но въ то время какъ естественно-историческая сторона этого міровоззрѣнія отвѣчала всѣмъ требованіямъ мышленія, его прикладная часть, относящаяся къ человѣческой жизни, казалась все менѣе и менѣе способной удовлетворить стремленію къ осмысленному и обоснованному существованію. При такихъ условіяхъ легко было склониться къ взгляду, что въ человѣкѣ природа дошла до своего послѣдняго предѣла. Въ результатѣ длиннаго, сложнаго и часто запутаннаго процесса развитія на землѣ явилось существо съ высоко одареннымъ сознаніемъ, которое подсказывало ему, что дальше идти некуда и никакой цѣли впереди не существуетъ. Долго подобное воззрѣніе выражалось въ формѣ туманной «міровой скорби», но съ развитіемъ знанія оно стало принимать болѣе ясныя и опредѣленныя формы. Пессимистическія философскія системы девятнадцатаго вѣка нашли себѣ откликъ и въ научной мысли. Казалось въ самомъ дѣлѣ, что жизнь, уясненная сознаніемъ, есть безсмыслица, тянущаяся на основаніи какой-то животной наслѣдственности, безъ руководящаго начала. Наукѣ надлежало лишь разобраться въ этой путаницѣ, чтобы по крайней мѣрѣ, уяснить происхожденіе и развитіе такого печальнаго положенія вещей.

Давно, тридцать пять лѣтъ назадъ мнѣ представилось, что я постигъ причину нелѣпости человѣческой жизни. Наблюдая поведенiе щенковъ подъ надзоромъ ихъ матери, я поразился тѣмъ, какъ легко дается воспитанiе въ собачьей породѣ. Щенки подражаютъ во всемъ своей матери и постепенно прiучаются дѣлать все то, что подобаетъ взрослымъ собакамъ. Какая разница между краткимъ перiодомъ развитiя щенковъ съ продолжительностью воспитательнаго возраста у человѣка! Какая огромная разница между ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ, сравнительно съ ничтожнымъ различiемъ между щенкомъ и взрослой собакой! Понятно, что при такихъ условiяхъ подражанiе дѣтей поведенiю ихъ родителей можетъ, вмѣсто добра, привести къ самымъ печальнымъ послѣдствiямъ. Отсюда ясно, что столь частыя у людей бѣдствiя перiода воспитанiя зависятъ отъ чисто-бiологическаго фактора—несоотвѣтствiя между продолжительностью дѣтскаго возраста и надлежащимъ поведенiемъ дѣтей. Мысль эту я развилъ въ очеркѣ, напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1871 года,—очеркѣ, въ которомъ впервые высказалъ соображенiя о дисгармонiи человѣческой природы, какъ источникѣ большихъ бѣдствiй. Мнѣ казалось, что основной изъянъ человѣческой природы долженъ неизбѣжно привести къ отрицанiю существованiя, и вскорѣ я приступилъ къ разработкѣ вопроса о самоубiйствѣ, надѣясь найти достаточно фактическихъ данныхъ въ пользу моей точки зрѣнiя. Прогрессивное увеличенiе числа самоубiйствъ, соотвѣтственно успѣхамъ цивилизацiи, поддерживало меня въ моемъ предпрiятiи, и я началъ уже писать этюдъ на эту тему. Но я вскорѣ увидѣлъ, что весь вопросъ крайне запутанъ и сложенъ и, оставивъ незаконченнымъ очеркъ о самоубiйствѣ, я написалъ другой: «О возрастѣ вступленiя въ бракъ» («Вѣст. Евр.» 1874 г.). Главной мыслью здѣсь было несоотвѣтствiе между брачной и половой зрѣлостью, т.-е. бiологическая дисгармонiя, все болѣе и болѣе дающая себя чувствовать съ усовершенствованiемъ культуры.

Такимъ образомъ, положительное знанiе мнѣ казалось способнымъ обосновать пессимистическое мiровоззрѣнiе, въ которомъ я укрѣплялся все болѣе и болѣе. Юношеская чувствительность съ своей стороны давала ему значительную пищу.

Я задумалъ родъ критической анатоміи человѣка, въ которой я намѣревался сопоставить наличность человѣческой природы съ тѣми требованіями, какія мы предъявляемъ къ ней.

Но жизнь шла своимъ чередомъ. Юношеская чувствительность и требовательность отъ жизни смѣнялись болѣе спокойными чувствами зрѣлаго и пожилого возрастовъ. Дисгармоніи послѣдняго представлялись въ иномъ свѣтѣ, хотя продолжало быть яснымъ, что сущность человѣческихъ бѣдствій именно заложена въ природѣ человѣка.

Огромные успѣхи медицины во второй половинѣ прошлаго вѣка подали надежду на лучшее будущее. Человѣческое существованіе, какимъ оно является на основаніи данныхъ наличной природы человѣка, можетъ радикально измѣниться, если бы удалось измѣнить эту природу. Человѣческая жизнь свихнулась, и старость наша есть болѣзнь, которую нужно лѣчить, какъ всякую другую. Долгое время думали, что болѣзнь дѣтей при прорѣзываніи зубовъ есть неизбѣжное страданіе, противъ котораго ничего нельзя и не нужно предпринимать. Теперь извѣстно, что это инфекціонная болѣзнь, которую можно и должно избѣгнуть. Разъ старость будетъ излѣчена и сдѣлается физіологической, то она приведетъ къ настоящему естественному концу, который долженъ быть глубоко заложенъ въ нашей природѣ.

Разсматриваемая такимъ образомъ человѣческая жизнь перестаетъ быть нелѣпостью; она получаетъ смыслъ и цѣль, къ которой люди должны сознательно стремиться. Только наука способна рѣшить задачу человѣческаго существованія, и потому ей нужно предоставить самое широкое поле дѣятельности въ этомъ направленіи.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я смотрѣлъ на вещи съ этой точки зрѣнія, и когда я увидѣлъ, что логически все вяжется съ нею, то рѣшилъ подѣлиться своими мыслями съ читателемъ, надѣясь принести ему посильную пользу. Я очень хорошо знаю, что многое у меня гипотетично, но такъ какъ положительныя данныя добываются именно при помощи гипотезъ, то я нисколько не колебался въ опубликованіи ихъ. Болѣе молодыя силы займутся ихъ провѣркой и дальнѣйшимъ развитіемъ. Пусть онѣ примутъ мою попытку за родъ завѣщанія отживающаго поколѣнія новому.

Первая глава этой книги есть передѣлка первой половины моего очерка воззрѣній на человѣческую природу, напечатаннаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1877 г.

Переводъ этого сочиненія былъ сдѣланъ моей женой и проредактированъ мною. Противъ французскаго оригинала были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, вызванныя какъ сущностью предмета, такъ отчасти и внѣшними обстоятельствами.

Ил. Мечниковъ.

Парижъ,
11 мая нов. ст.
1903 г.

Отъ редакціи „Научнаго Слова“ ко второму изданію.

Редакція журнала «Научное Слово» выпускаетъ 2-ое изданіе этюдовъ Ильи Ильича Мечникова о природѣ человѣка. Оно отличается отъ перваго нѣкоторыми измѣненіями въ текстѣ и дополнено этюдомъ объ естественной смерти, разсматривающимъ послѣдовательно естественную смерть въ мірѣ растеній, низшихъ животныхъ и въ человѣческомъ родѣ [1]). Трудъ И. И. Мечникова, первоначально вышедшій на французскомъ, а затѣмъ переведенный и на другіе европейскіе языки, сдѣлался извѣстнымъ русской публикѣ изъ изложеній болѣе или менѣе полныхъ и рецензій въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ. Какъ въ Европѣ, такъ и у насъ попытка нашего выдающагося соотечественника приступить къ научному разрѣшенію великаго вопроса о задачахъ человѣческаго существованія привлекла вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей. Предпринятое редакціей, съ полномочія автора, первое изданіе этюдовъ по переводу, сдѣланному Ольгою Николаевною Мечниковой, быстро разобрано публикой.

Предисловіе къ первому изданію раскрываетъ намъ психологическую сторону работы И. И. Мечникова: мучительность испытанныхъ имъ переживаній, постепенное выясненіе истиннаго значенія дисгармоній человѣческой природы, заключающихъ въ себѣ источникъ всѣхъ бѣдствій нашей жизни, и въ концѣ-концовъ увѣренность, что только наука способна рѣшить задачу человѣческаго существованія. Вотъ этотъ выводъ въ высокой степени знаменателенъ у человѣка, который

1) Это дополненіе, по желанію автора, перенесено изъ настоящаго изданія въ его книгу: „Этюды оптимизма“.

всего менѣе имѣетъ основаній къ сомнѣнію въ томъ, что лично имъ, его собственною жизнью, эта задача не разрѣшена и притомъ для всякаго мыслящаго выполнена въ завидной степени.

Не разъ приходилось намъ получать отъ автора письма, начинающіяся одной изъ подобныхъ фразъ:

«Каждое мое письмо я долженъ начинать съ извиненія за запоздалый отвѣтъ. Вы не можете себѣ представить, до чего жизнь здѣсь суетлива. Цѣлый день приходятъ посѣтители со всѣхъ концовъ земли, такъ что нѣтъ возможности сдѣлать всего, что нужно».

Неужели же человѣкъ, къ которому со всѣхъ концовъ земли стекаются люди за совѣтомъ и поученіемъ, не разрѣшилъ уже практически и притомъ блестящимъ образомъ задачи своего существованія! Между тѣмъ для этого человѣка вопросъ о сущности человѣческихъ бѣдствій является жгучимъ и можетъ быть тѣмъ болѣе жгучимъ, чѣмъ болѣе сознается сила таланта, чѣмъ шире и дальше смотритъ онъ. Является мысль, сосредоточивающая на себѣ вниманіе автора:

«Человѣческое существованіе, какимъ оно является на основаніи данныхъ наличной природы человѣка, можетъ радикально измѣниться, если бы удалось измѣнить эту природу. Человѣческая жизнь свихнулась на полдорогѣ, и старость наша есть болѣзнь, которую нужно лѣчить, какъ всякую другую».

Сколько энергіи въ этихъ словахъ и какая глубокая вѣра въ силу науки, которая одна, по мнѣнію автора, можетъ разрѣшить загадку человѣческой жизни! Однако передѣлываніе человѣческой природы не есть ли несбыточная фантазія, безплодное насиліе, которое можетъ закончиться только уродованіемъ и изувѣчиваніемъ нашей организаціи? Такое сомнѣніе было бы принципіально вѣрно, если бы разумъ человѣка и его продуктъ — наука—были чѣмъ-нибудь постороннимъ или лежащимъ внѣ природы. Несомнѣнно, что это не такъ, что они представляютъ естественную силу, достигнувшую значительной, не останавливающейся въ своемъ возрастаніи интенсивности, благодаря продолжающейся эволюціи организованнаго міра. Можно совершенно точно утверждать, что не человѣкъ намѣревается передѣлывать свою физическую природу, а природа сама передѣлывается, пользуясь силами нервной системы

одного изъ созданныхъ ею высшихъ представителей живой матеріи. Передѣлка природы силами организованной природы не есть какое-либо новшество, встрѣчаемое нами только въ жизни человѣка, въ безпремѣнныхъ успѣхахъ его техническихъ знаній и умѣній. Оно глубоко коренится въ самой природѣ организованнаго міра, въ малѣйшихъ элементахъ съ ихъ безсознательными отправленіями. Одинъ изъ законовъ природы, представляющійся намъ ненарушимымъ, благодаря недостаточно тонкой организаціи нашихъ техническихъ инструментовъ, утверждающій возрастаніе въ природѣ количества нестройныхъ движеній, употребляя научный терминъ,—возрастаніе энтропіи, нарушается, по всей вѣроятности, пористыми перепонками, клѣточками, нитями живыхъ организмовъ; возможно, что они представляютъ собою сита, черезъ которыя изъ приносимыхъ къ нимъ отовсюду движеній направильныхъ, нестройныхъ, просѣваются только движенія опредѣленнаго направленія, благодаря чему нестройность переходитъ въ стройность. Несомнѣнно также, что животный міръ, развивая свои силы на счетъ энергіи тѣхъ нестройныхъ движеній, которыя вносятся имъ въ свои организмы пищей и дыханіемъ, является источникомъ и устроителемъ стройныхъ движеній. Въ природѣ мы имѣемъ только единое на различныхъ ступеняхъ его развитія. То, что мы въ своемъ поведеніи продѣлываемъ въ большомъ масштабѣ, есть не болѣе какъ сколокъ съ ускальзающей, но болѣе специализировавшейся и болѣе тонкой, лежащей внѣ нашей воли, работы клѣтокъ. Человѣческій организмъ слишкомъ сложенъ, и стройности въ его спеціальныхъ органахъ оказываются несогласованными между собою, что и отражается въ дисгармоніяхъ нашей жизни. Есть ли это случайное явленіе или же неизбѣжный результатъ возрастающаго дифференцированія органовъ? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ причиной, которая должна поставить предѣлъ прогрессирующей эволюціи живого міра? Достаточно ли обоснована наша вѣра въ его непрерывное и неостанавливающееся развитіе? Если обладаніе способностью приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ необходимо для выживанія особи, то не менѣе важно и условіе внутреннее, лежащее въ согласованности отправленій различныхъ частей того, что должно составлять неразрывное цѣлое. Очевидно, для осуществленія такой согласованности долженъ

существовать внутренній регуляторъ, на низшихъ ступеняхъ безсознательный, на высшихъ представляемый все болѣе и болѣе совершенной нервной системой, переносящей съ каждой новой ступенью эту регулировку въ область сознанія.

Стремленіе къ созданію стройности, глубоко заложенное въ природу живого, въ сферѣ дѣятельности нервной системы выливается въ новыя формы—мѣру и ея высшія проявленія—добро и красоту. Всѣ величайшія движенія мысли и чувства, всѣ основы этики исходятъ и коренятся въ человѣческой природѣ, противно мнѣнію нѣкоторыхъ религіозныхъ и философскихъ ученій. Эти разсужденія показываютъ какъ естественность, такъ и важность изученія существующихъ въ насъ дисгармоній, этого результата отсталости въ развитіи нашей животной организаціи сравнительно съ развитіемъ нашей нервной системы.

Въ предлагаемой книгѣ читатель увидитъ, какое глубокое вліяніе эти дисгармоніи оказали на содержаніе и направленіе религіозныхъ и философскихъ системъ, т.-е. высшихъ продуктовъ духовной дѣятельности человѣчества, въ которыхъ оно искало руководства и утѣшенія въ своей страдальческой жизни.

Нѣкоторыя мѣста труда Мечникова, относящіяся къ изображенію дисгармоній, шокировали читателей. Но вопросъ, который ставится авторомъ, слишкомъ животрепещущъ, чтобы набрасывать покрывало на факты, которые прячутъ въ обыденной жизни, но которые должны явиться обнаженными въ научномъ изслѣдованіи.

Мы знаемъ, что многія религіозныя и философскія системы стоятъ враждебно по отношенію къ человѣческой природѣ: исторія, общественная и личная жизнь, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ много вреда и недоразумѣній внесено въ жизнь человѣческую этими воззрѣніями и вытекшими изъ нихъ общественными надстройками. Подлежитъ большому сомнѣнію, искупаетъ ли то утѣшеніе, которое они доставляли отдѣльнымъ людямъ, тѣ бѣдствія и тѣ остановки духовнаго развитія, которыя они принесли человѣчеству. Отсюда ясенъ высокій интересъ, заключающійся въ урегулированіи человѣческой природы, въ попыткѣ замѣнить метафизическую медоту успокоенія людей физіологической. Только проясненія въ пониманіи жизни и основъ этики можно ожидать отъ успѣховъ такой науч-

ной попытки, и въ настоящую минуту трудно даже подсчитать то сбереженіе духовныхъ силъ и представить себѣ то бодрое душевное настроеніе, которыя должны наступить съ реальнымъ устраненіемъ или смягченіемъ дисгармоній нашей природы. Осуществленіе мысли Мечникова сдѣлать старость физіологическою и развить инстинктъ смерти соотвѣтствуетъ измѣненію нашей природы, обильному послѣдствіями для высшихъ проявленій духовной жизни человѣка.

Пусть же вдумается молодое поколѣніе въ «завѣщаніе», оставляемое ему въ этихъ мысляхъ и въ этой книгѣ выдающимся ученымъ и мыслителемъ, — завѣщаніе, глубокій смыслъ котораго въ томъ, что нѣтъ области, которая рано или поздно не будетъ завоевана наукой, и что только въ ней человѣчество найдетъ тотъ чистый источникъ, который его утѣшитъ и уврачуетъ.

Н. Умовъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Это изданіе отличается лишь очень немногимъ отъ предыдущаго, такъ какъ, несмотря на сдѣланныя мнѣ многочисленныя возраженія, понадобилось измѣнить лишь нѣкоторыя подробности. Но такъ какъ вопросы, затронутые мною, подлежатъ дальнѣйшей разработкѣ, то я предпочелъ посвятить отдѣльную книгу отвѣту на многія изъ сдѣланныхъ мнѣ возраженій и изложенію результатовъ изслѣдованій, произведенныхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Севръ, 3 іюня 1905 г.

Ил. Мечниковъ.

Предисловіе къ третьему русскому изданію.

Второе изданіе этихъ этюдовъ разошлось какъ разъ въ то время, когда въ Россіи произошелъ несомнѣнный поворотъ въ сторону серьезнаго изученія природы и жизни. Послѣ продолжительнаго періода, когда на науку не было никакого спроса, многіе возвращаются къ мысли, что знаніе способно разрѣшить много важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго существованія. Рядомъ съ этимъ нѣтъ недостатка и въ попыткахъ умалить значеніе науки ради торжества религіозныхъ и метафизическихъ построеній. Раздаются даже голоса, что позитивизмъ отжилъ свой вѣкъ и что онъ долженъ уступить мѣсто новой метафизикѣ и религіи. Но на чемъ основываютъ подобное сужденіе?

Положительное знаніе — въ этомъ никто не сомнѣвается — каждый день даетъ человѣчеству новые источники блага. На нашихъ глазахъ совершенствуется замѣна животной силы механическою, и наступаетъ время, когда люди будутъ летать по воздуху. Борьба противъ болѣзней, этого величайшаго зла природы, съ каждымъ годомъ становится дѣйствительнѣе, что̀ выражается въ поступательномъ уменьшеніи смертности въ цивилизованныхъ странахъ всего міра. Увеличеніе матеріальнаго благосостоянія людей тоже въ общемъ наблюдается на протяженіи обоихъ полушарій.

Но, говорятъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что наши чувства и умъ суть ненадежные источники познаванія и легко могутъ вести насъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Наука не въ состояніи даже поручиться въ томъ, что завтра взойдетъ солнце и наступитъ день. А нечего и говорить, что она не разрѣшила вопроса о происхожденіи жизни и не даетъ возможности нарисовать законченную картину міра. При такихъ усло-

віяхъ, когда столь многое не рѣшено и когда постоянно приходится прибѣгать къ гипотезамъ, вполнѣ оправдывается признаніе банкротства науки.

Что же въ такомъ случаѣ дѣлать человѣку, ведущему сознательную жизнь и стремящемуся разумно обосновать свои поступки? Ему предлагаютъ вмѣсто гипотезъ, могущихъ быть провѣренными методами положительной науки, представить себѣ, что онъ какъ частица мірозданія, долженъ чувствовать себя солидарнымъ съ нимъ и направлять свою дѣятельность ради споспѣшествованія «цѣлямъ природы», «міровому процессу», которые будто бы должны привести къ царству добра. Въ восьмой главѣ этой книги читатель найдетъ указаніе на статью *Мейеръ-Бенфея* о «современной религіи», которая указываетъ человѣчеству стремиться къ царству чистой и совершенной культуры. Другой нѣмецкій авторъ, извѣстный невропатологъ *Мёбіусъ*, задаваясь вопросомъ о цѣли жизни, видитъ утѣшеніе въ признаніи, что человѣкъ служитъ для болѣе высокой задачи даже тогда, когда онъ самъ не знаетъ, какъ онъ это дѣлаетъ. «Если мы, — говоритъ онъ, — составляемъ звено обширнаго цѣлесообразнаго цѣлаго, то уже это сознаніе способно наполнить насъ надеждой» (Annalen der Naturphilosophie, 1904, стр. 322). Интересно, что авторъ писалъ эти строки, когда уже сознавалъ себя одержимымъ неизлѣчимой болѣзнью. Мысли его поэтому тѣмъ болѣе заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Сходная мысль заключается въ предположеніи *Гёффдинга* будто у человѣка существуетъ какое-то особенное «космическое чувство», при помощи котораго мы можемъ ощущать нашу солидарность съ мірозданіемъ и познавать пути, по которымъ оно руководитъ нами. Эту гипотезу развиваетъ и г. *Хвостовъ* («Московскій Еженедѣльникъ», 1908, №№ 18, 19), не останавливаясь передъ тѣмъ, что она вноситъ съ собою «вполнѣ мистическій элементъ». Космическое чувство у него считается проявленіемъ вѣры, являющейся одною изъ существенныхъ составныхъ частей нашей духовной природы. Въ то время, когда присущія всякому нормальному человѣку чувства постоянно вводятъ насъ въ заблужденіе, одно космическое чувство «не можетъ насъ обмануть». Слѣдуя ему, нужно жить, быть дѣятельнымъ, любить «своихъ ближнихъ и весь

міръ». Такимъ образомъ человѣкъ, чувствуя себя соединеннымъ со всѣмъ мірозданіемъ, достигнетъ истиннаго счастія.

Пользующійся значительной популярностью современный писатель *Мэтерлинкъ*, одинъ изъ главныхъ поборниковъ новѣйшаго мистицизма, проповѣдуетъ сходныя мысли, которыя въ сущности сводятся къ давно уже выступившему на сцену пантеизму. Въ приспособленіи цвѣтовъ къ перекрестному оплодотворенію ихъ посредствомъ насѣкомыхъ онъ видитъ доказательство существованія у нихъ ума, подобнаго человѣческому. Отсюда онъ заключаетъ, что природа человѣческая, сходная съ остальной природой, есть только частица послѣдней и что человѣкъ есть существо, «черезъ которое проходятъ и черезъ которое всего сильнѣе обнаруживаются сильныя воли и сильныя пожеланія мірозданія» (L'intelligence des fleurs, стр. 100). *Мэтерлинкъ* видитъ въ приспособленіи цвѣтовъ доказательство того, что «духъ, который оживляетъ все сущее и который выдѣляется изъ него, имѣетъ ту же сущность, какъ и духъ, оживляющій наше тѣло. Если онъ походитъ на насъ и если мы такимъ образомъ похожи на него; если все, что находится въ немъ, свойственно также и намъ самимъ; если онъ употребляетъ наши методы; если у него тѣ же привычки, что и у насъ, тѣ же заботы, тѣ же стремленія, то же пожеланіе лучшаго, то не разумно ли надѣяться на осуществленіе всего, на что мы надѣемся инстинктивно, непобѣдимо, такъ какъ почти несомнѣнно, что и онъ также надѣется? Вѣроятно ли, когда мы находимъ разсѣянной въ жизни такую сумму разума, чтобы эта жизнь не была результатомъ разумной дѣятельности, т.-е. чтобы она не преслѣдовала идеала счастья, совершенства, побѣды надъ тѣмъ, что мы называемъ зломъ, побѣды надъ смертью, тьмою, исчезновеніемъ, которое вѣроятно не что иное, какъ тѣнь его лика или его собственный сонъ?» (тамъ же, стр. 107).

Легко убѣдиться въ томъ, что если современное положительное знаніе еще далеко отъ совершенства, и если источники нашего познаванія способны ввести въ заблужденіе, то все-таки они неизмѣримо способнѣе руководить нами, чѣмъ неопредѣленныя мистическія предчувствія. Въ этой книгѣ читатель найдетъ примѣры бѣдъ, обусловленныхъ дисгармоническими инстинктами: аппетитомъ, ведущимъ къ поѣданію

вредной пищи, половымъ чувствомъ, ведущимъ къ нецѣлесообразному его удовлетворенію. Но, несмотря на всѣ недостатки, эти инстинкты привели людей къ ихъ настоящему положенію, когда они частью научились, частью учатся отражать причиняемое ими зло и когда люди, благодаря этимъ инстинктамъ, сохранили свою жизнь и существованіе человѣческаго рода. Гдѣ же доказательство чего-либо подобнаго относительно благотворнаго вліянія «космическаго инстинкта» и сознанія солидарности съ міозданіемъ и «духомъ, который оживляетъ все сущее»? Въ природѣ громадной массы, вѣроятно даже вообще всѣхъ людей, подобныхъ инстинктовъ вовсе не существуетъ. Они составляютъ плодъ воображенія лицъ, почему-либо не удовлетворяющихся положительнымъ знаніемъ. Для того, чтобы познать выраженіе міровго духа въ цвѣтахъ, *Мэтерлинкъ* долженъ былъ приписать разумной дѣятельности то, что явилось въ результатѣ переживанія особей, обладающихъ признаками, помогающими переносу цвѣточной пыли посредствомъ насѣкомыхъ. По обыкновенію онъ обратилъ вниманіе только на лицевую сторону медали и не замѣтилъ множества случаевъ, гдѣ такого приспособленія не существуетъ. Во второй главѣ этой книги читатель найдетъ рядъ фактовъ, способныхъ уяснить этотъ выводъ. Но достаточно перелистовать руководство или атласъ объ уродливостяхъ человѣка и животныхъ, чтобы убѣдиться, какое количество является на свѣтъ существъ, неспособныхъ къ жизни вслѣдствіе прирожденной недостаточности. Тамъ читатель найдетъ одноголовыхъ уродовъ съ четырьмя руками и ногами, близнецовъ, сросшихся головами, грудью, тазомъ и проч. Тамъ же онъ встрѣтитъ новорожденныхъ безъ головного мозга, циклоповъ съ однимъ глазомъ, безъ носа, безъ задняго прохода и проч. Очень многіе изъ числа этихъ уродовъ неспособны къ жизни именно вслѣдствіе неприспособленности ихъ организаціи. Остаются въ живыхъ лишь тѣ, кто обладаетъ органами, способными къ жизни.

Несмотря на всѣ возраженія, основное положеніе позитивизма, что мы никакого Духа природы познать не можемъ и не имѣемъ никакого понятія ни о немъ, ни о его цѣляхъ и стремленіяхъ, остается въ полной силѣ. Можно допустить, что есть люди, которымъ представленіе о несуществующемъ

космическомъ инстинктѣ и о мистическихъ силахъ доставляетъ большее удовлетвореніе, чѣмъ руководство научными гипотезами въ исканіи истины, но этому направленію невозможно предсказать будущности. И это тѣмъ болѣе, что оно не представляетъ собою чего-либо новаго, а есть лишь повтореніе мыслей, которыя имѣютъ длинную исторію и которыя не могли завоевать себѣ достаточнаго признанія.

Но рядомъ съ мистицизмомъ въ современномъ обществѣ выдвигается и противоположное направленіе. Нерѣдко слышатся голоса крайняго скептицизма и отрицаніе всего, что не ведетъ тотчасъ къ удовлетворенію непосредственныхъ инстинктовъ. Такъ какъ всѣ слiянія съ мірозданіемъ, которое проповѣдуютъ мистики, не опираются ни на что положительное, а являются полнѣйшимъ миражемъ, то лучше спуститься на землю и искать на ней всего блага, на которое способенъ человѣкъ. Въ этомъ отношеніи на первый планъ выдѣляется половой инстинктъ, способный доставить человѣку огромную сумму удовольствія. Это благо несомнѣнное, за доказательствомъ котораго нечего ходить далеко и къ которому поэтому нужно стремиться всѣми силами. Традиціонное воззрѣніе на зло, заключающееся въ удовлетвореніи полового чувства, есть пережитокъ старыхъ временъ, когда обо всемъ судили совершенно неправильно, и который долженъ быть сданъ въ архивъ какъ вредный хламъ. Такъ какъ супружеская вѣрность и единобрачіе очень часто не мирятся съ требованіями инстинкта, то ихъ слѣдуетъ замѣнить дѣйствіями, болѣе согласными съ послѣдними. Подобныя соображенія легко приводятъ къ поведенію, напоминающему очень давнюю страницу исторіи человѣческаго рода.

Современныя теченія колеблются такимъ образомъ между двумя крайностями: мистическимъ идеализмомъ, со одной стороны, ультрареализмомъ—съ другой. Оба они имѣютъ между собою то общее, что они не удовлетворяются наукой и основаннымъ на ней міровоззрѣніемъ. Между тѣмъ только послѣднее способно привести человѣчество къ возможно счастливому существованію. Я разумѣю здѣсь не только матеріальныя удобства и усовершенствованія въ удовлетвореніи ближайшихъ потребностей, но и все, что касается самыхъ возвышенныхъ стремленій человѣческаго духа.

Источники нашего познаванія, разумѣется, очень несовершенны; они не приведутъ, быть можетъ, никогда къ безусловной и полной истинѣ. Но изъ всѣхъ несовершенныхъ орудій нашего духа наши чувства и логическое мышленіе все же занимаютъ первое мѣсто. Подобное тому какъ невѣрные вѣсы и неточные термометры могутъ дать цѣнные результаты при разумномъ пользованіи ими, такъ и наши несовершенныя чувства могутъ привести къ познанію истины или нѣкоторой доли ея. Выводы, провѣряемые опытнымъ методомъ, обладаютъ особенной цѣнностью и прочностью и способны поэтому дать ищущему уму самое высокое удовлетвореніе. На закатѣ своихъ дней *Пастеръ*, успѣвшій испытать въ своей жизни множество самыхъ различныхъ впечатлѣній такъ высказался по этому поводу: «когда, послѣ стольких усилій наконецъ приходишь къ достовѣрному результату, то испытываешь при этомъ одно изъ наиболѣе радостныхъ чувствъ, какое только способна ощущать человѣческая душа» (изъ рѣчи при открытіи пастеровскаго института въ 1888 году). Эти слова, я надѣюсь, можно смѣло противопоставить сѣтованіямъ юнаго *Байрона*, который, терзаемый угрызеніями совѣсти изъ-за половой любви къ своей сестрѣ, говоритъ устами *Манфреда*, что, «кто могъ во все умомъ своимъ проникнуть, тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби, и знаніе—ему не древо жизни».

Въ теоріи *ортобіоза*, то-есть правильной жизни, основанной на изученіи человѣческой природы и на установленіи средствъ къ исправленію ея дисгармоній, теоріи, которую я развиваю въ этой книгѣ, я привожу цѣлый рядъ данныхъ въ пользу того положенія, что только положительное знаніе способно вывести человѣчество на вѣрный путь. Для того чтобы представить читателю наглядный примѣръ, попробуемъ сопоставить отношеніе трехъ міровоззрѣній къ вопросу о человѣческомъ поведеніи, или, что то же, объ основахъ нравственности. Вотъ какъ поучаетъ современная мистика: «Міровой процессъ, посылая человѣка въ жизнь, говоритъ ему: живи, будь дѣятеленъ, люби своихъ ближнихъ и весь міръ, познавай себя и окружающій міръ и неустанно служи тому, что твоя воля и знаніе показываютъ тебѣ какъ добро, и тогда ты исполнишь свое назначеніе. Намъ ничего не остается,

какъ слушаться этого внутренняго голоса, голоса того космическаго чувства, которое соединяетъ каждаго изъ насъ со всѣмъ міромъ» (*Хвостовъ*, 1. с., стр. 28).

Представители реализма отвѣчаютъ на это: Никто не знаетъ, по какому пути совершается міровой процессъ. До сихъ поръ онъ натворилъ много зла и добра, и неизвѣстно, къ чему онъ можетъ привести. Поэтому имъ нельзя руководствоваться для поведенія. Что же касается космическаго чувства, то таковое существуетъ только въ головѣ метафизиковъ, которые, несмотря на вѣковыя усилія, не могутъ придумать ничего лучшаго. Вмѣсто него должно руководствоваться показаніями такихъ чувствъ, какія испытываютъ всѣ люди, или, по крайней мѣрѣ, огромное большинство ихъ. Пользоваться ими какъ можно полнѣе слѣдуетъ тѣмъ больше, что жизнь человѣческая очень коротка и неизбѣжно приводитъ къ «съѣданію червями», къ безсмысленной смерти. На возраженіе, что слѣдовать чувственнымъ инстинктамъ дурно, потому что такъ живутъ животныя, и что задача людей есть отрѣшеніе отъ животности и «очеловѣченіе природы», послѣдователи ультрареалистическаго направленія отвѣчаютъ, что въ животномъ мірѣ легко найти самыя высокія добродѣтели. Уже давно было замѣчено, что супружеская вѣрность осуществлена въ мірѣ птицъ несравненно полнѣе, чѣмъ у человѣка и млекопитающихъ. Высшія родительскія добродѣтели и пожертвованія жизнью нерѣдки въ животномъ мірѣ. Съ другой стороны, исключительно свойственны человѣку многіе пороки, ведущіе къ самымъ тяжелымъ преступленіямъ, а также склонность къ самоубійству, совершенно отсутствующая у животныхъ. И такъ, отрѣшеніе отъ животности нужно сдать въ тотъ же архивъ какъ и космическое чувство.

Когда говорятъ, что слѣдованіе насущнымъ инстинктамъ можетъ подвергать людей позору и нарушать интересъ дѣтей, то вѣдь это частности, которыя могутъ быть легко предотвращены. Къ тому же то, что считается позоромъ у однихъ народовъ, свободно допускается другими. Указаніе на то, что свободная любовь перестаетъ питать творчество и низводитъ человѣка на степенъ животнаго, находится въ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Наоборотъ, чувственная любовь служитъ часто большимъ стимуломъ къ высшему творчеству у

поэтовъ и художниковъ. Кому не извѣстны примѣры великихъ писателей, какъ *Гете, Байронъ, Викторъ Гюго* и многое множество другихъ, менѣе крупныхъ, въ жизни которыхъ чувственность сыграла огромную роль.

Аргументы мистическихъ школъ какъ въ пользу ихъ ученій, такъ и противъ ультрареалистическихъ теченій неубѣдительны. Какъ же справляется проводимая въ этой книгѣ теорія ортобіоза съ задачами, которыя пытаются разрѣшить два названныхъ направленія человѣческой мысли?

Теорія эта, опирающаяся на положительное знаніе и стоящая на почвѣ позитивизма, не избѣгаетъ однако гипотезъ, необходимыхъ какъ средство для успѣшности научной работы. Но эти гипотезы не выдаются за доказанныя истины, а служатъ лишь вѣхами и требуютъ провѣрки опытнымъ путемъ. Теорія эта безусловно отказывается руководиться метафизическими построеніями и оставляетъ въ сторонѣ всякую квалификацію мірового процесса и цѣлей мірозданія, равно какъ она не признаетъ космическаго чувства и необходимости подчиненія человѣчества неизвѣстному цѣлому. Теорія ортобіоза опирается на исторію развитія человѣческихъ чувствованій. Она выводитъ изъ наблюденія, что въ разные возрасты чувства людей мѣняются, и подобно тому какъ мальчики ранѣе періода половой зрѣлости чувствуютъ величайшее презрѣніе къ женскому полу, а потомъ, въ пору развитія полового чувства, испытываютъ неотразимое влеченіе въ женщинѣ, такъ молодые люди въ извѣстный періодъ не ощущаютъ цѣнности жизни, которая правильно оцѣнивается лишь въ зрѣломъ и пожиломъ возрастахъ. Подобно тому какъ отвращеніе къ женщинамъ есть лишь кратковременная стадія душевнаго развитія мальчика, такъ и отвращеніе къ жизни есть преходящая ступень дальнѣйшей исторіи развитія души.

На вопросъ: стоитъ ли жить, мистики отвѣчаютъ положительно, ссылаясь на міровой процессъ и космическое чувство. Теорія же ортобіоза основываетъ свой утвердительный отвѣтъ на данныхъ положительныхъ. Она говоритъ, что исканіе цѣли жизни въ молодомъ возрастѣ соотвѣтствуетъ неопредѣленному, часто тоскливому чувству юношей и дѣвушекъ въ начальный періодъ пробужденія у нихъ полового чувства и материнскаго инстинкта. Какъ правильное удовлетвореніе

послѣднихъ погашаетъ томительное исканіе чего-то, такъ возможно нормальный циклъ жизни приводитъ къ полному развитію жизненнаго инстинкта, обладаніе которымъ заставляетъ умолкнуть вопросъ о цѣли человѣческаго существованія. Въ концѣ концовъ нормальный циклъ жизни приводитъ къ удовлетворенію ею и къ пробужденію инстинкта естественной смерти, примѣры которой, хотя и рѣдко, существуютъ въ дѣйствительности у глубокихъ стариковъ. Послѣднихъ перспектива смерти не только не страшитъ, но привлекаетъ и ни мало не возбуждаетъ желанія безсмертія, при чемъ жизнь имъ вовсе не кажется кратковременной.

Достиженіе идеала ортобіоза требуетъ раціональнаго образа жизни и можетъ быть очень споспѣшествуемо положительнымъ знаніемъ. Эта цѣль несовмѣстима съ слѣдованіемъ непосредственному голосу инстинктивныхъ побужденій. Не подлежитъ сомнѣнію, что половое чувство, хотя и общее у человѣка съ животными, есть тѣмъ не менѣе источникъ самыхъ высшихъ духовныхъ проявленій. Человѣчество двигается впередъ геніями, а геніальность есть одинъ изъ такъ называемыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ мужчины. Стремленіе подавить инстинктъ въ силу укоренившихся ошибочныхъ воззрѣній есть, разумѣется, средство затормозить преуспѣяніе человѣчества. Требованіе принесенія въ жертву этого столь важнаго возбудителя высшей духовной дѣятельности не можетъ быть признано правильнымъ. Но именно вслѣдствіе огромнаго значенія полового инстинкта проявленіе его должно быть оберегаемо самымъ тщательнымъ образомъ. Подобно тому какъ злоупотребленіе сластями, этой столь вкусной и полезной пищей, можетъ вести къ отвращенію отъ нея, такъ и злоупотребленія въ половой сферѣ ведутъ къ истощенію организма. Вѣроятно, это обстоятельство было одной изъ причинъ пессимизма *Байрона* и ранняго развитія у него пресыщенія къ жизненнымъ благамъ. Тотъ фактъ, что нѣкоторые поэты, какъ *Гёте* и *Викторъ Гюго*, прожили болѣе восьмидесяти лѣтъ, несмотря на неумѣренность ихъ половой жизни, и притомъ сохранили умственную производительность въ такомъ возрастѣ, не опровергаетъ выставленнаго нами положенія. Во-первыхъ, это случаи скорѣе исключительные, а во-вторыхъ, восемьдесятъ три года, до которыхъ

дожили оба поэта, еще далеки отъ предѣла нормальной человѣческой жизни, которая должна находиться около ста или ста двадцати и болѣе лѣтъ.

Теорія ортобіоза проповѣдуетъ цѣнность нормальной жизни и совѣтуетъ дѣлать все, что можетъ вести къ ней. Людямъ, которые не могутъ итти дальше исканія личнаго счастья и которые составляютъ большую долю человѣчества, онъ совѣтуетъ сообразоваться съ указаніями раціональной гигіены для собственнаго счастья. Людямъ же, которыхъ также очень много на свѣтѣ и которые чувствуютъ привязанность къ себѣ подобнымъ, въ сферѣ семьи, друзей, единомышленниковъ, соотечественниковъ и проч., теорія ортобіоза совѣтуетъ слѣдовать ея наставленіямъ ради блага ближнихъ. Родители должны желать, чтобы дѣти ихъ жили по правиламъ ортобіоза, чтобы достигнуть высшаго возможнаго на землѣ счастья; дѣти должны желать того же для своихъ родителей и т. д. Въ слѣдованіи такому правилу найдется мѣсто и для самой высокой добродѣтели. Для нормальнаго цикла жизни нужно сначала много и долго учиться, затѣмъ нужно много и долго учить. Для упроченія такой жизни необходима еще продолжительная научная работа, а также полезная общественная дѣятельность. Всякій, кто захочетъ внести свою лепту для построенія жизни на раціональныхъ началахъ, въ видѣ ли научныхъ занятій, педагогической дѣятельности, въ проповѣди умѣренной жизни, вреда пьянства, половыхъ излишествъ и прочихъ помѣхъ нормальному циклу существованія, принесетъ тѣмъ посильную пользу людямъ.

Просматривая это третье изданіе, авторъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что ему пришлось сдѣлать очень мало измѣненій и почти ни одной поправки противъ перваго изданія, написаннаго около шести лѣтъ назадъ. И это несмотря на много возраженій, сдѣланныхъ съ разныхъ сторонъ. Такъ какъ большинство этихъ возраженій касаются фактической стороны книги и требовали довольно подробнаго разбора, то для отвѣта на нихъ я посвятилъ особое сочиненіе подъ заглавіемъ «Этюды оптимизма». Если послѣднимъ придется дожить до

новаго изданія, то я включу въ него отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя мнѣ въ самое послѣднее время, напримѣръ, на вышедшую недавно брошюру извѣстнаго патолого-анатома *Робберта* «Ueber den Tod». Здѣсь же я могу не распространяться о ней, тѣмъ болѣе, что она не опровергаетъ ни одного изъ выставленныхъ мною положеній и что изслѣдованія послѣдняго времени, касающіяся основъ этихъ этюдовъ, даютъ новое подтвержденіе ихъ.

Ил. Мечниковъ.

Парижъ,
$^{24}/_{11}$ августа 1908 г.

Предисловіе къ четвертому изданію.

Въ предисловіи къ первому изданію этой книги, вышедшему десять лѣтъ назадъ, отмѣтивъ гипотетическій характеръ многихъ изъ высказанныхъ мною положеній, я заключилъ пожеланіемъ, чтобы молодыя силы занялись дальнѣйшей разработкой ихъ. Свою книгу я выдалъ «за родъ завѣщанія отживающаго поколѣнія новому», убѣжденный въ томъ, что мнѣ самому уже не придется потрудиться надъ упроченіемъ ея основныхъ положеній. Работы для этого предстояло очень много. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно высказать мысль, что цѣль человѣческаго существованія заключается въ прохожденіи нормальнаго цикла жизни, приводящаго къ потерѣ жизненнаго инстинкта и къ безболѣзненной старости, примиряющей со смертью. Нужно еще показать, какимъ образомъ достигнуть этого нормальнаго цикла и какъ обойти всѣ препятствія представляющіяся на его пути. Для этого мною въ первомъ изданіи этой книги могла быть намѣчена общая программа и то лишь въ довольно неполномъ видѣ. Такъ какъ я пришелъ къ своему міровоззрѣнію послѣ долгихъ исканій, въ очень пожиломъ возрастѣ, когда очень многое было уже потеряно мною, то я не думалъ, что мнѣ самому еще удастся поработать въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ и добыть не мало новыхъ данныхъ къ укрѣпленію своихъ основныхъ мыслей. Оказалось, что, несмотря на то, что я лишь очень поздно сталъ примѣнять къ себѣ правила разумной гигіены, они продлили мою работоспособность на столь продолжительный срокъ. Въ этомъ я уже вижу одно изъ подтвержденій моего міровоззрѣнія. Въ то время когда большинство моихъ сверстниковъ разсталось съ лабораторіей, я еще могу вести въ ней новый рядъ изслѣдованій.

Когда я высказалъ, что главное препятствіе къ прохожденію «нормальнаго» цикла жизни является со стороны враговъ,

поселившихся въ ненужныхъ намъ толстыхъ кишкахъ, то мысль эта встрѣтила въ компетентныхъ кругахъ самое отрицательное отношеніе. Извѣстный патолого-анатомъ *Риббертъ* (Der Tod aus Altersschwäche, 1908) высказался о ней, какъ о пустой фантазіи, не имѣющей подъ собою ни экспериментальнаго, ни клиническаго основанія. Не лучше отозвался о ней извѣстный нѣмецкій клиницистъ *Наунинъ* (*Schwalbe* Lehrbuch der Greisenkrankheiten, 1909, стр. 9), считающій мою гипотезу ни на чемъ не основанной. Самое предположеніе о роли кишечнаго гніенія въ причиненіи артеріосклероза и другихъ проявленій старческаго перерожденія также встрѣтило дружный отпоръ со стороны многихъ ученыхъ, вслѣдствіе чего этотъ отдѣлъ нужно переработать сызнова. Пришлось отчасти самому, отчасти съ помощью сотрудниковъ продѣлать цѣлый рядъ новыхъ опытовъ, чтобы придти къ опредѣленному результату. Послѣдній оказался настолько ясенъ, что теперь уже должно говорить не о гипотезѣ о вредѣ кишечныхъ бактерій и о ихъ роли въ преждевременной старости, а объ ученіи, по которому въ нашемъ столь раннемъ увяданіи особенно важное значеніе имѣютъ ядовитыя вещества, выдѣляемыя бактеріями, свившими себѣ прочное гнѣздо въ той части нашего кишечнаго канала, которая должна была быть полезной нашимъ животнымъ предкамъ, но отъ которой намъ приходится лишь страдать. Даже со стороны патологоанатомовъ, которые вообще имѣютъ особенную склонность идти противъ всего новаго, начинаютъ раздаваться пока отдѣльные голоса въ пользу кишечнаго происхожденія старческаго перерожденія. Такъ въ недавно вышедшей монографіи артеріосклероза, датскій патологъ *Фаберъ* (Die Arteriosklerose, 1912, стр. 146), приводитъ новыя доказательства въ пользу этого положенія.

Съ аргументами, на которыхъ еще недавно очень настаивали, какъ, напримѣръ, на томъ, что въ нашихъ кишкахъ вовсе или почти вовсе не происходитъ гніенія пищевыхъ остатковъ, что гнилая пища не влечетъ за собою никакого вреда и проч., уже больше не приходится считаться. Долго остаивавшаяся мысль, что между организмомъ человѣка и кишечными бактеріями сыздавна установилась гармонія, приведшая къ роду симбіоза между обоими, должна быть сдана въ архивъ.

Также невозможно болѣе придерживаться положенія, будто кишечные яды бактеріальнаго происхожденія разрушаются въ содержимомъ или въ стѣнкахъ кишекъ и, не переходя въ кровь, совершенно безвредны, такъ какъ это примѣнимо лишь къ нѣкоторымъ бактеріальнымъ ядамъ. Тѣ изъ послѣднихъ, которые относятся къ разряду такъ называемыхъ ароматическихъ веществъ, не разрушаются въ кишкахъ, а усиленно всасываются въ кровь и, хотя и обезвреживаются до нѣкоторой степени въ организмѣ, тѣмъ не менѣе приносятъ ему существенный вредъ.

Установленіе этихъ инстинъ уже составляетъ шагъ впередъ въ изученіи человѣческой природы, такъ какъ онъ открываетъ путь къ мѣропріятіямъ противъ преждевременной старости, какъ объ этомъ трактуется въ десятой главѣ. Все это, конечно, еще только первыя попытки къ разрѣшенію вопроса о нормальномъ циклѣ нашей жизни, попытки, подающія надежду на лучшее будущее для тѣхъ людей, которые пожелаютъ слѣдовать правиламъ разумной жизни. Еще много воды утечетъ, пока *ортобіозъ* получитъ надлежащее право гражданства, но можно надѣяться, что со временемъ онъ войдетъ въ плоть и кровь передовыхъ людей.

Какъ я уже неоднократно упоминалъ, не слѣдуетъ думать, чтобы теорія ортобіоза была опровергнута въ случаѣ, если бы нить моей научной дѣятельности и самая жизнь оборвались въ самомъ близкомъ будущемъ. Я всегда настаивалъ на томъ, что эта теорія можетъ дать наилучшіе результаты только для будущихъ поколѣній, когда борьба противъ преждевременной старости начнется не въ позднемъ періодѣ жизни, какъ у меня, а сколь возможно раньше. Было бы очень желательно, чтобы принципы ортобіоза вошли въ систему воспитанія и стали бы проводиться въ жизнь съ возможной настойчивостью.

Какъ можно видѣть изъ этого предисловія и изъ самого измѣненнаго текста этой книги, наслѣдіе молодому поколѣнію оставляется мною нѣсколько урѣзаннымъ; но тѣмъ не менѣе работы остается еще такъ много, что ученые, которые захотѣли бы содѣйствовать на пользу ортобіоза не могутъ пожаловаться на недостатокъ работы.

Ил. Мечниковъ.

Парижъ, 27/14 марта 1913.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА 1.

Общій очеркъ воззрѣній на человѣческую природу.

Важность изученія человѣческой природы.—Человѣческая природа, какъ основа нравственности.—Почитаніе человѣческой природы эллинами.—Метріопатія философовъ древности.—Раціоналистическія воззрѣнія XVIII и XIX вѣковъ.—Приниженіе человѣческой природы религіозными ученіями.—Вліяніе этихъ воззрѣній на жизнь и на искусство.—Противодѣйствіе реформаціи приниженію человѣческой природы.—Изувѣченіе человѣческаго тѣла первобытными народами.

Часто выражаютъ извѣстнаго рода недовольсто наукой, несмотря на значительные успѣхи, ею достигнутые. Говорятъ, что она, несомнѣнно улучшивъ матеріальныя условія человѣческаго существованія, остается безсильной, когда дѣло идетъ о рѣшеніи нравственныхъ или философскихъ вопросовъ, въ высшей степени интересующихъ культурнаго человѣка. Въ этомъ направленіи наука только подорвала основы религіи; она лишила человѣчество ея утѣшеній, не будучи въ состояніи замѣнить ихъ чѣмъ-либо болѣе опредѣленнымъ и прочнымъ.

Несомнѣнно, что современное человѣчество переживаетъ извѣстнаго рода общее недомоганіе. При выполненіи многихъ изъ своихъ дѣятельностей человѣкъ поставленъ въ несравненно болѣе благопріятныя условія, чѣмъ прежде, однако онъ чувствуетъ себя безъ руля, когда ему приходится направлять свою жизнь, опредѣлять свои отношенія къ различнымъ группамъ лицъ (къ семьѣ, къ народу, къ расѣ, ко всему человѣчеству).

Съ одной стороны, это недомоганіе выражается недовольствомъ существующимъ порядкомъ, съ другой—оно ведетъ къ пессимизму и мистицизму. Какъ извѣстно, многія философскія сисмемы XIX вѣка имѣютъ очень мрачную окраску и приходятъ къ полному отрицанію счастія и даже къ нежелательности существованія. Дѣйствительно, число самоубійствъ возросло очень значительно во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Фактъ

этотъ такъ постояненъ и такъ общеизвѣстенъ, что нѣтъ надобности приводить новыя доказательства [1]).

Чтобы дать выходъ изъ такого положенія, стараются оживить религію и мистицизмъ и со всѣхъ сторонъ дѣлаются попытки обоснованія новыхъ религій или улучшенія старыхъ.

Даже нѣкоторые защитники науки должны были признать, что она дѣйствительно безсильна рѣшить задачу человѣческаго существованія; они думали, что вопросъ этотъ неразрѣшимъ для нашего ума.

Этотъ малоутѣшительный выводъ былъ высказанъ, несмотря на цѣлый рядъ попытокъ основать раціональное представленіе о мірѣ и человѣкѣ.

Давно уже ставился вопросъ: нельзя ли найти, вмѣсто вѣры, другой основы для поведенія людей и его направленія къ общему благу? Ученые и философы различныхъ временъ полагали, что человѣческая природа даетъ намъ всѣ нужные элементы для раціональной нравственности.

Какъ извѣстно, въ древности, особенно у эллиновъ, человѣческая природа пользовалась очень большимъ почетомъ. Азіатскіе народы, предшествовавшіе греческой цивилизаціи, большей частью изображали своихъ боговъ въ видѣ фантастическихъ существъ, соединяющихъ въ себѣ человѣческія черты съ чертами самыхъ разнообразныхъ животныхъ; эллины же, создавшіе боговъ по своему образу, придавали имъ видъ наиболѣе прекрасныхъ представителей человѣческой породы. Этимъ, главнымъ образомъ, характеризуется цивилизація и жизнь древнихъ грековъ. Ихъ почитаніе человѣческой природы распространялось и на внѣшнюю форму. Они отвергали все, могущее измѣнить естественный образъ человѣка. Такъ [2]), они смотрѣли на бритье бороды, какъ на нѣчто совершенно унизительное, потому что безволосый подбородокъ придаетъ мужчинѣ противоестественный, женоподобный видъ.

---

[1]) Послѣ классической работы *А. Вагнера*: „Ueber die Gesetzmässigkeit der scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen“ были сдѣланы многочисленныя изслѣдованія о самоубійствѣ. Этотъ вопросъ былъ разобранъ въ интересной монографіи *Вестергаарда*; „Die Lehre von der Mortalität und Morbilität“. 2-е изданіе, Іена, 1901 г.

[2]) Бритье бороды началось съ македонскаго владычества, и даже тогда философы не хотѣли слѣдовать этому обычаю, противному ихъ принципамъ. *Germann*: „Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer“. 1870, I, pp. 175—177.

Поклоненіе эллиновъ человѣческой природѣ отразилось въ пластикѣ и было причиной ихъ превосходства въ области искусства. Такъ какъ цѣль греческихъ художниковъ заключалась въ раскрытіи и воспроизведеніи наиболѣе совершеннаго человѣческаго образа, они изучали размѣры всѣхъ частей человѣческаго тѣла и настолько приблизились къ дѣйствительности, что современная наука вполнѣ подтверждаетъ ихъ главные выводы [1]).

И мы видимъ, что скульптура, какъ искусство, наиболѣе приспособленное къ выраженію представленія эллиновъ о человѣческой природѣ, становится у нихъ вполнѣ національнымъ искусствомъ.

Греческая философія держится также очень высокаго мнѣнія о природѣ человѣка, его тѣлѣ и образѣ. Идеаломъ эллинскаго искусства было воспроизведеніе человѣческаго тѣла. Греческая философія провозглашала въ то же время достоинство всѣхъ свойствъ человѣческой природы и стремилась къ гармоническому развитію всего человѣка [2]). Эта идея, формулированная *Платономъ*, сдѣлалась основнымъ началомъ старой академіи, откуда перешла въ ученіе новой академіи и въ школу скептиковъ. По *Ксенократу* (IV вѣкъ), принадлежавшему къ старой академіи, «счастіе состоитъ въ выполненіи всѣхъ естественныхъ актовъ и состояній, а также въ обладаніи добродѣтелью, свойственной человѣку» (Целлеръ. 1, с., стр. 880).

Такъ какъ принципъ поклоненія человѣческой природѣ самъ по себѣ носитъ слишкомъ общій характеръ, то неудивительно, что въ вопросѣ объ его примѣненіи возникли разногласія и противорѣчія. Въ то время, какъ *Платонъ* исключаетъ наслажденіе изъ идеи блага, ученикъ его *Аристотель* высказываетъ совершенно обратное мнѣніе. Онъ думаетъ, что наслажденіе и есть естественное оканчаніе всякаго дѣйствія. Оно является результатомъ, столь же тѣсно связаннымъ съ совершенствомъ жизни, какъ красота и здоровье связаны съ совершенствомъ человѣческаго тѣла (Целлеръ, т. II, 2, стр. 447).

Въ древности возникло ученіе подъ именемъ *метріопатіи*, занимавшееся изслѣдованіемъ цѣли нравственной жизни, со-

---

1) *Quotelet*: „Anthropométrie“. 1870, p. 86.

2) *Zeller*: „Die Philosophie der Griechen“. 3-е изд., томъ II, 1, 1875 г., стр. 74.

образной съ природой. Ученіе это было принято большимъ числомъ философовъ, но его практическое примѣненіе было весьма различнымъ. Такъ, по мнѣнію стоиковъ, «высшее благо и высшая цѣль или счастіе можетъ заключаться только въ жизни сообразной съ природой. Въ своемъ поведеніи человѣкъ долженъ сообразоваться съ міровымъ разумомъ и всякое сознательное и разумное существо должно стремиться исключительно къ тому, что вытекаетъ изъ познанія этого общаго закона» (Целлеръ, 1 изд., т. III, 1, p. 193).

Тотъ же основной принципъ жизни, сообразной съ природой, привелъ эпикурейцевъ къ тому выводу, что «наслажденіе составляетъ естественное благо, т.-е. состояніе, сообразное съ природой и доставляющее внутреннее удовольствіе» (Целлеръ, p. c., стр. 401).

Исходя изъ общаго основного начала, теоріи стоиковъ и эпикурейцевъ приняли совершенно противоположныя направленія.

Римскіе философы признавали, какъ принципъ, жизнь прямолинейную, сообразованную съ природой. Такъ, *Сенека* (De Vita beata, гл. VIII) высказалъ слѣдующее положеніе: «руководствуйтесь природой; разумъ ее наблюдаетъ и совѣтуется съ нею; вотъ это значитъ быть счастливымъ и жить сообразно съ природой».

Мы не можемъ подробно прослѣдить вѣковое развитіе этой идеи и ограничимся указаніемъ на то, что ее выдвигали всякій разъ, когда искали раціональный принципъ, направляющій поведеніе людей помимо религіозной санкціи.

Мы встрѣчаемъ эту идею даже у послѣдователей христіанскаго ученія, возставшихъ противъ аскетизма и презрѣнія человѣческой природы, столь явно выраженныхъ у христіанъ первыхъ вѣковъ.

Эллинское ученіе о жизни, сообразной съ человѣческой природой, нашло свое лучшее выраженіе въ раціоналистическихъ теоріяхъ эпохи возрожденія и послѣдующихъ вѣковъ. Шотландскій философъ XVIII вѣка *Гютчесонъ* [1]) настаивалъ на той мысли, что всѣ наши естественныя склонности вполнѣ законны и что удовлетвореніе ихъ есть высшая добродѣтель. Онъ становился, такимъ образомъ, въ оппозицію съ идеями

---

[1]) „Moral Philosophy“, London, 1755.

шотландскаго духовенства, проповѣдовавшаго величайшее презрѣніе къ человѣческой природѣ. «Гютчесону принадлежитъ не малая честь, — говоритъ *Бэклъ* [1]), — онъ первый въ Шотландіи сталъ бороться противъ этихъ унизительныхъ принциповъ».

Французскіе философы XVIII вѣка, стремившіеся замѣнить религіозную основу поведенія чисто-раціоналистическими принципами, также прибѣгали къ человѣческой природѣ.

Незадолго до революціи появилось сочиненіе барона *Гольбаха* въ трехъ томахъ: «Всеобщая нравственность или обязанности человѣка, основанныя на его природѣ» [2]). Становясь на рѣзко матеріалистическую и атеистическую точку зрѣнія, писатель этотъ выставляетъ слѣдующее основное положеніе: «Для того, чтобы стать всеобщей, нравственность должна сообразоваться съ природой человѣка вообще, т.-е. быть основанной на ея сущности, на свойствахъ и качествахъ, неизмѣнно присущихъ природѣ всѣхъ подобныхъ ему существъ, которыми онъ и отличается отъ другихъ животныхъ». Для своего прочнаго установленія «нравственность требуетъ знанія человѣческой природы» (т. I, стр. 32).

Принципъ этотъ, взятый у древнихъ философовъ, мы вновь встрѣчаемъ у раціоналистовъ XIX вѣка. *Вильгельмъ Гумбольдтъ* говоритъ, что «конечная цѣль человѣка, т.-е. та цѣль, которая предписывается ему вѣчными, неизмѣнными велѣніями разума..., состоитъ въ наивозможно гармоническомъ развитіи всѣхъ его способностей въ одно полное и единое цѣлое».

Знаменитый историкъ *Лекки* [3]) даетъ подробное же опредѣленіе цѣли жизни: по его мнѣнію она «состоитъ въ полномъ развитіи всего существующаго въ положенныхъ природой размѣрахъ и отношеніяхъ».

Эллинскій раціонализмъ былъ принятъ не одними философами и историками: въ томъ же смыслѣ высказывались натуралисты, и между ними самые передовые. Легко узнать тотъ же принципъ у *Дарвина* [4]) въ слѣдующихъ словахъ: «терминъ общее благо можетъ быть опредѣленъ какъ обоз-

---

[1]) *Buckle*: „Histoire de la civilisation on Angleterre". Trad. par. Baillot, 1865 г., т. V, стр. 194.

[2]) Напечатано въ Амстердамѣ въ 1776 г.

[3]) „History of European Morals. 3-е изд., Лондонъ, 1877 г.

[4]) „La Descendace de l'homme et la Sélection sexuele" Фр. перев.

наченіе развитія возможно большаго числа особей, обладающихъ полной силой и здоровьемъ, съ соотвѣтственными способностями, развитыми въ степени, наиболѣе совершенной при данныхъ условіяхъ».

Еще болѣе приближается къ воззрѣнію древнихъ одинъ изъ послѣдователей великаго англійскаго натуралиста *Георгій Зейдлицъ* [1]). По его мнѣнію, нравственная и разумная жизнь состоитъ «въ удовлетвореніи всѣхъ отправленій тѣла въ должной степени и въ должномъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу».

Анализируя цѣль существованія, *Гербертъ Спенсеръ* [2]) приходитъ къ тому выводу, что нравственность должна быть направлена къ достиженію возможно болѣе полной и широкой жизни. Точно такъ же для физическаго совершенства человѣка англійскій философъ признаетъ критеріумомъ исключительно «наиболѣе полное приспособленіе всѣхъ органовъ къ выполненію всѣхъ функцій»; этотъ критеріумъ, поскольку онъ касается нравственнаго совершенствованія, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ «содѣйствіемъ общему благу». Идеи эти менѣе опредѣленно, но достаточно ясно выражаютъ идеалъ древняго міросозерцанія.

Однако въ то время, какъ теорики-раціоналисты всѣхъ временъ искали основъ нравственности въ человѣческой природѣ, которую они считали хорошей или даже совершенной, многія религіозныя ученія проповѣдовали совершенно противоположный взглядъ.

Природа человѣческая считалась состоящей изъ двухъ враждебныхъ элементовъ: души и тѣла. Изъ нихъ одна душа достойна вниманія, такъ какъ тѣло служитъ неисчерпаемымъ источникомъ всякихъ золъ. Отсюда бичеваніе и увѣчья, развивавшіяся до поразительныхъ размѣровъ у многихъ народовъ. Примѣры индійскихъ факировъ, вѣшающихся на крюкахъ, дервишей и мусульманскихъ айсауа, вдавливающихъ себѣ черепъ ударами булавы, русскихъ скопцовъ и многіе другіе ясно показываютъ, что далеко не всѣ основываютъ свое поведеніе на совершенствѣ нашей природы.

---

[1]) „Die Darwinsche Theorie". 2-е изд. 1875 г., стр. 272, прим. 25.
[2]) „The Data of Ethics" 1879.

Будда [1]) вполнѣ опредѣленно высказалъ свое мнѣніе о низкомъ качествѣ человѣческой природы.

Послѣ посѣщенія женскихъ покоевъ онъ составилъ себѣ ясное представленіе о порочности тѣла, возбуждающей отвращеніе и порицаніе; размышляя о собственномъ тѣлѣ, видя его немощь, вытекающую изъ склонности къ плоти; постигая идею чистоты, проникая въ идею порочности, онъ увидѣлъ, что отъ пятокъ до головы, до границы мозга, тѣло рождается изъ нечистаго, выдѣляя изъ себя только нечистое. Размышленія эти приводятъ его къ слѣдующему выводу: «гдѣ тотъ мудрецъ, который, увидавъ все это, не сталъ бы считать свое собственное тѣло себѣ враждебнымъ?» (стр. 184).

Къ концу древней эпохи эллинское воззрѣніе на человѣческую природу уступило мѣсто совершенно иному взгляду. Противорѣчіе между нравственными понятіями стоиковъ и ихъ преклоненіемъ передъ человѣческой природой побудило одного изъ послѣднихъ римскихъ стоиковъ, *Сенеку*, знаменитаго современника Іисуса Христа, отвергнуть древнее ученіе. Убѣжденіе въ нравственной слабости, несовершенствѣ человѣка и въ вездѣсущіи и всесиліи порока привели Сенеку къ признанію неразумнаго и порочнаго начала въ самой человѣческой природѣ. Начало это лежитъ въ нашей плоти; она до того ничтожна, что о ней не стоитъ и думать. Она составляетъ только оболочку души, кратковременное ея вмѣстилище, въ которомъ душа никогда не можетъ найти покоя,—бремя, которое ее давитъ, тюрьму, отъ которой душа стремится освободиться. По мнѣнію Сенеки, душа должна бороться съ тѣломъ, доставляющимъ ей всевозможныя страданія. Сама же она по существу чиста и неприкосновенна и настолько же выше тѣла, насколько божество выше матеріи (Целлеръ, l. c., стр. 63).

Еще большій дуализмъ и связанныя съ нимъ пренебреженіе тѣломъ и возвеличеніе души характеризуютъ христіанское воззрѣніе на человѣческую природу. Въ IV и V вѣкѣ христіанской эры взглядъ этотъ настолько установился, что борьба съ чувственной стороной нашей природы была возведена въ принципъ.

---

[1]) „Lalita Vistara“, перев. съ санскритскаго *Фукó*. „Annales du Musée Guimet“, t. VI, 1884, p. 183.

Полнѣйшій аскетизмъ распространился по всему христіанскому міру. «Борьба съ голодомъ, жаждой, сномъ, отреченіе отъ всѣхъ наслажденій, вызываемыхъ зрительными, слуховыми, вкусовыми ощущеніями, особенно же воздержаніе отъ половыхъ сношеній сдѣлались въ глазахъ вѣрующихъ цѣлью человѣческаго существованія. Природѣ была объявлена война; запрещались всѣ удовольствія даже самыя невинныя, которыя считались порочными въ силу убѣжденія въ природной испорченности человѣка. Какой полный контрастъ со спокойнымъ и веселымъ тономъ, характеризующимъ греческую философію, не имѣвшую понятія о борьбѣ противъ существующей будто бы природной порочности и испорченности человѣка» [1]). Это дуалистическое воззрѣніе сдѣлалось столь крайнимъ, что прозелиты, ревнуя о спасеніи души, до того пренебрегали своимъ тѣломъ, что въ физическомъ отношеніи опускались почти до степени дикихъ животныхъ. Отшельники поселялись въ звѣриныхъ берлогахъ, сбрасывали съ себя всякую одежду и бродили нагіе, подъ покровомъ отрощенныхъ волосъ. «Въ Месопотаміи и части Сиріи образовалась секта подъ названіемъ *пасущихся*, которые не имѣли постоянныхъ жилищъ, не ѣли ни хлѣба, ни овощей, но скитались по горамъ и питались травой. Чистота тѣла считалась загрязненіемъ души и изъ святыхъ особеннымъ почетомъ пользовались тѣ, которые всего менѣе заботились о чистотѣ своей плоти. Аѳанасій разсказываетъ съ восторгомъ, что святой Антоній, отецъ монашества, никогда въ старости не мылъ себѣ ногъ» (Лекки, 1. с., II, стр. 88).

Подобныя воззрѣнія не замедлили до крайности извратить врожденные инстинкты человѣка. Семейные и общественные инстинкты до того понизились, что фанатики-христіане становились болѣе чѣмъ равнодушными къ роднымъ и единоплеменникамъ. Одного святого прославляли за то, что онъ былъ строгъ и жестокъ исключительно къ родственникамъ.

Разсказываютъ, что когда нѣкій вѣрующій просилъ аббата Сизеса принять его въ свой монастырь, аббатъ спросилъ его: имѣетъ ли онъ кого-либо близкаго? «У меня есть сынъ», отвѣчалъ христіанинъ. «Возьми своего сына и брось его въ рѣку; только тогда можешь ты стать монахомъ», отвѣтилъ

[1]) *Lecky*: „History of European Morals“, 3-е изд., глава 4-я.

аббатъ. Отецъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію требованія, которое только въ самую послѣднюю минуту было взято аббатомъ назадъ. При поступленіи въ монастырь требовалось столь же полное отреченіе отъ отечества (Лекки).

Глубоко и надолго вкоренились подобныя идеи. По мнѣнію шотландскихъ отцовъ церкви XVII вѣка, «удивительно, что земля выдерживаетъ возмутительное зрѣлище человѣка и что она, какъ въ былыя времена, не разверзнется, чтобы поглотить его со всей его порочностью. Потому что, навѣрное, во всемъ твореніи нѣтъ ничего столь чудовищнаго и извращеннаго, какъ человѣкъ» [1]).

Неудивительно, что при подобномъ міровоззрѣніи безбрачіе и подавленіе инстинкта размноженія стали обязательными для католическаго духовенства.

Слова св. Матѳея: есть скопцы, которые сдѣлали себя сами скопцами ради царствія небеснаго, были объяснены одними въ смыслѣ отреченія отъ брака, другими же—въ буквальномъ смыслѣ слова. Эти послѣдніе прибѣгали къ болѣе или менѣе полному физическому оскопленію. Женщинамъ вырѣзывали груди, полагая, что этимъ устранялось половое чувство. Но евангельское ученіе истолковывается такимъ образомъ одной только сектой скопцовъ, еще довольно распространеной въ Россіи.

Пожеланіе, высказанное св. Павломъ, чтобы холостые и вдовы не вступали въ бракъ, вскорѣ сдѣлалось обязательнымъ, и, начиная съ IV вѣка, католическая церковь стала постепенно вводить безбрачіе, вошедшее въ полную силу въ началѣ XI вѣка (при Григоріи VII).

Отрицательный взглядъ на человѣческую природу и понынѣ сохранился въ католической церкви. Левъ XIII открыто провозглашаетъ его [2]) въ своемъ посланіи «о сектѣ массоновъ». «Человѣческая природа,—говоритъ онъ,—извращена грѣхопаденіемъ, вслѣдствіе чего гораздо болѣе склонна къ пороку, чѣмъ къ добродѣтели. Поэтому, чтобы вернуться къ добру, совершенно необходимо подавлять буйные порывы души и подчинять страсти разсудку».

---

[1]) *Гэклъ*: „Исторія цивилизаціи въ Англіи". Фран. перев., т. V, стрн. 108.
[2]) „De secta massonum", Parisiis, 1884, p. 9. Это мѣсто приведено Брюнетьеромъ въ „Revue des Deux Mondes" 1895 г., т. CXXVI, стр. 116.

Христіанское воззрѣніе на человѣческую природу не замедлило отразиться въ искусствѣ. Скульптура, игравшая столь преобладающую роль въ древнемъ мірѣ и столь тѣсно связанная съ основами греческаго міросозерцанія, стала быстро клониться къ упадку.

Въ восточной Римской имперіи она продержалась долѣе, но въ Италіи почти совершенно заглохла въ VIII вѣкѣ. Живопись хотя и удержалась, но также пришла въ сильный упадокъ. Всѣ произведенія искусства Италіи въ вѣкъ Каролинговъ обнаруживаютъ грубое равнодушіе къ естественной формѣ, отсутствіе гармоніи и чувства изящнаго. Позднѣе итальянское искусство пало еще ниже: «объ изученіи природы и необходимости ближайшаго знакомства съ человѣческимъ образомъ никто и не думалъ. Эпоха, въ которой на каждомъ шагу предполагалось участіе неземныхъ силъ, —эпоха, міросозерцаніе которой зиждилось на рѣзкомъ контрастѣ небеснаго съ земнымъ, не могла признать и въ искусствѣ власти физическихъ закономѣрностей и естественнаго теченія явленій». [1])

Тѣсная связь между христіанскимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу и средневѣковымъ искусствомъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію. *Тэнъ* [2]) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ эту эпоху: «Когда мы смотримъ на церковныя стекла и статуи, на примитивную живопись, мнѣ кажется, что родъ человѣческій выродился и кровь его обѣднѣла; чахоточные святые, безобразные мученики, плоскогрудыя дѣвы съ черезчуръ длинными ногами и узловатыми руками, отшельники высохшіе и лишенные плоти, изображенія Христа, похожія на раздавленныхъ и окровавленныхъ земляныхъ червей; процессіи безцвѣтныхъ, сухихъ, грустныхъ личностей, отражающихъ на себѣ всѣ уродства немощи и страха угнетенія».

Средневѣковое искусство падало все ниже и ниже, когда возрожденіе эллинскаго духа пришло на помощь этому злу. Великими мастерами въ искусствѣ стали люди ученые, владѣющіе математикой и измѣрительными методами, какъ, напримѣръ, Альберти, Леонардо-да-Винчи, Микель-Анжело и др.

---

[2]) *Schnaase*: „Geschichte der bildenden Künste".
[1]) „Philosophie de l'art", 4 édition, 1885, т. II, p. 352.

Возвращеніе къ греческому идеалу въ искусствѣ и къ природѣ возстановляетъ вкусъ къ изящнымъ формамъ.

Возрожденіе эллинскаго духа отражается въ наукѣ и проникаетъ даже въ религію: реформація становится на защиту человѣческой природы. Бютеровскіе трактаты возобновляютъ принципъ «о возможно полномъ развитіи всѣхъ естественныхъ силъ» человѣка и въ его осуществленіи усматриваютъ одну изъ главнѣйшихъ цѣлей его жизни.

Обязательное безбрачіе уничтожено и допущено полное удовлетвореніе всѣхъ потребностей, сообразныхъ съ законами природы[1]).

Кромѣ тѣхъ, которые путемъ религіи проповѣдовали величайшее презрѣніе къ человѣческой природѣ, слѣдуетъ еще упомянуть о множествѣ нецивилизованныхъ или дикихъ народовъ, производящихъ разнообразнѣйшія увѣчья тѣла. Перечень всѣхъ способовъ уродованія и измѣненія нормальнаго человѣческаго облика былъ бы слишкомъ длиненъ. Учебники этнографіи и разсказы путешественниковъ заключаютъ множество фактовъ по этому поводу. Принимаются самыя разнообразныя мѣры для того, чтобы сдѣлать волосы, зубы и губы насколько возможно отличными отъ ихъ естественнаго вида. Многіе первобытные народы красятъ зубы, вырываютъ часть ихъ или подпиливаніемъ придаютъ имъ коническую форму. Другіе вставляютъ въ губы куски дерева, стекла, кости и т. д. Потребовалось бы цѣлая глава для описанія способовъ татуированія дикихъ народовъ. Всякими способами уродуютъ черепъ, груди, ноги.

Если мы и не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, чтобы объяснить всѣ эти обычаи какими-нибудь сознательными религіозными или философскими ученіями, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что народы, у которыхъ встрѣчаются эти обычаи, не преклоняются передъ человѣческой природой, какъ дѣлали это культурные эллины, а стараются измѣнить ее сообразно своему вкусу.

Итакъ, недовольство существующими условіями очень распространено въ человѣчествѣ, и естественно спросить себя,

---

1) *Reinhard:* „System der christlichen Moral", t. IV, 1814, p. 831; t. III, 1812, p. 14.

возможно ли найти какое-нибудь общее начало для всѣхъ столь различныхъ воззрѣній на человѣческую природу?

Предыдущія строки должны были показать читателю, что вопросъ о человѣческой природѣ во всѣ времена интересовалъ человѣчество и игралъ важную роль въ пониманіи добра и красоты.

Пора подвергнуть эту задачу основательному изученію, руководствуясь строжайшими научными методами, примѣнимыми въ наше время.

Поэтому мы постараемся составить себѣ понятіе о человѣческой природѣ, о ея достоинствахъ и недостаткахъ.

Но раньше, чѣмъ приступить къ вопросу о человѣкѣ, необходимо бросить взглядъ на организованный міръ вообще, чтобы найти точки опоры, способныя облегчить рѣшеніе главной задачи нашего изслѣдованія.

ГЛАВА II.

Гармоніи и дисгармоніи низшихъ существъ.

Организованный міръ до появленія человѣка на землѣ.—Отсутствіе закона всеобщаго прогресса.—Оплодотвореніе ванили.—Роль насѣкомыхъ въ оплодотвореніи орхидей.—Механизмъ перенесенія пыльцы орхидей насѣкомыми.—Нравы роющихъ осъ.—Примѣры гармоніи въ природѣ.—Безполезные органы.—Рудименты тычинокъ у орхидей.—Дисгармоніи въ природѣ.—Дурно приспособленныя насѣкомыя.—Отклоненія инстинктовъ.—Извращеніе полового инстинкта.—Привлеченіе насѣкомыхъ свѣтомъ.—Свѣтящіяся насѣкомыя.—Законъ естественнаго подбора.—Счастье и несчастье въ организованномъ мірѣ.

Земля была населена множествомъ растеній и животныхъ задолго до появленія на ней человѣка. Одни изъ этихъ организмовъ были одарены еще очень неопредѣленною чувствительностью, другіе—хорошо развитымъ инстинктомъ, а иногда даже до извѣстной степени умомъ, служившимъ имъ для индивидуальнаго самосохраненія и для распространенія вида.

Благодаря удачному приспособленію къ внѣшнимъ условіямъ существованія, многіе виды сохранились съ отдаленныхъ временъ до нашихъ дней. Во время каменноугольнаго періода еще не существовало птицъ и млекопитающихъ, но густые лѣса, заросшіе гигантскимъ папортникомъ, были населены множествомъ суставчатыхъ животныхъ, между прочимъ скорпіонами и насѣкомыми. Скорпіоны тѣхъ временъ были совер-

шенно подобны нынѣ живущимъ въ жаркихъ странахъ, а среди насѣкомыхъ этой отдаленной эпохи были необыкновенно сходныя съ современными намъ тараканами. Нѣкоторые древовидные папортники наши также очень приближаются къ папоротникамъ каменноугольнаго періода. Между животными, тѣло которыхъ заключено въ раковину, какъ корненожки и руконогія, нѣкоторые виды сохранились отъ времени, еще значительно предшествовавшаго каменноугольному періоду.

Но, рядомъ съ столь замѣчательнымъ выживаніемъ, нѣтъ недостатка въ примѣрахъ полнаго исчезновенія множества растительныхъ и животныхъ видовъ.

Прежде, въ третичную эпоху, дѣвственные лѣса Европы были населены множествомъ обезъянъ, ископаемые остатки которыхъ находятъ преимущественно въ Греціи.

Въ Европѣ прежде встрѣчались человѣкообразныя обезьяны (Dryopitecus), слѣды которыхъ сохранились въ третичныхъ отложеніяхъ Франціи [1]).

И вотъ эти животныя, несмотря на организацію, гораздо болѣе сложную, чѣмъ у таракановъ и скорпіоновъ, не могли приспособиться къ перемѣнамъ внѣшнихъ условій, наступившимъ въ Европѣ.

То же относится ко множеству другихъ высшихъ млекопитающихъ, каковы мамонты, мастодонты и т. д.

Факты эти не подтверждаютъ неодократно высказанной мысли будто въ природѣ существуетъ законъ всеобщаго прогресса, ведущаго къ развитію существъ, все болѣе и болѣе совершенныхъ съ точки зрѣнія сложности организаціи. Несомнѣнно, что высшія формы лѣстницы существъ могли развиться только вслѣдъ за своими низшими предками. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы развитіе это всегда принимало восходящее направленіе. Человѣкъ—одинъ изъ послѣднихъ видовъ, появившихся на землѣ; но существуютъ другіе, еще болѣе поздняго происхожденія. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые виды вшей появились позднѣе человѣка; таковы вши, водящіяся въ одеждѣ (Pediculus vestimenti). Нѣкоторые изъ настоящихъ паразитовъ, живущихъ въ человѣческомъ тѣлѣ, пріобрѣли свои видовые признаки послѣ появленія человѣка. Таковы извѣстные внутренностныя черви и различные микробы,

[1]) *Gaudry*: „Mammiferes tertiaires“, 1878, p. 255.

какъ гонококки. Итакъ, вѣнца творенія слѣдуетъ искать не въ человѣкѣ, а среди паразитовъ.

Въ природѣ, слѣдовательно, не существуетъ слѣпого стремленія къ прогрессу. Ежедневно зарождается множество организмовъ съ измѣнчивыми признаками.

Тѣ изъ нихъ, которые хорошо приспособляются къ внѣшнимъ условіямъ, выживаютъ и даютъ начало потомству, сходному съ родителями; но многіе не доживаютъ и, неспособные къ продолжительной жизни, умираютъ, не оставивъ потомства.

Для того, чтобы читатель могъ составить себѣ болѣе точное понятіе объ этихъ приспособленіяхъ и о роли ихъ въ жизни, слѣдуетъ немного остановиться на нѣсколькихъ наглядныхъ примѣрахъ. Изъ организмовъ, привлекающихъ наше вниманіе своей красотой, мало такихъ, которые могли бы поспорить съ цвѣтковыми растеніями. Всѣ восхищаются необыкновенною прелестью цвѣтовъ орхидей. Цвѣты эти, несомнѣнно, развились не для удовлетворенія нашего эстетическаго вкуса уже по той простой причинѣ, что орхидеи существовали задолго до появленія рода человѣческаго.

Между орхидеями есть одна, разводимая человѣкомъ во многихъ тропическихъ странахъ въ теченіе болѣе полувѣка. Это— ваниль, орхидейное растеніе, плодъ котораго отличается однимъ изъ самыхъ пріятныхъ ароматовъ.

Въ прежнія времена ограничивались срываніемъ дикихъ стручковъ ванили, представляющей собою ліану мексиканскихъ и южно-американскихъ лѣсовъ. Но употребленіе ванили для приданія аромата шоколаду вызвало ея искусственное разведеніе. Съ этою цѣлью ваниль была перенесена во многія теплыя страны, гдѣ акклиматизировалась. Она росла очень хорошо, покрывалась многочисленными цвѣтами, но не давала плодовъ, которые только и обладаютъ ароматомъ. Такъ какъ вопросъ объ этомъ безплодіи ванили представлялъ большой практическій интересъ, то стали изыскивать его причину, и вотъ что оказалось.

Цвѣтокъ остается безплоднымъ потому, что его женскія и мужскія части не могутъ придти въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Хотя на одномъ и томъ же цвѣткѣ развиваются и пестики, и тычинки, но между ними помѣщается перепонка, мѣшающая оплодотворенію.

Убѣдившись въ этомъ, начали искусственно переносить пыльцу цвѣтка ванили на рыльце пестика, производя такъ называемое искусственное оплодотвореніе. Въ 1841 году молодой негръ-невольникъ Эдмондъ Альбусъ на островахъ Согласія открылъ практическій способъ для приведенія въ соприкосновеніе мужскихъ элементовъ съ женскимъ половымъ органомъ ванильника. Это вызвало во многихъ странахъ сильное распространеніе культуры ванили. Въ извѣстное время вводятъ заостренную бамбуковую палочку или просто зубецъ гребня внутрь цвѣтка ванили, чѣмъ приводятъ въ соприкосновеніе мужскіе и женскіе элементы и въ короткое время оплодотворяютъ множество цвѣтовъ, которые дѣлаются послѣ этого способными производить превосходные стручки [1]).

На родинѣ ванильника такое вмѣшательство человѣка совершенно излишне. Въ Гвіанѣ и въ Мексикѣ оплодотвореніе этого растенія производится мелкими пчелами изъ рода *Melipone*. Онѣ посѣщаютъ цвѣты ванильника изъ-за цвѣточнаго сока, служащаго имъ для приготовленія меда. Маленькія колибри также порхаютъ вокругъ цвѣтовъ ванильника и, вводя клювъ въ половые органы цвѣтовъ, также приводятъ въ соприкосновеніе мужскіе и женскіе элементы.

Итакъ, безплодіе ванильника внѣ его родины безъ примѣненія искусственнаго оплодотворенія легко объясняется отсутствіемъ какъ насѣкомыхъ, такъ и колибри, переносящихъ пыльцу.

Но не одна ваниль нуждается въ содѣйствіи живыхъ существъ для производства своихъ плодовъ. Въ такомъ же положеніи находятся многія другія орхидейныя растенія. Пыльца, скученная въ ихъ цвѣтахъ, не можетъ быть переносима вѣтромъ. Для этой цѣли необходимо содѣйствіе насѣкомыхъ, какъ то было установлено *Шпренгелемъ* въ XVIII вѣкѣ и, главнымъ образомъ, замѣчательными изслѣдованіями *Дарвина*, которыми мы и будемъ руководствоваться въ послѣдующихъ строкахъ [2]).

Разнообразныя насѣкомыя, какъ пчелы, осы, двукрылыя жуки и множество бабочекъ, посѣщаютъ орхидеи изъ-за ихъ

---

[1]) *Delteil*: „La vanille". Paris, 1897.

[2]) *Дарвинъ*: „Оплодотвореніе орхидей", а также *Müller*: „Die Befruchtung der Pflanzen durch Insekten. Leipzig, 1873, pp. 74—85.

цвѣточнаго сока, скопленнаго въ опредѣленныхъ частяхъ цвѣтка. Для того, чтобы проникнуть своими ротовыми органами во вмѣстилища сладкаго сока, насѣкомымъ приходится сперва коснуться верхней части цвѣтка, заключающей мужскіе элементы. При этомъ зерна пыльцы, собранныя въ кучки (извѣстныя подъ именемъ *поллиній*), приклеиваются къ тѣлу насѣкомыхъ помощью слизистаго выдѣленія. Послѣднее производится маленькимъ придаткомъ цвѣтка, называемымъ *rostellum*. При этихъ условіяхъ *поллиніи* крѣпко пристаютъ къ хоботку бабочекъ, головѣ или какой-либо другой части тѣла переносчиковъ пыльцы. Каждая часть цвѣтовъ обнаруживаетъ какое-нибудь полезное приспособленіе для скрещиванія.

Для цѣлесообразнаго перенесенія пыльцы необходимо, чтобы поллиніи прочно прикрѣпились къ тѣлу насѣкомыхъ и чтобы слизистое вещество, склеивающее ихъ, имѣло время затвердѣть. Поэтому для растенія очень полезно, чтобы насѣкомое дольше оставалось на его цвѣткѣ. Въ виду этого у нѣкоторыхъ орхидей цвѣточный сокъ скопляется въ трудно доступномъ резервуарѣ. Часто насѣкомому долго приходится искать желаннаго сока; ему приходится даже прободать перепонку, прикрывающую этотъ сокъ. Такая операція занимаетъ время, достаточное для того, чтобы слизь поллиній, прикрѣпившихся къ тѣлу насѣкомыхъ, успѣла вполнѣ затвердѣть.

Орхидеи, слизь которыхъ отвердѣваетъ сразу, не нуждаются въ продолжительномъ пребываніи насѣкомыхъ. Поэтому цвѣточный сокъ ихъ легко доступенъ, и насѣкомое, не теряя времени, быстро находитъ его.

Установивъ эти факты, Дарвинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Когда слизистое вещество требуетъ извѣстнаго времени для того, чтобы стать цементомъ, цвѣточный сокъ помѣщается такъ, что бабочки должны искать его болѣе продолжительное время; когда же слизь эта имѣетъ сразу такую же клейкость, какъ и впослѣдствіи, цвѣточный сокъ легко доступенъ. Если такое двойное совпаденіе случайно, для растенія это счастливая случайность; если же оно не случайно,—а мнѣ кажется, что иначе и быть не можетъ,—то какая во всемъ этомъ чудная гармонія!» (стр. 51).

Нѣкоторыя орхидеи, вмѣсто цвѣточнаго сока, выдѣляютъ жидкость, прозрачную, какъ вода. Она скопляется въ лепесткѣ, помѣщенномъ въ нижней части цвѣтка и представляющемъ довольно глубокую плошку. Жидкость эта не служитъ для привлеченія насѣкомыхъ, но смачивая ихъ крылья, она заставляетъ ихъ избирать путь черезъ узкіе проходы около половыхъ органовъ (тычинокъ и рыльца). Мясистыя части цвѣтка жадно пожираются нѣкоторыми насѣкомыми, особенно пчелами. Наблюдавшій это докторъ *Крюгеръ* видѣлъ, что пчелы часто падаютъ въ плошку и, не будучи въ состояніи улетѣть изъ-за своихъ смоченныхъ крыльевъ, принуждены выходить черезъ рынвочку, сквозь которую вытекаетъ излишекъ жидкости изъ резервуара.

Наблюдаются цѣлыя шествія мокрыхъ пчелъ, выходящихъ изъ своей случайной ванны черезъ узкій проходъ, что влечетъ неизбѣжное соприкосновеніе съ рыльцемъ и массами цвѣточной пыли. Послѣдняя прикрѣпляется къ тѣлу пчелы, благодаря чему можетъ быть перенесена на клейкое рыльце сосѣдняго цвѣтка.

У другихъ орхидей (Catasetum, рис. 1) мужскіе элементы помощью рода пружины выбрасываются на тѣло насѣкомыхъ. Когда послѣднія дотрогиваются до нѣкторыхъ частей цвѣтка, то поллиніи выбрасываются какъ стрѣлы, у которыхъ бородки были бы замѣнены очень слизистыми утолщеніями.

«Насѣкомое, смущенное неожиданно полученнымъ ударомъ или насытившись цвѣточнымъ сокомъ, улетаетъ и, рано или поздно, садится на женскій цвѣтокъ; на немъ оно вновь принимаетъ то положеніе, которое имѣло, когда получило ударъ, почему пыльценосный конецъ стрѣлы проникаетъ въ полость рыльца, и цвѣточная пыль прикрѣпляется къ слизистой поверхности этого органа» (Дарвинъ 1. с., стр. 206).

Описавъ во всѣхъ подробностяхъ скрещиваніе цвѣтовъ при этихъ удивительныхъ условіяхъ, Дарвинъ прибавляетъ слѣдущія строки: «кто бы имѣлъ смѣлость предположить, что распространеніе вида можетъ зависѣть отъ столь сложнаго механизма, повидимому, столь искусственнаго и въ то же время столь совершеннаго?» (стр. 239).

Очень замѣчателенъ способъ оплодотворенія насѣкомыми одной орхидеи—*Herminium monorchis* (рис. 2-й), снабженной

чрезвычайно мелкими цвѣтами. Насѣкомыя должны быть очень

Рис. 1. Catasetum saccatum. По *Линденія*, Гентъ, 1890.

маленькими, чтобы проникнуть внутрь цвѣтка. За недостаткомъ мѣста въ цвѣткѣ эти крошечныя насѣкомыя должны

держаться въ одномъ опредѣленномъ положеніи въ одномъ изъ угловъ цвѣтка. Вслѣдствіе этого поллиніи всегда прикрѣпляются къ одному и тому же мѣсту, а именно къ наружной части одной изъ двухъ переднихъ лапокъ насѣкомаго. Когда насѣкомое, нагруженное цвѣточною пылью, переходитъ въ другой цвѣтокъ, то неизбѣжно оплодотворяетъ рыльце, находящееся какъ разъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. «Мнѣ было бы трудно, — говоритъ Дарвинъ,—привести примѣръ цвѣтка, всѣ части котораго были бы болѣе поразительно устроены въ виду строго опредѣленнаго способа оплодотворенія, чѣмъ этотъ маленькій цвѣтокъ герминіума» (стр. 75).

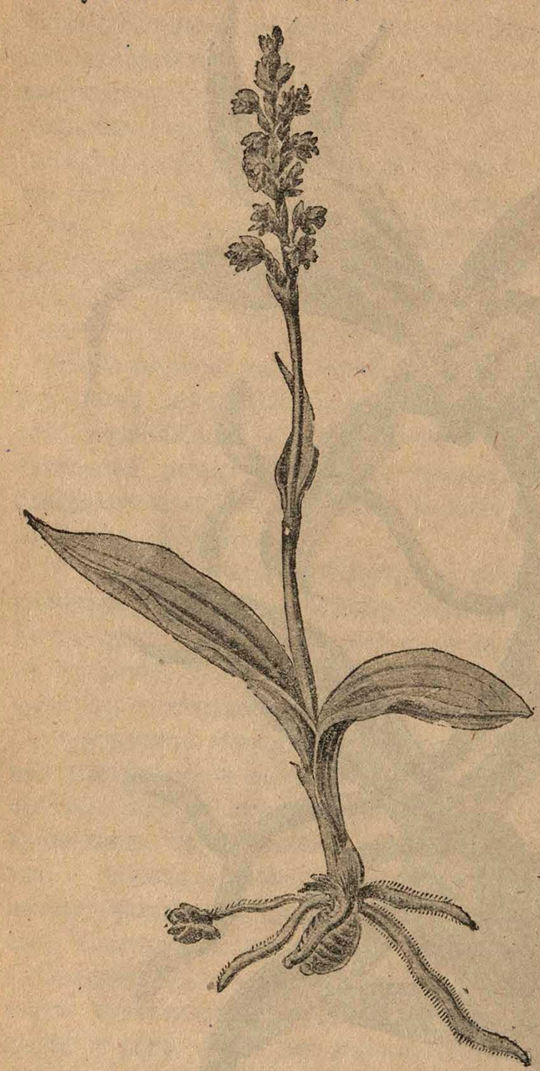

Рис. 2. Herminium monorchis. По *Соуерби*, Англійская флора, IX, 1869.

Но и помимо орхидей, нѣтъ недостатка въ цвѣтахъ, устройство которыхъ представляетъ замѣчательно приспособленіе къ оплодотворенію насѣкомыми. Для обнаруженія гармоніи въ природѣ нѣтъ необходимости останавливаться только на изученіи цвѣтовъ. Міръ животныхъ представляетъ намъ много такихъ же

примѣровъ. Не описывая ихъ всѣхъ, ограничимся наиболѣе замѣчательными.

Каждый изъ насъ видѣлъ тонкихъ и изящныхъ осъ, летающихъ у самой поверхности земли. Отъ времени до времени онѣ углубляются въ землю или песокъ, откуда возвращаются черезъ нѣсколько минутъ. Это—*роющія осы,* замѣчательные нравы которыхъ были изучены съ такой проницательностью *Фабромъ* изъ Авиньона. Онѣ не соединяются въ общества, а живутъ всегда въ одиночку и нравами очень отличаются отъ своихъ родичей. Пчелы выкармливаютъ личинокъ медомъ и цвѣточной пыльцей въ теченіе всего ихъ развитія. Хищныя осы кладутъ свою добычу около вялыхъ и слабыхъ личинокъ, неспособныхъ самостоятельно пропитаться. Какъ пчелы, такъ и осы ухаживаютъ за своими личинками и воспитываютъ ихъ.

Иначе поступаютъ роющія осы. Онѣ никогда не видятъ своего потомства и кладутъ яйца въ норки, вырытыя въ землѣ и герметически закупоренныя. Въ нихъ вылупляются личинки, остающіяся невидимыми для своей матери. Послѣдняя приготовляетъ имъ запасъ пищи на все время ихъ развитія. Передъ кладкой яицъ самки роютъ норки и наполняютъ ихъ то пауками, то кузнечиками или другими насѣкомыми, за которыми онѣ охотятся.

Каждый видъ роющихъ осъ выбираетъ для своей добычи опредѣленный видъ животныхъ или нѣсколько родственныхъ между собой видовъ.

Роющія осы дѣлаютъ очень строгій подборъ своей добычи и поступаютъ при этомъ подобно коллекціонерамъ, интересующимся исключительно однимъ или нѣсколькими видами маленькихъ животныхъ.

Извѣстный энтомологъ *Леонъ Дюфуръ* былъ чрезвычайно пораженъ искусствомъ, съ какимъ осы *Церцерисъ* (рис. 3) выискиваютъ и ловятъ красивыхъ и очень рѣдкихъ жучковъ изъ рода *Бупрестисъ.* Для болѣе подробнаго изученія этихъ жучковъ ему пришлось прибѣгнуть къ матеріалу, собранному въ норкахъ Церцерисъ. Благодаря этому, онъ избѣгъ затрудненій, связанныхъ съ выискиваніемъ ихъ на свободѣ.

Норки были наполнены неподвижными, но вполнѣ хорошо

сохранившимися *Бупрестисами*. Тогда какъ мертвые жуки высыхаютъ черезъ короткое время, собранные въ норкахъ сохранялись въ теченіе цѣлыхъ недѣль. Изъ этого *Леонъ Дюфуръ* заключилъ, что Церцерисъ, убивая свою добычу, въ то же время впрыскиваетъ ей какое то антисептическое вещество, вполнѣ сохраняющее мускулы и внутренности.

Фабръ пошелъ далѣе въ изученіи нравовъ роющихъ осъ. Онъ убѣдился въ томъ, что пойманныя ими насѣкомыя не мертвы, а только парализованы. Дѣятельность нѣкоторыхъ органовъ доказываетъ, что Бупрестисы, Долгоносики и другія маленькія насѣкомыя, собраныя въ норкахъ роющихъ осъ, дѣйствительно живы. Они могутъ даже дѣлать нѣкоторыя частичныя движенія, но не въ состояніи передвигаться и, слѣдовательно, уйти. Механизмъ этого паралича, насколько было выяснено *Фабромъ*, несомнѣнно представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ природѣ. Поймавъ насѣкомое или паука, роющія осы, руководимыя инстинктомъ, тотчасъ всовываютъ свое жало какъ разъ въ мѣсто нахожденія нервныхъ центровъ, обусловливающихъ движеніе лапокъ. Когда дѣло касается животныхъ съ мягкими покровами, какъ у пауковъ или у молодыхъ сверчковъ, то выполненіе такой операціи не представляетъ особенныхъ затрудненій.

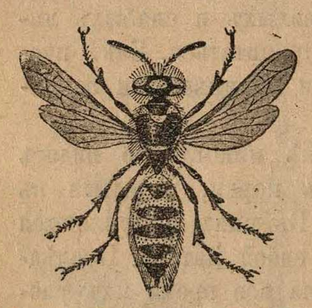

Рис. 3. *Церцерисъ*. По Бюффону.

Но у жуковъ вообще, а у Бупрестисъ и Долгоносиковъ въ частности, покровы очень тверды, такъ что роющія осы никакимъ образомъ не могутъ просверлить ихъ своимъ тонкимъ и маленькимъ жаломъ. Чтобы достигнуть цѣли, Церцерисы погружаютъ жало именно между первой и второй парой ногъ по средней линіи нижней грудной поверхности. Пользуясь тонкостью кожи въ этомъ мѣстѣ, они проникаютъ жаломъ къ нервнымъ узламъ, отъ которыхъ отходятъ ножные нервы. У Бупрестисъ узлы эти очень сближены, и потому достаточно одного укола для пораненія нервныхъ центровъ всѣхъ трехъ паръ ногъ. Послѣ такого укола Бупрестисъ парализованъ, но можетъ жить въ теченіе многихъ дней. «Цер-

церисы, похищающіе жуковъ,—говоритъ *Фабръ* [1]),—въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются правилами, которымъ могли бы научить ученѣйшая физіологія тончайшая анатомія. Напрасно было бы искать здѣсь случайныхъ совпаденій: такая гармонія не можетъ быть объяснена случайностью».

Наполнивъ норку достаточнымъ количествомъ насѣкомыхъ и пауковъ, роющія осы кладутъ яйца и окончательно закупориваютъ входъ. Черезъ нѣкоторое время вылупляется молодая личинка и начинаетъ поѣдать пищу, находящуюся въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Если бы насѣкомыя не были парализованы, имъ легко было бы вырваться изъ своей темницы; если бы они были мертвы, то гніеніе или высыханіе, смотря по обстоятельствамъ, сдѣлало бы ихъ негодными для питанія личинокъ. Итакъ, развитіе столь чудеснаго инстинкта, заставляющаго роющихъ осъ укалывать нервные центры своей добычи, было вызвано прямою необходимостью. Съѣвши одно насѣкомое, личинка приступаетъ къ другому, и такъ далѣе—до тѣхъ поръ, пока достигнувъ полнаго развитія, окружаетъ себя оболочкой, защищающей ее въ теченіе цѣлой зимы и послѣдующей весны.

Лѣтомъ она превращается въ куколку, а затѣмъ въ полное насѣкомое. Она высвобождается изъ своего кокона и вылетаетъ на свободу, повторяя жизнь матери, которую никогда не видала.

Среди гармоническихъ явленій природы трудно найти болѣе поразительные примѣры, чѣмъ описанные нравы роющихъ осъ или механизмъ оплодотворенія орхидей. Гармоническія явленія встрѣчаются въ природѣ вообще на каждомъ шагу. Не удивительно поэтому, что они давно уже привлекли вниманіе многихъ наблюдателей и философовъ. Невозможно было объяснить ихъ сознательною дѣятельностью самихъ индивидуумовъ въ виду ихъ низкой организаціи и отсутствія умственнаго развитія; поэтому казалось естественнымъ усматривать въ нихъ проявленіе высшей силы, организующей и управляющей всѣми явленіями природы. Однако такое воззрѣніе видитъ только одну сторону медали.

При ближайшемъ разсмотрѣніи организаціи и жизни легко замѣтить, что рядомъ съ совершеннѣйшими гармоніями нѣтъ

[1]) „Souvenirs entomologiques“, I. Paris, 1879, стр. 71—78.

недостатка въ фактахъ, доказывающихъ неполноту приспособленія или даже его отсутствіе.

Анализъ цвѣтка орхидей приводитъ какъ будто къ предположенію, что каждая его часть, даже самая маленькая и незначительная, играетъ опредѣленную роль въ механизмѣ оплодотворенія и скрещиванія. Но въ дѣйствительности это не такъ: у нѣкоторыхъ орхидей встрѣчаются органы, не выполняющіе никакой функціи.

У тѣхъ самыхъ *Катазетумъ*, поллиніи которыхъ съ силой выбрасываются на насѣкомыхъ, существуютъ женскіе цвѣты, въ которыхъ мужскіе половые органы являются въ видѣ незначительныхъ остатковъ. Въ этихъ цвѣтахъ «...оба перепончатые мѣшка, заключающіе рудиментарныя скопленія поллиній, никогда не открываются; они отдѣлены другъ отъ друга и выступаютъ изъ тычинки. Ткань ихъ—толстая и мясистая, какъ большая часть рудиментарныхъ органовъ; они имѣютъ очень различные размѣры и форму; заключенныя въ нихъ скопленія поллиній, остающіяся, слѣдовательно, безъ употребленія не представляютъ и десятой доли размѣровъ поллиній мужскихъ цвѣтовъ» (*Дарвинъ*, 1. с., стр. 234). Итакъ, продукты эти несомнѣнно внѣ употребленія.

Существованіе этихъ рудиментарныхъ поллиній, не способныхъ быть перенесенными и оплодотворять женскій цвѣтокъ, легко объясняется тѣмъ предположеніемъ, что въ былыя времена цвѣты Катазетума были настоящими гермафродитами. Но со временемъ мужскіе органы отчасти атрофировались въ нѣкоторыхъ цвѣткахъ, у которыхъ, напротивъ того, развились женскіе элементы. Доказательствомъ этого атрофическаго процесса служитъ то, что остатки поллиній слишкомъ незначительны для выполненія своей нормальной функціи.

Бездѣятельные рудиментарные органы очень распространены и встрѣчаются на каждомъ шагу. Такъ, мы находимъ то остатки глазъ у живущихъ въ темнотѣ существъ, то остатки половыхъ органовъ у растеній и животныхъ, не способныхъ къ размноженію.

Рядомъ съ орхидеями и многими другими цвѣтами, такъ хорошо приспособленными для оплодотворенія при помощи насѣкомыхъ, мы находимъ множество насѣкомыхъ, не менѣе хорошо приспособленныхъ къ посѣщенію цвѣтовъ. У бабочекъ,

пчелъ и у многихъ другихъ насѣкомыхъ ротовые органы поразительно приспособлены къ проникновенію внутрь цвѣтка и добыванію въ немъ цвѣточнаго сока и пыльцы. Но существуетъ много насѣкомыхъ, гораздо менѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи.

Часто насѣкомыя, дурно приспособленныя къ посѣщаемымъ ими цвѣтамъ, слишкомъ отваживаются и рискуютъ жизнью. Дарвинъ (1. с., 146) наблюдалъ «чрезвычайно маленькое перепончатокрылое, напрасно пытавшееся освободить свою голову, цѣликомъ погруженную въ каплю затвердѣвшаго слизистаго вещества и приклеившуюся къ гребню рыльца и къ верхушкамъ поллиній одной орхидеи *Listera ovata* (рис. 4). Насѣкомое было меньше одной поллиніи и, вызвавъ выбрасываніе струи слизистой жидкости, оно не имѣло достаточно силы, чтобы справиться со своей ношей, оно было наказано за то, что предприняло непосильную работу, и подверглось печальной гибели».

Рис. 4. *Listera ovata*. По *Барла*. Иллюстрированная флора Ниццы, 1868.

Много хорошо приспособленныхъ насѣкомыхъ наслаждаются цвѣточными соками. Другіе желали бы того же, но этому мѣшаетъ ихъ неприспособленность. *Кокцынелла*, или Божья коровка, любитъ сладкій цвѣточный сокъ. Часто пробуетъ она высасывать цвѣточный сокъ одуванчика, но безуспѣшно. *Германъ Мюллеръ*[1]) описалъ, какимъ образомъ это маленькое насѣкомое старается добыть цвѣточный сокъ *Erodium cicutarum*. «Неловкость, съ которой жучокъ, неспособный питаться растеніями, пробуетъ достать медъ, такъ комична, что о ней стоитъ упомянуть. Сѣвъ на лепестокъ, Божья коровка протягиваетъ ротъ къ одному изъ резервуаровъ цвѣточнаго сока, находящихся по обѣ стороны

[1]) „Die Befruchtung der Blumen durch Insekten", 1873, стр. 167.

у основанія лепестка. Послѣдній большею частью отрывается, и тогда Божья коровка садится на сосѣдній лепестокъ или же падаетъ на землю вмѣстѣ съ оторвавшимся лепесткомъ. Въ первомъ случаѣ она продолжаетъ обходить вокругъ всего вѣнчика и въ концѣ-концовъ отрываетъ всѣ пять лепестковъ; во второмъ случаѣ она тотчасъ поднимается, быстро вскарабкивается на другой стебель того же растенія и начинаетъ все сызнова. Я видѣлъ, какъ одна и таже Божья коровка четыре раза сряду падала съ лепестками, при чемъ это нисколько не служило ей урокомъ».

Инстинкты насѣкомыхъ, столь хорошо приспособленные къ нѣкоторымъ отправленіямъ, часто представляютъ болѣе или менѣе странныя и замѣчательныя уклоненія.

Передъ превращеніемъ въ куколку гусеница бабочекъ окружаетъ себя очень хорошо сотканнымъ кокономъ, предохраняющимъ ее отъ всякихъ вредныхъ вліяній. Подъ защитой этой оболочки она превращается въ куколку и позднѣе въ бабочку, которая прободаетъ вершину кокона, чтобы вылетѣть наружу. Въ случаѣ поврежденія кокона по какой-нибудь внѣшней причинѣ нормальное превращеніе становится невозможнымъ, и личинка умираетъ до срока. *Фабръ* [1]) хотѣлъ узнать, можетъ ли гусеница во время тканья кокона починить его въ случаѣ поврежденія. Съ этой цѣлью онъ срѣзывалъ ножницами верхушку кокона во время его созиданія гусеницей *Махаона.* Несмотря на грубо призведенное отверстіе, гусеница продолжала свою обычную работу, нисколько не подозрѣвая, что она ни къ чему не приведетъ. Въ этомъ случаѣ «гусеница Махаона несмотря на вѣрную гибель будущей бабочки, спокойно продолжаетъ свою ткацкую дѣятельность, ни въ чемъ не измѣняя правильнаго хода работы; когда наступаетъ очередь производства послѣднихъ рядовъ защитительныхъ рѣсничекъ, она устанавливаетъ ихъ на опасной бреши, не задѣлывая разрушенной части баррикады. Равнодушная къ необходимому, она занимается излишнимъ».

Гармонія далеко не полна даже у роющихъ осъ съ такими необыкновенно приспособленными инстинктами. *Фабръ* хотѣлъ узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на этихъ насѣкомыхъ

---

[1]) „Souvenirs entomologiques" 4-me serie, Paris, стр. 47.

удаленіе яйца, снесеннаго въ ихъ норкѣ. Для этого опыта онъ избралъ *Пелопею* (рис. 5), роющую осу, которая охотится за пауками. Онъ похитилъ ея яйца, снесенныя въ тщательно приготовленной норкѣ, и сталъ наблюдать, что будетъ дѣлать эта оса. «*Пелопея* продолжала наносить пауковъ для похищеннаго яйца; она скопляла провизію, которая никого не должна питать; она умножала запасъ добычи, чтобы наполнить складъ по мѣрѣ того, какъ я расхищалъ его» (1. с., 41). Насѣкомое неутомимо продолжало эту безсмысленную охоту, не замѣчая ея безполезности. Итакъ, вотъ примѣръ извращеннаго, безцѣльнаго материнскаго инстинкта.

Рядомъ съ такимъ упорнымъ выполненіемъ заботъ о потомствѣ, которому не суждено существовать, наблюдаются совершенно обратныя явленія. Нѣкоторыя самки убиваютъ и поѣдаютъ своихъ дѣтенышей. Самки кролика часто или пожираютъ все свое потомство, или же заставляютъ его умирать вслѣдствіе недостатка пищи и ухода. Иногда это наблюдается у молодыхъ, еще неопытныхъ самокъ, но иногда это инстинктивное извращеніе встрѣчается и у старыхъ самокъ, усвоившихъ разъ навсегда привычку покидать или пожирать своихъ дѣтенышей. Часто наблюдали, что и самки другихъ видовъ млекопитающихъ и птицъ покидаютъ или поѣдаютъ свое потомство.

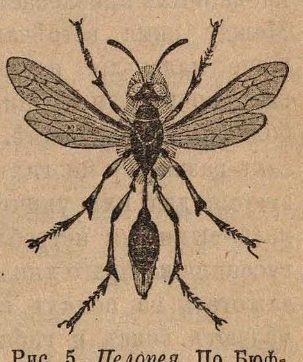

Рис. 5. *Пелопея.* По Бюффону.

Извращеніе полового инстинкта также довольно распространено между животными. *Гюберъ* [1]) утверждаетъ, что когда у муравьевъ оказывается недостатокъ въ самкахъ, то самцы насилуютъ работницъ; послѣдніе умираютъ отъ этого вслѣдствіе того, что ихъ половые органы не вполнѣ развиты и не годны для полового отправленія.

Наблюдали также ненормальное совокупленіе оленерога (*Лукануса*), пчелъ и особенно хрущей [2]).

---

[1]) „Recherches sur les moeurs des fourmies". Paris, 1810.
[2]) *Фэре*: „L'Instinct sexuel", 2-е изд. Парижъ, 1902, стр. 76.

Такіе же примѣры представляютъ высшія животныя, какъ, напримѣръ, собаки. Среди млекопитающихъ распространенъ также и онанизмъ. Онъ наблюдается въ звѣринцахъ у обезьянъ, а также у оленей; лошади обоихъ половъ часто удовлетворяютъ свои половыя потребности ненормальнымъ путемъ. Указываютъ еще нѣсколько другихъ видовъ (собака, медвѣдь, верблюдъ, слонъ, попугай и т. д.), предающихся онанизму [1]).

Эти дисгармоническіе инстинкты не ведутъ, по крайней мѣрѣ, къ смерти животныхъ, ихъ проявляющихъ. Но въ природѣ существуютъ гораздо болѣе опасныя извращенія инстинктовъ. Кому не случалось видѣть лѣтомъ, какое множество насѣкомыхъ привлекаемыхъ свѣтомъ, летитъ на лампы и свѣчи? Между ними встрѣчаются жуки, фриганы, поденки и всего чаще маленькія ночныя бабочки. Покружившись нѣсколько разъ вокругъ пламени, они обжигаютъ крылья и гибнутъ въ большомъ количествѣ. Инстинктъ этотъ такъ постояненъ и такъ развитъ у многихъ изъ этихъ насѣкомыхъ, что имъ пользуются для ихъ уничтоженія. Такъ, между средствами, предлагаемыми для истребленія Botys sticticalis, ночного мотылька, гусеница котораго уничтожаетъ злаки и свеклу, рекомендуютъ [2]) зажигать на поляхъ костры. Привлеченныя свѣтомъ, бабочки падаютъ внизъ и гибнутъ во множествѣ.

Когда поденки (*Эфемеры*), вылупившись, массами выходятъ изъ воды, рыболовы зажигаютъ солому на своихъ лодкахъ, и эти насѣкомыя, прилетая на огонь, обжигаютъ себѣ крылья. Тѣла ихъ падаютъ въ воду и привлекаютъ рыбу, служа ей лакомой пищей [3]).

Такой дисгармоничный и пагубный инстинктъ обнаруживается особенно у ночныхъ насѣкомыхъ, отдыхающихъ днемъ и выходящихъ только вечеромъ, послѣ захода солнца, изъ своихъ убѣжищъ.

На пшеничныхъ поляхъ водятся жуки—*анизоплія* и *ризотрогусъ*, очень сходные между собой по формѣ и общему виду. Но когда въ ночномъ мракѣ зажигаютъ огни, на нихъ, рискуя жизнью, идетъ одинъ ризотрогусъ. Анизоплія спокойно остается среди злаковъ. Эти жуки совокупляются днемъ, въ то

[1]) *Moll*: „Untersuch üb. d Libido sexualis“, t. II, pp. 372, 373.
[2]) *Кэпэнъ*: „Вредныя насѣкомыя“, т. II, 1883 г., стр. 237.
[3]) *Swammerdam*: „Biblia naturae. Leydae“, 1737.

время какъ ризотрогусы дѣлаютъ это ночью. Одни самцы летаютъ въ темнотѣ и приближаются къ огню въ то время, какъ самки остаются на землѣ, среди растеній [1]). По всей вѣроятности, свѣтъ вызываетъ у этихъ жуковъ родъ полового возбужденія. Въ поискахъ за самкой они думаютъ найти ее среди свѣтящихся точекъ, къ которымъ и направляются, не отдавая себѣ отчета въ грозящей имъ опасности.

Такое предположеніе о значеніи этого дисгармоничнаго и гибельнаго инстинкта подтверждается тѣмъ фактомъ, что привлеченныя огнемъ ночныя бабочки—тоже почти исключительно самцы. Энтомологи возражаютъ земледѣльцамъ, разсчитывающимъ уничтожить кострами столь вреднаго *Ботиса*, что эти огни почти не привлекаютъ самокъ. Послѣднія могутъ слѣдовательно снести яйца и произвести поколѣніе прожорливыхъ гусеницъ.

Среди поденокъ, въ такомъ множествѣ привлекаемыхъ огнями, самцы гораздо многочисленнѣе самокъ. Итакъ, дѣйствительно чрезвычайно вѣроятно, что сатурналія, вызывающая уничтоженіе множества самцовъ насѣкомыхъ, является родомъ полового извращенія. Слѣдуетъ вспомнить, что среди жуковъ встрѣчаются виды, у которыхъ спрятанная въ травѣ самка свѣтится, привлекая этимъ самцовъ. У обыкновеннаго свѣтляка безкрылая самка одна блещетъ тѣмъ, зеленоватымъ блескомъ, который такъ привлекаетъ наше вниманіе. Даже у видовъ, оба пола которыхъ свѣтятся, свѣченіе самки несравненно сильнѣе. Правда, есть жуки, у которыхъ всего болѣе свѣтятся личинки. Это подало *Дарвину* [2]) мысль, что свѣченіе служитъ насѣкомымъ для пуганія враговъ. Такое объясненіе возможно, какъ возможно и то, что нѣкоторыя насѣкомыя пользуются своимъ свѣтящимся аппаратомъ для освѣщенія въ темнотѣ своего пути [3]). Тѣмъ не менѣе половой характеръ свѣченія въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ очевиденъ, что невозможно сомнѣваться въ его роли привлекать самцовъ.

Впрочемъ, здѣсь намъ не къ чему настаивать на значеніи инстинкта, стоящаго жизни столькимъ насѣкомымъ. Для насъ всего важнѣе то, что въ природѣ такъ часто встрѣчается дис-

---

1) *Брэмъ*: „Насѣкомыя“.
2) „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“.
3) *R. Dubois*: „Les Elatérides lumineux“. Meulan, 1886, p. 209.

гармонія между инстинктомъ, влекущимъ насѣкомое къ огню, и наступающимъ отъ его удовлетворенія гибельнымъ результатомъ.

Очевидно, что когда инстинктъ или другое дисгармоничное свойство вызываетъ преждевременную смерть, то оно не можетъ ни распространиться, ни удержаться. Такъ, извращенный материнскій инстинктъ неизбѣжно влечетъ за собою смерть потомства. Поэтому послѣднее не можетъ ни развить, ни передать по наслѣдству такой извращенный инстинктъ. Если бы всѣ или только значительное большинство самокъ кролика давали своимъ дѣтенышамъ умирать за недостаткомъ ухода, то, очевидно, этотъ видъ вскорѣ бы пресѣкся. Наоборотъ, тѣ самки, инстинктъ которыхъ заставляетъ хорошо вскармливать свое потомство, произведутъ здоровое поколѣніе, и оно легко передастъ по наслѣдству материнскій инстинктъ, столь полезный для сохраненія вида. Вотъ почему въ природѣ гармоническіе признаки мы встрѣчаемъ чаще, чѣмъ вредные. Послѣдніе не могутъ поддерживаться именно потому, что вредны какъ для особи, такъ и для вида. Итакъ, постоянно происходитъ подборъ признаковъ. Полезныя особенности передаются и сохраняются, въ то время какъ вредныя исчезаютъ. Эти дисгармоничные признаки могутъ вызвать полное исчезновеніе вида, но могутъ также исчезнуть сами, не повлекши за собой уничтоженія существъ, обладавшихъ ими. Въ послѣднемъ случаѣ вредный признакъ можетъ превратиться въ полезный для жизни вида.

Этотъ безпрерывный процессъ естественнаго подбора, такъ хорошо объясняющій превращеніе и происхожденіе видовъ сохраненіемъ полезныхъ признаковъ и исчезновеніемъ вредныхъ, былъ открытъ *Дарвиномъ* и *Уоллесомъ* и выставленъ въ должномъ свѣтѣ первымъ изъ этихъ двухъ великихъ ученыхъ.

Итакъ, задолго до появленія человѣка на землѣ были счастливыя, хорошо приспособленныя существа и несчастные организмы, слѣдовавшіе своимъ дисгармоничнымъ инстинктамъ, которые вредили имъ или губили ихъ. Если бы существа эти могли разсуждать и сообщать намъ впечатлѣнія, то очевидно, что хорошо приспособленныя, какъ орхидеи и роющія осы, стали бы на сторону оптимистовъ. Они объявили бы, что міръ устроенъ наиболѣе совершеннымъ образомъ и что для достиженія полнѣйшаго счастья и удовлетворенія слѣдуетъ пови-

новаться своимъ естественнымъ инстинктамъ. Существа же дисгармоничныя, дурно приспособленныя къ жизненымъ условіямъ, обнаружили бы явно пессимистическіе взгляды. Такъ было бы съ Божьей коровкой, влекомой голодомъ и вкусомъ къ меду и безуспѣшно добивающейся его въ цвѣткахъ, или съ насѣкомыми, направляемыми инстинктомъ къ огню, обжигающими крылья и становящимися неспособными къ дальнѣйшему существованію; очевидно, они объявили бы, что міръ устроенъ отвратительно и что лучше бы ему вовсе не существовать.

Къ какой же категоріи должны мы отнести всего болѣе интересующій насъ родъ человѣческій. Приспособлена ли природа человѣка къ жизненнымъ условіямъ, или же она дисгармонична? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимъ подробный разборъ фактовъ; читатель найдетъ его въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА III.

Гипотеза о происхожденіи человѣка отъ обезьяны.

Родство между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами.—Аналогія между ихъ зубами, конечностями и мозгомъ.—Сходство между червеобразнымъ отросткомъ человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ.—Аналогіи между дѣтскимъ мѣстомъ и зародышемъ человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ.—Родство крови человѣка и обезьянъ, обнаруживаемое гемолитичными и осаждающими серумами.—Превращеніе видовъ.—Рѣзкій переходъ отъ обезьяны къ человѣку.—Счетчикъ Иноди, какъ примѣръ внезапнаго появленія новыхъ признаковъ въ человѣческомъ родѣ.—Рудиментарные органы у человѣка.—Отношеніе между прогрессивными и регрессивными органами у человѣка.

Хотя при поверхностномъ взглядѣ на міръ животныхъ можетъ показаться, что гармоничныя приспобленія значительно превышаютъ дисгармоніи въ природѣ, тѣмъ не менѣе, при болѣе глубокомъ изученіи, легко убѣдиться въ противномъ.

Стоитъ принять въ соображеніе то обстоятельство, что организація всѣхъ животныхъ приводитъ къ нарушенію жизни растеній и другихъ животныхъ служащихъ пищею, и станетъ понятнымъ до какой степени рѣдко осуществлена на землѣ нормальная цѣль жизни, т.-е. достиженіе полнаго жизненнаго цикла.

Въ то время какъ насильственная смерть составляетъ самое распространенное правило, естественная смерть въ дѣйствительности встрѣчается лишь въ весьма рѣдкихъ исключеніяхъ.

Бѣглый взглядъ на органическія явленія вообще показываетъ, что несчастье безконечно болѣе распространено въ нашемъ мірѣ, чѣмъ счастье.

Это правило не составляетъ исключенія и для человѣка.

Для того чтобы составить понятіе о человѣческой природѣ, необходимо сначала выяснить себѣ происхожденіе человѣка. Вопросъ этотъ вѣками занималъ людей, о чемъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ преданія, представляющія человѣка, какъ особо стоящее твореніе божества. Этотъ важный вопросъ сдѣлался предметомъ и естественно-научныхъ изслѣдованій.

Уже болѣе полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ *Дарвинъ* примѣнилъ къ человѣку открытіе естественнаго подбора и его роли въ превращеніи видовъ.

Послѣ появленія его основного труда *о происхожденіи видовъ* принялись съ большею тщательности за изученіе вопроса о происхожденіи человѣка. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1863 г.), *Гексли* сдѣлалъ замѣчательный обзоръ этого вопроса въ своемъ сочиненіи «О положеніи человѣка въ природѣ». На основаніи въ высшей степени цѣнныхъ научныхъ доводовъ онъ доказываетъ, что человѣкъ—животнаго происхожденія и что его слѣдуетъ разсматривать какъ млекопитающее, близкое къ обезьянамъ, особенно къ антропоморфнымъ.

И однако, несмотря на мастерское изложеніе Гексли, еще до сихъ поръ находятся высоко интеллигентные и образованные люди, утверждающіе, что наука не отвѣтила на вопросъ, «откуда мы происходимъ», и что «эволюціонная теорія никогда не отвѣтитъ намъ на это» [1]).

Подробное изученіе человѣческаго организма окончательно доказало его тѣсную связь съ высшими или человѣкообразными обезьянами.

Открытіе шимпанзе и орангутанга дало возможность сравнить ихъ съ человѣкомъ и привело нѣсколькихъ выдающихся естествоиспытателей, между прочимъ великаго *Линнея*, къ мысли сблизить человѣка съ крупными человѣкообразными обезьянами.

Съ тѣхъ поръ стали изучать ихъ организацію во всѣхъ

---

[1]) *Brunetière*: „Revue des deux Mondes" 1-r Janv. 1895, p. 99.

подробностяхъ и сравнивать поочередно анатомическое строеніе каждой кости, каждаго мускула человѣка и крупныхъ безхвостыхъ обезьянъ. Аналогія между этими организмами оказалась поразительной, даже въ подробностяхъ.

Какъ извѣстно, въ естественной исторіи млекопитающихъ зубы играютъ очень важную роль для опредѣленія сходствъ и различій видовъ, зубы же человѣка очень сходны съ зубами человѣкообразныхъ обезьянъ. Всѣмъ извѣстны молочные и постоянные зубы человѣка. Въ этомъ отношеніи сходство ихъ у него и у человѣкообразной обезьяны поразительно. У обоихъ одно и то же число зубовъ (32 зуба у взрослыхъ); форма и общее расположеніе коронки зубовъ тоже одинаковы. Разница касается только второстепенныхъ признаковъ, а именно: формы, относительной величины и числа бугровъ. У человѣкообразныхъ обезьянъ зубы вообще сильнѣе развиты, чѣмъ у человѣка. У гориллы рѣзцы гораздо длиннѣе, а корни ложныхъ коренныхъ зубовъ гораздо сложнѣе человѣческихъ.

Но не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что всѣ эти различія менѣе рѣзки, чѣмъ разница между зубами человѣкообразнымъ обезьянъ и всѣхъ остальныхъ. Даже у ближайшихъ къ человѣкообразнымъ обезьянамъ, у павіановъ, зубы очень сильно отличаются. Такъ, форма ихъ верхнихъ коренныхъ зубовъ совершенно другая, еще сложнѣе, чѣмъ у гориллы. Рѣзцы длиннѣе, ложнокоренные и коренные зубы еще сложнѣе, чѣмъ у гориллы.

Зубы обезьянь Новаго Свѣта еще сильнѣе отличаются отъ зубовъ человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ. Вмѣсто 32, у взрослыхъ 36 зубовь. Ложнокоренныхъ—12, вмѣсто 8. Общій видъ и коронки коренныхъ зубовъ очень несходны съ тѣмъ, что мы видимъ у человѣкообразныхъ обезьянъ.

Всѣ эти данныя приводятъ Гексли къ тому выводу, что, «несмотря на разницу, существующую между зубами самой высшей обезьяны сравнительно съ человѣческими, разница эта все же гораздо менѣе значительна, чѣмъ та, которая наблюдается между зубами высшихъ обезьянъ, съ одной стороны, и низшихъ—съ другой» [1]).

---

[1]) „Положеніе человѣка въ природѣ", франц. пер., стр. 47.

Другой признакъ, приближающій человѣкообразныхъ обезьянъ къ человѣку, заключается въ анатоміи крестца.

У обезьянъ въ строгомъ смыслѣ слова крестецъ состоитъ изъ 3 или, рѣдко, изъ 4 позвонковъ. У человѣкообразныхъ же обезьянъ въ немъ 5 позвонковъ, т.-е. какъ разъ столько, сколько у человѣка.

Скелетъ вообще и черепъ въ частности, несомнѣнно, представляютъ рѣзкія различія у человѣка сравнительно съ высшими обезьянами; но и здѣсь различія эти менѣе велики, чѣмъ между человѣкообразными и обыкновенными обезьянами. Такимъ образомъ слѣдующее положеніе, высказанное Гексли о скелетѣ, остается совершенно вѣрнымъ: «относительно черепа, точно такъ же какъ и скелета вообще,—говоритъ онъ,—подтверждается, что различія между гориллой и человѣкомъ менѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыя наблюдаются между гориллой и нѣкоторыми другими обезьянами» (l. c., стр. 42).

Сторонники того ученія, что родъ человѣческій существенно отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ обезьянъ, очень настаивали на разницѣ между стопой человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ. Разница эта неоспорима. Человѣкъ постоянно держится на ногахъ, въ то время какъ даже высшія обезьяны дѣлаютъ это только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Вслѣдствіе этого у обезьянъ стопа развилась сильнѣе. Однако не слѣдуетъ преувеличивать этой разницы. Старались доказать, что обезьяны—«четверорукія» животныя и что ихъ нижнія конечности заканчиваются «задними руками». Но теперь вполнѣ доказано, что, по существу, заднія конечности гориллы кончаются такой же настоящей стопой, какъ и у человѣка (*Гексли* l с., стр. 59).

«Заднія конечности гориллы снабжены настоящей стопой съ подвижнымъ большимъ пальцемъ. Это—стопа, способна обхватывать предметы, но никоимъ образомъ не рука. Стопа эта не отличается отъ человѣческой никакими основными признаками, а только относительными размѣрами, степенью подвижности и строеніемъ второстепенныхъ своихъ частей» (ib., стр. 60).

Во всякомъ случаѣ и здѣсь вновь подтверждается то правило, «что какова бы ни была разница между человѣческими рукой и ногой съ одной стороны, и этими частями тѣла у

гориллы—съ другой, различія эти еще гораздо значительнѣе при сравненіи гориллы съ низшими обезьянами» (ib., стр. 61).

Сравненіе мускуловъ и другихъ внутреннихъ органовъ ведетъ къ тому же выводу: различія между обезьянами разнообразнѣе и больше, чѣмъ между человѣкообразными обезьянами и человѣкомъ.

Очень много спорили въ этомъ отношеніи по поводу анатоміи мозга. Нѣсколько весьма извѣстныхъ ученыхъ, между которыми назовемъ *Оуэна*, настаивали на томъ, что у обезьянъ отсутствуютъ части мозга, характерныя для человѣка. Таковы: задняя лопасть, задній рогъ и малый гиппокампъ. По этому вопросу возникла даже очень рѣзкая полемика между анатомами. Но въ концѣ-концовъ торжество осталось не за мнѣніемъ *Оуэна*. Въ настоящее время всѣми единогласно принято, что именно названныя части мозга представляютъ наиболѣе характерные признаки мозгового строенія общаго для человѣка и обезьяны. Онѣ составляютъ наиболѣе рѣзко выраженные обезьяньи признаки, встрѣчающіеся въ организмѣ человѣка (*Гексли* l. c., стр. 73).

Различія между человѣческимъ мозгомъ и мозгомъ человѣкообразныхъ обезьянъ, конечно, менѣе рѣзки, чѣмъ различія между мозгами высшихъ и низшихъ обезьянъ.

Кишечный каналъ представляетъ намъ новый доводъ въ пользу сближенія человѣкообразныхъ обезьянъ съ человѣкомъ.

У послѣдняго слѣпая кишка снабжена тѣмъ замѣчательнымъ и страннымъ червеобразнымъ отросткомъ, о которомъ часто идетъ рѣчь по поводу опасной и очень распространенной болѣзни—*аппендицита*. И вотъ этотъ-то органъ вполнѣ сходенъ съ червеобразнымъ отросткомъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ бросить бѣглый взглядъ на рисунки (6, 7). Ни у одной изъ другихъ обезьянъ нѣтъ ничего подобнаго.

У низшихъ обезьянъ или вовсе не существуетъ червеобразнаго отростка, или онъ имѣетъ только отдаленное сходство съ человѣческимъ.

Неудивительно, что, въ виду всѣхъ этихъ многочисленныхъ сходныхъ признаковъ, наука сочла себя въ правѣ провозгласить уже болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, что между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами существуетъ несомнѣнное род-

ство. Положеніе это сдѣлалось общепринятымъ въ наукѣ тѣмъ болѣе, что ни разу не удалось поколебать его какимъ бы то ни было точнымъ фактомъ. Съ тѣхъ поръ было собрано много данныхъ относительно естественной исторіи человѣкообразныхъ обезьянъ.

Невѣрная теорія не выдерживаетъ обыкновенно напора новыхъ фактовъ. Часто стараются согласить ихъ съ требованіями теоріи, но такія попытки непродолжительны, и въ концѣ-концовъ теорія отвергается. Поэтому для преслѣдуемой нами цѣли было бы полезно сопоставить ученіе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны съ многочисленными данными, собранными наукой за послѣдніе десятки лѣтъ.

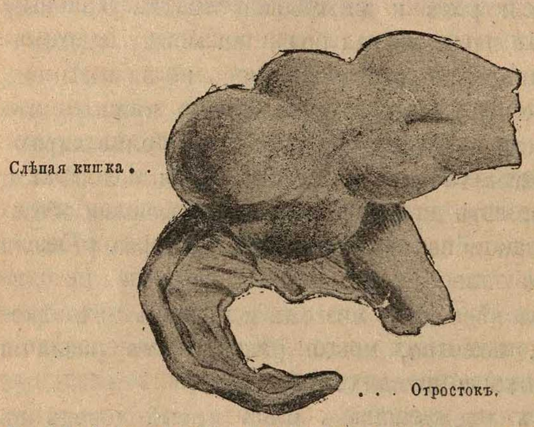

Рис. 6. Слѣпая кишка съ червеобразнымъ отросткомъ у человѣка (по *Эзальду*).

Въ тѣ времена, когда Гексли пытался установить положеніе человѣка въ природѣ, еще почти ничего не знали относительно исторіи развитія человѣкообразныхъ обезьянъ. *Дарвинъ*[1]), *Фогтъ*[2]) *Гексли*[3]) не имѣли еще достаточныхъ свѣдѣній по эмбріологіи этихъ обезьянъ, когда пытались обосновать ученіе о животномъ происхожденіи человѣка. Только позднѣе были собраны важные документы по этому вопросу.

Какъ извѣстно, исторія развитія большею частью служитъ очень цѣннымъ руководствомъ въ изслѣдованіи родства между организмами. Поэтому интересно бросить бѣглый взглядъ на факты, установленные относительно эмбріологіи человѣкообразныхъ обезьянъ. Такъ какъ очень трудно добывать матеріалъ для этихъ изслѣдованій, то несовершенство современнаго положенія вопроса вполнѣ естественно.

---

1) „Происхожденіе человѣка".
2) „Лекціи о человѣкѣ".
3) „Антропогенія", 4-е изд. 1891 г.

Устройство дѣтскаго мѣста часто даетъ важныя указанія для классификаціи млекопитающихъ. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на поясное дѣтское мѣсто собакъ и тюленей, чтобы убѣдиться въ родствѣ этихъ двухъ видовъ, кажущихся, однако, очень различными съ перваго взгляда. Дѣтское мѣсто всѣхъ до сихъ поръ изученныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ представляетъ такой же дискоидальный типъ, какъ у человѣка. *Деникеръ* [1]) и *Зеленка* [2]) установили, что положеніе пупочнаго шнурка у человѣка считавшееся прежде совершенно исключительнымъ для человѣческаго рода, одинаково и у человѣкообразныхъ обезьянъ. Слѣдуетъ замѣтить, что по устройству своихъ за-

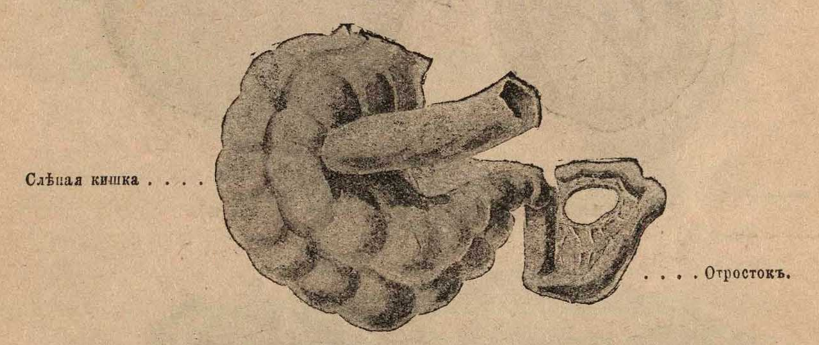

Рис. 7. Слѣпая кишка съ червеобразнымъ отросткомъ у шимпанзе (по препарату коллекціи Музея естественной исторіи).

родышевыхъ оболочекъ эти обезьяны стоятъ къ человѣку ближе, чѣмъ къ низшимъ обезьянамъ.

Что касается самихъ зародышей, то сходство ихъ у человѣка и обезьяны поразительное. *Зеленка* настаиваетъ на томъ, что «зародышевые диски человѣка, на самыхъ раннихъ стадіяхъ, какія только можно наблюдать, едва отличаются отъ зародышевыхъ дисковъ у хвостатыхъ обезьянъ какъ по положенію, такъ и по формѣ» (1 с., стр. 188).

Болѣе позднія стадіи сильнѣе дифференцированы. Въ нихъ человѣческіе зародыши гораздо болѣе походятъ на зародыши человѣкообразныхъ, чѣмъ низшихъ обезьянъ. На фигурѣ 8 изображенъ зародышъ гиббона, изученный *Зеленкой*. Онъ пред-

---

1) Archives de zoologie expérimentale, 1885.
2) Studien über Entwickelungsgeschichte der Thiere, 1898—1902.

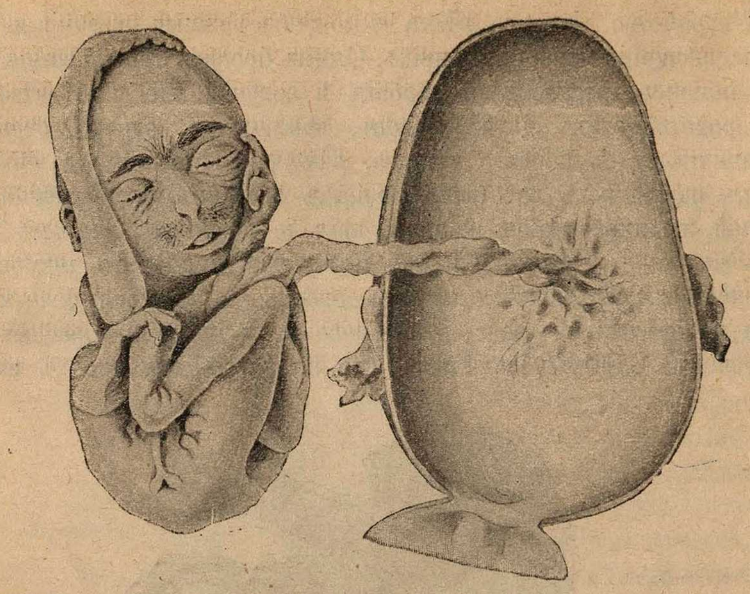

Рис. 8. Зародышъ Гиббона (по *Зеленкѣ*).

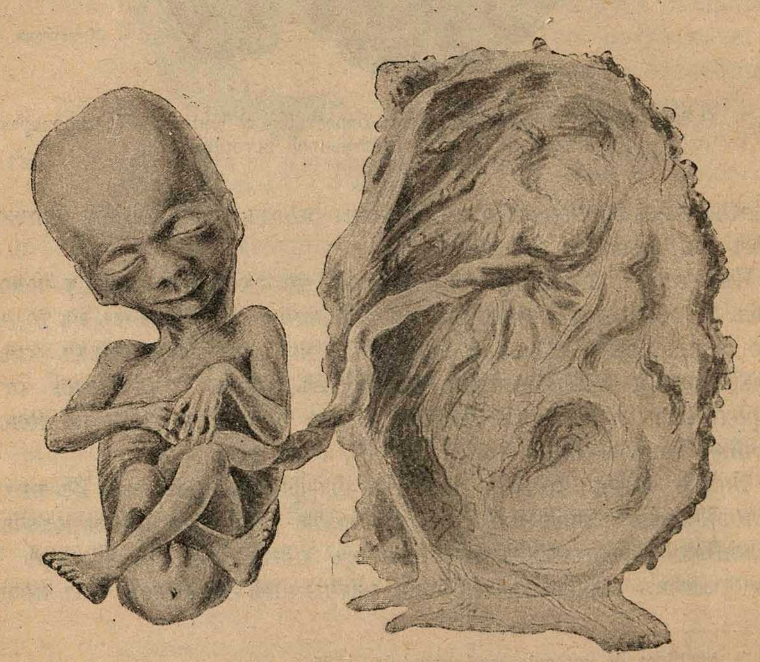

Рис. 9. $3^1/_2$ мѣсячный зародышъ человѣка.

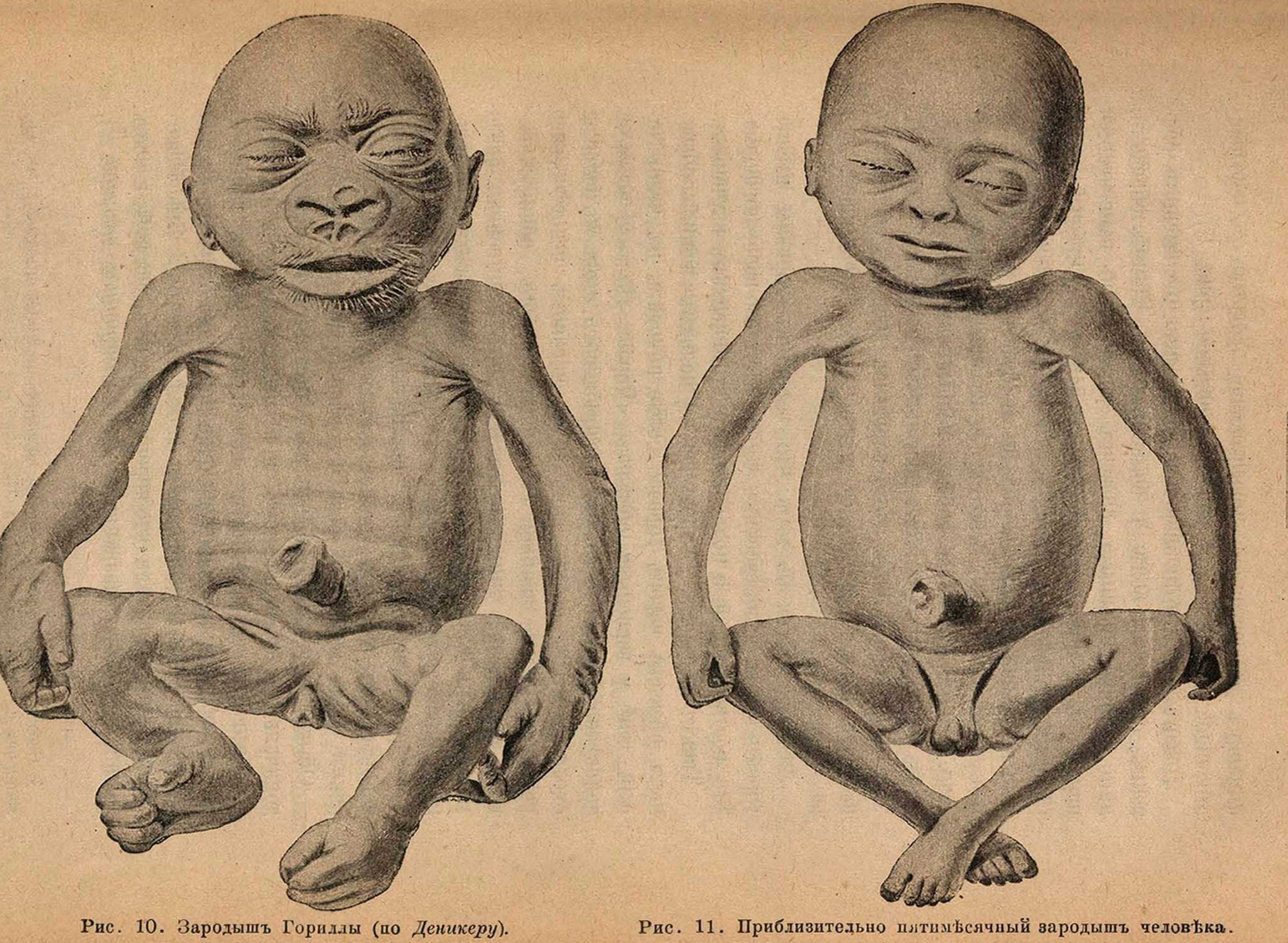

Рис. 10. Зародышъ Гориллы (по *Деникеру*).

Рис. 11. Приблизительно пятимѣсячный зародышъ человѣка.

ставляетъ дѣйствительно поразительное сходство съ соотвѣтствующей стадіей человѣческаго зародыша (рис. 9).

Позднѣе черты, отличающія человѣка даже отъ высшихъ обезьянъ, становятся болѣе и болѣе рѣзкими. Такимъ образомъ, лицо человѣкообразныхъ обезьянъ значительно вытягивается впередъ и принимаетъ животнообразный видъ, чуждый человѣческой природѣ. Тѣмъ не менѣе между довольно развитыми уже зародышами человѣкообразныхъ обезьянъ и человѣка на 5 и 6 мѣсяцахъ еще существуетъ весьма значительное сходство. *Деникеру* удалось добыть необыкновенно рѣдкій зародышъ гориллы, который онъ и изучилъ съ возможной полнотой. Уже одинъ общій видъ этого зародыша (рис. 10) указываетъ на очень близкое родство съ человѣческимъ зародышемъ того же возраста (рис. 11).

Легко убѣдиться въ томъ, что зародышъ гориллы имѣетъ гораздо болѣе человѣческихъ чертъ, чѣмъ его взрослая форма. Это подтверждается и подробнымъ анатомическимъ изученіемъ.

Такимъ образомъ, у зародышей и у молодыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ черепъ гораздо болѣе походитъ на человѣческій, чѣмъ у взрослыхъ обезьянъ. «Черепа дѣтскаго возраста человѣкообразныхъ обезьянъ представляютъ столь же большое сходство между собой, какъ и съ черепомъ человѣческаго ребенка. Но уже начиная съ первыхъ зубовъ, обнаруживаются такія рѣзкія типичныя различія, что родственная связь можетъ быть допущена только съ помощью многихъ исчезнувшихъ промежуточныхъ формъ» (*Зеленка*, l. c., стр. 160).

Эмбріологическія данныя, подтверждающія происхожденіе человѣка отъ обезьяны, не позволяютъ произвести его ни отъ какого нынѣ живущаго рода человѣкообразныхъ обезьянъ.

Обыкновенно думаютъ, что послѣднія имѣютъ общаго родоначальника съ человѣкомъ, и всячески стараются подтвердить это положеніе точными палеонтологическими данными. Такимъ образомъ, большое значеніе придавали открытію *Эжена Дюбуа* въ 1894 г. ископаемыхъ костей на островѣ Явѣ. Нѣкоторые ученые признали, что черепная крышка, два зуба и кость голени существа, названнаго *Питекантропусъ эректусъ* [1]),

---

[1]) Сводъ, данный по этому вопросу, находится въ книгѣ *Альсбергъ*, „Die Abstammung des Menschen" 1902, гл. III.

принадлежатъ промежуточной формѣ между человѣкомъ и человѣкообразной обезьяной.

Но такъ какъ данныя для такого заключенія еще слишкомъ несовершенны и противорѣчивы, то мы не воспользуемся ими для подтвержденія защищаемаго нами положенія. Впрочемъ, легко обойтись и безъ нихъ, такъ какъ животное происхожденіе человѣка и безъ того достаточно обосновано.

Все сдѣланное до сихъ поръ для установленія происхожденія человѣка основано на данныхъ сравнительной анатоміи и эмбріологіи человѣка и обезьянъ. Углубляясь въ разрѣшеніе этой задачи, *Дарвинъ* настаивалъ на томъ, что сходство паразитовъ у человѣка и у высшихъ обезьянъ указываетъ на родство соковъ и внутреннихъ частей ихъ организмовъ.

Изученіе заразныхъ болѣзней, въ свою очередь, подтверждаетъ это родство. Исходя изъ мысли о тѣсной связи между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами, удалось привить послѣднимъ сифилисъ, болѣзнь, считавшуюся исключительно человѣческой.

Въ сотрудничествѣ съ Ру мы могли вызвать экспериментальный сифилисъ у шимпанзе, человѣкообразной обезьяны, изъ всѣхъ нынѣ живущихъ видовъ наиболѣе близкой къ человѣку [1]).

Ее, также какъ и другую человѣкообразную обезьяну—Гиббона—удалось заразить брюшнымъ тифомъ, давая имъ тифозныя культуры вмѣстѣ съ пищею.

Экспериментальная болѣзнь этихъ животныхъ во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ тифомъ у человѣка [2]).

Производя изслѣдованія въ совершенно иномъ направленіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напали на очень важные факты, могущіе пролить новый свѣтъ на родство между животными видами.

При впрыскиваніи крови одного млекопитающаго другому, чуждаго вида, нашли очень поразительныя измѣненія въ организмѣ послѣдняго. Если мы приготовимъ изъ крови кролика кровяную сыворотку и прибавимъ къ этой прозрачной и безцвѣтной жидкости нѣсколько капель крови грызуна дру-

---

1) Bulletin de l'académie de médecine 1903, t. XLIX p. 101.
2) Comptes rendus de l'académie des sciences 1910 (1-ro Semestre) p. 755.

того вида, напримѣръ, морской свинки, то не произойдетъ ничего необыкновеннаго. Кровь морской свинки сохранитъ свою обычную окраску и красные шарики останутся приблизительно неизмѣненными. Прибавляя къ сывороткѣ кролика, вмѣсто крови морской свинки, нѣсколько капель ея кровяной сыворотки, увидимъ, что эти двѣ прозрачныя жидкости смѣшаются, при чемъ не произойдетъ тоже ничего необыкновеннаго.

Если же, наоборотъ, мы приготовимъ сыворотку изъ крови такого кролика, которому предварительно была впрыснута кровь морской свинки, то убѣдимся, что сыворотка эта обладаетъ новыми и поистинѣ удивительными свойствами. Прибавивъ къ этой сывороткѣ нѣсколько капель крови морской свинки, мы вскорѣ увидимъ, что эта красная жидкость измѣняется. Изъ мутной она становится прозрачной. Смѣсь сыворотки подготовленнаго кролика и крови морской свинки принимаетъ оттѣнокъ краснаго вина, разбавленнаго водой. Измѣніе это произошло вслѣдствіе растворенія красныхъ шариковъ морской свинки въ кровяной сывороткѣ подготовленнаго кролика.

Серумъ пріобрѣлъ и другое, не менѣе достопримѣчательное свойство. Если къ нему прибавить уже не цѣльную кровь морской свинки, а только ея кровяную сыворотку, то смѣсь почти мгновенно помутнѣетъ, и въ ней получится болѣе или менѣе обильный осадокъ.

Итакъ, впрыскиваніе крови морской свинки кролику измѣнило серумъ послѣдняго и вызвало въ немъ новыя свойства: растворять красные шарики морской свинки и давать осадокъ въ смѣси съ кровяной сывороткой того же животнаго.

Серумъ животныхъ, подготовленныхъ предварительными впрыскиваніями крови другихъ животныхъ видовъ, часто бываетъ строго специфичнымъ. Въ такомъ случаѣ серумъ даетъ осадокъ только съ сывороткой того вида, кровь котораго была впрыснута, и растворяетъ кровяные шарики только того же вида. Но существуютъ примѣры, когда сыворотка подготовленнаго животнаго растворяетъ не только красные шарики того вида, кровь котораго служила для впрыскиванія, но также кровяные шарики сосѣднихъ видовъ. Такъ, кровяная сыворотка кролика, которому нѣсколько разъ впрыскивали куриную кровь, становится способной растворять не только

красные кровяные шарики курицы, но и голубя, хотя въ меньшей степени.

Этимъ свойствомъ серумовъ воспользовались въ судебной медицинѣ для распознаванія происхожденія пролитой крови.

Какъ извѣстно, часто бываетъ очень важно узнать, происходитъ ли кровяное пятно отъ человѣческой или отъ животной крови.

До послѣдняго времени не умѣли отличать кровь человѣка отъ крови другихъ млекопитающихъ. Поэтому пытались узнать, нельзя ли растворить красные шарики кровяного пятна серумомъ животныхъ, предварительно привитыхъ человѣческою кровью. Положительный результатъ указывалъ бы на то, что кровяное пятно происходитъ отъ человѣческой крови. Но вскорѣ нашли, что методъ этотъ недостаточно точенъ. Съ другой стороны, убѣдились въ томъ, что методъ осадковъ даетъ гораздо болѣе опредѣленные результаты. Вотъ что необходимо для этого. Какому бы то ни было животному (кролику, собакѣ, овцѣ, лошади) нѣсколько разъ прививаютъ человѣческую кровь. Спустя нѣкоторое время у этого животнаго берутъ кровь и приготовляютъ изъ нея свѣтлый и прозрачный серумъ, хорошо освобожденный отъ кровяныхъ шариковъ. Если къ полученной кровяной сывороткѣ прибавить нѣсколько капель человѣческой сыворотки, то тотчасъ образуется осадокъ, падающій на дно сосуда. Такимъ путемъ убѣждаются въ томъ, что приготовленный серумъ достаточно дѣятеленъ, и тогда, съ его помощью, можно отличить человѣческую кровь, даже высохшую. Съ этой цѣлью растворяютъ ея небольшое количество въ физіологическомъ растворѣ и вливаютъ въ пробирку, заключающую серумъ животнаго, привитаго человѣческою кровью. Если черезъ короткое время въ жидкости образуется осадокъ, то это значитъ, что пятно дѣйствительно произошло отъ человѣческой крови. Методъ этотъ начинаетъ уже проникать въ судебно-медицинскую практику.

Вышеупомянутая реакція интересна для насъ въ томъ отношеніи, что она способна выяснить родственную связь между животными видами. Серумъ животнаго, подготовленнаго кровью курицы, даетъ осадокъ не только съ куринымъ серумомъ, но и съ голубинымъ; онъ остается, наоборотъ, неизмѣненнымъ, если къ нему прибавить серумъ млекопитающихъ. Эта реакція

указываетъ, слѣдовательно, что между курицей и голубемъ существуетъ довольно близкое родство. Другой примѣръ: серумъ животнаго, приготовленный съ бычачьей кровью, даетъ обильный осадокъ, если къ нему прибавить немного бычачьей же кровяной сыворотки, но не даетъ этой реакціи съ кровяными сыворотками цѣлаго ряда другихъ млекопитающихъ, даже съ серумомъ овцы, оленя и лани [1]). Слѣдовательно, родство между бычачьей породой и другими жвачными не настолько велико, какъ родство между курицей и голубемъ.

Что же видимъ мы относительно серума животныхъ, привитыхъ человѣческою кровью? То, что серумъ, дающій осадокъ съ человѣческой кровяной сывороткой, обнаруживаетъ подобную же реакцію исключительно съ серумомъ нѣкоторыхъ обезьянъ [2]).

Грюнбауму [3]) въ Ливерпулѣ удалось достать довольно значительное количество крови трехъ большихъ человѣкообразныхъ обезьянъ: гориллы, шимпанзе и орангутанга.

Во-первыхъ, онъ убѣдился въ томъ, что серумъ животныхъ, привитыхъ человѣческою кровью, даетъ осадокъ не только съ послѣдней, но и съ кровью вышеупомянутыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Оказалось невозможнымъ «отличить этотъ осадокъ, какъ качественно, такъ и количественно отъ того, который получается съ человѣческою кровью».

Для контроля этого результата *Грюнбаумъ* бралъ серумъ животныхъ, привитыхъ кровью гориллы, шимпанзе и орангутанга. Всѣ три вида серумовъ давали осадки съ кровью этихъ трехъ обезьянъ и, въ такой же степени, съ кровью человѣка. Очевидно, слѣдовательно, что между родомъ человѣческимъ и человѣкообразными обезьянами существуетъ не только внѣшняя аналогія тѣла и главныхъ органовъ, но еще и внутреннее, дѣйствительно кровное, родство.

Такіе факты не могли быть предусмотрѣны теоріей происхожденія человѣка отъ обезьянъ. Тѣмъ не менѣе они подтверждаютъ ее поразительнымъ образомъ.

Итакъ, невозможно болѣе сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ является животнымъ, относящимся къ группѣ приматовъ и тѣс-

---

[1]) *Uhlenhut*. Deutsche med. Wochenschrift, 1901, стр. 82.
[2]) *Wassermann und Schütze*: „Berliner Klinische Wochenschrift“, 1901, стр. 7.
[3]) „The Lancet“ 18 января 1902.

но связаннымъ съ высшими обезьянами нашего времени. Результатъ этотъ имѣетъ большое значеніе для всѣхъ соображеній относительно человѣческой природы.

Было бы, конечно, въ высшей степени интересно съ большею точностью прослѣдить путь происхожденія человѣка отъ обезьяны. Свѣдѣнія наши на этотъ счетъ еще очень неполны. Въ своихъ изслѣдованіяхъ о человѣкообразныхъ обезьянахъ *Зеленка* настаиваетъ на тѣснѣйшемъ родствѣ между шимпанзе и человѣкомъ. «Большое сходство ложнокоренныхъ и коренныхъ зубовъ у шимпанзе и человѣка, повидимому, указываетъ на ихъ общее происхожденіе отъ угасшихъ видовъ, сходныхъ съ дріопитекусами. Однако противъ такого вывода говоритъ то обстоятельство, что молочные зубы шимпанзе гораздо болѣе приближаются къ зубамъ орангутанга, чѣмъ къ человѣческимъ» (*Зеленка,* 1. с., стр. 157).

Очевидно, что для выясненія этого вопроса слѣдовало бы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія относительно ископаемыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, каковы дріопитекусы и ихъ родичи. При настоящемъ же положеніи науки можно только высказывать гипотезы общаго характера относительно происхожденія человѣка.

Мы уже указывали на то, что зародыши человѣка и обезьяны гораздо болѣе сходны между собой, чѣмъ ихъ взрослыя формы. Точно такъ же обезьяна и человѣкъ болѣе близки между собой въ дѣтскомъ возрастѣ, чѣмъ въ зрѣломъ. Сильное развитіе черепа сравнительно съ лицомъ характерно какъ для молодыхъ обезьянъ, такъ и для человѣка въ обоихъ возрастахъ. У человѣкообразныхъ обезьянъ челюсти продолжаютъ сильно развиваться, въ то время какъ у человѣка въ этомъ отношеніи происходитъ нѣкоторая остановка развитія. Столь незначительные волосяные покровы человѣка представляютъ такую же остановку развитія.

Обыкновенно они остаются не вполнѣ развитыми въ теченіе всей жизни. Особенно на спинной поверхности человѣка замѣчается отсутствіе или слабое развитіе волосъ. Изъ того, что у обезьяны спинная поверхность, наоборотъ, гораздо сильнѣе покрыта шерстью, чѣмъ брюшная, хотѣли вывести, что между человѣкомъ и обезьяной существуетъ основное различіе. Но эмбріологія даетъ намъ возможность выяснить это кажущееся

противорѣчіе. У зародыша гориллы, изученнаго Деникеромъ, спина была почти совершенно голая. «У зародыша были настоящіе волосы только на головѣ, на лбу, вокругъ губъ и половыхъ органовъ, не считая рѣсницъ и бровей. Остальное тѣло было голое или покрыто маленькими волосками, не длиннѣе одного миллиметра» (*Деникеръ*, 1, с., стр. 17). Кожа живота, голая вокругъ пупка, на остальной поверхности была покрыта маленькими волосками, но болѣе развитыми, чѣмъ на спинѣ. Обиліе волосъ на этой части тѣла у обезьянъ, слѣдовательно, является болѣе позднимъ пріобрѣтеніемъ въ зародышевой жизни.

Относительно распредѣленія волосъ человѣкъ еще болѣе походитъ на обезьяній зародышъ, чѣмъ на взрослую обезьяну. Фактъ этотъ не только не колеблетъ теоріи родства между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами, но наоборотъ, даетъ намъ драгоцѣнное указаніе относительно происхожденія человѣка. Изъ суммы всѣхъ извѣстныхъ данныхъ мы имѣемъ право вывести, что человѣкъ представляетъ остановку развитія человѣкообразной обезьяны болѣе ранней эпохи. Онъ является чѣмъ-то въ родѣ обезьяньяго «урода», не съ эстетической, а съ чисто-зоологической точки зрѣнія. Человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ необыкновенное дитя человѣкообразныхъ обезьянъ, —дитя, родившееся съ гораздо болѣе развитымъ мозгомъ и умомъ, чѣмъ у его родителей. Гипотеза эта вполнѣ вяжется со всѣми извѣстными намъ фактами.

Приходится допустить, что нѣкоторые виды организмовъ не подчиняются медленному развитію, а появляются внезапно, и что въ этомъ случаѣ природа дѣлаетъ значительный скачокъ. Уже Дарвинъ предвидѣлъ эту возможность, но она была обнаружена впервые замѣчательными изслѣдованіями батаника *Гуго де Фризъ* [1]).

Послѣдній въ теченіе 15 лѣтъ разводилъ американскую онагру (*Oenotera lamarckiana*). Онъ замѣтилъ внезапное появленіе на ней цвѣтовъ, значительно отличающихся отъ родоначальныхъ. Они представляли такія рѣзкія отличія, что ихъ можно было распредѣлить въ нѣсколько различныхъ видовъ. Въ теченіе первыхъ годовъ *де Фризъ* получилъ три вида

---

[1]) „Die Mutationstheorie“ t. I, Leipzig, 1901.

(*Oenotera lata*, *Oen. nanella* и иногда *Oen. scintilans*); но измѣняемость становилась все большей и большей, такъ что, въ концѣ-концовъ, онъ опредѣлилъ 12 новыхъ видовъ. Они размножались сѣменами и передавали свои специфическіе признаки потомству. Такимъ образомъ *де Фризу* удалось присутствовать при внезапномъ появленіи новыхъ видовъ.

Человѣкъ, вѣроятно, обязанъ своимъ происхожденіемъ подобному же явленію. Какая-нибудь человѣкообразная обезьяна, въ періодъ измѣняемости специфическихъ свойствъ своихъ, народила дѣтей, снабженныхъ новыми признаками.

Анормально большой мозгъ, заключенный въ объемистомъ черепѣ, позволилъ быстро развиться умственнымъ способностямъ, гораздо болѣе мощнымъ, чѣмъ у родителей и вообще у родоначальнаго вида. Это особенность должна была быть переданной потомству, и такъ какъ она имѣла очень большое значеніе въ борьбѣ за существованіе, то новая раса должна была установиться, распространиться и статъ преобладающей. Необыкновенное умственное развитіе, очевидно, должно было вызвать усовершенствованія въ выборѣ пищи, приведшія къ изготовленію ея въ болѣе удобоваримой формѣ. При этихъ условіяхъ работа челюстей стала менѣе тѣжелой, тѣмъ болѣе, что онѣ перестали служить въ дѣлѣ защиты и нападенія, какъ это было прежде. Поэтому онѣ развивались менѣе, чѣмъ у человѣкообразныхъ обезьянъ, въ строгомъ значеніи слова.

Эти мысли—не что иное, какъ простыя соображенія, легко согласующіяся съ извѣстными намъ фактами. Мы знаемъ, что иногда рождаются необыкновенныя дѣти, отличающіяся отъ родителей какими-нибудь новыми, очень развитыми способностями.

Около 20 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ надѣлалъ много шума молодой пьемонтецъ *Яковъ Иноди*, отличавшійся необыкновенной способностью исчисленія [1]). Онъ былъ одаренъ поразительной памятью цифръ и производилъ математическія вычисленія съ необыкновенной быстротой. Въ двѣ минуты помножалъ онъ два числа, состоящія изъ 7 и 6 цифръ; не большее затрудненіе преставляли для него другія математическія вычисленія, какъ, напримѣръ, извлеченіе корней.

[1]) „Comptes rendus de l'académie des Sciences", 1892, стр. 275, 1329. „Revue Scientifique" 1880, стр. 1124.

Для достиженія этого *Иноди* пользовался своей необычайной памятью цифръ, основанной на удержаніи звуковыхъ впечатлѣній. Слухъ его запоминалъ произнесенныя цифры. *Иноди* объяснилъ комиссіи, назначенной академіей наукъ, что, воспроизводя въ своей памяти числа, онъ слышалъ ихъ какъ бы повторяемыми его собственнымъ голосомъ и что это явленіе можетъ продолжаться значительную часть дня. «Если черезъ часъ или два я подумаю о только что названномъ числѣ, я могу повторить его съ такой же точностью, какъ сдѣлалъ это сейчасъ передъ комиссіей».

Эта поразительная и столь рѣдкая слуховая память развилась совершенно внезапно. *Иноди*—сынъ бѣдныхъ пьемонтскихъ крестьянъ; первые годы своей жизни онъ пасъ овецъ. Уже въ шесть лѣтъ обнаружилась его поразительныя способность къ вычисленію. Онъ тогда еще не умѣлъ ни читать, ни писать. Въ 11 лѣтъ онъ удивлялъ членовъ Парижскаго антропологическаго общества своей необычайной памятью и только гораздо позднѣе, уже въ 20 лѣтъ, выучился читать и писать. Никто изъ родителей маленькаго Жака не обнаруживалъ даже въ слабой степени его способности къ вычисленію. Приходится, слѣдовательно, допустить, что она развилась такъ же внезапно, какъ вышеупомянутые новые признаки въ цвѣтахъ онагры.

Первые люди, вѣроятно, были также геніальными дѣтьми человѣкообразныхъ родителей. Гипотеза эта очень хорошо объясняетъ тотъ фактъ, что человѣкъ, болѣе сходный съ зародышемъ и съ дѣтенышемъ человѣкообразныхъ обезьянъ, чѣмъ съ ихъ взрослой формой, сохранилъ многочисленные зачатки органовъ, гораздо болѣе развитыхъ у разныхъ видовъ обезьянъ.

Извѣстный нѣмецкій анатомъ *Видерсгеймъ* [1]) изложилъ въ одномъ томѣ сводъ современныхъ свѣдѣній относительно органовъ человѣка съ точки зрѣнія его происхожденія. Онъ насчиталъ пятнадцать органовъ, представляющихъ у человѣка значительный шагъ впередъ по отношенію къ человѣкообразнымъ обезьянамъ. Это въ особенности слѣдующіе: нижнія конечности, хорошо приспособленныя къ вертикальному по-

---

[1]) „Der Bau des Menschen", 3-е изд. 1902 г.

ложенію тѣла и къ продолжительной ходьбѣ; развитіе въ ширину таза и крестца, равно какъ расширеніе отверстія малаго таза у женщины; изгибъ поясничной части позвоночнаго столба; развитіе мускуловъ задней части и икръ; обособленіе нѣкоторыхъ мускуловъ лица; носъ; нѣкоторые проводящіе пути головного и спинного мозга; затылочная лопасть большихъ полушарій; усиленное развитіе корковаго слоя большихъ полушарій и, наконецъ, значительное обособленіе мускуловъ гортани, дѣлающее возможнымъ членораздѣльную рѣчь.

Но рядомъ съ этими прогрессирующими органами, *Видерсгеймъ* насчиталъ 17 органовъ, находящихся въ упадкѣ и способныхъ, болѣе или менѣе неполно, выполнять свое физіологическое отправленіе (въ это число входитъ упрощеніе мускуловъ нижней конечности, 11-я и 12-я пары реберъ, пальцы ноги, слѣпая кишка и т. д.).

Кромѣ того, онъ насчиталъ не менѣе 107 рудиментарныхъ органовъ, не могущихъ болѣе выполнять никакой роли (копчиковая кость—остатокъ хвоста, 13-я пара реберъ у взрослаго, ушные мускулы, червеобразный отростокъ и т. д. относятся въ этой категоріи).

Мы уже указали въ предыдущей главѣ на важное значеніе рудиментарныхъ органовъ, какъ документовъ, могущихъ служить къ возстановленію генеалогіи организмовъ. Эти органы, сами по себѣ ненужные, являются остатками подобныхъ, но болѣе развитыхъ органовъ, выполнявшихъ полезное отправленіе у предковъ.

Необыкновенно большое количество рудиментарныхъ органовъ у человѣка служитъ лишнимъ доказательствомъ его животнаго происхожденія и доставляетъ наукѣ существенныя данныя для философскаго пониманія человѣческой природы.

ГЛАВА IV.

Дисгармоніи въ устройствѣ пищеварительныхъ органовъ человѣка.

Совершенство человѣческаго образа.—Волоса, покрывающіе кожу.—Зубы вообще и зубы мудрости въ частности.—Придатокъ слѣпой кишки.—Аппендицитъ и его значеніе.—Безполезность слѣпой кишки и толстыхъ кишекъ.—Примѣръ женщины, живущей безъ толстой кишки.—Генеалогія этой части кишечника.—Вредное вліяніе микробовъ толстыхъ кишекъ. — Ракъ часто развивается въ толстыхъ кишкахъ и въ желудкѣ.—Умѣренная польза желудка.—Инстинктъ въ выборѣ пищи.—Его недостаточность у человѣка.

Несмотря на свое позднее появленіе на землѣ, человѣкъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ сравнительно со своими антропоморфными предками. Даже при сравненіи низшихъ человѣческихъ расъ, какъ готтентоты или австралійцы, съ наиболѣе совершенными европейскими или сѣверо-африканскими народами замѣчается очень сильное восходящее развитіе.

Въ нѣкоторыхъ отпошеніяхъ человѣческое искусство превзошло природу. Ни одна изъ естественныхъ мелодій не сравнима съ лучшей музыкой. Даже въ пластическомъ искусствѣ человѣкъ оказался выше природы. Любители цвѣтовъ или птицъ часто стремятся получить новыя разновидности. Съ этою цѣлью они сообща точно опредѣляютъ желанный идеалъ и намѣчаютъ родъ программы для его достиженія. Они изготовляютъ изображенія для руководства при выработкѣ желаемыхъ разновидностей.

Благодаря строго выполняему искусственному подбору, имъ часто удается добиться желаннаго результата и обогатить свою коллекцію новой, особенно замѣчательной разновидностью. Садоводы и птицеводы создали этимъ способомъ болѣе красивыя породы, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ дикомъ состояніи.

Относительно человѣческаго тѣла также стремились превзойти природу, изображая его соотвѣтственно данному художественному идеалу. Изыскивая высшую красоту, чѣмъ людская, изображали человѣческія существа окрыленными, какъ птицы, или снабженными атрибутами другихъ животныхъ. Но попытки эти показали только, что естественный образъ человѣка не поддается большему усовершенствованію.

Итакъ, античное воззрѣніе на человѣческое тѣло, какъ на идеалъ красоты, вполнѣ подтверждается. Наоборотъ, приходится отвергнуть мнѣніе фанатиковъ нѣкоторыхъ религій, презиравшихъ тѣло и изображавшихъ его въ болѣе или менѣе противоестественномъ видѣ.

Однако невозможно обобщить этотъ результатъ относительно воззрѣнія на человѣческую природу вообще. Красивыя формы тѣла наблюдаются только въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ старости мужчина и женщина болѣе или менѣе некрасивы; даже настоящія красавицы, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, становятся неузнаваемыми.

Нельзя однако распространять на человѣческій организмъ вообще то, что приложимо къ формѣ тѣла и къ чертамъ лица. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пересмотрѣть устройство нѣкоторыхъ органовъ человѣка.

Его кожа усыпана мелкими волосками, эволюція которыхъ очень замѣчательна. Уже у человѣческаго зародыша ими покрыто почти все тѣло. Они составляютъ *lanugo,* развивающееся въ видѣ длинныхъ полосъ волосковъ, очень правильно распредѣленныхъ по всей поверхности тѣла, исключая носа, рукъ и ногъ. Очевидно, что волоски эти не выполняютъ никакой полезной функціи и являются только остатками, унаслѣдованными отъ человѣкообразныхъ предковъ.

Они спадаютъ впослѣдствіи, но замѣняются вторичными волосками, остающимися въ теченіе всей жизни. У взрослаго мужчины, и особенно въ старости, волоски эти обильно развиваются и образуютъ родъ частичнаго покрова, некрасиваго и во всѣхъ отношеніяхъ безполезнаго. Вотъ, слѣдовательно, первый примѣръ дисгармоніи въ человѣческой природѣ. Волоски, неспособные защитить кожу отъ холода, остаются какъ рудименты покрововъ предковъ и часто становятся даже вредными для здоровья.

Человѣческая кожа постоянно подвергается соприкосновенію съ микробами, находящимися въ пыли, а мѣшечки, образующіе родъ футляра, окружающаго волоски, служатъ очень удобнымъ мѣстомъ для развитія микробовъ. Въ каналахъ этихъ мѣшечковъ обильно развиваются нѣкоторые микроорганизмы, особенно стафилококки. Они часто вызываютъ образованіе прыщей и чирьевъ. Въ результатѣ получается иногда хрониче-

ская накожная болѣзнь. Она тѣмъ непріятнѣе, что можетъ осложняться болѣе или менѣе серьезнымъ нагноеніемъ.

Родъ людской обладаетъ разумомъ, т.-е. мозговой функціей, замѣняющей много другихъ отправленій; благодаря этому, человѣку удалось гораздо лучше защитить себя отъ внѣшнихъ вліяній, чѣмъ его предкамъ, снабженнымъ войлокомъ сильно развитой шерсти. Онъ изобрѣлъ для этого одежду, которую можетъ мѣнять сообразно внѣшней температурѣ. Но законъ упорной наслѣдственности заставляетъ его сносить зачаточные волоски и невзгоды, причиняемыя ими.

Хотя, въ крайнемъ случаѣ, человѣкъ способенъ обойтись безъ зубовъ, но мы не имѣемъ однако права считать ихъ такими же безполезными или вредными, какъ волоски. И все-таки изученіе человѣческихъ зубовъ достаточно показываетъ, до какой степени ихъ устройство находится въ дисгармоніи съ основными нашими потребностями.

Несмотря на свою очень рѣзкую животность, уже обезьяны Стараго Свѣта (узконосыя) обнаруживаютъ наклонность къ уменьшенію числа зубовъ. Вмѣсто 36, какъ у ихъ американскихъ родичей (плосконосыхъ обезьянъ), у нихъ въ обѣихъ челюстяхъ имѣется обыкновенно всего 32 зуба.

Правда, у гориллы и орангутанга не рѣдки особи, снабженныя придаточными коренными зубами (4-я пара), что доводитъ число зубовъ до 36.

Зеленка[1]), изслѣдовавшій 194 черепа взрослыхъ орангутанговъ нашелъ такіе коренные зубы у 20%. Съ другой стороны, у шимпанзе и гиббона 3-я пара коренныхъ зубовъ отличается малыми размѣрами, а иногда и вовсе отсутствуетъ. Это есть результатъ укороченія челюстей, связаннаго, очевидно, съ менѣе сильной жевательной способностью названныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ.

У человѣка придаточные коренные зубы встрѣчаются только въ очень рѣдкихъ случахъ. Примѣры, гдѣ число ихъ равнялось числу зубовъ обезьянъ Новаго Свѣта, наблюдаются особенно у низшихъ расъ: у негровъ, австралійцевъ, у жителей Новой Каледоніи [2]). Гораздо распространеннѣе, на-

---

1) „Studien über Entwicklungsgesch. d. Thiere", p. 89.

2) Dictionnaire Encyclopédique des sciences médicales". Article Dent, de Magitot 1882, p. 194.

оборотъ, отсутствіе 3-й пары коренныхъ зубовъ или зубовъ мудрости, особенно у бѣлой расы. Приблизительно 10% европейцевъ въ теченіе всей жизни имѣютъ только 28 зубовъ; у нихъ, слѣдовательно, недостаетъ 4-хъ зубовъ мудрости. Въ большинствѣ случаевъ эта 3-я пара коренныхъ зубовъ отсутствуетъ въ верхней челюсти; это наблюдается у 18—19% людей[1]). Такой недочетъ въ зубахъ мудрости является достоинствомъ. Дѣйствительно, съ физіологической точки зрѣнія зубы мудрости играютъ очень второстепенную роль. Ихъ жевательная способность очень слаба. Потеря ихъ еле замѣтна при жеваніи.

Опытъ показываетъ, что даже отсутствіе всѣхъ 4-хъ зубовъ мудрости не отзывается на этомъ процессѣ (*Schmid*, *l. c.*, стр. 147). Вотъ почему зубы эти развиваются очень поздно, нерѣдко только послѣ 30 лѣтъ, а иногда даже въ весьма преклонномъ возрастѣ, напримѣръ, послѣ 60 и 70 лѣтъ.

Если бы зубы мудрости были только безполезны, то и тогда они служили бы примѣромъ дисгармоніи въ человѣческомъ организмѣ. Но часто они становятся источникомъ болѣзней. Въ большинствѣ случаевъ послѣднія не опасны, но иногда онѣ могутъ вызывать и очень серьезныя, даже смертельныя послѣдствія.

Изъ всѣхъ коренныхъ зубовъ именно зубы мудрости всего чаще обусловливаютъ заболѣванія. Причина этого заключается въ ихъ несравненно болѣе медленномъ развитіи и въ трудности, съ которой они прорѣзываютъ окружающую ихъ слизистую оболочку[2]). Порча этихъ зубовъ наблюдается гораздо чаще, чѣмъ порча другихъ коренныхъ. Слизистая оболочка, покрывающая зубы мудрости, подвержена различнымъ мелкимъ поврежденіямъ, которыя вызываютъ зараженіе сосѣднихъ частей. Поэтому отъ зубовъ этихъ часто развивается флюсъ. При болѣзни зубовъ мудрости наблюдаются даже такія осложненія, какъ флегмоны, нагноеніе въ челюстяхъ и даже обобщенное и смертельное зараженіе крови. *Галиппъ*[3]) подробно описалъ случай, когда, вслѣдствіе препятствія нормальному развитію, зубъ мудрости прорѣзался въ щеку. Въ

1) *Schmid*. „Vierteljahrsschrift für Zahnheilkunde“, 1896, p. 141.
2) *Redier*. Revue mensuelle de Stomatologie“, 1895, p. 164.
3) „Comptes rendus de la Société de Stomatologie de Paris“, 1. 1890, p. 98.

результатѣ получилось гнойное воспаленіе послѣдней съ многочисленными фистулами, а также и воспаленіе жевательнаго мускула, препятствовавшее раскрытію рта. Несмотря на удаленіе причины, т.-е. зуба мудрости, больной умеръ отъ воспаленія мозга, обусловленнаго нагноеніемъ этого зуба.

Были описаны и другіе случаи, въ которыхъ трудное прорѣзываніе зубовъ мудрости вызвало образованіе нарыва въ челюстяхъ, а затѣмъ и въ мозгу, что влекло за собой смерть.

Зубы мудрости могутъ служить исходной точкой опухолей, даже раковаго характера. «Что же касается челюстныхъ новообразованій, — говоритъ *Мажито* (1. с., стр. 204), — то несомнѣнно, что многія изъ нихъ возникаютъ въ области фолликулъ зубовъ мудрости».

Всѣ эти неудобства не возмѣщены ровно никакими полезными отправленіями зубовъ мудрости. Послѣдніе были дѣйствительно полезны только нашимъ очень отдаленнымъ предкамъ, когда всѣ коренные зубы служили имъ для разжевыванія грубой пищи.

У человѣка зубы мудрости остаются въ зачаточномъ состояніи. Это служитъ новымъ примѣромъ дисгармоніи въ его природѣ.

Нашего вниманія, съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія, заслуживаетъ и другой зачаточный органъ — придатокъ слѣпой кишки, или червеобразный отростокъ. Въ предыдущей главѣ мы уже упоминали о его значеніи, какъ генеалогическаго документа животнаго происхожденія человѣка, вслѣдствіе поистинѣ замѣчательнаго сходства съ соотвѣтствующимъ органомъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Этотъ органъ состоитъ изъ утолщенныхъ стѣнокъ, содержащихъ железы, мускульный слой и лимфатическія образованія; у человѣка онъ не выполняетъ никакой полезной функціи. Это вполнѣ подтверждается тѣмъ, что многіе люди, у которыхъ онъ былъ удаленъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остаются здоровыми. Благодаря усовершенствованію современныхъ хирургическихъ пріемовъ, червеобразный отростокъ удаляютъ часто даже въ такихъ случаяхъ, когда его измѣненіе весьма сомнительно. Въ большинствѣ случаевъ вырѣзываніе этого отростка вполнѣ удается, и оперированные отъ этого не страдаютъ. Ихъ пищевареніе и кишечныя отправленія остаются нормальными.

Съ другой стороны, у человѣка червеобразный отростокъ часто зарастаетъ. Его каналъ отчасти или совершенно исчезаетъ, такъ что онъ оказывается отдѣленнымъ отъ остального кишечника. По *Рибберту* [1]), червеобразный отростокъ зарастаетъ у $^1/_4$ людей; особенно часто это наблюдается въ пожиломъ возрастѣ (отъ 50—80 л.). У молодыхъ же людей и у дѣтей каналъ червеобразнаго отростка остается неизмѣннымъ. Однако и въ случаяхъ отсутствія сообщенія между нимъ и кишками пищевареніе совершается попрежнему и не хуже, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. Приходится, слѣдовательно, заключить, что отправленіе человѣческаго червеобразнаго отростка ничтожно или сводится къ нулю.

Голландскій врачъ *Кольбруге* [2]) высказалъ предложеніе, что червеобразный отростокъ, быть можетъ, полезенъ тѣмъ, что служитъ мѣстомъ для развитія кишечной бактеріи (Bacillus coli), которая, быть можетъ, предохраняетъ человѣка отъ нѣкоторыхъ болѣзней пищеварительныхъ органовъ и, между прочимъ, отъ холеры. Гипотезу эту ея авторъ не подкрѣпляетъ никакими доводами. Прочно же установленные факты не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея ложности. Во-первыхъ, кишечная палочка не предохраняетъ отъ холеры, какъ это доказано моими прямыми опытами; она не предохраняетъ организма и отъ другихъ кишечныхъ заболѣваній, какъ это доказывается ея ролью въ брюшномъ тифѣ, дизентеріи и проч. Во-вторыхъ, кишечная палочка вовсе не развивается преимущественно или исключительно въ червеобразномъ отросткѣ; она встрѣчается почти во всемъ кишечномъ каналѣ и очень распространена и у животныхъ, лишенныхъ червеобразнаго отростка. Безполезность послѣдняго и вредъ, причиняемый имъ, настолько доказываются массой фактовъ, бѣгло перечисленныхъ выше, что въ дальнѣйшемъ развитіи этого положенія не представляется ни малѣйшей надобности.

Даже у антропоморфныхъ обезьянъ червеобразный отростокъ является зачаточнымъ органомъ, способнымъ развѣ выполнять какое-нибудь второстепенное отправленіе лимфатической железы.

У низшихъ обезьянъ Стараго Свѣта червеобразнаго при-

[1]) „Virchow's Archiv für Patologische Anatomie", 1893, т. CXXII, стр. 76.
[2]) „Centralbl. f. Bakteriol." 1901, т. XXIX, стр. 573.

датка не существуетъ, и только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (какъ у самки Cercopithecus Sabaeus) онъ встрѣчается въ видѣ зачаточнаго утолщенія.

Итакъ, надо спуститься ниже по лѣстницѣ животныхъ для того, чтобы убѣдиться въ пользѣ этого органа. У нѣкоторыхъ травоядныхъ слѣпая кишка очень развита; она заканчивается областью, богатой лимфатическою тканью и сходной съ червеобразнымъ отросткомъ. Въ примѣръ можно привести кролика и нѣкоторыхъ сумчатыхъ. Несомнѣнно, что у этихъ животныхъ органъ, соотвѣтствующій червеобразному придатку, выполняетъ значительную роль въ перевариваніи растительныхъ веществъ. Пустивъ глубокіе корни въ животномъ организмѣ, органъ этотъ сохранился, хотя и пересталъ быть полезнымъ; вотъ почему онъ постоянно входитъ въ составъ человѣческихъ кишекъ.

Рудиментарные органы вообще отличаются своей врожденной слабостью; очевидно это и служитъ причиной тому, что они такъ легко заболѣваютъ; это замѣчено еще *Дарвиномъ*. Человѣческій червеобразный отростокъ вполнѣ подтверждаетъ это правило. Въ тѣ времена, когда Дарвинъ писалъ свою книгу о происхожденіи человѣка, т.-е. около 50 лѣтъ тому назадъ, еще не наблюдали частыхъ воспаленій червеобразнаго отростка со смертельнымъ исходомъ. Самъ онъ приводитъ всего два такихъ извѣстныхъ ему случая.

Съ тѣхъ поръ аппендицитъ (такъ обозначили впервые американскіе хирурги острое и хроническое воспаленіе червеобразнаго отростка) сталъ болѣзнью столь же частой въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ; она заняла одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ патологіи кишечника.

Чтобы дать понятіе о распространенности аппендицита, стоитъ указать, что въ одномъ только Парижскомъ госпиталѣ (Труссо) въ теченіе пяти лѣтъ (1895—1899) лѣчили 443 случая этой болѣзни [1]). Слѣдуетъ прибавить, что въ это число входятъ, главнымъ образомъ, дѣти, вообще гораздо болѣе подверженныя такому заболѣванію, чѣмъ взрослые. По мнѣнію очень извѣстнаго англійскаго хирурга *Тривсъ*, 36% случаевъ наблюдается у лицъ моложе 20 лѣтъ [2]). У

---

1) *Ланнелонгъ*. „Bulletin médical", 1902, стр. 621.
2) „The surgical treatment of Perityphlitis". London, 1895.

стариковъ аппендицитъ встрѣчается скорѣй въ видѣ исключенія. Это вѣроятно, зависитъ отъ того, что въ преклонномъ возрастѣ червеобразный отростокъ очень часто зарастаетъ; а чѣмъ легче общеніе его съ остальнымъ кишечникомъ, тѣмъ больше шансовъ для его воспаленія. Снабженный мускульнымъ слоемъ, этотъ органъ можетъ сокращаться, удаляя этимъ самымъ свое содержимое. Шотландскій хирургъ *Паркеръ Симсъ*[1]) наблюдалъ, какъ вырѣзанный имъ червеобразный отростокъ сокращался въ теченіе нѣкотораго времени наподобіе дождевого червя. Движенія эти привели къ выдѣленію изъ него жидкихъ испражненій.

Но большею частью движенія червеобразнаго отростка слабы, вслѣдствіе чего постороннія тѣла легко въ немъ застаиваются. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ аппендицита находятъ фруктовыя и другія сѣмена (напримѣръ, псилліумъ и т. п., волоски, усики колосьевъ и даже, хотя очень рѣдко, булавки и металлическіе гвозди). Всѣ эти постороннія тѣла могутъ поранить стѣнку червеобразнаго отростка и привить микробы, кишащіе въ кишечникѣ. Это вызываетъ микробную инфекцію и воспаленія отростка. Часто въ червеобразный отростокъ проникаютъ внутренностные черви и прививаютъ ему болѣзнетворныя бактеріи, что вызываетъ болѣе или менѣе опасное заболѣваніе.

Аппендицитъ большею частью очень серьезная болѣзнь и даже въ 8, 10% случаѣвъ смертельная [2]). Трудно найти въ человѣческомъ организмѣ болѣе рѣзкій примѣръ естественной дисгармоніи. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ органъ, отсутствіе котораго не замѣтно, зарастаніе или атрофія котораго безвредна для организма и, наоборотъ, нормальное развитіе котораго способно вызвать серьезныя заболѣванія. Но червеобразный отростокъ не единственная часть нашихъ пищеварительныхъ органовъ, находящихся въ разладѣ съ жизнью и здоровьемъ. У человѣка сама слѣпая кишка, придаткомъ которой служитъ червеобразный отростокъ, стоитъ на пути обратнаго развитія какъ это было упомянуто въ предыдущей главѣ. Дѣйствительно, человѣческая слѣпая кишка очень мало развита сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у многихъ травоядныхъ. У

[1]) „Edinburgh medical Journal“ 1893, August.
[2]) *Ewald*. „Klinik der Verdaungskrankheiten“, т. III. 1902, стр. 225.

нихъ она играетъ роль настоящаго пищеварительнаго органа. Даже у человѣческаго зародыша слѣпая кишка со своимъ придаткомъ сравнительно болѣе развиты, чѣмъ во взросломъ состояніи.

Но не одни только рудиментарные органы нашего пищеварительнаго аппарата, каковы зубы мудрости, червеобразный отростокъ, или регрессивныя части, какъ слѣпая кишка, указываютъ на дисгармонію въ нашей внутренней организаціи. Даже нѣкоторыя вполнѣ развитыя части кишечнаго канала являются безполезнымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ намъ животными предками.

Теперь уже нѣтъ ничего дерзновеннаго въ утвержденіи, что не только слѣпая кишка со своимъ придаткомъ, но даже всѣ толстыя кишки человѣка излишни въ нашемъ организмѣ и что удаленіе ихъ привело бы къ очень желательнымъ результатамъ. Съ точки зрѣнія пищеварительнаго отправленія, эта часть кишечника не играетъ никакой сколько-нибудь значительной роли. Даже съ точки зрѣнія всасыванія продуктовъ пищеваренія она имѣетъ только совершенно второстепенное значеніе. Поэтому совсѣмъ не удивительно, что вырѣзаніе или почти полное устраненіе толстой кишки очень хорошо выносится человѣкомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ хирургія сдѣлала такія удивительные успѣхи, довольно часто отваживаются удалять нѣкоторыя части кишекъ, особенно толстую кишку. Такъ, въ одномъ случаѣ, *Керте*[1]) вмѣстѣ съ частью тонкихъ кишекъ удалилъ большую часть толстой кишки, отъ которой оставилъ одинъ конечный сегментъ. Больной, перенесшій 8 послѣдовательныхъ кишечныхъ операцій, совершенно выздоровѣлъ. У другого больного, оперированнаго *Визингеромъ*[2]), двѣ трети изъязвленныхъ толстыхъ кишекъ (поперечная и нисходящая кишка) были отдѣлены отъ остальныхъ и совершенно изолированы, между тѣмъ какъ верхняя часть толстыхъ кишекъ (слѣпая и восходящая кишка) была спаяна съ прямой. Несмотря на столь серьезную операцію, кишечныя отправленія вполнѣ возстановились, и больной много выигралъ отъ удаленія своей толстой кишки. Я привелъ всего два примѣра изъ цѣлаго

1) Archiv für klinische Chirurgie", т. XLVIII, 1894, стр. 615.
2) „Münchener med. Wochenschrift", 1898.

ряда имъ подобныхъ. Но, даже помимо данныхъ, доставленныхъ хирургіей, нѣтъ недостатка въ фактахъ, доказывающихъ безполезность для человѣка его толстыхъ кишекъ. Лучшимъ доводомъ [1]) въ пользу этого служитъ примѣръ старухи, у которой въ теченіе 37 лѣтъ имѣлась кишечная фистула, черезъ которую выходили испражненія. Фистула открылась внезапно вслѣдствіе нарыва съ правой стороны живота. Это не помѣшало однако женщинѣ выйти замужъ, имѣть троихъ дѣтей и добывать средства къ существованію тяжелой работой. Черезъ 35 лѣтъ послѣ образованія фистулы эту варшавскую работницу осмотрѣлъ хиругъ *Цѣхомскій* и предложилъ ей сдѣлать операцію, чтобы вернуть къ нормальному состоянію. Женщина согласилась. Но послѣ вскрытія живота оказалось, что толстая кишка атрофирована по всей длинѣ, отъ слѣпой кишки и до своего окончанія, отверстіе фистулы находилось надъ слѣпой кишкой и вело непосредственно въ тонкую. При этихъ условіяхъ невозможно было закрыть фистулу, такъ что хирургу пришлось зашить животъ и представить паціентку ея участи. Женщина быстро оправилась и продолжала жить, какъ и до операціи. Черезъ два года ее вновь осмотрѣли, но затѣмъ потеряли изъ виду. Тотъ фактъ, что человѣческое существо, могло исправно прожить болѣе 30 лѣтъ безъ толстой кишки вполнѣ доказываетъ, что органъ этотъ безполезенъ для человѣка, хотя и не обратился въ рудиментарный органъ. Здѣсь мы также имѣемъ дѣло съ органомъ, пользу котораго слѣдуетъ искать у нашихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ.

Толстая кишка вообще гораздо болѣе развита у травоядныхъ млекопитающихъ, чѣмъ у хищниковъ. Она безполезна для перевариванія пищи животнаго происхожденія, но услуги ея несомнѣнны при перевариваніи растительной пищи. Толстая кишка очень объемиста у травоядныхъ и заключаетъ огромное количество микробовъ; между ними есть такіе, которые спсобны переваривать клѣтчатку. Такъ какъ вещество это вообще очень неудобоваримо, то легко понять пользу подобныхъ микробовъ, живущихъ въ толстой кишкѣ. Поэтому весьма возможно, что для лошади, кролика и многихъ другихъ

[1]) „Archiv für klinische Chirurgie", т. XLVIII, 1894, стр. 137.

млекопитающихъ, пища которыхъ состоитъ исключительно изъ травы и зеренъ, толстая кишка необходима для нормальной жизни.

Съ другой стороны, толстая кишка играетъ аналогичную роль съ мочевымъ пузыремъ. Моча постоянно отбрасывается почками и скопляется въ объемистомъ вмѣстилищѣ, именно въ мочевомъ пузырѣ. Точно такъ же остатки пищеваренія скопляются въ толстыхъ кишкахъ и остаются въ нихъ болѣе или менѣе продолжительное время.

При изученіи естественной исторіи толстыхъ кишекъ насъ поражаетъ тотъ фактъ, что органъ этотъ вполнѣ развитъ у однихъ только млекопитающихъ. Послѣднія большею частью ведутъ наземный образъ жизни и весьма подвижны. Большинство ихъ должны бѣгать очень быстро или для ловли добычи (хищники), или спасаясь отъ враговъ. При этихъ условіяхъ обстановка, необходимая для опорожненія кишекъ, является очень большимъ неудобствомъ. Наоборотъ, возможность удерживать экскременты въ объемистомъ резервуарѣ, представляетъ неоспоримое преимущество въ борьбѣ за существованіе [1]).

Вотъ по этой-то причинѣ и развились толстыя кишки у млекопитающихъ. Птицамъ, живущимъ, такъ сказать, въ воздухѣ, нѣтъ надобности останавливаться для выбрасыванія своихъ экскрементовъ, и у нихъ нѣтъ толстой кишки. Пресмыкающіяся и амфибіи, хотя часто и ведутъ наземный образъ жизни, но также не нуждаются въ толстыхъ кишкахъ. Поэтому онѣ у нихъ вполнѣ отсутствуютъ. У животныхъ этихъ нѣтъ собственной температуры, они—такъ называемыя «холоднокровныя» и поэтому ѣдятъ очень мало. Большею частью они неподвижны и не перемѣщаются постоянно, какъ большинство млекопитающихъ.

Итакъ, въ наслѣдство, переданное животными роду людскому, входятъ не только безполезные или вредные рудиментарные органы, но даже и вполнѣ развитые и тоже безполезные.

Даже приходится отнести толстыя кишки къ разряду органовъ, вредныхъ для здоровья и жизни человѣка. Онѣ слу-

[1]) Положеніе это подробнѣе развито въ моей рѣчи, напечатанной въ „Memoirs and Proccedings of the Manchester litterary and philosophical Society“ 1901, vol. XLV, № 5, переведенной въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ за 1901 г.

жатъ вмѣстилищемъ остатковъ нашего пищеваренія; послѣдніе удерживаются тамъ столь долго, что подвергаются разложенію. Продукты же этого гніенія часто очень вредны для здоровья. Когда экскременты продолжительно остаются въ толстыхъ кишкахъ (какъ при столь распространенныхъ запорахъ), то нѣкоторыя вещества, входящія въ составъ ихъ, могутъ всосаться въ организмъ и вызвать иногда очень опасное отравленіе. Всѣмъ извѣстно, что у рожёницъ или у недавно оперированныхъ больныхъ запоръ очень часто вызываетъ повышеніе температуры и другіе лихорадочные симптомы. Это происходитъ отъ всасыванія вредныхъ веществъ, выработанныхъ микробами толстыхъ кишекъ. Эти же продукты могутъ вызвать также образованіе прыщей или другихъ накожныхъ болѣзней. Однимъ словомъ, толстыя кишки вызываютъ у человѣка цѣлый рядъ неудобствъ. Онѣ могутъ быть очагомъ опаснѣйшихъ болѣзней; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ «Дизентерія,—говоритъ *Рей*[1])—представляетъ одну изъ главнѣшихъ опасностей, которымъ подвергается европеецъ въ Тонкинѣ. Она одна обусловливаетъ болѣе 30% смертности по внутреннимъ болѣзнямъ». Европейскія войска во французскихъ и англійскихъ колоніяхъ ежегодно платятъ ей обильную дань.

Толстыя кишки служатъ также излюбленнымъ мѣстомъ злокачественныхъ опухолей. Такъ, на 1.148 случаевъ кишечнаго рака, наблюдавшихся въ прусскихъ больницахъ за 1895 и 1896 годы, 1.022 случая, т.-е. 89%, относились къ толстымъ кишкамъ вмѣстѣ съ прямой и слѣпой кишками[2]). Тонкая кишка, единственная часть нашего пищеварительнаго канала, необходимая для жизни, поражалась только въ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ: она доставляла всего 11% кишечныхъ раковъ. Фактъ этотъ, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что содержимое кишекъ гораздо дольше остается въ толстыхъ кишкахъ, чѣмъ въ тонкихъ. Какъ извѣстно, застои очень благопріятствуютъ всѣмъ болѣзнямъ и также служатъ, вѣроятно, одной изъ причинъ частаго рака желудка. Изъ 10.537 случаевъ рака всѣхъ частей органовъ пищеваренія,—случаевъ, наблюдавшихся въ прусскихъ боль-

---

1) *Rhey*. „Archives de médecine navale" 1887.

2) *Ewald*: „Klinik der Verdaungskrankheiten", т. III, 1902, стр. 267.

ницахъ за одинъ и тотъ же перiодъ времени, 4.288, т.-е. болѣе $40^0/_0$, касались желудка. Органъ же этотъ—одинъ изъ тѣхъ, безъ которыхъ человѣкъ могъ бы обойтись. Онъ далеко менѣе безполезенъ, чѣмъ толстыя кишки, такъ какъ служитъ, главнымъ образомъ, для перевариванiя бѣлковыхъ веществъ,—но легко можетъ быть замѣненъ тонкими кишками. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ хирурги совершенно вырѣзывали желудокъ людямъ, у которыхъ былъ ракъ. Результатъ такой операцiи оказался благопрiятнымъ въ томъ смыслѣ, что больные выживали и могли удовлетворительно питаться. Имъ приходилость ѣсть гораздо чаще обыкновеннаго; они переварили пищу исключительно при помощи тонкихъ кишекъ и поджелудочной железы.

Неудивительно, что пищеварительные органы представляютъ намъ столько примѣровъ частей, безполезныхъ или вредныхъ для внутренней организацiи. Животныя, наши предки, могли употреблять только сырую, грубую пищу, какъ дикорастущiя растенiя или сырое мясо. Человѣкъ выучился разводить удобоваримыя растенiя и такъ приготовлять пищу, чтобы она очень легко всасывалась организмомъ. Поэтому органы, приспособленные къ условiямъ жизни животнаго до человѣка становятся большей частью лишними для послѣдняго. Многiе животные виды, которымъ удалось добывать легко усвояемую пищу, въ концѣ-концовъ болѣе или менѣе потеряли свои пищеварительные органы. Таковы паразитическiя животныя; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, солитеръ, погружены въ кишечникѣ человѣка въ совершенно готовую для ихъ питанiя жидкость, вслѣдствiе чего окончательно утратили собственный кишечный каналъ.

У человѣка не совершилось этой эволюцiи, и онъ сохранилъ исключительно вредныя ему толстыя кишки. Это мѣшаетъ людямъ усовершенствовать свою пищу насколько было бы возможно. Человѣкъ не долженъ питаться слишкомъ легко и безостановочно усваиваемыми веществами, потому что при этомъ толстыя кишки опоражниваются съ трудомъ, что можетъ вызвать серьезную болѣзнь. Поэтому разумная гигiена должна принимать во вниманiе устройство нашего кишечнаго канала и вводить въ нашу пищу растительныя вещества, дающiя достаточное количество остатковъ.

Здѣсь мы касаемся вопроса, представляющаго значительный общій интересъ. При выборѣ пищи для себя самихъ или для своего потомства, животныя исключительно руководствуются своими слѣпыми и врожденными инстинктами.

Такъ, во 2-й главѣ мы видѣли, что роющія осы охотятся за опредѣленными видами насѣкомыхъ или пауковъ. Инстинктъ указываетъ имъ родъ пищи, наиболѣе пригодный для ихъ личинокъ. Сладкія выдѣленія цвѣтовъ привлекаютъ пчелъ; шелковичный червь инстинктивно грызетъ листья шелковичнаго дерева и отвергаетъ большинство другихъ растеній. У высшихъ животныхъ при выборѣ пищи инстинктъ также играетъ главную роль. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно уничтожить крысъ отравленной пищей. Инстинктъ тотчасъ выдаетъ имъ опасность предлагаемаго вещества. Точно такъ же и собаки отлично умѣютъ избѣгать пищи, смѣшанной съ ядомъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ тщательно обезьяны изслѣдуютъ пищу, прежде чѣмъ приступить къ ея поѣданію. Онѣ обнюхиваютъ ее, осматриваютъ со всѣхъ сторонъ, обчищаютъ и начинаютъ ѣсть только послѣ такого строгаго испытанія. Часто онѣ отбрасываютъ пищу, не вкусивши ея. И тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ столь развитой инстинктъ, обезьяны нерѣдко отравляются разными ядовитыми веществами, даже такими, которыя отличаются рѣзкимъ запахомъ. Такъ, мнѣ извѣстны случаи отравленія обезьянъ похищенными ими фосфорными спичками и іодоформомъ.

Извращенія инстинкта при выборѣ пищи особенно распространены у человѣка. Какъ только дѣти начинаютъ ходить, они тотчасъ поднимаютъ съ пола разные предметы и кладутъ ихъ въ ротъ. Клочки бумаги, кусочки сургуча, носовая слизь, —все кажется имъ пригодной пищей. Бываетъ очень трудно помѣшать имъ проглатывать всѣ эти, часто вредныя, вещи. Разные фрукты и ягоды неизмѣнно соблазняютъ дѣтей, и нерѣдки случаи болѣе или менѣе серьезнаго отравленія ими. Такъ какъ эти примѣры всѣмъ извѣстны, то я ограничусь приведеніемъ лишь одного изъ нихъ. «Господа *Бидль и сыновья*, фабриканты растительнаго масла въ Бостонѣ, выбросили передъ дверьми своей фабрики негодныя, испорченныя клещевинныя зерна. Нѣсколько дѣтей, игравшихъ на улицѣ, приняли ихъ за фисташки и распредѣлили между собой и

своими друзьями. Всѣ ихъ поѣли, вслѣдствіе чего у 70 дѣтей обнаружились сильнѣйшіе признаки отравленія»[1]).

Поглощеніе ржаной головни, испорченной кукурузы и нѣкоторыхъ бобовыхъ растеній (Латируса) часто вызываетъ эпидемическія отравленія, при чемъ инстинктъ не предостерегаетъ отъ этой непригодной пищи.

Въ то время, какъ, съ одной стороны, толстыя кишки, служащія пріютомъ вреднымъ микробамъ, становятся источникомъ отравленія извнутри, съ другой — извращенный инстинктъ человѣка заставляетъ его отравлять себя спиртомъ, эѳиромъ, опіумомъ и морфіемъ, вводимыми извнѣ. Громадная и столь пагубная роль алкоголизма представляетъ намъ самый наглядный и постоянный примѣръ дисгармоніи между инстинктомъ при выборѣ пищи и инстинктомъ самосохраненія.

Итакъ, пищеварительный аппаратъ является однимъ изъ наилучшихъ доказательствъ несовершенства и дисгармоніи въ нашей природѣ.

Примѣръ этотъ, однако далеко не единственный, что мы и попытаемся доказать въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА V.

Дисгармоніи въ устройствѣ и въ отправленіяхъ органовъ воспроизведенія. Дисгармоніи семейнаго и соціальнаго инстинктовъ.

I.

Нѣсколько словъ о дисгармоніи человѣческихъ органовъ чувствъ и познаванія.— Рудиментарные органы полового аппарата. — Происхожденіе и роль дѣвственной плевы.

Въ человѣческомъ организмѣ не одни только пищеварительные органы представляютъ большую или меньшую степень естественной дисгармоніи въ строеніи и въ отправленіяхъ. Великій нѣмецкій физіологъ *Іоганнъ Мюллеръ* болѣе полувѣка тому назадъ доказалъ, что поправка аберраціи нашего глаза, повидимому наиболѣе совершеннаго изъ нашихъ органовъ,

[1]) *Stillmarck*: „Arbeiten des pharmacologischen Institutes zu Dorpat", т. III, 1899, стр. 110.

далеко не полна. Другой великій нѣмецкій ученый, *Гельмгольцъ*, замѣтилъ, что точное изученіе оптической организаціи глаза привело его къ большому разочарованію. «Природа,— говоритъ онъ,—какъ будто намѣренно собрала противорѣчія съ цѣлью разрушить всѣ основы теоріи предустановленной гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ мірами».

Не одинъ глазъ, но и всѣ другіе аппараты, посредствомъ которыхъ мы знакомимся съ внѣшнимъ міромъ, представляютъ большую естественную дисгармонію.

Въ этомъ кроется причина неувѣренности относительно источниковъ нашего познаванія. Память, эта способность сохранять слѣды психическихъ процессовъ, развивается гораздо позднѣе многихъ другихъ отправленій нашего мозга. Если бы человѣкъ рождался съ такой же болѣе высокой степенью развитія, какъ новорожденная морская свинка, онъ, вѣроятно, гораздо лучше понималъ бы ростъ своего познаванія реальнаго міра.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ несовершенствахъ и дисгармоніяхъ нашего сознанія и перейдемъ къ изученію органовъ воспроизведенія вида.

Какъ мы видѣли, главный органъ индивидуальной жизни, пищеварительный каналъ, далеко не доказываетъ совершенства человѣческой природы. Не придемъ ли мы къ болѣе утѣшительнымъ результатамъ въ этомъ отношеніи, изслѣдуя органы воспроизведенія? Желая представить читателю примѣръ наиболѣе совершенной естественной гармоніи, мы выбрали механизмъ, посредствомъ котораго оплодотворяются цвѣты,— половые органы растеній. У послѣднихъ жизнь всегда обезпечена поразительными по своему совершенству аппаратами и отправленіями.

Наблюдается ли то же самое въ родѣ людскомъ? Подробное изученіе мужскихъ и женскихъ органовъ воспроизведенія указываютъ на весьма сложную смѣсь элементовъ, имѣющихъ различное происхожденіе. Части, переданныя изъ очень отдаленной эпохи, находятся рядомъ со сравнительно недавно пріобрѣтенными. Внутренніе половые органы указываютъ до извѣстной степени на обоеполое происхожденіе. У мужчинъ наблюдаются остатки женскихъ половыхъ органовъ, рудименты матки Фаллопіевыхъ трубъ. Наоборотъ, у женщинъ на-

ходятъ слѣды мужскихъ половыхъ органовъ. Такія явленія должны имѣть очень отдаленное происхожденіе, такъ какъ наблюдается также у большинства позвоночныхъ. Они указываютъ на то, что въ очень давнія времена эти животныя должны были быть гермафродитами. Впослѣдствіи полы окончательно раздѣлились, при чемъ остались болѣе или менѣе выраженные слѣды ихъ эволюціи. Слѣды эти, въ формѣ рудиментарныхъ органовъ (извѣстныхъ подъ названіемъ органовъ *Вебера*, *Розенмюллера* и т. д.), еще и теперь болѣе или менѣе часто встрѣчаются у взрослаго человѣка. Они совершенно безполезны и, какъ это часто наблюдается относительно атрофирующихся частей, могутъ давать начало уродствамъ или опухолямъ, болѣе или менѣе вреднымъ для здоровья. Такъ, усиленное развитіе простатическаго пузыря (или *Веберовскаго* органа) у самца вызываетъ образованіе мужской матки и родъ анормальнаго гермафродитизма. Нѣкоторыя гидатическія кисты развиваются на остаткахъ мужскихъ мочеполовыхъ органовъ. У женщины нѣкоторыя кисты, какъ, напримѣръ, киста parovarium, зависятъ отъ патологическаго развитія остатковъ той же системы органовъ. Это кисты, въ большинствѣ случаевъ доброкачественныя, однако, могутъ дѣлаться иногда и очень злокачественными. Такъ, знаменитый англійскій хирургъ *Лаусонъ Тэтъ*[1]) приводитъ слѣдующій примѣръ оперированной имъ молодой дѣвушки. Онъ удалилъ ей съ виду очень доброкачественную кисту, но спустя 6 недѣль больная обнаружила признаки рака половыхъ органовъ и умерла черезъ три мѣсяца.

Сравненіе остатковъ рудиментарныхъ половыхъ органовъ у людей и у животныхъ показываетъ, что у человѣка нѣкоторые изъ нихъ исчезли въ большей степени, чѣмъ у ниже стоящихъ млекопитающихъ. Такъ, каналъ зародышевой почки (извѣстной подъ названіемъ *Вольфова тѣла*) только въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается у взрослаго человѣка, между тѣмъ какъ онъ существуетъ въ теченіе всей жизни у нѣкоторыхъ травоядныхъ (въ видѣ органа, называемаго каналомъ *Гертнера*). Но, несмотря на это, внутренній половой аппаратъ человѣка заключаетъ разные зачаточные органы,

[1]) Случай этотъ приведенъ *Поцци* въ его учебникѣ гинекологіи. 1890 г., стр. 714.

всегда безполезные, иногда болѣе или менѣе вредные для здоровья и жизни.

Рядомъ съ этими остатками органовъ, переставшихъ быть полезными съ незапамятныхъ временъ, половая система человѣка заключаетъ и недавно пріобрѣтенныя части. Послѣднія намъ особенно интересны, такъ какъ въ нихъ можно предполагть значительное приспособленіе къ половому отправленію.

Читатель, вѣроятно, помнитъ споры, возникшіе по поводу происхожденія человѣка отъ обезьяны, о которомъ шла рѣчь въ 3-й главѣ.

Всѣ попытки, сдѣланныя для того, чтобы доказать въ человѣческомъ мозгу присутствіе особыхъ частей, не существующихъ у обезьянъ, окончательно не удались. А между тѣмъ оказалось, что человѣкъ болѣе отличается отъ человѣкообразныхъ обезьянъ анатомической организацiей своихъ половыхъ органовъ, чѣмъ строеніемъ мозга. Въ самомъ дѣлѣ, у человѣка нѣтъ кости пениса. Кость эта облегчаетъ введеніе мужского полового органа и встрѣчается у многихъ позвоночныхъ; она присуща не только очень удаленнымъ отъ человѣка животнымъ, какъ грызунамъ, и хищникамъ, но и нѣкоторымъ обезьянамъ, преимущественно всѣмъ видамъ человѣкообразныхъ обезьянъ[1]). Человѣкъ утратилъ кость пениса по совершенно неизвѣстной намъ причинѣ. Вѣроятно, костяныя образованія, наблюдаемыя въ исключительныхъ случаяхъ въ мужскомъ половомъ органѣ[2]), являются родомъ атавистическаго возврата къ кости пениса предковъ.

Въ мужскомъ полѣ разница между человѣкомъ и антропоморфными обезьянами обнаруживается отсутствіемъ одного органа; въ женскомъ же насъ поражаетъ явленіе обратнаго порядка. Дѣвственная плева, или гименъ, составляетъ настоящее пріобрѣтеніе человѣческой породы. Съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ «малый гипокампъ», задняя доля и заднiй рогъ большихъ полушарій, могла бы дѣвственная плева служить аргументомъ въ глазахъ ученыхъ, во что бы то ни стало добивающихся присутствія какого-либо органа, исключительно свойственнаго человѣку и отсутствующаго почти у

1) *Grisp*: „Proceedings of the Zoolog. Societg". London, 1865, p. 48.
2) *Lenhossek*: „Virchow's Archiv für Pathologische Anatomie". 1874, XI, стр. 1.

всѣхъ другихъ животныхъ, но исключая человѣкообразныхъ обезьянъ. *Бишоффъ* [1]) замѣтилъ отсутствіе дѣвственной плевы у этихъ обезьянъ, и это открытіе было затѣмъ подтверждено нѣсколькими другими наблюдателями. *Деникеръ* (1. с., стр. 245) не нашелъ дѣвственной плевы «ни у зародыша, ни у молодой гориллы». У зародыша гиббона онъ замѣтилъ небольшую кайму вокругъ входа во влагалище, «которую можно поставить на ряду съ дѣвственной плевой» (1 с., стр. 250), но которая, однако же не есть этотъ органъ. *Деникеръ* самъ пришелъ къ заключенію, что дѣвственная плева отсутствуетъ у человѣкообразныхъ обезьянъ всѣхъ возрастовъ. Позднѣе *Спермино* (анатомія Шимпанзе, стр. 358) со своей стороны, подтвердилъ этотъ результатъ относительно шимпанзе. *Видерсгеймъ* въ сдѣланномъ имъ обзорѣ организаціи человѣческаго тѣла (1. с., стр. 163) упоминаетъ также фактъ, что «у обезьянъ дѣвственная плева отсутствуетъ [2])».

Недавнее пріобрѣтеніе этой дѣвственной плевы въ родѣ человѣческомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ позднему развитію ея у женскаго зародыша. По согласнымъ наблюденіямъ нѣсколькихъ изслѣдователей, она появляется только на 19-й недѣлѣ беременности, а иногда и позднѣе.

Если безполезны органы очень давняго происхожденія, ставшіе просто рудиментами, то слѣдовало бы предположить, что органъ недавно образовавшійся и стоящій, такъ сказать, въ прогрессирующей фазѣ, представляетъ какую-нибудь значительную выгоду съ точки зрѣнія своей функціи. Какую же пользу извлекаетъ женщина отъ своей дѣвственной плевы? *Видерсгеймъ* признается въ томъ, что «основная роль части, находящейся у входа во влагалище и обозначаемой именемъ гимена, совершенно не выяснена» (1. с., стр. 208).

Роль дѣвственной плевы иногда огромна въ семейныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ. Ей придаютъ большое значеніе съ

---

1) „Abhandlungen der Mathem.-physical. Classe d. K. Bayerisch. Akad. d. Wissenschaften". München, 1880, t. XIII, Abt. II, p. 268.

2) „Тѣ немногія млекопитающія, у которыхъ была найдена плева, подобная дѣвственной (у крота и у лошади) слишкомъ далеки отъ человѣка, чтобы пролить свѣтъ на развитіе этой плевы у женщины. Въ этомъ отношеніи гораздо большее значеніе имѣетъ отсутствіе дѣвственной плевы у всѣхъ человѣкообразныхъ животныхъ. *D-r Stechow*. Zeitschrift für Sexualwissen schaft. Mai p, 314.

точки зрѣнія нравственности, такъ какъ принято считать ее отличительнымъ признакомъ дѣвственности. Врачъ на судебномъ слѣдствіи дѣлаетъ тщательный осмотръ гимена, когда дѣло касается попытокъ изнасилованія или другихъ отношеній между мужчиной и женщиной. Множество людей обоихъ половъ поплатились жизнью за прободеніе дѣвственной плевы.

Но въ разсматриваемомъ нами вопросѣ рѣчь идетъ прежде всего о физіологической роли дѣвственной плевы. Не трудно убѣдиться въ томъ, что она не выполняетъ никакого отправленія у человѣка. Атрофія гимена послѣ прободенія его нисколько не мѣшаетъ половымъ отношеніямъ. Наоборотъ, цѣлость этого органа часто является неудобнымъ и непріятнымъ препятствіемъ. Поэтому у многихъ народовъ стараются какъ можно ранѣе избавить отъ него дѣвочекъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Китая принимаютъ такія строгія и тщательныя мѣры чистоплотности относительно дѣвочекъ, что вскорѣ у нихъ не остается никакихъ слѣдовъ гимена. Вслѣдствіе этого многіе китайцы, даже среди врачей, не знаютъ о существованіи этого органа.

Тотъ же фактъ наблюдался въ Британской Индіи. У нѣкоторыхъ индѣйцевъ Бразиліи (изъ племени Макакурасовъ) вовсе не существуетъ дѣвственницъ въ строгомъ смыслѣ слова, потому что матери уничтожаютъ гименъ своихъ дочерей вскорѣ послѣ ихъ рожденія.

У Ительменовъ—туземцевъ Камчатки—считается признакомъ неблаговоспитанности выходъ замужъ съ ненарушенной дѣвственной плевой. Чтобы избѣгнуть этого стыда, она уничтожается матерями [1]).

Съ другой стороны, для устраненія неудобства, представляемаго гименомъ, обращаются къ спеціалистамъ для его прободенія. Въ прежнія времена у Бизеровъ (туземцевъ Филиппинскихъ острововъ) существовали очень хорошо оплачиваемые общественные служители, на которыхъ возлагалась обязанность нарушать дѣвственность, такъ какъ она считалась помѣхой удовольствіямъ мужа.

Аналогичный обычай существовалъ у жителей Новой Македоніи, у которыхъ, по *Монсеону*, дѣвственность мало цѣнится.

---

[1]) Этотъ фактъ, такъ же какъ предшествующіе, почерпнутъ изъ сочиненія *Плоссъ-Бартельса* „Das Weib“, 7 изд. 1902, т. II, стр. 228, 229.

Изъ этихъ примѣровъ, списокъ которыхъ легко можно было бы удлинить, видно, что пріобрѣтеніе дѣвственной плевы, столь исключительное для человѣческаго рода, не представляется полезнымъ въ физіологическомъ смыслѣ слова.

Правда, что у многихъ народовъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоятъ христіане и мусульмане, присутствіе ненарушеннаго гимена играетъ очень важную, но, такъ сказать, посредствующую роль.

Евреи стали впервые придавать особенное значеніе дѣвственности. По Моисееву закону, если во время бракосочетанія дѣвушка окажется не дѣвственной, то «да выведутъ ее (старѣйшины города) изъ дома отца ея и да забросаютъ ее горожане камнями и да погибнетъ она, потому что совершила прелюбодѣяніе въ домѣ отца своего». У многихъ христіанскихъ народовъ требуютъ нагляднаго доказательства дѣвственности выходящей замужъ дѣвушки и для этого выставляютъ бѣлье, запачканное кровью гимена. У большинства мусульманскихъ восточныхъ народовъ друзьямъ и родственникамъ показываютъ бѣлье новобрачной въ доказательство ея дѣвственности при вступленіи въ бракъ. Только у нихъ лишеніе дѣвственности производится часто совершенно независимо отъ полового акта. У арабовъ, коптовъ, а также у туземцевъ Египта, прободеніе гимена производится пожилой женщиной, спеціально для того приглашенной (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., I, стр. 489).

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ видно, что гименъ не играетъ никакой непосредственной роли въ половомъ актѣ. Иногда даже оболочка эта становится источникомъ болѣе или менѣе серьезныхъ неудобствъ. Такъ, въ случаѣ особенной плотности гимена можетъ произойти разрывъ промежности, обусловливающій иногда тяжелыя осложненія. Когда дѣвственная плева изобилуетъ сосудами, то разрывъ можетъ вызвать серьезное и даже смертельное кровотеченіе [1]). Иногда на этой оболочкѣ развиваются различныя оспенныя, венерическія и другія изъязвленія [2]).

Было уже упомянуто, что у нѣкоторыхъ народовъ усиленный уходъ за половыми органами приводитъ къ разру-

[1]) *Поцци*: „Gynécologie“, 1890, стр. 1067.

[2]) „Real-Encyclopädie gesammten Heilkunde“, 2-е изд. 1885 г., т. X, стр. 34.

шенію гимена. Очевидно, что оболочка эта мѣшаетъ очищенію влагалища, что особенно неудобно во время періода менструацій. Вѣроятно, кровь, удерживаемая плевой, заражается микробами, что можетъ вызвать серьезныя заболѣванія всего организма. Возможно даже, что нѣкоторыя анеміи, какъ блѣдная немочь дѣвушекъ, обусловлены размноженіемъ этихъ микробовъ. Отсюда становится понятнымъ, что въ этомъ случаѣ замужество служитъ лучшимъ лѣкарствомъ противъ такой анеміи, такъ какъ послѣ прободенія гимена очищеніе влагалища очень облегчается [1]).

Но что же это за органъ, вполнѣ безполезный для полового отправленія, иногда даже вредный для здоровья,—органъ, который не является ближайшимъ наслѣдіемъ животныхъ предковъ и который долженъ быть разрушенъ для выполненія полового отправленія? Въ прежнія времена, когда наукой допускалось, что пріобрѣтенныя свойства легко передаются по наслѣдству, спрашивали себя, отчего же гименъ, разрываемый въ теченіе столькихъ поколѣній, не обнаруживаетъ никакой наклонности къ исчезновенію? Этотъ примѣръ является однимъ изъ тѣхъ, которые всего болѣе пошатнули теорію передачи потомству признаковъ, пріобрѣтенныхъ въ теченіе жизни.

Несмотря на свою безполезность для современнаго человѣчества, существованіе дѣвственной плевы тѣмъ не менѣе, очевидно, имѣетъ свою причину. Какъ было упомянуто выше, наука еще не рѣшила этой задачи. Поэтому для разъясненія ея приходится прибѣгать къ гипотезамъ. Вотъ что считаемъ мы наиболѣе правдоподобнымъ: въ первыя времена своего существованія, люди должны были вступать въ половыя сношенія очень рано, въ такомъ періодѣ, когда мужской половой органъ не былъ еще окончательно развитъ. При такихъ условіяхъ гименъ не является препятствіемъ для наслажденіе половымъ чувствомъ. Постепенно растягиваемый, но не разорванный, онъ, въ концѣ-концовъ, не представлялъ уже препятствія и для зрѣлаго полового органа.

Мы предполагаемъ, слѣдовательно, что въ отдаленныя вре-

---

[1]) Было бы интересно установить, подвержены ли блѣдной немочи китайскія и индійскія дѣвушки, лишенныя гимена. До сихъ поръ мы не имѣемъ данныхъ на этотъ счетъ.

мена гименъ не грубо разрывался, а постепенно растягивался и что его разрывъ имѣетъ позднѣйшее и вторичное происхожденіе.

Въ подтвержденіе этой гипотезы мы можемъ привести тотъ фактъ, что даже въ настоящее время половыя сношенія устанавливаются очень рано у нѣкоторыхъ дикихъ или мало развитыхъ народовъ. Такъ, на островѣ Цейлонѣ «свадьбы устраиваются, когда мальчику 7—8 лѣтъ, а дѣвочкѣ 4—5, по *Роэру*, или 8, по *Вейерлейну*. Послѣ свадебной церемоніи невѣста возвращается въ родительскій домъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда у нея начинаютъ появляться регулы, ее соединяютъ съ отрокомъ-мужемъ» (*Бартельсъ-Плоссъ* Das Weib», I, стр. 620).

Роэръ утверждаетъ, что видѣлъ случаи, когда отецъ и сынъ посѣщали классы одной и той же школы.

У Ведовъ (каста рабовъ въ южной Индіи) мальчики женятся въ 15—16 лѣтъ, т.-е. въ эпоху, когда половой органъ еще далеко не достигъ своихъ окончательныхъ размѣровъ. Миссіонеръ *Этернъ* былъ пораженъ волненіями туземцевъ Керадифа (въ Абиссиніи), получившихъ приказъ въ теченіе 14 дней поженить всѣхъ мальчиковъ выше 14 лѣтъ съ дѣвочками выше 9 лѣтъ (*Бартельсъ-Плоссъ,* I. c., стр. 622). На Мадагаскарѣ въ началѣ XVII вѣка мальчики женились съ 10—12-лѣтняго возраста (ibid., 623). Туземцы нѣмецкихъ колоній Новой Гвинеи женятъ сыновей въ 14 и 15 лѣтъ (ibid., стр. 627). Даже въ Англіи существуетъ законъ, дозволяющій мальчикамъ жениться въ 14 лѣтъ. Хотя законъ этотъ въ настоящее время—мертвая буква, но онъ соотвѣтствуетъ, очевидно, древнему обычаю.

Какъ извѣстно, и въ наши времена гименъ не всегда оказывается разрушеннымъ послѣ полового акта.

Гюденъ насчиталъ, что приблизительно въ 17% случаевъ оболочка эта не нарушена у первороженицъ. Онъ нашелъ, что изъ 75 женщинъ, родившихъ въ первый разъ, у 13 гименъ былъ въ цѣлости.

Съ тѣхъ поръ, какъ на отцѣ лежитъ отвѣтственность содержанія дѣтей, онъ женится гораздо позднѣе, чѣмъ въ то время, когда дѣти зависѣли отъ матери. Вотъ почему въ на-

стоящее время связи съ едва возмужалымъ отрокомъ гораздо рѣже, чѣмъ въ былыя времена.

Тогда же пропорція беременныхъ женщинъ съ неповрежденной дѣвственной плевой была, конечно, еще гораздо больше. Легко представить себѣ эпоху, когда послѣдняя у женщинъ вообще не разрывалась. Разрывъ этотъ былъ безполезенъ, и онъ служитъ примѣромъ наиболѣе поздней дисгармоніи женскаго полового аппарата.

Всѣмъ извѣстно, что различныя части женскихъ половыхъ органовъ соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ частямъ мужского полового аппарата.

Такимъ образомъ, дѣвственная плева аналогична (или, скорѣе, гомологична, какъ выражаются въ сравнительной анатоміи) маленькой складкѣ, мѣшающей смѣшенію сѣменныхъ тѣлъ съ мочей во время соитія и извѣстной въ анатоміи подъ названіемъ пѣтушьей головы (Caput gallinaginis, или Colliculus seminalis). Органъ этотъ несравненно меньше гимена. Вотъ почему невозможно счесть первый, безполезный органъ остаткомъ второго, выполняющаго извѣстное полезное отправленіе. У многихъ семитическихъ народовъ (евреевъ, арабовъ) и у мусульманъ иного происхожденія (персовъ, негровъ, индусовъ, татаръ и т. д.) воротникъ мужского полового органа удаляется посредствомъ обрѣзанія, и это не влечетъ за собой ровно никакихъ неудобствъ. Органъ этотъ, слѣдовательно, безспорно входитъ въ разрядъ безполезныхъ частей, весьма многочисленныхъ среди органовъ размноженія обоихъ половъ.

II.

Развитіе и смыслъ менструальнаго истеченія у женщины.—Ранніе браки у нѣкоторыхъ первобытныхъ и малоцивилизованныхъ народовъ.—Дисгармонія въ половой зрѣлости и общей зрѣлости организма.—Возрастъ вступленія въ бракъ.—Примѣры дисгармоніи въ развитіи воспроизводительной функціи.

Несмотря на очевидное несовершенство человѣческихъ половыхъ органовъ, они все-таки выполняютъ свое главное воспроизводительное отправленіе.

Только при ближайшемъ изученіи его тотчасъ замѣтны стороны явной дисгармоніи и дурного приспособленія.

Когда въ какомъ бы то ни было органѣ происходитъ кровоизліяніе, то безъ всякихъ колебаній такой органъ при-

знается больнымъ. Кровотеченіе изъ носа, изъ легкихъ, изъ кишекъ или кровавая моча служатъ симптомами болѣе или менѣе опасной болѣзни. Кровоистеченіе изъ женскихъ половыхъ органовъ часто служитъ такимъ же признакомъ, напримѣръ, при опухоляхъ матки. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила является нездоровье женщины, вызываемое менструаціей, во время которой она теряетъ сотни граммовъ (отъ 100 до 600) своей столь цѣнной крови. Фактъ этотъ самъ по себѣ представляетъ нѣчто парадоксальное для чистофизіологическаго явленія. Поэтому очень интересно узнать его внутренній смыслъ.

Менструаціи не составляютъ исключительнаго свойства человѣческой породы, какъ дѣвственная плева. Течка самки, конечно, представляетъ нѣчто имъ соотвѣтствующее.

Только здѣсь мы имѣемъ дѣло съ припуханіемъ половыхъ органовъ, которое сопровождается слизистымъ выдѣленіемъ съ очень незначительнымъ количествомъ крови. Такой періодъ совпадаетъ съ пробужденіемъ полового чувства и предшествуетъ совокупленію [1]). У обезьянъ наблюдали истеченіе, болѣе сходное съ менструальной жидкостью женщины. Давно было замѣчено, что въ зоологическихъ садахъ у нѣкоторыхъ самокъ-обезьянъ Стараго Свѣта отъ времени до времени появляется періодическое истеченіе, безпорно сходное съ менструаціями женщины. Установлено даже, что у самокъ мартышекъ и церкопитековъ истеченіе это возобновляется ежемѣсячно.

Во время своего пребыванія въ англійскихъ колоніяхъ въ Индіи г. *Гипъ* [2]) имѣлъ очень удобный случай для подобныхъ наблюденій. Онъ выписалъ 230 самокъ мартышекъ (Macacus rhesus), большинство которыхъ были беременны или недавно родили. Изъ этого значительнаго количества 17 самокъ обнаружили признаки менструаціи, выраженные въ припуханіи половыхъ органовъ и въ слизистомъ бѣломъ истеченіи. Послѣднее большей частью имѣло блѣдно-розовый отливъ, зависящій отъ присутствія красныхъ кровяныхъ шариковъ.

---

1) *Saint Cyr*: „Traité d'obstétrique vétérinaire", 2 éd. 1888, p. 52.

2) *Heape*: „Philosophical Transactions of the R. Society of London", 1897, Vol. 188, pp. 135—166.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ истеченіе бывало сильно окрашено въ красный цвѣтъ.

Несмотря на безспорную аналогію съ менструаціей женщины, течка обезьянъ отличается преобладаніемъ припуханія внѣшнихъ половыхъ органовъ, слизистымъ характеромъ истеченія и малымъ содержаніемъ кровяныхъ шариковъ. Она составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ промежуточное звено между течкой низшихъ млекопитающихъ и менструаціей женщины.

Также и у антропоморфныхъ обезьянъ наблюдали родъ менструальнаго истеченія. *Боло, Элерсъ* и *Гермесъ*[1]) видѣли его у шимпанзе. «Въ этотъ періодъ,—говоритъ Гартманнъ,—происходитъ припуханіе и краснота внѣшнихъ половыхъ частей. Мало замѣтныя въ обыкновенное время большія губы сильно выступаютъ наружу. Малыя губы и клиторъ весьма увеличенъ» (стр. 146).

У женщины опуханіе внѣшнихъ половыхъ частей мало замѣтно, и менструаціи характеризуются кровянымъ истеченіемъ. Онѣ, слѣдовательно, обнаруживаютъ вновь пріобрѣтенные признаки.

Менструальная жидкость, въ ея теперешнемъ видѣ, по всей вѣроятности, зависитъ отъ видоизмѣненій, наступившихъ въ сравнительно недавнемъ періодѣ развитія человѣчества. У первобытнаго человѣка половыя сношенія наступали рано, и женщина становилась беременной до появленія менструаціи. Послѣднія отсутствовали во время беременности и кормленія. Едва она кончалась, какъ наступала новая беременность. Регулы, слѣдовательно, не устанавливались. Способность человѣка къ оплодотворенію въ теченіе круглаго года сдѣлало его особенно плодовитымъ. Вѣроятно, именно благодаря этой большой плодовитости, распространился родъ людской по всему земному шару и удержался на немъ, несмотря на очень сильную смертность и другія препятствія.

Еще недавно было сдѣлано много новыхъ наблюденій надъ беременностью молодыхъ дѣвушекъ до появленія менструацій. Такъ, *Родъ* утверждаетъ, что среди индійцевъ *Гуатосъ*, при сліяніи *Ріо-Сао-Лоренцо* съ *Ріо-Парагваемъ*, встрѣчаются замужнія женщины отъ пяти до восьми лѣтъ, вышедшія, слѣ-

[1]) „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie“. 1876, стр. 88.

довательно, замужъ до появленія менструацій. У Ведовъ, въ южной Индіи, «дѣвочки выходятъ замужъ въ 7 и 9 лѣтъ и вступаютъ въ сношенія съ мужьями до появленія половой зрѣлости». Въ Ширасѣ, въ Персіи, «дѣвочки также выходятъ замужъ до наступленія регулъ, когда груди еще совсѣмъ не развиты». По *Робсону*, въ Сиріи «дѣвушки выходятъ замужъ до наступленія половой зрѣлости, т.-е. начиная съ 10 лѣтъ». *Дю-Шаллью* разсказываетъ, что у Ашировъ, въ западной Африкѣ, женятся, «не ожидая наступленія половой зрѣлости». *Аббади* во время своего путешествія по Нубіи познакомился съ туземнымъ обыкновеніемъ мужчинъ «покупать дѣвушекъ и вступать съ ними въ связь до появленія у нихъ періода менструацій». У Атжековъ, на Суматрѣ, дѣвушки выходятъ замужъ такъ рано, что о мѣсячныхъ у нихъ не можетъ быть и рѣчи: онѣ еле успѣли смѣнить молочные зубы. Мужья ихъ, старше нѣсколькими годами, еще неспособны къ половой дѣятельности. Но они тѣмъ не менѣе раздѣляютъ супружеское ложе и до того времени, когда наступаетъ зрѣлость. У островитянъ Вити вступаютъ въ бракъ тоже до появленія менструацій.

Древніе индусы женились точно такъ же въ очень раннемъ возрастѣ. *Бетлингъ* приводитъ санскритскіе стихи, въ которыхъ говорится, что отцы, дочери которыхъ не вышли замужъ до появленія первыхъ менструацій, осуждены попасть въ адъ. Въ другихъ стихахъ говорится, что въ этомъ случаѣ попадаютъ въ адъ не только отецъ, но и мать и старшій братъ; сама же дочь низводится въ этомъ случаѣ на низшую ступень *Судры* и уже никогда не можетъ выйти замужъ.

Несомнѣнно, что дѣвочки до появленія регулъ могутъ имѣть дѣтей. *Палакъ* приводитъ подтверждающіе примѣры, собранные имъ въ Персіи [2]). Оплодотвореніе можетъ совершаться и безъ предварительнаго менструальнаго истеченія. Такія явленія встрѣчаются не только въ жаркихъ, но и въ нашихъ странахъ.

Въ Россіи Рахмановъ [3]) присутствовалъ при родахъ 14-тилѣтней женщины, на видъ дѣвочки такого же возраста, «дурно

---

[1]) Приведенные факты почерпнуты у *Плоссъ-Бартельса*: „Das Weib", 7-ое изд., т. I, стр. 615—625.

[2]) Плоссъ-Бартельсъ, 1. с., стр. 625.

[3]) „Врачъ", 1901, стр. 1456.

сложенной и худенькой, съ дѣтскимъ выраженіемъ лица. Она никогда не имѣла мѣсячныхъ». Роды прошли совершенно нормально.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, полное право предполагать, что въ первобытныя времена такія браки съ незрѣлыми дѣвушками были гораздо болѣе распространенными или даже постоянными. При такихъ условіяхъ менструаціи могли или вовсе не наступать, или появляться только въ исключительныхъ случаяхъ.

Не слѣдуетъ забывать, что менструаціи у обезьянъ наблюдались при искусственныхъ условіяхъ жизни, когда самки были изолированы въ зоологическихъ садахъ и проводили жизнь въ клѣткахъ. Итакъ, становится очень вѣроятнымъ, что менструаціи, какъ мы наблюдаемъ ихъ въ настоящее время, т.-е. въ видѣ обильнаго кровавого истеченія, составляютъ пріобрѣтеніе рода людского.

По выходѣ изъ первобытнаго состоянія человѣку пришлось ограничить свою плодовитость и отодвинуть возрастъ вступленія въ бракъ. Вся исторія дикихъ и цивилизованныхъ народовъ показываетъ намъ, что прогрессъ культуры болѣе или менѣе приводитъ къ этому результату. Именно при этихъ условіяхъ могли безпрепятственно развиться регулы и пріобрѣсти свои настоящіе размѣры.

Вмѣстѣ съ этимъ странныя, анормальныя и даже патологическія свойства менструаціи становятся легко понятными. Обильное кровоистеченіе, предшествуемое и сопровождаемое болями и часто очень явными нервными и психическими осложненіями, — все это не имѣетъ анологіи ни съ какими явленіями нормальной физіологической жизни.

Поэтому понятно, что у большинства народовъ на регулы смотрятъ какъ на нѣчто совершенно необыкновенное. «Почти всѣ народы земного шара считаютъ женщину во время менструаціи нечистой» (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., стр. 420). Правило это такъ постоянно, что не зачѣмъ даже подтверждать его рядомъ примѣровъ. Мы ограничимся только нѣсколькими, интересными своими особенностями. Такъ, у индусовъ на женщину, принадлежащую къ высшимъ кастамъ, въ первый день менструаціи смотрятъ какъ на парія и даже на второй день — какъ на человѣка, убившаго брамина. У многихъ народовъ женщина во время мѣсячныхъ не смѣетъ приблизиться

къ мужчинѣ или дотрагиваться до разныхъ предметовъ, что могло бы вызвать заболѣванія или значительную порчу. Нѣмцы XVIII вѣка думали, что изъ закопанныхъ въ навозѣ волосъ женщинъ въ такомъ періодѣ зарождаются змѣи.

При этихъ условіяхъ не удивительно, что нѣкоторые народы думаютъ, будто менструація обязана своимъ происхожденіемъ нечистой силѣ. Иранцы предполагаютъ, что менструація появилась сначала у *Дшаи*, демона безнравственности (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., стр. 443). Эти представленія соотвѣтствуютъ смутному понятію о томъ, что регулы являются чѣмъ-то ненормальнымъ. Развитіе менструаціи вполнѣ объясняетъ такое представленіе.

Другое странное и, повидимому, ненормальное половое отправленіе также можетъ быть выяснено изъ исторіи его развитія. Мы имѣемъ въ виду страданія при родахъ. Дѣйствительно, удивительно и въ высшей степени странно, что подобное чисто-физіологическое явленіе сопровождается такими рѣзкими болями.

Хотя нѣкоторыя животныя тоже страдаютъ, но изъ млекопитающихъ, конечно, всѣхъ болѣе страдаетъ женщина.

Наблюденія надъ нѣкоторыми европейскими женщинами, родившими очень рано, противъ ожиданія показали, что роды при этихъ условіяхъ «очень легки и что послѣродовой періодъ вполнѣ нормаленъ» (*Рахмановъ*). Также врачъ *Діонисъ* высказалъ, что «если бы ему представился выборъ между 15-ти и 40-лѣтней первороженицей, то онъ, безъ сомнѣнія, выбралъ бы первую».

Въ прежнія времена дѣвушки антильскихъ колонистовъ выходили замужъ очень рано. Въ 1667 году *Дю-Тертръ* видѣлъ молодую женщину $12^1/_2$ лѣтъ, которая увѣряла его, что ея первые роды длились не болѣе четверти часа и не причинили ей никакихъ страданій. Миссіонеръ *Бэйерлейнъ*, практиковавшій довольно долго въ Мадрасѣ, гдѣ браки совершаются очень рано, утверждаетъ, что роды проходятъ тамъ гораздо легче, чѣмъ въ Европѣ (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., стр. 626).

Но, съ другой стороны, нѣкоторыя данныя какъ будто бы доказываютъ, что слишкомъ молодыя роженицы подвержены сильной смертности во время и послѣ родовъ. Самый пора-

зительный фактъ въ этомъ отношеніи указанъ *Гассенштейномъ*. Онъ утверждаетъ, что въ Абиссиніи смертность отъ родовъ достигаетъ 30%, и объясняетъ это тѣмъ, что браки совершаются въ періодъ, когда тѣло женщины еще не достаточно развито (*Плоссъ-Бартельсъ*, l. c., стр. 626). Въ Англійскихъ колоніяхъ Индіи много разъ указывали на неудобства слишкомъ раннихъ браковъ. Врачъ *Манселль* въ петиціи по этому поводу приводитъ примѣръ 12-лѣтней женщины, роды которой встрѣтили препятствіе въ недоразвитіи таза; это вызвало необходимость раздробленія черепа ребенка (ibid., стр. 629).

Знаменитый англійскій акушеръ *Дунканъ* очень много занимался смертностью отъ родовъ, съ цѣлью установить наивыгоднѣйшій возрастъ для вступленія въ бракъ. Онъ пришелъ къ тому выводу, что роды переносятся всего лучше женщинами отъ 20 до 24 лѣтъ. При этихъ условіяхъ наблюдается наименьшая смертность какъ во время родовъ, такъ и послѣ нихъ. Онъ нашелъ также, что женщины въ этомъ возрастѣ всего плодовитѣе и что ихъ тазовыя кости доразвиваются именно въ этотъ періодъ. Женщины, не достигшія 20 лѣтъ или же значительно старшія, даютъ большую смертность отъ родовъ.

Въ виду только что приведенныхъ фактовъ намъ слѣдуетъ ближе познакомиться съ однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ дисгармоній въ ходѣ развитія человѣческаго полового аппарата. Половая зрѣлость женщины обнаруживается появленіемъ регулъ въ такой періодъ, когда дѣвушки еще сохраняютъ дѣтскія свойства и когда ихъ тазовыя кости еще не вполнѣ развиты. Итакъ, мы видимъ явный разладъ между половою зрѣлостью и общимъ созрѣваніемъ организма.

Дисгармонія эта оказывается еще болѣе рѣзкой, какъ только мы приступаемъ къ изученію различныхъ фазъ развитія половыхъ частей и ихъ отправленій.

Въ человѣческомъ родѣ размноженіе обезпечено сближеніемъ половъ, вызваннымъ взаимной симпатіей или любовью. Эта половая связь позволяетъ мужскимъ элементамъ — сперматозоидамъ, или сѣменнымъ тѣламъ — проникать внутрь яичекъ и оплодотворять ихъ. Мы въ правѣ предположить, что всѣ эти различные акты должны бы идти рука объ руку для достиженія общей цѣли.

Въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Различныя части полового отправленія развиваются совершенно дисгармонично.

Прежде всего у человѣка проявляются любовь и половое чувство. Уже въ XVIII вѣкѣ *Рамдоръ*[1]) указалъ на то, что маленькіе мальчики могутъ обнаруживать чувство влюбленности въ женщинъ. Они въ то же время проявляютъ сильную ревность и желаніе быть единственными обладателями любимой женщины. Фактъ этотъ довольно распространенъ и встрѣчается среди очень знаменитыхъ людей. Такъ, *Данте* въ девять лѣтъ влюбился въ Беатриче; *Канова* былъ влюбленъ, едва достигнувъ пятилѣтняго возраста, а *Байронъ* въ 7 лѣтъ полюбилъ Мэри Дöфъ[2]).

Половая чувственность также обнаруживается въ очень раннемъ возрастѣ, когда еще не можетъ быть и рѣчи о созрѣваніи элементовъ воспроизведенія. Такъ, у нѣкоторыхъ дѣтей въ колыбельномъ возрастѣ уже наблюдали проявленія чувственности. Столь извѣстные клиницисты, какъ *Куршманнъ* и *Фюрбрингеръ*[3]), утверждаютъ существованіе полового чувства у дѣтей ранѣе пятилѣтняго возраста. Чѣмъ дальше, тѣмъ оно болѣе прогрессируетъ; оно становится всеобщимъ у мальчиковъ гораздо раньше появленія сѣменной жидкости со зрѣлыми и вполнѣ подвижными сѣменными тѣлами.

Въ этомъ заключается причина онанизма, особенно распространеннаго у мальчиковъ. Ощущая уже характерное и сладострастное половое чувство въ періодъ, когда еще не можетъ быть и рѣчи о совокупленіи, мальчики инстинктивно находятъ средство къ самоудовлетворенію.

Онанизмъ чаще всего опредѣляютъ какъ «удовлетвореніе полового чувства противоестественнымъ путемъ» (*Фюрбрингеръ*, l. с.). Но сама человѣческая природа служитъ причиной тому, что чувственность развилась слишкомъ рано, предшествуя развитію зрѣлости половыхъ элементовъ. Приходится, слѣдовательно, согласиться съ *Летурно* въ томъ, что «половыя отклоненія ненормальны, но, по правдѣ сказать, не противоестественны, такъ какъ наблюдаются у множества животныхъ».

Эти отклоненія такъ распространены у мальчиковъ, что,

---

1) „Venus Urania". Leipzig, 1798.

2) *Moll:* „Untersuch. üb. die Libido sexualis", I, стр. 44.

3) Real-Encyclopädie d. Gesammt. Heilkunde, 2-е изд., т. XIV, 1888, стр. 593.

по мнѣнію *Христіана*[1]), «только немногіе могутъ похвастать тѣмъ, что вполнѣ избѣгли ихъ». Тотъ же авторъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «когда подумаешь, что онанизмъ у нѣкоторыхъ народовъ и въ нѣкоторыя эпохи перешелъ въ нравы и сталъ обыденной привычкой, то невольно спрашиваешь себя, не имѣемъ ли мы дѣло со скрытымъ порокомъ, гнѣздящимся въ глубинѣ человѣческой природы и обнаруживающимся при малѣйшемъ поводѣ?» (1. с.). Отвѣтъ несомнѣненъ. Причина онанизма, этого порока или даже «преступленія», какъ выражаются *Тиссо* и многіе другіе, безспорно зависитъ отъ дисгармоніи въ человѣческой природѣ, въ преждевременномъ развитіи полового чувства.

Такой родъ удовлетворенія его въ высшей степени распространенъ какъ у самыхъ цивилизованныхъ, такъ и у самыхъ первобытныхъ народовъ.

У нѣкоторыхъ народовъ онанизмъ до такой степени вошелъ въ нравы, что его даже и не стараются скрывать. Такъ, у Кхойкхойновъ (готтентоты) объ этомъ открыто идетъ рѣчь въ разговорахъ и въ легендахъ. И такихъ примѣровъ немало[2]). А между тѣмъ большинство народовъ смотритъ на онанизмъ, какъ на величайшій грѣхъ, и по возможности скрываетъ его.

Повидимому, у мужского пола онанизмъ вообще болѣе распространенъ и обнаруживается ранѣе, чѣмъ въ женскомъ.

У дѣвушекъ онъ гораздо менѣе распространенъ, чѣмъ у мальчиковъ. Это, очевидно, находится въ связи съ тѣмъ, что чувственность у нихъ вообще развивается гораздо позже[3]).

Можно считать почти общимъ правиломъ, что дѣвушки, достигшія половой зрѣлости, тѣмъ не менѣе еще не испытываютъ специфическаго чувства. У многихъ оно развивается только постепенно, послѣ брака; довольно часто оно обнаруживается лишь послѣ первыхъ родовъ. Наоборотъ, любовь у молодыхъ дѣвушекъ начинаетъ развиваться очень рано, но долго сохраняетъ чисто-платоническій характеръ и только позднѣе связывается съ половымъ чувствомъ.

---

[1]) „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales", t. XV, 1881, стр. 376.

[2]) *Frisch:* „Die Eingeborenen Süd-Afrikas". Breslau, 1873.

[3]) Мнѣ утверждали въ зоологическомъ саду въ Антверпенѣ, что самки обезьянъ только въ исключительныхъ случаяхъ занимаются онанизмомъ, въ то время какъ у самцовъ этотъ способъ удовлетворенія полового чувства вообще очень распространенъ.

Созрѣваніе оплодотворяющихъ элементовъ (сѣменныхъ тѣлъ) наступаетъ гораздо позже чувственности и любви. Но только сѣмя въ свою очередь созрѣваетъ раньше, чѣмъ остальной мужской организмъ. Вслѣдствіе этого браки и правильныя половыя сношенія невозможны въ этотъ періодъ, особенно у народовъ, стоящихъ высоко въ культурномъ отношеніи. Ранѣе вступленія въ бракъ молодой человѣкъ долженъ окончить образованіе, избрать карьеру и быть въ состояніи содержать своихъ дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что съ прогрессомъ цивилизаціи средній возрастъ вступленія въ бракъ все болѣе и болѣе отодвигается. Въ то время какъ половая зрѣлость у европейскихъ народовъ у мужского пола появляется между 12 и 14 годами, средній возрастъ вступленія въ первый бракъ слѣдующій:

	У мужчинъ.	У женщинъ.
Англія	25,94	24,69
Францiя	28,41	25,32
Норвегія	28,51	26,98
Голландія	29,15	27,78
Бельгія	29,94	28,19 [1])

Сравненіе этихъ цифръ указываетъ на большой промежутокъ между появленіемъ половой зрѣлости и вступленіемъ въ бракъ.

Упадокъ воспроизводительной способности сопровождается не менѣе поразительными явленіями дисгармоніи, чѣмъ тѣ, которыя наблюдаются при установленіи полового отправленія. Сѣменныя тѣла у человѣка развиваются въ теченіе многихъ лѣтъ, и ихъ находятъ еще у очень глубокихъ стариковъ. Такъ, *Павловъ* [2]) нашелъ большое количество ихъ у 94-лѣтняго старика, и это — примѣръ не единственный. Но присутствіе элементовъ оплодотворенія само по себѣ еще не обусловливаетъ возможности полового акта.

Такъ, сѣмя, образованное въ старческихъ сѣменныхъ же-

---

1) *Wappaeus*: „Allgemeine Bevölkerungsstatistik“, 1861, t. II, стр. 285.

2) „Патолого-анатомическія измѣненія сѣменныхъ железъ въ старости“. Спб., 1894)г. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ при вскрытіи столѣтняго старца (103 года) въ Ліонѣ, нашли, что сѣменные пузырьки наполнены зрѣлыми и вполнѣ развитыми сѣменными тѣлами“. „Annales d'hygiène publique“, 1900 стр. 370.

лезахъ, очень часто не можетъ какъ слѣдуетъ проникнуть въ женскій половой аппаратъ.

Отсюда у людей преклонныхъ лѣтъ возникаютъ разныя неудобства въ половомъ отправленіи. Это не мѣшаетъ сохраненію у нихъ специфическаго чувства и влюбленности до самой глубокой старости. Врачи пріютовъ для стариковъ замѣчаютъ, что паціенты ихъ главнымъ образомъ поглощены вопросами любви. Но уже древніе авторы указываютъ на то, что чувство влюбленности въ старческомъ возрастѣ проявляется въ извращенной склонности къ мальчикамъ.

Чувственность и влюбчивость, появляющіяся задоло до половой и общей зрѣлости организма, продолжаются такъ же долго послѣ ея наступленія. Какая громадная разница между дисгармоніями человѣческой воспроизводительной функціи и совершенствомъ отправленія половыхъ органовъ у большинства растеній! А между тѣмъ, какъ это было изложено во 2-й главѣ, для оплодотворенія многихъ цвѣтовъ необходимо участіе насѣкомыхъ. И, несмотря даже на это осложненіе, какая гармонія въ организаціи и въ отправленіи растеній! Какъ разъ во время, когда созрѣваютъ половые продукты, лепестки раскрываются и выдѣляется цвѣточный сокъ. Многіе цвѣты въ это время издаютъ пріятное для насѣкомыхъ благоуханіе. Привлеченныя запахомъ и красками цвѣтовъ, насѣкомыя эти приближаются къ ихъ половымъ органамъ: стараясь добыть цвѣточную пыль или цвѣточный сокъ, они нагружаютъ на себя пыльцу и переносятъ ее на другіе цвѣты того же вида. Тотчасъ послѣ совершенія оплодотворенія лепестки завядаютъ, благоуханіе прекращается, и насѣкомыя покидаютъ цвѣты, которые болѣе не нуждаются въ нихъ.

Неудивительно, что дисгармоничныя условія отправленій человѣческаго полового аппарата часто причиняютъ различныя неудобства. Дѣти, у которыхъ чувственность развивается очень рано, усваиваютъ привычку самоудовлетворенія способами, провозглашенными «противоестественными». У многихъ вскорѣ обнаруживаются вредныя послѣдствія такихъ пріемовъ. «Ребенокъ, — говоритъ d-r *Христіанъ* (l. c., стр. 377), — не имѣетъ сѣмени, а между тѣмъ именно у него онанизмъ всего губительнѣе и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ребенокъ моложе. Именно въ самомъ раннемъ дѣтствѣ онанизмъ всего

болѣе заслуживаетъ тѣхъ проклятій, которыми его осыпаютъ: именно тогда губитъ онъ здоровье, умственныя способности и таже жизнь. Маленькія дѣти, имѣющія эту пагубную привычку, худѣютъ, становятся блѣдными, глупѣютъ, тупѣютъ. Опасность, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что организмъ еще не достигъ развитія, необходимаго для проявленія полового отправленія». Къ счастью, такія ужасныя послѣдствія сравнительно рѣдки.

Въ XVIII вѣкѣ много шума надѣлала книга швейцарскаго врача *Тиссо* относительно опасности онанизма. Книга эта полна преувеличеній и неточностей, но она заключаетъ очень интересныя признанія лицъ, имѣвшихъ эту привычку. Одно изъ нихъ пишетъ къ Тиссо: «Если бы религія не удерживала меня, я бы давно уже покончилъ съ жизнью, тѣмъ болѣе жестокой, что она такова по моей собственной винѣ». Онанисты нерѣдко становятся меланхоликами.

Сильныя неудобства вызываетъ также и то, что половая зрѣлость предшествуетъ общей зрѣлости и развитію характера. Невозможность жениться въ возрастѣ, когда человѣкъ еще не окончательно созрѣлъ для этого, влечетъ за собой неправильное половое отправленіе, часто полное опасности.

Слишкомъ долгое сохраненіе половой чувствительности составляетъ также настоящее несчастіе. Старики, неспособные уже ни вызывать любовь, ни удовлетворять ее, часто становятся жертвами своей влюбчивости и неудовлетвореннаго полового чувства. Вполнѣ установлено, что послѣднее неизмѣнно можетъ сохраниться даже послѣ полнаго исчезновенія половыхъ железъ—органовъ, необходимыхъ для полового отправленія. Такимъ образомъ, женщины, у которыхъ удалены оба яичника, тѣмъ не менѣе вполнѣ сохраняютъ половую чувственность.

Дисгармонія полового отправленія наблюдается также въ отношеніяхъ между лицами различныхъ половъ. Тотъ фактъ, что чувственность развивается гораздо ранѣе у мужчины, чѣмъ у женщины, часто влечетъ разладъ между супругами. Въ эпоху, когда специфическая чувственность женщины достигаетъ апогея, половое отправленіе мужчины (часто) начинаетъ уже падать. Слѣдствіемъ этого бываетъ супруже-

ская невѣрность и даже проявленія извращеній половой функціи, приводящія къ любви между лицами одного пола.

Въ изслѣдованіи на эту тему *Шопенгауэръ* [1]) высказываетъ слѣдующее соображеніе: «Тотъ фактъ, что нѣчто столь фундаментально противное природѣ и даже столь противоположное ея главной цѣли (размноженію) производится самой природой, является невѣроятнымъ парадоксомъ, объясненіе котораго составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ...» А между тѣмъ, становясь на точку зрѣнія дисгармоніи въ развитіи и въ отправленіи полового аппарата, очень легко понять эти извращенія полового инстинкта, кажущіяся столь странными и парадоксальными.

Дисгармонія эта служитъ источникомъ столькихъ бѣдствій, начиная съ самого нѣжнаго возраста и до самой глубокой старости, что почти всѣ религіи относились съ большой или меньшей строгостью къ половому отправленію. Д-ръ *Христіанъ* удивляется тому, что «почти во всѣхъ религіяхъ встрѣчается странное мнѣніе, будто воздержаніе отъ совокупленія служитъ признакомъ почитанія божества» (l. c., стр. 364). Именно въ виду ненормальныхъ послѣдствій половой дисгармоніи, религіи пришли къ своимъ строгимъ выводамъ и провозгласили идею порочности человѣческой природы (разобранную нами въ 1-й главѣ).

III.

Дисгармоніи семейнаго инстинкта.—Искусственные выкидыши.—Покиданіе дѣтей и ихъ убійство.—Дисгармоніи соціальнаго инстинкта.

Если воспроизводительная функція, такъ глубоко коренящаяся въ органическомъ мірѣ, представляетъ столько дисгармоній въ человѣческомъ родѣ, то не слѣдуетъ удивляться явленіямъ разлада, обнаруживающимся въ отправленіяхъ семейнаго инстинкта у человѣка: этотъ инстинктъ болѣе недавняго происхожденія и распространенъ между животными въ меньшей степени, чѣмъ половой.

Мы видѣли, что у многихъ животныхъ половой инстинктъ претерпѣваетъ глубокія извращенія и что нерѣдки примѣры онанизма и совокупленія между самцами. Наоборотъ, въ

[1]) „Die Welt als Wille und Vorstellung", t. II, приложеніе къ главѣ XLIV.

мірѣ животныхъ нѣтъ случаевъ, гдѣ бы оплодотвореніе, беременность и роды встрѣчали препятствіе въ какихъ-нибудь извращенныхъ инстинктахъ.

Родъ человѣческій одинъ имѣетъ привилегію, несмотря на половыя сношенія, дѣлать оплодотвореніе невозможнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ воспользовался потерей os penis, о чемъ было упомянуто въ 3-й главѣ: присутствіе этой кости мѣшаетъ перерыву полового акта. Существуетъ много способовъ преградить сѣменнымъ тѣламъ доступъ къ яичкамъ и нѣтъ надобности перечислять ихъ здѣсь,—такъ обычно и распространено ихъ употребленіе. Въ цивилизованныхъ странахъ этими способами, главнымъ образомъ, ограничиваютъ рождаемость. Въ началѣ своего существованія родъ человѣческій долженъ былъ отличаться очень сильной плодовитостью, но съ развитіемъ культуры люди не замедлили найти дѣйствительныя средства для ея уменьшенія.

Дикіе или мало цивилизованные народы прибѣгаютъ къ средствамъ, мѣшающимъ оплодотворенію, впрочемъ рѣже, чѣмъ искусственнымъ выкидышамъ, у нихъ очень распространеннымъ.

Въ книгѣ *Плоссъ-Бартельса* «О женщинѣ», на которую мы ссылались нѣсколько разъ, цѣлая глава (т. I, гл. XXXV) посвящена этому вопросу. Искусственные выкидыши, производимые съ цѣлью уменьшенія рождаемости, составляютъ обычай, распространенный по всему земному шару. У большинства первобытныхъ или мало цивилизованныхъ народовъ это безпрепятственно практикуется открытымъ и законнымъ образомъ. У многихъ народовъ принято имѣть двухъ дѣтей; въ случаѣ новой беременности, не колеблясь, производятъ выкидышъ.

Туземцы *Кайзара* и островов *Ватубела* строго придерживаются этого правила. У туземцевъ острововъ *Аару* рѣдко встрѣтишь болѣе трехъ дѣтей въ одной семьѣ, такъ какъ остальныя выкидываются ранѣе срока способомъ, освященнымъ обычаемъ.

Искусственное выкидываніе особенно распространено въ Индіи. Оно столь же часто встрѣчается у индусовъ, подвластныхъ англичанамъ, какъ и у независимыхъ. На полуостровѣ *Кутчъ* женщины очень часто сокращаютъ свою бере-

менность искусственными мѣрами. Одна мать открыто хвасталась *Макмурду* тѣмъ, что пять разъ прибѣгла къ такимъ мѣрамъ. У африканскихъ народовъ, а также у природныхъ американцевъ или у американцевъ бѣлой расы искусственное выкидыванiе тоже очень распространено.

Даже и въ Европѣ у нѣкоторыхъ народовъ оно допускается, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Турки думаютъ, что до 5-го мѣсяца зародышъ не имѣетъ реальнаго существованiя; поэтому они не считаютъ грѣхомъ его извлеченiе. Но это дѣлается даже и въ такой перiодъ, когда подобная мѣра считается преступной. Въ 1872 году въ теченiе 10 мѣсяцевъ въ Константинополѣ разбиралось болѣе 3,000 случаевъ искусственныхъ выкидышей. Не удивительно, что при этихъ условiяхъ на Востокѣ такъ мало незаконныхъ дѣтей.

Искусственное выкидыванiе не есть современное изобрѣтенiе; оно извѣстно съ незапамятныхъ временъ. Древнiе греки производили его открыто, и оно не преслѣдовалось законами. *Платонъ* дозволялъ его акушеркамъ; *Аристотель* требовалъ произведенiя искусственнаго выкидыша въ случаѣ, когда «у женатыхъ людей жена становилась беременной противъ всякаго ожиданiя».

Штеллеръ, говоря о камчатскихъ Ительменахъ XVIII вѣка, утверждаетъ, что у нихъ браки совершались скорѣе ради чувственнаго удовольствiя, чѣмъ для размноженiя, такъ какъ они «прерываютъ беременность разными лѣкарствами и вызываютъ выкидышъ зельями или другими грубыми средствами».

Техника выкидыванiя во всѣ времена была очень разнообразна. Помимо множества лѣкарствъ, большею частью растительнаго происхожденiя, часто употребляли различныя механическiя средства. Туземцы Гренландiи пользовались заостренными ребрами тюленей или моржей, а гавайцы Сандвичевыхъ острововъ—спецiальнымъ деревяннымъ инструментомъ, изображающимъ родъ божества.

Нѣкоторые народы, однако, издавна сильно возставали противъ искусственнаго выкидыванiя. Таковы были въ древности мидяне, бактрiане, персы и евреи. У древнихъ инковъ за искусственное выкидыванiе наказывали смертью. Христiан-

скіе народы только позднѣе вступили на этотъ путь порицанія. Но примѣры эти относятся лишь къ меньшинству народовъ, населяющихъ землю. Да и у нихъ искусственное выкидываніе производится очень часто, хотя это и скрываютъ.

Животныя, будучи неспособными производить выкидыши, довольно часто уничтожаютъ свое потомство, какъ было упомянуто во 2-й главѣ. У людей убійство новорожденныхъ встрѣчается слишкомъ часто. Греки и римляне не признавали, чтобы ребенокъ въ моментъ рожденія имѣлъ уже право на жизнь. Древнимъ германцамъ дозволялось покидать своихъ дѣтей. У арабовъ, до принятія ислама, существовало обыкновеніе закапывать живыми большинство новорожденныхъ дочерей. Аналогичный обычай очень распространенъ въ Индіи. Всѣмъ извѣстно, какъ китайцы покидаютъ своихъ дѣтей. По свѣдѣніямъ, оставленнымъ *Эйтелемъ*[1]), китайцы провинціи Кантона часто при рожденіи убиваютъ ихъ. «Можно сказать, — утверждаетъ этотъ авторъ, — что убійство дѣвочекъ представляетъ общее правило у земледѣльческихъ классовъ Хак-ло и особенно у Хак-ка». Среднее число дѣвочекъ, убиваемыхъ тотчасъ послѣ рожденія, по словамъ самихъ же Хак-ка, достигаетъ почти двухъ третей новорожденныхъ.

Въ маленькой деревнѣ, гдѣ авторъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, слѣдствіе, искусно выполненное при помощи нѣсколькихъ христіанокъ, показало, что «каждая женщина этой деревни, родившая болѣе двухъ дѣтей, убила по крайней мѣрѣ, одного ребенка».

Въ Таити убивали двѣ трети новорожденныхъ дѣтей, большею частью женскаго пола. Уничтожали трехъ первыхъ дѣтей, а также и близнецовъ, и никогда не воспитывали болѣе двухъ или, въ крайнемъ случаѣ, трехъ дѣтей[2]). У меланезійскихъ народовъ убійство дѣтей очень распространено. «Кажется почти невѣроятнымъ, — говоритъ *Ратцель*[3]), — что въ Ужи (островъ Соломоновой группы) убиваютъ почти всѣхъ дѣтей, чтобы замѣнить ихъ Боросами».

Неудивительно, что при такомъ распространеніи искусственныхъ выкидышей и избіеніи новорожденныхъ дѣтей большое

---

[1]) L'Anthropologie. T. IV, 1803, стр. 120.
[2]) Gerland y Waitz'a. Anthropologie der Naturvölker. T. IV, 1872, стр. 139.
[3]) „Völkerkunde“, 1885, t. 1, стр. 274.

число такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ постепенно вымираетъ и находится на пути къ полному исчезновенію.

Таково положеніе туземцевъ юж. Ново-Галльской земли, Дорезовъ Новой Гвинеи, туземцевъ острововъ *Аару* и пр. Трудно найти что-нибудь болѣе наглядно показывающее слабость семейнаго инстинкта въ родѣ людскомъ. У болѣе культурныхъ націй грубыя средства первобытныхъ народовъ уступили мѣсто усовершенствованнымъ способамъ, мѣшающимъ зачатію. Поэтому убійство новорожденныхъ стало гораздо болѣе рѣдкимъ. Искусственные выкидыши производятся утонченнымъ способомъ, основаннымъ на научныхъ данныхъ. Вмѣсто того, чтобы прободать зародышевыя оболочки тюленьимъ ребромъ или шпилькой, дѣлаютъ это стерилизованными зондами, при условіяхъ безупречной асепсіи. Отдѣлываясь отъ плода любви, стараются какъ можно менѣе рисковать жизнью и здоровьемъ женщины.

Несомнѣнно, что не одинъ народъ исчезъ вслѣдствіе слабаго развитія семейнаго инстинкта. Но это не даетъ права думать, чтобы родъ людской долженъ былъ когда-нибудь также исчезнуть вслѣдствіе недостатка потомства. Тѣмъ не менѣе справедливо, что легкость, съ которой можно препятствовать рождаемости дѣтей, доказываетъ безсиліе семейнаго инстинкта и выдвигаетъ серьезный вопросъ, достойный вниманія ученыхъ законодателей.

Семейный инстинктъ коренится очень глубоко, такъ какъ происходитъ отъ животныхъ, гораздо болѣе давнихъ, чѣмъ человѣкъ; тѣмъ не менѣе въ родѣ людскомъ онъ подвергается множеству измѣненій, способныхъ привести даже къ исчезновенію нѣкоторыхъ народовъ или расъ. Тѣмъ не менѣе онъ достаточенъ для того, чтобы навѣки обезпечить сохраненіе человѣка.

Человѣкъ безспорно—общественное существо, но инстинктъ, заставляющій его соединяться въ группы, только недавняго происхожденія. Общества животныхъ, столь развитыя въ мірѣ насѣкомыхъ, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія къ человѣческимъ обществамъ. У млекопитающихъ, болѣе близкихъ предковъ рода людского, общественная жизнь еще очень первобытна. Даже у человѣкообразныхъ обезьянъ не

замѣчается большого прогресса въ этомъ отношенiи. Многiя изъ нихъ будучи въ неволѣ, обнаруживали дружелюбныя чувства по отношенiю къ человѣку и къ различнымъ животнымъ, что уже указываетъ на ихъ способность къ жизни сообща.

Но при естественныхъ условiяхъ человѣкообразныя обезьяны живутъ только семьями и образуютъ лишь малочисленныя общества. Вотъ, что говоритъ д-ръ *Сэваджъ* [1]) относительно общественной жизни шимпанзе: «Судя по тому, что мы видимъ здѣсь, нельзя сказать, чтобы они жили стадами: рѣдко соединяются они въ группы болѣе чѣмъ изъ пяти или, въ крайнемъ случаѣ, изъ десяти особей; но разсказываютъ, ссылаясь на серьезные авторитеты, что они часто собираются въ большемъ числѣ для игръ. Лицо, давшее мнѣ эти свѣдѣнiя, говоритъ, что разъ видѣли шимпанзе въ числѣ 50-ти особей. Они играли вмѣстѣ, крича, воя и барабаня палками по срубу дерева; послѣднее дѣлали они съ одинаковою легкостью всѣми четырьмя конечностями».

Мы недостаточно знакомы съ общественной жизнью человѣкообразныхъ обезьянъ, но по всему, извѣстному намъ, очевидно, что она представляетъ только первые признаки общественности. Человѣкъ, конечно, пошелъ гораздо дальше въ этомъ отношенiи. Даже самыя низшiя расы и самые первобытные народы изъ нынѣ существующихъ, каковы бушмены и туземные жители Австралiи, обнаруживаютъ рѣзко выраженный соцiальный инстинктъ [2]).

Такое постоянство общественнаго инстинкта во всемъ родѣ людскомъ подало поводъ думать, что этого естественнаго свойства достаточно для того, чтобы доставить человѣческимъ обществамъ основу для счастливой жизни.

Въ столь многочисленныхъ попыткахъ обосновать нравственность на чисто-рацiональномъ принципѣ, безъ всякаго привлеченiя сверхъ-естественныхъ силъ, всегда выдвигали впередъ инстинктивую потребность человѣка въ общественной жизни. Стараясь вывести правила людского поведенiя изъ свойствъ человѣческой природы, ссылались на врожденную

---

[1]) Цитата у *Гексли*: „Мѣсто человѣка", 1891, стр. 224.

[2]) Подробности см. *Сутерланда*: „Происхожденiе и развитiе нравственнаго инстинкта", рус. пер. 1900 г.

симпатію человѣка къ себѣ подобнымъ. Формула эта такъ распространена и стала такой обыденной, что даже излишне подробнѣе развивать ее. Можемъ ограничиться немногими цитатами.

Около половины XIX вѣка нѣмецкій врачъ *Бюхнеръ* написалъ родъ матеріалистическаго кодекса, пользовавшагося въ ту пору большой извѣстностью. Вотъ что говоритъ онъ [1] по поводу занимающаго насъ теперь вопроса: «То, что мы называемъ нравственнымъ чувствомъ, зарождается изъ общественныхъ источниковъ или привычекъ, развиваемыхъ каждымъ человѣческимъ (или животнымъ) обществомъ и которые должны быть имъ развиваемы подъ опасеніемъ погибнуть по неприспособленности». Нравственность происходитъ изъ общественности и видоизмѣняется согласно съ идеями и потребностями, преобладающими въ данномъ обществѣ: «Человѣкъ въ основѣ есть существо общественное, которое нельзя себѣ представить внѣ общества иначе, какъ въ состояніи поистинѣ дикаго звѣря; поэтому очевидно, чтъ жизнь сообща налагаетъ на него обязательства взаимности, которыя со временемъ становятся опредѣленными принципами нравственности».

Въ теченіе пятидесяти лѣтъ продолжаютъ повторять приблизительно то же самое.

Въ книгѣ, появившейся всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, очень извѣстный нѣмецкій естествоиспытатель *Гэккель*[2]) говоритъ слѣдующее: «Наше современное знаніе природы показываетъ, что чувство долга у человѣка покоится не на категорическомъ императивѣ, а *на реальной основѣ общественныхъ инстинктовъ*, существующихъ у всѣхъ высшихъ животныхъ, которыя ведутъ общественный образъ жизни. Оно признаетъ конечною цѣлью нравственности установленіе здравой гармоніи между эгоизмомъ и альтруизмомъ, между любовью къ себѣ и любовью къ ближнему. Человѣкъ, желающій жить въ благоустроенномъ обществѣ и быть счастливымъ, долженъ стремиться достичь не только своего собственнаго счастія, но также и счастія того общества, къ которому принадлежитъ, и счастья ближнихъ, входящихъ въ послѣднее. Онъ долженъ признать ихъ благосостояніе своимъ, какъ и ихъ страданія—

---

[1]) „Сила и матерія“, 6-е франц. изд. 1884, стр. 507.

[2]) „Die Welträthsel“, 7-е изд. Боннъ, 1901 г., стр. 403 и 404.

своими собственными. Этотъ основной общественный законъ такъ простъ и естественень, что трудно понять, какъ возможно противиться ему въ теоріи или на практикѣ; а между тѣмъ это дѣлается нынче точно такъ же, какъ дѣлалось тысячелѣтія тому назадъ».

Половые и семейные инстинкты могутъ удовлетворяться очень различными способами; то же относится къ общественному инстинкту. Онанизмъ и однополая любовь могутъ удовлетворить половое чувство; воздержаніе, искусственное выкидываніе и убійство новорожденныхъ наблюдаются на каждомъ шагу рядомъ съ любовью къ женщинѣ и къ нѣсколькимъ пощаженнымъ дѣтямъ. Точно такъ же общественный инстинктъ неисправимаго убійцы можетъ быть вполнѣ удовлетворенъ привязанностью къ одному или нѣсколькимъ злодѣямъ. Какъ извѣстно, самые ужасные преступники имѣютъ свою личную нравственность: они очень вѣрны своимъ товарищамъ, но ненавидятъ все остальное человѣчество.

Итакъ, дѣло не сводится только къ тому, чтобы имѣть и обнаруживать общественный инстинктъ, свойственный всякому человѣческому существу. Слѣдуетъ еще установить, въ какой степени и по отношенію къ какимъ изъ нашихъ ближнихъ должны мы обнаруживать этотъ инстинктъ. Именно здѣсь и начинается великое затрудненіе. Его никогда не могли рѣшить какъ слѣдуетъ ни раціоналистическія теоріи, ни религіозныя доктрины. Надо ли распространять наши общественные инстинкты на близкихъ и дальнихъ родственниковъ, или на всѣхъ согражданъ и соотечественниковъ, или на всѣхъ бѣлыхъ и черныхъ, добрыхъ и злыхъ людей? Или, быть можетъ, инстинктъ этотъ долженъ быть направленъ преимущественно на единовѣрцевъ или единомышленниковъ? Инстинктивное чувство само по себѣ остается совершенно нѣмымъ на этотъ вопросъ, между тѣмъ именно въ немъ и заключается главная задача, которую надо рѣшить. Какъ извѣстно, въ различныя эпохи и при различныхъ условіяхъ весьма различно отвѣчали на этотъ вопросъ. Такъ, въ тѣ времена, когда преобладающимъ чувствомъ было религіозное, вѣра составляла гораздо болѣе сильную связь, чѣмъ идея родины. Позднѣе, наоборотъ, на первое мѣсто выступилъ патріотизмъ. Въ послѣднее время часто взываютъ къ чувству международной соли-

дарности. Такъ, нѣсколько націй недавно заключили союзъ противъ китайцевъ, забывая вопросы національности. Нѣкоторые народы индо-европейскаго происхожденія соединились не только между собой, но и съ народомъ монгольской расы съ цѣлью наказать общаго врага. Но что связало между собой столько различныхъ людей? Это не была религія: между союзными народами были католики, протестанты, православные и буддисты. Это скорѣе была общность интересовъ, основанная на аналогіи культуры, военной и политической организаціи.

Часто думаютъ, что общественный инстинктъ или, что то же, симпатія между людьми, распространяясь все болѣе и болѣе, станетъ такой всеобщей, что всѣ члены человѣчества почувствуютъ себя солидарными и будутъ дѣйствовать только въ виду общаго блага. Но въ дѣйствительности задача гораздо сложнѣе. Слишкомъ усиленная симпатія можетъ оказаться вредной. Какъ извѣстно, нѣкоторыя націи, влекомыя симпатіей, принимали дѣятельное участіе въ войнахъ, результаты которыхъ не были благопріятны. Симпатія, обнаруживаемая къ дурнымъ и опаснымъ людямъ, можетъ точно такъ же быть пагубной. Итакъ, общественный инстинктъ часто приходится сдерживать въ интересахъ самой группы людей, соединенныхъ для общей цѣли.

Слѣдуетъ ли распространять симпатію на все человѣчество или надо сосредоточивать ее на группѣ людей?

Теоретически часто говорятъ о солидарности всего человѣчества, думаютъ, что можно одинаково симпатизировать всѣмъ расамъ, даже наиболѣе удаляющимся отъ типа цивилизованнаго человѣка. Это теоретическое мнѣніе въ странахъ, населенныхъ различными расами, часто наталкивается на чисто-практическія затрудненія.

Такъ, въ Америкѣ и въ нѣсколькихъ другихъ странахъ были изданы ограничительные законы противъ китайцевъ; имъ отказывали въ той степени симпатіи, которую обнаруживали относительно другихъ народовъ. Негритянскій вопросъ также очень усложнился въ тѣхъ странахъ, гдѣ чернокожіе живутъ среди бѣлыхъ. Въ Европѣ вообще осуждаютъ людей бѣлой расы за то, что они завладѣваютъ странами первобытныхъ народовъ.

Сутерландъ, авторъ выдающагося сочиненія о происхожденіи и развитіи нравственнаго инстинкта, оправдываетъ этотъ

произволъ. На вопросъ, «хорошо ли поступили бѣлые, овладѣвъ австралійскими лѣсами, принадлежавшими чернымъ», онъ отвѣчаетъ утвердительно. «Извѣстный нравственный инстинктъ, — говоритъ онъ, — осуждаетъ подобную политику, а между тѣмъ она была, несомнѣнно правильной» (1. стр. 796). Подводя итоги своимъ изслѣдованіямъ по этому поводу, авторъ приходитъ къ тому выводу, что «нравственное поведеніе заключается въ раціональномъ компромиссѣ между индивидуальными и соціальными инстинктами, такъ часто сталкивающимися» (1. с., стр. 708). Однако онъ, подобно своимъ предшественникамъ, не раскрываетъ этой раціональной основы.

Общественный инстинктъ — слишкомъ позднее пріобрѣтеніе рода человѣческаго, и онъ слишкомъ слабо развитъ для того, чтобы служить вѣрнымъ и достаточнымъ руководителемъ поведенія. Чтобы возмѣстить это неудобство, съ самыхъ отдаленныхъ временъ прибѣгали къ божественной санкціи, устанавливающей людскія отношенія. Съ тою же цѣлью присоединили къ ней положительный законъ.

Всѣми этими средствами была достигнута нѣкоторая возможность общественной жизни. Дѣйствительность ихъ особенно наглядно обнаруживается въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, во время катастрофъ, положительный законъ не можетъ болѣе примѣняться. Такъ, передъ вступленіемъ французовъ въ Москву въ 1812 году или послѣ вулканическаго изверженія на Мартиникѣ въ 1902 года, когда власти были осуждены на бездѣйствіе, — противообщественныя страсти населенія обнаружились въ формѣ, дурно рекомендующей силу общественнаго инстинкта.

Мы видѣли, что инстинктъ выбора пищи, какъ половой и семейный инстинкты человѣка, до такой степени не совершенны, что на нихъ невозможно полагаться безъ другого, болѣе точнаго руководства. Поэтому необходимо устанавливать, какая пища полезнѣе человѣку при различныхъ условіяхъ жизни и какія средства — наилучшія при данныхъ обстоятельствахъ для удовлетворенія инстинктовъ размноженія и семейнаго чувства. Точно такъ же необходимо точно опредѣлять цѣль общественнаго инстинкта. Любя ближнихъ, надо всѣми средствами стараться сдѣлать людей какъ можно счастливѣе.

Но что такое счастіе? Есть-ли это ощущеніе благосостоянія, испытываемое самимъ человѣкомъ, или же мнѣніе другихъ людей объ этомъ ощущеніи? Какъ извѣстно, часто бываетъ очень трудно рѣшить: счастливъ или нѣтъ данный человѣкъ. Когда онъ обладаетъ здоровьемъ, семьей и средствами къ существованію, мы, со стороны, склонны считать его вполнѣ счастливымъ, что часто бываетъ діаметрально противоположно его собственному мнѣнію. Поэтому иногда совершенно невозможно полагаться на постороннюю оцѣнку. Съ другой стороны, собственное мнѣніе человѣка относительно своего счастія можетъ также основательно подлежать критикѣ, когда хотятъ составить себѣ понятіе о немъ.

Часто ощущеніе счастія служитъ только признакомъ прогрессивнаго паралича. Объ этомъ можно судить по слѣдующему разсказу. «Больной доволенъ собой; онъ восхищается своимъ сложеніемъ и положеніемъ. Онъ постоянно хвастается своимъ здоровьемъ, силой своихъ мускуловъ, свѣжимъ цвѣтомъ своего лица, своей неутомимостью и т. д. Его одежда великолѣпна; его жилище роскошно. На дальнѣйшей ступени преувеличеніе достигаетъ крайности: одинъ дуновеніемъ своимъ опрокидываетъ стѣны; другой — утверждаетъ, что можетъ поднять сто килограммовъ; этотъ — въ состояніи выпить цѣлую бочку; другого — ничто не можетъ утомить. Наконецъ, наступаетъ манія величія, и больные въ изобиліи приписываютъ себѣ титулы, власть и богатство. Они — депутаты, графы, князья, генералы, цари, императоры, папы, Богъ» [1]).

Такъ какъ прогрессивный параличъ является однимъ изъ послѣдствій сифилиса, то стоило бы только распространить эту болѣзнь, чтобы доставить наибольшему числу людей наивозможно большее счастіе...

Нечего настаивать на нелѣпости подобной перспективы. Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что этотъ вопросъ счастія, столь тѣсно связанный съ общественною жизнью, является одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ.

Общественный инстинктъ такъ же безсиленъ для рѣшенія вопроса о справедливости подчиненнаго общей цѣли человѣ-

---

1) *Ballet et Blocq*: Paralysie générale progressive. Traité de médecine, publié sous la direction de *Charcot*, *Bouchard*, et *Brissaud* t. VI. 1894, стр. 1632.

ческаго существованія. Понятно, что при современномъ состояніи человѣческихъ знаній человѣкъ неизбѣжно совершаетъ неправду и подвергается многочисленнымъ несправедливостямъ. Это зло также еще одно изъ послѣдствій дисгармоніи человѣческой природы.

Изъ всего предшествующаго ясно вытекаетъ, что для нахожденія раціональнаго руководства въ проявленіи общественнаго инстинкта прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ настоящее личное счастіе и настоящая справедливость. Только тогда станетъ извѣстнымъ, что дѣлать для доставленія людямъ возможно счастливѣйшаго существованія.

ГЛАВА VI.

Дисгармоніи въ инстинктѣ самосохраненія.

Инстинктъ самосохраненія въ мірѣ животныхъ. — Жизненный инстинктъ у человѣка. — Слабое его развитіе въ молодости. — Буддистская легенда объ инстинктѣ самосохраненія и о страхѣ смерти. — О страхѣ смерти въ литературѣ. — Исповѣдь Толстого относительно страха смерти. — Теорія Толстого на этотъ счетъ. — Другія мнѣнія объ этомъ вопросѣ. — Страхъ смерти есть инстинктивное проявленіе. — Развитіе жизненнаго инстинкта въ теченіе человѣческаго существованія. — Обращеніе со стариками. — Убійство ихъ. — Самоубійство стариковъ. — Дисгармонія жизненнаго инстинкта съ условіями существованія. — Роль страха смерти въ религіяхъ и въ философскихъ системахъ.

Общественный инстинктъ человѣка былъ имъ пріобрѣтенъ только очень недавно и еще не пришелъ въ достаточное равновѣсіе; поэтому неудивительно, что онъ представляетъ столько дисгармоніи и несовершенствъ. Наоборотъ, самосохраненіе, инстинктъ жизни, долженъ былъ бы представлять высшую степень гармоническаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ развивается черезъ весь рядъ существъ до человѣка, въ которомъ всего полнѣе и выраженъ.

Во всѣхъ организмахъ, начиная съ самыхъ низшихъ, мы видимъ разнообразныя приспособленія, обезпечивающія сохраненіе особи. Существа, состоящія изъ одной только микроскопической капельки живого вещества (протоплазмы), снабжены очень прочной раковиной, предохраняющей ихъ отъ вредныхъ вліяній, способныхъ ихъ уничтожить.

Существованіе растеній обезпечивается то шипами, мѣшающими имъ быть съѣденными, то выдѣленіемъ раздражающихъ

веществъ или настоящихъ ядовъ. У животныхъ средства для самосохраненія еще многочисленнѣе. Щиты и раковины, жидкія выдѣленія, то издающія непріятный запахъ, то скрывающія бѣгство животнаго (какъ чернило, выдѣляемое сепіей и другими головоногими), бивни, крѣпкіе зубы и много другихъ особенностей существуютъ лишь какъ орудіе сохраненія индивидуальной жизни. Если бы мы хотѣли остановиться на этомъ вопросѣ, то пришлось бы изложить цѣлый учебникъ сравнительной анатоміи животныхъ и растеній.

У низшихъ существъ сохраненіе особи достигалось безъ содѣйствія сознательныхъ или безсознательныхъ психическихъ актовъ. Но вскорѣ появились многочисленные инстинкты, обезпечивающіе защиту. Одни организмы убѣгаютъ при малѣйшей опасности. Другіе избѣгаютъ врага, окружая себя пѣнистой слизью или собственными испражненіями, или даже разными посторонними тѣлами. Всѣ эти явленія указываютъ на любовь къ жизни и на глубокую потребность самосохраненія во всѣмъ мірѣ организованныхъ существъ.

Но всѣ эти средства для устраненія опасности и смерти могли примѣняться безъ того, чтобы животныя имѣли сколько-нибудь опредѣленное понятіе о самой смерти. Несомнѣнно, что иныя животныя въ состояніи отличить живую добычу отъ мертвой. Нѣкоторые хищники узнаютъ трупный запахъ. Привыкшіе питаться живой пищей отвергаютъ мертвую: они руководствуются неподвижностью послѣдней. Въ этомъ случаѣ неполнаго пониманія смерти легко обмануть животное: стоитъ искусственно двигать предполагаемую мертвую добычу или, наоборотъ, живой придать неподвижный видъ. Многія насѣкомыя, опасаясь преслѣдованія такихъ мало развитыхъ враговъ, сразу останавливаются и прикидываются мертвыми. Это поведеніе также относится къ категоріи столь разнообразныхъ естественныхъ средствъ для обезпеченія жизни особи.

Высшій классъ животныхъ — млекопитающія, однако, обнаруживаютъ полное непониманіе смерти: многія изъ нихъ остаются совершенно равнодушными при видѣ труповъ своихъ родичей или же пожираютъ ихъ, рискуя схватить смертельную болѣзнь. Таковъ примѣръ крысъ, поѣдающихъ трупы другихъ чумныхъ крысъ. Утоляя свой голодъ, онѣ сами заражаются смертельной чумой и передаютъ ее другимъ видамъ,

особенно человѣку. Но рядомъ съ этими млекопитающими, равнодушными къ смерти себѣ подобныхъ, бываютъ другія, обнаруживающія нѣкоторый инстинктивный страхъ при видѣ труповъ своихъ родичей. Лошади, проходя мимо лошадинаго трупа выражаютъ нѣкоторые признаки безпокойства и стремленіе къ бѣгству. Точно такъ же быки на бойняхъ при видѣ избіенія себѣ подобныхъ выказываютъ чувство паническаго ужаса.

Но, несмотря на эти примѣры, несомнѣнно, что животныя, даже стоящія выше всѣхъ на лѣстницѣ существъ, не имѣютъ никакого представленія о неизбѣжной смерти, ожидающей все живущее. Это понятіе пріобрѣтено родомъ людскимъ.

Инстинктъ самосохраненія, несомнѣнно, развитъ у человѣка. Онъ мало выраженъ при появленіи его на свѣтъ, но уже рѣзко проявляется у маленькихъ дѣтей. При видѣ трупа они обнаруживаютъ родъ паническаго страха, сходнаго съ тѣмъ, который они испытываютъ, увидавъ змѣю или какое-либо другое опасное животное.

У молодыхъ людей этотъ инстинктъ самосохраненія, тѣсно связанный съ врожденнымъ страхомъ смерти, развитъ еще не очень сильно. Часто онъ пробуждается только при особыхъ условіяхъ, какъ при опасности, испытанной во время болѣзни, несчастнаго случая или войны. Здоровые молодые люди, думающіе, что обезпечены отъ страха смерти, часто сильно испытываютъ его при заболѣваніи. Резюмируя свои впечатлѣнія отъ Севастопольской войны, графъ Л. Толстой, которому въ то время было всего 26 лѣтъ, выражается слѣдующимъ образомъ: «Несмотря на увлеченіе разнородными суетливыми занятіями, чувство самосохраненія и желанія выбраться какъ можно скорѣе изъ этого страшнаго мѣста смерти присутствовало въ душѣ каждаго. Это чувство было и у смертельно-раненаго солдата, лежащаго, между пятьюстами такими же ранеными, на каменномъ полу Павловской набережной и просящаго Бога о смерти, и у ополченца, изъ послѣднихъ силъ втиснувшагося въ плотную толпу, чтобы дать дорогу верхомъ проѣзжающему генералу, и у генерала, твердо распоряжающагося переправой и удерживающаго торопливость солдатъ, и у матроса, попавшаго въ движущійся баталіонъ, до лишенія дыханія сдавленнаго колеблющейся толпой, и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ нес-

ли четыре солдата и, остановленные спершимся народомъ, положили наземь у Николаевской батареи, и у артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи», и т. д. [1]).

Но при нормальныхъ условіяхъ жизни инстинктъ самосохраненія еще недостаточно обнаруживается въ молодости. Поэтому юноши часто рискуютъ жизнью изъ-за незначительныхъ причинъ; не заботясь о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ, они дѣлаютъ всякія неосторожности, способныя отразиться на здоровьи и жизни. Часто въ основѣ ихъ поступковъ лежатъ очень возвышенные мотивы, но еще чаще они тратятъ силы на удовлетвореніе какого-нибудь инстинкта низшаго порядка. Молодость—возрастъ самыхъ безкорыстныхъ жертвъ, но также и разнообразныхъ злоупотребленій—алкоголемъ, половыми отправленіями и т. д. Думаютъ, что чувство самосохраненія всегда одно и то же и что смерть въ 30 лѣтъ и въ 60 отличается только степенью, соотвѣтствующею разницѣ лѣтъ.

Но молодые люди, съ ихъ еще мало развитымъ инстинктомъ жизни, часто очень требовательны. Испытываемыя ими наслажденія слабы, въ то время какъ страданія, вызванныя малѣйшей непріятностью, очень остры. При этихъ условіяхъ они легко становятся или эпекурейцами въ грубомъ смыслѣ слова, или же склонными къ самому крайнему пессимизму.

«Edite, bibite, post mortem nulla voluptas»—было поговоркой нѣмецкихъ студентовъ, жаждавшихъ наслажденія; они не вѣдали хода развитія жизненнаго инстинкта у человѣка въ разные возрасты.

Съ другой стороны, подводя итоги ощущеніямъ счастія и горя, вѣрное своей природѣ юношество уменьшаетъ цѣнность первыхъ и преувеличиваетъ тяжелыя ощущенія. Оно приходитъ, такимъ образомъ, къ пессимистическому міровоззрѣнію и объявляетъ жизнь человѣческую зломъ. Слѣдуетъ замѣтить, что *Шопенгауэръ* напечаталъ свою теорію пессимизма въ возрастѣ 31 года. Послѣдователь его *Гартманъ* уже въ 26 лѣтъ объявилъ существованіе зломъ, отъ котораго во что бы то ни стало слѣдуетъ избавиться.

Наоборотъ, оптимистическія теоріи жизни были развиты

[1]) „Севастополь". Въ декабрѣ 1854 г., маѣ и августѣ 1855 г. „Собр. соч.", г. II. Москва, 1897 г.

или людьми, достигшими преклонныхъ лѣтъ, или же такими, которые вслѣдствіе особыхъ условій, оцѣнили счастье бытія.

Въ противовѣсъ пессимистическимъ теоріямъ нѣмецкихъ философовъ, *Дюрингъ* въ своемъ сочиненіи «Der Werth des Lebens» формулировалъ оптимистическое воззрѣніе. Между тѣмъ Дюрингъ былъ тогда слѣпымъ. Знаменитый англійскій ученый *Сэръ Джонъ Леббокъ* нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечаталъ сочиненіе «Счастіе бытія» [1]), начинающееся фразой: «Жизнь есть большое благо». Его міровоззрѣніе совершенно отличается отъ пессимистическаго, но онъ высказалъ его въ 53 года.

Давно извѣстно, что жизнь больше цѣнится стариками, чѣмъ молодыми. Такъ, *Руссо* говоритъ: «Мы всего болѣе заботимся о жизни по мѣрѣ того, какъ она теряетъ свою цѣнность. Старики болѣе сожалѣютъ о ней, чѣмъ молодые» (Эмиль) [2]).

Размышленіе это вполнѣ справедливо и подтверждается множествомъ фактовъ.

Я весьма близко знакомъ съ ученымъ, чувствовавшимъ себя очень несчастнымъ въ молодости. Одаренный очень усиленной чувствительностью къ страданіямъ, онъ всевозможными мѣрами старался ихъ успокоить. Какая-нибудь непріятность способна была погрузить его въ полнѣйшее угнетеніе, противъ котораго онъ боролся наркотическими средствами. Во избѣжаніе нравственныхъ страданій онъ прививалъ себѣ болѣзнетворные микробы. Впослѣдствіи, когда онъ достигъ зрѣлаго и пожилого возраста, его усиленная чувствительность уступила мѣсто менѣе острымъ чувствамъ. Онъ ощущаетъ зло уже не съ такой силой, какъ въ молодости. Наоборотъ, онъ гораздо больше цѣнитъ положительную сторону существованія, и даже въ случаяхъ горя ему никогда не приходитъ въ голову сократить свою жизнь. Въ молодости онъ былъ пессимистомъ и думалъ, что зло значительно преобладаетъ надъ благомъ. Въ болѣе позднемъ возрастѣ его оцѣнка жизни совершенно измѣнилась.

Конечно, не надо быть старымъ, чтобы согласиться, что смерть—большое зло. «Тотъ лжетъ, кто утверждаетъ, что не

---

[1]) „Библіотека современной философіи". Французскій переводъ съ англійскаго. Парижъ, 1891 г.

[2]) „Полное собраніе сочиненій Ж.-Ж. Руссо", т. II, 1876 г., стр. 432.

боится смерти—сказалъ *Ж.-Ж. Руссо* (1. с., стр. 76). Всякій человѣкъ боится умереть; это великій законъ чувствующихъ существъ, безъ котораго всѣ смертныя существа вскорѣ были бы уничтожены. Боязнь эта—простое проявленіе природы, не только безразличное, но хорошее по существу и согласное съ порядкомъ вещей».

Часто люди выражаютъ равнодушіе къ смерти; но надо хорошенько разобрать это чувство, для того чтобы какъ слѣдуетъ понять его. Я познакомился съ очень пожилой женщиной, желавшей умереть и по ея словамъ, нисколько не боявшейся смерти. Разобравъ поближе этотъ случай, мнѣ легко было убѣдиться, что имѣю дѣло съ серьезно больной, думающей, что одна смерть можетъ избавить ее отъ страданій. Узнавъ о возможности излѣченія, она обнаружила настоящую радость при мысли о возможности жить безъ постояннаго страданія.

Инстинктъ самосохраненія и боязнь смерти, которая есть не что иное, какъ одно изъ проявленій перваго, имѣетъ самое существенное значеніе въ изученіи человѣческой природы. Поэтому намъ необходимо остановиться на нѣсколькихъ примѣрахъ, способныхъ выяснить этотъ вопросъ.

Уже въ древности задача эта вызвала много размышленій. Однимъ изъ лучшихъ разсказовъ на эту тему безспорно служитъ буддійская легенда [1]). Молодой принцъ Сакіа-Муни, основатель буддизма, желая углубиться въ сущность вещей, склонялся покинуть свѣтъ и стать монахомъ. Чтобы помѣшать этому, отецъ велѣлъ воспитывать его въ великолѣпномъ замкѣ, гдѣ онъ могъ наслаждаться всѣми благами, вдали отъ всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній. При этихъ условіяхъ онъ никогда не видѣлъ ни стариковъ, ни больныхъ, ни мертвыхъ. Несмотря на запрещеніе, молодой царевичъ нѣсколько разъ совершалъ тайныя прогулки въ колесницѣ. При первомъ своемъ выѣздѣ онъ встрѣтилъ на дорогѣ «старика, разбитаго, ветхаго, съ выступающими жилами на тѣлѣ, съ шатающимися зубами, покрытаго морщинами, сѣдого, сгорбленнаго, согбеннаго какъ своды крыши, угнетеннаго, опирающагося на палку, дрожащаго всѣми членами и всѣми частями членовъ».

---

1) „Lalita Vistara", стр. 166—170.

Узнавъ отъ своего возницы, что это старикъ, что «у всякаго творенія старость уноситъ молодость», что никому не миновать старости и что «для творенія нѣтъ другого пути»,—принцъ былъ такъ пораженъ, что сказалъ своему вознице: «Горе невѣдующему и слабому творенію, разумъ котораго опьяненъ гордостью молодости и не видитъ старости! Скорѣе поворачивай колесницу, я хочу вернуться. Что мнѣ до забавъ и удовольствій, когда я—будущее жилище старости!»

Въ другой разъ *Сакіа-Муни* встрѣтилъ на дорогѣ человѣка, удрученнаго лихорадкой, тѣлесно ослабленнаго, двигающагося съ трудомъ. Узнавъ отъ своего возницы, что это больной, юный принцъ воскликнулъ: «Итакъ, здоровье—какъ игра сновидѣнія! И боязнь болѣзни является такой ужасной! Какой же мудрый человѣкъ, увидавъ такія условія существованія, можетъ еще думать о радости и объ удовольствіи?» Черезъ нѣкоторое время послѣ этого *Сакіа Муни* вышелъ въ третій разъ и увидѣлъ мертвеца, лежащаго на носилкахъ, покрытаго полотнянымъ покровомъ и окруженнаго толпой родственниковъ. Всѣ они плакали, жаловались, стонали; волосы ихъ развѣвались, они посыпали головы пылью и били себя въ грудь, слѣдуя за нимъ. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ видомъ мертвеца, принцъ произнесъ слѣдующія слова: «Горе молодости, подкапываемой старостью! Горе здоровью, разрушаемому разными болѣзнями! Горе кратковременной жизни человѣческой! Горе прелестямъ удовольствія, соблазняющаго сердце мудреца!»

Эти размышленія *Сакіа-Муни* легли въ основу буддизма, проникнутаго пессимистическимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу. Современные пессимисты послѣдовали по тому же пути. Какъ извѣстно, *Шопенгауэръ* съ юныхъ лѣтъ былъ очень поглощенъ великими вопросами человѣческаго бытія. Въ своихъ письмахъ [1]) мать упрекаетъ его за «жалобы на неизбѣжное»; это доказываетъ, что уже въ 27 лѣтъ онъ возмущался неизбѣжностью смерти. Вопросъ о ней былъ однимъ изъ наиболѣе интересовавшихъ его. Боязнь болѣзни и смерти была у него такъ велика, что во время первой холерной эпидеміи 1831 го-

---

1) *Эдуардъ Родъ*: „Современныя нравственныя идеи", Парижъ, 1892 г., стр. 48.

да онъ покинулъ Берлинъ (подъ вліяніемъ смерти Гегеля, умершаго отъ холеры) и переѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ не было холеры. И дѣйствительно, Шопенгауэръ утверждаетъ, что [1]) «величайшее несчастіе и вообще самое худшее, что можетъ случиться,—это смерть; и самая сильная боязнь есть страхъ смерти». Невозможность избѣгнуть ея навела на пессимистическую философію.

Во всѣ времена литература, какъ и философія, была очень занята задачей смерти. *Эдмондъ Гонкуръ* разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что при встрѣчахъ съ товарищами вопросъ этотъ всего чаще составлялъ предметъ ихъ бесѣды. Вотъ содержаніе одной изъ нихъ [2]): «Сегодня мы возобновили нашъ обѣдъ пяти; не достаетъ *Флобера,* и присутствуютъ *Тургеневъ, Зола, Додэ* и я. Нравственныя непріятности однихъ, физическія страданія другихъ наводятъ на разговоръ о смерти... и бесѣда длится до 11 часовъ, подчасъ стремясь уклониться въ сторону, но опять возвращаясь къ той же мрачной темѣ».

Додэ говоритъ, что для него это *навязчивая идея, отрава жизни,* и что онъ никогда не переходилъ на новую квартиру безъ того, чтобы глаза его не поискали мѣста и вида собственнаго гроба.

Зола разсказываетъ, что «когда мать его умерла въ *Меданъ,* лѣстница оказалась слишкомъ узкой и гробъ пришлось спустить черезъ окно. Взглядъ его никогда не падаетъ на это окно безъ того, чтобы онъ не спросилъ себя, кто первый спустится черезъ него онъ или жена?.. Да, съ этого дня смерть всегда въ глубинѣ нашихъ мыслей и часто... ночью, глядя на мою жену, которая не спитъ, я чувствую, что она думаетъ о ней, какъ и я и мы остаемся такъ, никогда не намекая на то, о чемъ думаемъ оба... изъ чувства стыда, да, извѣстнаго рода стыда. *О! эта мысль ужасна и страхъ слѣдуетъ за ней.* Бываютъ ночи, когда я неожиданно вскакиваю съ постели и стою одно мгновеніе *въ состояніи несказаннаго ужаса*».

Эд. Гонкуръ повѣрялъ *Жану Фино,* «что жизнь его была бы облегчена отъ тяжелой ноши, если бы ему удалось изгнать изъ своего сознанія мысль о смерти». Послѣдній прибавляетъ, что «въ достопамятномъ собраніи у *Виктора Гюго*

[1]) „Die Welt als Wille und Vorstellung", т. II, ств. 529.
[2]) Дневникъ Гонкура, т. VI, 1878—1884, 1892, стр. 186.

почти всѣ знаменитые гости, на вопросъ о ихъ взглядѣ на смерть, откровенно сознавались, что она постоянно вызываетъ въ нихъ страхъ и грусть».

Изъ всѣхъ современныхъ писателей, безспорно, всего болѣе занимался задачей о смерти графъ *Левъ Толстой*. Во многихъ изъ своихъ сочиненій онъ посвятилъ ей незабвенныя страницы, но изъ всего извѣстнаго мнѣ—самая поразительная и глубокая картина находится въ его «Исповѣди».

Читатель будетъ мнѣ благодаренъ за приведеніе главныхъ мѣстъ касающихся этого вопроса. Пусть онъ вспомнитъ сначала приведенный выше разсказъ объ осадѣ Севастополя. Всѣ передъ опасностью ощущали страхъ смерти, но чувство это, особенно у 26-лѣтняго молодого человѣка, не овладѣвало всѣмъ его существомъ.

Только незадолго до 50 лѣтъ преставился Толстому вопросъ смерти во всей его остротѣ. Вотъ какъ описываетъ онъ начало кризиса: «На меня стали находить минуты недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ уныніе. Но это проходило, и я продолжалъ жить попрежнему. Потомъ эти минуты недоумѣнія стали повторяться чаще и чаще и все въ той же самой формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачѣмъ? ну, а потомъ?» (стр. 17).

Въ теченіе нѣкотораго времени Толстой не отдавалъ себѣ хорошенько отчета о своемъ состояніи, но мало-по-малу сталъ углубляться въ его анализъ и пришелъ къ слѣдующему выводу: «Истина была то, что жизнь есть безмыслица. Я будто жилъ-жилъ, шелъ-шелъ и пришелъ къ пропасти, а впереди меня ничего не было, кромѣ исчезновенія. И остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видѣть, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти—полнаго уничтоженія» (стр. 20).

«И въ такомъ положеніи я пришелъ къ тому, что не могъ жить и, боясь смерти, долженъ былъ употреблять хитрости противъ себя, чтобы не лишить себя жизни» (стр. 21). «Я не могъ придать разумнаго смысла ни одному поступку во всей моей жизни. Меня только удивляло то, какъ могъ я не понимать этого въ самомъ началѣ. Все это такъ давно всѣмъ извѣстно. Не нынче—завтра придутъ болѣзни, смерть (и при-

ходили уже) на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, всѣ забудутся—раньше, позднѣе, да меня-то не будетъ. Такъ изъ чего же хлопать?—Какъ можетъ человѣкъ не видѣть этого и жить—вотъ что удивительно. Можно жить, покуда пьянъ жизнью, а какъ протрезвился, то нельзя не видѣть, что все это только обманъ и глупый обманъ! Вѣрно только то, что въ этомъ даже нѣтъ ничего смѣшного и остроумнаго, а все это просто—жестоко и глупо» (стр. 22).

Не зная, какъ выйти изъ этого противорѣчія въ жизни, Толстой остановился на любви своей къ семьѣ. «Семья,—говорилъ я себѣ;—но семья—жена, дѣти; они тоже люди. Они находятся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и я: они или должны жить въ лжи, или видѣть ужасную истину. Зачѣмъ же жить? Къ чему мнѣ любить ихъ, беречь, растить и блюсти ихъ? Для того же отчаянія, которое во мнѣ, или для тупоумія? Любя ихъ, я не могу скрывать отъ нихъ истины,—всякій шагъ въ познаніи ведетъ ихъ въ этой истинѣ. — А истина — смерть» (стр. 24).

Въ заключеніе этого ряда разсказовъ, которые должны дать читателю достаточное представленіе о любви къ жизни и о страхѣ смерти, мнѣ остается еще прибавить примѣръ, почерпнутый уже не изъ литературы, а изъ повседневной дѣйствительности [1]). Дѣло идетъ о смерти «священнослужителя въ одной изъ христіанскихъ общинъ. Онъ былъ вѣрующимъ какъ Франсискъ Ассизскій, невиннымъ какъ дѣвственница, строгимъ аскетомъ; милосердіе освѣщало всю его жизнь». «Логическая необходимость требовала, чтобы смерть его была спокойной. Если бы онъ былъ героемъ романа, авторъ не могъ бы придумать ему другой смерти». Вотъ какъ дѣло произошло въ дѣйствительности, судя по письмамъ близкаго друга умирающаго, изъ которыхъ мы почерпаемъ слѣдующія мѣста. «Нашъ бѣдный другъ трагически борется грудь о грудь со смертью. Смиренный, спокойный, уравновѣшенный, *онъ въ ужасѣ отъ приближенія смерти*. Это *раздирающее зрѣлище* вызываетъ слезы. И мы безсильны не только облегчить его физически, но и не въ состояніи успокоить ужасающее нравственное страданіе этого само-

---

1) „Union pour l'action morale", № 6, 15 janv. 1902, p. 258.

обладающаго ума, жаждущаго жизни и живымъ входящаго въ смерть». «Я бы могъ еще,—вскрикивалъ онъ,—прочесть курсъ теологіи или политической экономіи, а между тѣмъ надо умирать... Ужасно быть при полномъ сознаніи... Лучше было бы потерять способность мыслить... И чего просили мы у Бога? Вѣчнаго блаженства! Это все равно, какъ если кто-нибудь изъ вашихъ работниковъ просилъ бы у васъ тысячу франковъ за рабочій день! Вы бы отвѣтили ему: «Что за шутки! Мой другъ, вы безумны! *Тяжело умирать!*» Признаюсь вамъ, другъ мой, что въ такомъ состояніи передѣлываешь свою религію и видоизмѣняешь свою философію. Благость Бога не то, что мы себѣ представляемъ. *Надъ нами виситъ тайна*... Неужели смерть есть источникъ ужаса для тѣхъ, кто во всю свою жизнь творилъ одно добро?»

Что же такое эта любовь къ жизни, дѣлающая смерть столь ужасной? Много занимались этимъ вопросомъ, и самъ Толстой напечаталъ статью «о страхѣ смерти» [1]). Онъ пытается доказать, что это чувство есть результатъ ложнаго взгляда на жизнь. «Люди, боящіеся смерти, боятся ея оттого, что она представляется имъ пустотой и мракомъ, но пустоту и мракъ они видятъ потому, что не видятъ жизни» (стр. 517).

По мнѣнію Толстого, человѣкъ не долженъ бояться смерти болѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой перемѣны, постоянно испытываемой въ жизни. «Вѣдь ни одинъ человѣкъ не боится заснуть,—говоритъ онъ,—хотя при засыпаніи происходитъ совершенно то же, что и при смерти, именно прекращается сознаніе времени. Человѣкъ не боится того, что засыпаетъ, хотя уничтоженіе сознанія совершенно такое же, какъ и при смерти...» (стр. 526).

Толстой думаетъ, что страхъ смерти есть нѣкотораго рода предразсудокъ, исчезающій, если только взглянуть на жизнь въ ея настоящемъ значеніи (стр. 536).

Другой русскій писатель, *Токарскій* [2]), нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечаталъ изслѣдованіе о страхѣ смерти, въ которомъ также старался доказать неосновательность этого страха. Авторъ былъ психіатромъ и сознавалъ, что пораженъ неизлѣчимой смертельной болѣзнью. Поэтому его изслѣдованія страха

[1]) „Полное собраніе сочиненій Толстого", т. XII, 1897, стр. 512.
[2]) „Вопросы философіи и психологіи" 1897 г., № 40, стр. 931.

смерти должны были имѣть личную подкладку. Опираясь на свидѣтельство цѣлаго ряда лицъ, бывшихъ въ смертельной опасности, Токарскій утверждалъ, что послѣдняя нисколько не страшна и потому ея нечего бояться.

То же мнѣніе позднѣе высказывалъ *Фино* [1]). Онъ подкрѣпляетъ его такими же аргументами, какъ и его предшественникъ. Онъ думаетъ, что человѣкъ самъ создалъ страхъ смерти и что въ немъ большую роль играетъ неизвѣстность будущаго. «Позади видимаго для насъ всегда кроется нѣчто невидимое, и оно-то пугаетъ насъ» (стр. 211). *Фино* считаетъ совершенно ошибочной мысль, будто смерть сопровождается страданіемъ; онъ приходитъ къ выводу, что «невѣжество и предразсудки создали эту предвзятую мысль, приводящую насъ въ ужасъ и столь противоположную дѣйствительности» (стр. 213). Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые примѣры лицъ, которымъ грозила смерть и возвращенныхъ къ жизни, подтверждаютъ мнѣніе *Фино*, будто смерть не только не сопровождается страданіями, но скорѣе возбуждаетъ пріятныя ощущенія. Такъ по словамъ швейцарскаго ученаго *Гейма*, туристы, испытавшіе опасныя паденія въ горахъ и бывшіе такъ близко къ смерти, что чувствовали ея приближеніе, ощущали, главнымъ образомъ, пріятное состояніе.

Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерти ощущенія скорѣе спокойны и пріятны; но не менѣе вѣрно, что во многихъ другихъ случаяхъ, составляющихъ большинство, чувство приближенія смерти, наоборотъ, очень тягостно. Но вопросъ этотъ вовсе не обязательно связанъ со страхомъ смерти у людей, еще не умирающихъ. А между тѣмъ именно этотъ страхъ всего существеннѣе въ жизни человѣка. Люди, умирающіе съ голода, не ощущаютъ тягостнаго чувства въ минуту смерти. Страданіе отъ ощущенія голода, въ тѣсномъ смыслѣ слова, длится только нѣкоторое время. У человѣка оно продолжается около 20 часовъ, послѣ чего усталость и слабость вовсе не сопровождаются чувствомъ голода. Здѣсь существуетъ, слѣдовательно, нѣкоторая аналогія со страхомъ смерти, который иногда не длится до конца жизни.

Фино спрашиваетъ себя: инстинктивенъ ли страхъ смерти?

---

[1]) „La philosophie de la longévité", Paris, 1900.

«Вопросъ этотъ, — говоритъ онъ, — имѣетъ большое значеніе, такъ какъ «инстинктивенъ» означало бы, во-первыхъ, независимость отъ нашей воли, чувство, не поддающееся воспитанію. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ бы проявляться всегда и всюду при приближеніи смерти. Между тѣмъ изученіе многочисленныхъ случаевъ предсмертнаго состоянія и разсказы людей, избѣгшихъ смертельной опасности, приводятъ къ противоположному заключенію» (стр. 211). Голодъ есть несомнѣнное инстинктивное ощущеніе, а между тѣмъ его чувствуютъ не всегда, когда организмъ истощенъ недостаткомъ пищи или когда ему грозитъ голодная смерть.

Болѣе глубокое изученіе фактовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что страхъ смерти дѣйствительно инстинктивное чувство. Это замѣтно уже у различныхъ высшихъ животныхъ и выражается въ совершенно сходной формѣ съ другими инстинктивными проявленіями.

Тотъ близкій другъ, о которомъ я упоминалъ выше, уже цѣлыми годами былъ подготовленъ къ смерти и смотрѣлъ на нее совершенно спокойно. Убѣжденный въ томъ, что онъ по возможности выполнилъ уже свою роль, онъ не только находилъ совершенно естественнымъ прекращеніе своей жизни, но ему была даже противна мысль о будущей старости, быть можетъ болѣзненной, — во всякомъ случаѣ очень тягостной. Итакъ, съ точки зрѣнія разсужденія и воли, не могло быть и рѣчи о малѣйшемъ страхѣ смерти. Тѣмъ не менѣе, наблюдая въ своемъ организмѣ нѣкоторыя болѣзненные признаки, которыя могли сдѣлаться смертельными, онъ испытывалъ совершенно особое чувство, которое было именно инстинктивнымъ страхомъ смерти.

Разбирая разсказъ *Толстого* въ его исповѣди, мы также усматриваемъ, что предвидѣніе собственнаго небытія и состоянія праха, поѣдаемаго червями, означаетъ не что иное, какъ инстинктивный страхъ смерти; размышленіе не въ состояніи уничтожить это чувство. Сказать кому-нибудь, какъ это сдѣлалъ *Толстой* въ своей статьѣ о страхѣ смерти, что послѣдній представляетъ собою предразсудокъ, съ которымъ надо бороться разсужденіемъ, — приблизительно то же, какъ убѣждать женщину, у которой удалены яичники, что, не будучи въ состояніи рожать, она не имѣетъ никакой причины

ощущать половое чувство. Она тѣмъ не менѣе ощущала бы его потому, что оно не зависитъ ни отъ какого разсужденія, а просто инстинктивно.

Впрочемъ, давно уже за страхомъ смерти признанъ инстинктивный характеръ. Такъ понималъ его *Шопенгауэръ*. По его мнѣнію, «съ точки зрѣнія сознанія, нѣтъ никакой причины бояться смерти. Сознаніе, слагающееся изъ познанія, никоимъ образомъ не должно смотрѣть на смерть, какъ на зло. Поэтому именно несознательныя часть нашего «я» и боится смерти; эта *fuga mortis*, наполняющая всѣ живыя существа, исходитъ исключительно изъ нашей слѣпой воли» [1]). Эта «слѣпая воля» есть не что иное, какъ чисто-инстинктивное чувство, не имѣющее ничего общаго съ сознательной волей въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Не пускаясь въ длинныя разсужденія по этому поводу, *Байронъ* давно пришелъ къ тому выводу, что страхъ смерти есть инстинктивное душевное проявленіе. Такъ, въ своей поэмѣ *Каинъ* [2]) онъ говоритъ:

Я живу, но для того, чтобъ умереть,
Хотя ничто меня не заставляетъ
Смерть презирать, но лишь *инстинктомъ жизни*,
Инстинктомъ неизбѣжнымъ, ненавистнымъ
Я понимаю ужасъ этой смерти
И самъ себѣ, помимо воли, сталъ
Противенъ я. И эта жизнь! О, если бъ
Не зналъ я никогда подобной жизни!

Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы Байронъ говоритъ устами Каина:

„Не вкусивъ познанія
Добра и зла, о смерти онъ [3]) не зналъ.
Я самъ ее не знаю, но боюсь,
Не вѣдая причины той боязни“ (*Каинъ*, стр. 30).

Нельзя, слѣдовательно, сомнѣваться въ томъ, что среди инстинктовъ, которыми одарена человѣческая природа, существуетъ одинъ, цѣнящій жизнь и страшащійся смерти. Инстинктъ

[1]) Die Welt als Wille und Vorstellung“, т. II, стр. 533.

[2]) *Байронъ*: „Каинъ“, переводъ Минаева. Сочиненія Байрона. Изданіе 3-е, Гербеля Спб. 1883 г., т. II., стр. 27.

[3]) Отецъ Каина.

этотъ развивается медленно и растетъ постепенно съ годами. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ поразительную разницу съ многими другими инстинктивными движеніями. Когда голодъ, жажда, половое чувство утолены, наступаетъ удовлетвореніе, могущее дойти до пресыщенія и даже до утомленія. Такое состояніе длится различное время и уступаетъ мѣсто новому пробужденію тѣхъ же инстинктивныхъ потребностей.

Что касается жизненнаго инстинкта, то дѣло происходитъ совершенно иначе. Инстинктъ этотъ, большею частью развивающійся поздно, усиливается и обостряется въ теченіе жизни. Дѣти и юноши всегда очень желаютъ стать взрослыми. Но, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, человѣкъ никогда не желаетъ состариться. Онъ съ большимъ огорченіемъ замѣчаетъ появленіе первыхъ морщинъ и сѣдыхъ волосъ. Вмѣсто того, чтобы ощущать удовлетвореніе отъ большей части пройденнаго жизненнаго цикла, онъ испытываетъ, наоборотъ, сильную грусть, видя свое приближеніе къ смерти. Старость почти всегда отличается отсутствіемъ красоты и чѣмъ-то отталкивающимъ, и даже страшнымъ. Маленькія дѣти выражаютъ явный испугъ при видѣ очень старыхъ людей; поэтому ихъ часто пугаютъ стариками.

Всѣмъ извѣстно, какъ распространено убійство стариковъ у первобытныхъ народовъ. Туземцы Фиджи закапываютъ живыми своихъ старцевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они стали вполнѣ безполезными. Обычай этотъ распространенъ во всей Меланезіи; онъ встрѣчается также въ Новой Каледоніи и въ большинствѣ острововъ, сосѣднихъ съ Полинезіей. Вообще старость презираютъ въ этой части земного шара. Австралійцы уважаютъ пожилыхъ людей, пока они дѣятельны, но какъ только старики становятся безпомощными, ихъ покидаютъ. Часто ихъ убиваютъ и поѣдаютъ, что соотвѣтствуетъ туземнымъ религіознымъ понятіямъ [1]).

По изслѣдованіямъ *Гримма*, древніе германцы «убивали стариковъ и больныхъ и часто закапывали ихъ живыми».

Современные цивилизованные народы, несомнѣнно, далеко ушли впередъ, они болѣе не убиваютъ стариковъ; они терпятъ ихъ, предоставляя имъ, правда, право самоубійства. Во мно-

---

1) *Waiz-Gerland*: „Anthropologie der Naturvölker", т. VI.

гихъ странахъ часто отказываютъ старикамъ въ работѣ подъ предлогомъ, что они недостаточно сильны, и въ то же время ихъ не допускаютъ въ пріюты подъ предлогомъ, что они еще недостаточно стары. Разбирая вопросъ средней и нормальной жизни, *Поль Бэръ* [2]) слѣдующимъ образомъ высказался о старикахъ: «они заслуживаютъ привѣтливости, вниманія и ухода, *но продолжительность ихъ жизни не должна быть болѣе предметомъ общественной заботливости*».

А между тѣмъ, несмотря на эти свойства старости, дѣлающія ее ужасной, безполезной и въ лучшемъ случаѣ только терпимой, несмотря на физическую и умственную слабость стариковъ, инстинктъ жизни сохраняется у нихъ во всей силѣ. Чтобы отдать себѣ въ этомъ отчетъ, я часто посѣщалъ пріюты для стариковъ и легко убѣдился въ томъ, что всѣ они желаютъ еще долго жить. Въ пріютѣ, дающемъ убѣжище людямъ довольно высокой культуры, послѣдніе утверждали, что постоянно чувствуютъ себя подъ гнетомъ смерти, точно осужденные на казнь.

Въ *Сальпетріэрѣ* глубокія старухи очень многочисленны. На семидесятилѣтнихъ смотрятъ тамъ почти какъ на молодыхъ. Главное желаніе девяностолѣтнихъ и болѣе старыхъ женщинъ заключается въ томъ, чтобы дожить до 100 лѣтъ. Желаніе жить — всеобщее.

Указанный здѣсь фактъ на первый взглядъ будто бы противорѣчитъ другому, хорошо доказанному статистикой, по которому число самоубійствъ увеличивается съ возрастомъ. Дѣйствительно, старики лишаютъ себя жизни гораздо чаще молодыхъ людей. Это несомнѣнно. Но только, изучая ближе статистическія данныя, мы видимъ, что главная причина самоубійства заключается не въ исчезновеніи инстинкта жизни, а преимущественно въ невозможности для стариковъ зарабатывать на свое существованіе, а также и въ частыхъ болѣзняхъ. Лишенный средствъ къ жизни, не принятый въ пріютъ, старикъ прибѣгаетъ къ угару или къ веревкѣ. Хроника старческихъ самоубійствъ показываетъ намъ, что большинство жертвъ падетъ на бѣдняковъ. Самоубійство обезпе-

---

[2]) Слова эти приведены *Эбштейномъ* въ его „Die Kunst das menschliche Leben zu verlängern", 1891, стр. 51. Мнѣ не удалось найти оригинала у Поль Бэра, такъ какъ литературная ссылка Эбштейна оказалась неточной.

ченныхъ и богатыхъ стариковъ всего чаще вызывается неизлѣчимостью ихъ болѣзней. Впрочемъ, въ этомъ направленіи остается выяснить еще многое. А именно, было бы очень интересно знать больше подробностей относительно внутреннихъ причинъ, по которымъ старики рѣшаются лишать себя жизни. Въ послѣднее время всеобщее вниманіе было привлечено самоубійствомъ знаменитаго нѣмецкаго гигіениста *Макса фонъ-Пэттенкофера*. Послѣ блестящей ученой карьеры, 76-ти лѣтъ онъ отказался отъ профессуры въ Мюнхенскомъ университетѣ и поселился недалеко отъ Мюнхена въ помѣстьи, отдавая свое время садоводству и другимъ деревенскимъ занятіямъ. Несмотря на сахарную болѣзнь, онъ сохранялъ еще умственныя способности; но смерть близкихъ людей повергла его въ крайнюю грусть. Къ тому же въ послѣдній періодъ жизни онъ страдалъ серьезнымъ гнойнымъ воспаленіемъ шеи. Эта болѣзнь, сама по себѣ не смертельная, сдѣлалась, однако, причиной смерти *Пэттенкофера*, который застрѣлился на 83 году. Вскрытіе [1]) обнаружило довольно хорошо сохранившійся организмъ, помимо хроническаго воспаленія мозговыхъ оболочекъ съ сильнымъ атероматозомъ мозговыхъ артерій. Обстоятельства этого самоубійства извѣстны намъ лучше, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ; тѣмъ не менѣе и здѣсь остаются еще нѣкоторыя темныя стороны, имѣющія большую важность. Какъ бы то ни было, наличность хронической болѣзни мозговыхъ оболочекъ у стараго ученаго дѣлаетъ сомнительнымъ предположеніе, чтобы его самоубійство зависѣло отъ явленій одной нормальной жизни. Съ другой стороны, существуетъ немало стариковъ очень высокой и утонченной культуры, сильно привязанныхъ къ жизни, даже въ гораздо болѣе преклонномъ возрастѣ, чѣмъ *Пэттенкоферъ*.

Относительно жизненнаго инстинкта замѣчается то же, что и относительно полового инстинкта у многихъ женщинъ. Какъ любовь къ жизни всего сильнѣе тогда, когда лучшая часть ея пройдена, такъ и половое наслажденіе часто ощущается женщинами только тогда, когда красота ихъ уже отцвѣла.

---

[1]) Münchener medicinische Wochenschrift" 1901, стр. 324.

Другая общая черта жизненнаго и любовнаго инстинктовъ состоитъ въ томъ, что оба они сохраняются до преклонныхъ лѣтъ, когда уже не могутъ быть удовлетворенными.

Эд. Гонкуръ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ собраніяхъ литературныхъ знаменитостей (Зола, Додэ, Тургенева) интимные разговоры всего чаще вращались вокругъ любви къ жизни и къ женщинѣ. «Странная вещь—говоритъ Гонкуръ, —смерть или любовь всегда составляютъ предметъ нашихъ послѣобѣденныхъ разговоровъ» (l. c., стр. 186). Вышеназванные писатели въ ту эпоху чувствовали приближеніе старости, и совершенно естественно, что ихъ всего болѣе занимали оба инстинкта, упорство которыхъ кажется намъ такимъ загадочнымъ и парадоксальнымъ.

Изъ предыдущей главы мы знаемъ, до какой степени дисгармониченъ половой инстинктъ, часто развивающійся и почти всегда сохраняющійся въ періодъ жизни, когда правильная и нормальная дѣятельность его невозможна. Мы видѣли также то зло, къ которому ведетъ эта дисгармонія воспроизводительнаго аппарата. Но тамъ дѣло касалось хотя серьезнаго неудобства, однако такого, съ которымъ еще можно было примириться.

Гораздо важнѣе дисгармонія жизненнаго инстинкта, обнаруживающагося по мѣрѣ приближенія смерти. При такихъ условіяхъ разладъ этотъ становится и непонятнымъ, и особенно ужаснымъ. Вотъ почему человѣчество съ незапамятныхъ временъ искало ключа къ этой трагической загадкѣ и старалось всѣми силами разобрать ее.

Религіи во всѣ времена были очень озабочены этой задачей. «Религія—говоритъ *Гюйо* [1]),—представляется большею частью размышленіемъ о смерти. Если бы мы были безсмертны, несомнѣнно, у насъ все-таки существовали бы предразсудки, но, вѣроятно не было бы систематизированныхъ предразсудковъ и не было бы религіи».

Философія также старалась разрѣшить великій вопросъ смерти. Уже нѣкоторыми древними философами была высказана мысль, что философія—не что иное, какъ размышленіе о смерти. Такъ, *Сократъ* и *Цицеронъ* говорили [2]): «... жизнь

[1]) „L'irréligion de l'avenir", 6-me édit. Paris, 1895, p. 449

[2]) „Tusculan.", I, C. 30.

философа есть постоянное размышленіе о смерти». То же положеніе развивалъ въ наше время Шопенгауэръ. «Смерть,— говоритъ онъ [1],—настоящая вдохновительница или муза философіи... Мало вѣроятно даже, чтобы безъ смерти могла существовать философія. Поэтому совершенно естественно, что я ставлю спеціальное изученіе смерти во главѣ моего послѣдняго, самаго серьезнаго и значительнаго труда».

Всѣ факты, собранные въ трехъ послѣднихъ главахъ, устраняютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что человѣческая природа во многихъ отношеніяхъ совершенная и возвышенная, тѣмъ не менѣе проявляетъ очень многочисленныя и крупныя дисгармоніи, служащія источникомъ многихъ нашихъ бѣдствій. Не будучи приспособленной къ условіямъ жизни, какъ, напримѣръ, орхидеи къ оплодотворенію при помощи насѣкомыхъ или какъ роющія осы къ сохраненію своего потомства, природа человѣческая скорѣе напоминаетъ насѣкомыхъ, инстинктивно привлекаемыхъ къ свѣту и обжигающихъ себѣ крылья.

Даже въ такія времена, когда люди не имѣли еще никакого точнаго представленія о человѣческой природѣ, они тѣмъ не менѣе уже смутно понимали ея дисгармонію и стремились помочь этому великому злу.

Въ слѣдующихъ главахъ мы постараемся познакомить читателя съ этимъ важнымъ вопросомъ и укажемъ тѣ мѣры, которыя предпринимались человѣкомъ противъ дисгармоній его собственной природы.

---

[1]) „Die Welt als Wille", etc. II, стр. 527.

ЧАСТЬ II.

Попытки уменьшить зло, происходящее отъ дисгармоніи человѣческой природы.

(Религія и философскія системы.)

ГЛАВА VII.

Попытки религіи въ борьбѣ съ дисгармоніями человѣческой природы.

Анимизмъ, какъ основа первобытныхъ религій. — Отношеніе еврейской религіи къ вѣрованію въ безсмертіе души. — Китайскія религіи. — Почитаніе предковъ въ религіи Конфуція. — Представленіе безсмертія въ религіи таоистовъ. — Безсмертіе души въ религіи буддистовъ. — Рай китайскихъ буддистовъ. — Почитаніе предковъ наравнѣ съ богами. — Вліяніе религіозныхъ вѣрованій на страхъ смерти. — Пессимизмъ ученія Будды. — Значеніе Нирваны. — Смиреніе, проповѣдуемое Буддой. — Возраженія противъ безсмертія души. — Чувствительность клѣтокъ нашего организма. — Религіозная гигіена. — Пріемы религій въ регулированіи воспроизводительной функціи и сохраненія здоровья. — Неуспѣхъ религій въ борьбѣ съ дисгармоніями человѣческой природы.

Человѣчество не могло ждать научнаго выясненія дисгармоній нашей природы для борьбы съ ними. Желаніе жить, сохранить здоровье, удовлетворять инстинктамъ и согласовать ихъ, съ самыхъ раннихъ ступеней сознательной жизни заставляло человѣка придумывать различныя средства для устраненія несовершенствъ своей природы.

Мы уже видѣли, что инстинктъ, контролирующій выборъ пищи, даже у животныхъ не въ состояніи предохранить отъ потребленія вредныхъ веществъ. Съ давнихъ поръ человѣкъ долженъ былъ убѣдиться въ недостаточности инстинктовъ и пуститься въ поиски болѣе точныхъ указаній для различенія полезной пищи отъ способной вызывать заболѣваніе и смерть.

Для выработки извѣстныхъ правилъ гигіены вся проницательность первобытнаго человѣка должна была направляться на наблюденіе дѣйствія питательныхъ веществъ.

Воспроизводительная дѣятельность со своими многочисленными несовершенствами точно такъ же съ незапамятныхъ временъ привлекала вниманіе человѣка, впадавшаго въ ошибки при слѣпомъ повиновеніи инстинктамъ.

Инстинктъ жизни и страхъ смерти лежали въ основѣ побужденій первобытнаго человѣка въ его исканіи выхода изъ труднаго положенія, созданнаго дисгармоніями его природы. Именно въ интересахъ здоровья и жизни приходилось отыскивать полезную пищу и регулировать половое отправленіе.

Съ пробужденіемъ разума человѣкъ судилъ о неизвѣстномъ по аналогіи съ тѣмъ, что ему было наиболѣе знакомо, т.-е. съ самимъ собой. Вотъ почему онъ приписывалъ всѣмъ окружавшимъ его предметамъ свойства и побужденія, присущія ему самому. По его мнѣнію, не только всѣ живыя существа обладали волей и умомъ, но даже и неодушевленныя тѣла способны были дѣйствовать подобно человѣку.

Изъ этого первобытнаго понятія и возникло то, что *Тэйлоръ*[1]) назвалъ *анимизмомъ,* «этой основой философіи религій дикихъ расъ и цивилизованныхъ народовъ». Умирая, человѣкъ не вполнѣ исчезаетъ, а только превращается въ новое состояніе. Трупъ живетъ не такъ, какъ мы, но тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ жить, — особеннымъ образомъ, хотя и сходно съ нами. Такое представленіе отвѣчало потребности сохраненія жизни и боязни смерти, т.-е. полнаго исчезновенія. Оно есть не что иное, какъ вѣра въ безсмертіе, или въ будущую жизнь.

Анимизмъ—понятіе весьма распространенное по всему земному шару. Очевидно, что оно служило самымъ дѣйствительнымъ утѣшеніемъ при сознаніи неизбѣжности смерти вмѣстѣ съ величайшимъ желаніемъ жить. «Это дѣтское желаніе игнорировать смерть и убѣдить себя въ томъ, что мертвые могутъ продолжать дѣйствовать попрежнему,—говоритъ *Тэйлоръ,*—естественно привело дикарей къ тому, чтобы хоронить своихъ родныхъ вмѣстѣ съ оружіемъ, одеждой и украшеніями,

---

1) „Первобытная культура“. Русскій переводъ, 1878 г.

служившими имъ при жизни. По этой же причинѣ, до погребенія, мертвыхъ снабжали пищей, вкладывали имъ въ ротъ сигару и клали игрушки въ гробы дѣтей и т. д.»

На нѣсколько высшей стадіи развитія первобытный человѣкъ долженъ былъ переработать эту слѣпую фантазію въ логическое разсужденіе. «Когда человѣкъ умираетъ и душа его улетаетъ изъ тѣла, для снабженія ея пищей, одеждой и оружіемъ надо хоронить эти предметы съ трупомъ или жечь ихъ» (l. c., стр. 61).

Здѣсь излишне описывать всѣ проявленія анимизма первобытныхъ дикарей. Болѣе или менѣе явные слѣды его встрѣчаются даже у большинства, если не у всѣхъ, наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Большое число фактовъ, относящихся къ этому вопросу, собрано въ извѣстныхъ сочиненіяхъ *Тэйлора, Леббока*[1]) *Вайцъ-Герланда*[2]). Мы ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ изъ нихъ.

Туранскіе народы восточной Азіи хоронятъ вмѣстѣ со своими мертвецами разнаго рода орудія, каковы: топоры, кремни, и пищу, говядину, масло. Они убѣждены, что всѣ эти предметы необходимы покойному въ его долгомъ путешествіи въ страну духовъ.

Тасманіецъ, спрошенный о томъ, зачѣмъ кладутъ копья въ могилу, отвѣчалъ, какъ само по себѣ понятное: «да для того, чтобы уснувшій могъ употреблять ихъ въ битвахъ!»

Гренландцы кладутъ луки и другое оружіе въ могилы мужчинъ и ножи, иголки и разныя швейныя принадлежности—въ могилы женщинъ: они убѣждены, что предметы эти будутъ очень полезны на томъ свѣтѣ.

Въ области Конго существуетъ обычай продѣлывать отверстіе въ могилѣ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ рту или головѣ покойника, и ежемѣсячно вводить этимъ путемъ запасы твердой пищи и напитковъ.

Многіе народы не довольствуются тѣмъ, чтобы класть возлѣ мертваго одни неодушевленные предметы. Караибы, думая, что души умершихъ послѣ смерти переходятъ въ царство мертвыхъ, убиваютъ рабовъ на могилѣ вождей для того, чтобы они служили имъ въ будущей жизни. Съ этою же цѣлью

---

[1]) „Происхожденіе цивилизаціи". Русскій переводъ.
[2]) „Anthropologie der Naturvölker", 6 т., 1866—1872 гг.

они погребаютъ собакъ и оружіе. Негры Гвинейскаго побережья на похоронахъ знаменитыхъ людей убивали нѣсколькихъ женщинъ и рабовъ для того, чтобы они служили имъ на томъ свѣтѣ. Въ то же время они погребали ихъ лучшія одежды, позолоченные фетиши, кораллы и жемчугъ, для того чтобы мертвый могъ наряжаться во всѣ эти драгоцѣнности.

Тэйлоръ утверждаетъ, что анимистическія понятія общераспространены между «всѣми дикарями безъ исключенія» (стр. 75).

По *Герберту Спенсеру* [1]), если не у всѣхъ, то почти у всѣхъ народовъ, племенъ, обществъ, націй мы находимъ многочисленныя доказательства существованія смутныхъ или опредѣленныхъ вѣрованій въ воскресеніе двойниковъ умершаго. Предположеніе, что источникомъ такого распространеннаго вѣрованія служитъ видѣніе образа умершихъ во снѣ, вполнѣ основательно. Эти сновидѣнія принимаютъ за души, остающіяся безсмертными и навѣщающія живыхъ.

У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ встрѣчаются обычаи, происхожденіе которыхъ должно быть отнесено къ далекому прошлому.

Такъ, испанцы въ день годовщины смерти своихъ родныхъ кладутъ на ихъ могилы хлѣбъ и вино.

Болгары чествуютъ своихъ мертвыхъ въ Вербное воскресенье. Они обильно ѣдятъ и пьютъ, и оставляютъ на могилахъ остатки поминокъ, которые доѣдаются ночью умершими.

Сэнъ-фуа [2]) разсказываетъ, что въ 1389 г. на похоронахъ Бертрана Дюгеклэна въ Сенъ-Дени было принесено въ жертву нѣсколько лошадей. Епископъ Осерскій благословилъ лошадей возложеніемъ рукъ на ихъ головы, послѣ чего онѣ были убиты.

Въ 1781 г. [3]) на похоронахъ генерала Фредерика Казиміра въ Трирѣ его лошадь вели за гробомъ, согласно обычаямъ тевтонскаго ордена. Когда трупъ генерала былъ опущенъ въ могилу, то лошадь убили и похоронили въ той же могилѣ.

---

[1]) *Говардъ Коллинсъ:* „Сводъ философіи *Герберта Спенсера*" (франц. пер., 1891 г., стр. 370).

[2]) „Essais historiques sur Paris". Oeuvres complètes, Maestricht, 1778, T. IV, p. 170.

[3]) Цитата *Тэйлора:* „Первобытная культура", гл. XI.

Въ настоящее время у цивилизованныхъ народовъ больше не приносятъ въ жертву ни людей, ни даже животныхъ. Но множество другихъ обычаевъ, постоянно соблюдаемыхъ во время похоронъ, опредѣленно указываютъ на ихъ анимистическое происхожденіе.

Таковы: кутья, которую ставятъ возлѣ покойниковъ въ Россіи, хвойныя вѣтви, разбрасываемыя вдоль всего пути похороннаго шествія, вѣнки изъ безсмертниковъ или другихъ, цвѣтовъ, играющіе такую важную роль въ нашихъ похоронахъ; послѣдній обычай имѣетъ очень древнее происхожденіе. Онъ существовалъ у римлянъ и, по всей вѣроятности, символически представляетъ будущую жизнь въ странѣ, полной цвѣтовъ и роскошной растительности.

Вѣра въ загробную жизнь, столь распространенная на всемъ земномъ шарѣ, очевидно, послужила основой всѣмъ религіямъ. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на подробномъ разсмотрѣніи этого вопроса. Его изученіе значительно превосходитъ размѣры нашей задачи и требуетъ гораздо болѣе обширныхъ свѣдѣній, чѣмъ наши. Достаточно установить очень важный фактъ, что у народовъ, живущихъ въ различныхъ областяхъ нашей планеты, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ внѣшней среды и культуры, имѣется убѣжденіе, что смерть не есть настоящій конецъ существованія, а только переходъ отъ настоящей жизни къ будущей. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности вопроса, невозможно удовлетвориться однимъ признаніемъ этого факта, оставляя безъ разсмотрѣнія нѣкоторыя возраженія, выдвигаемыя противъ всеобщности вѣры въ загробную жизнь.

Многіе настаиваютъ на томъ, что въ библейскомъ изложеніи еврейской религіи отсутствуетъ представленіе о будущей жизни. Еще недавно *Гэккель*[1]) повторилъ столь распространенное мнѣніе, будто въ древней, наиболѣе чистой, еврейской религіи не существуетъ «вѣры въ безсмертіе души; ни въ Пятикнижіи, ни въ болѣе раннихъ книгахъ Ветхаго завѣта, написанныхъ до вавилонскаго плѣненія, — нигдѣ не находимъ мы представленія о продолженіи индивидуальной жизни послѣ смерти».

---

1) „Die Welträthsel, 7-е изданіе, Bonn, 1901, p. 226.

Эти указанія вѣрны только до извѣстной степени. Правда, что въ книгахъ Моисея нѣтъ рѣчи ни о будущей жизни, ни о раѣ и адѣ въ обыкновенномъ смыслѣ этихъ словъ; но тѣмъ не менѣе древніе евреи раздѣляли со столькими другими народами извѣстное представленіе о переживаніи послѣ смерти. «Подобно почти всѣмъ безъ исключенія первобытнымъ народамъ, — говоритъ *Ренанъ* [1]), — и іудеи вѣрили въ своего рода двойственность личности, въ существованіе тѣни, представляющей блѣдный и нетѣлесный обликъ, который послѣ смерти спускается подъ землю и тамъ ведетъ грустный и мрачный образъ жизни въ темныхъ покояхъ». «Мертвые жили тамъ безъ сознанія, безъ представленій, безъ воспоминаній, въ мірѣ безъ свѣта, покинутые Богомъ». «Большинство... старалось запастись хорошимъ пристанищемъ, удобнымъ ложемъ на время своего пребыванія у Рефаимовъ. Жизнь тѣней представляли себѣ, какъ протекающую въ общеніи съ предками, въ разговорахъ и отдыхѣ вмѣстѣ съ ними».

Нѣкоторыя мѣста Пятикнижія указываютъ на почитаніе предковъ, тѣсно связанное съ представленіемъ о загробной жизни. Такъ, Іаковъ, видя приближеніе смерти, призвалъ своихъ сыновей и завѣщалъ имъ похоронить его не въ Египтѣ, а вмѣстѣ съ отцами своими въ пещерѣ Ефрона хеттеанина.

По *Шантепи де ла Сосе* [2]), «анимизмъ, и именно поклоненіе предкамъ, у израильтянъ, какъ и у большинства другихъ народовъ, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ прежде думали».

Очень замѣчательно то, что представленіе будущей жизни, еще туманное въ древне-еврейской религіи, со временемъ опредѣлялось все болѣе и болѣе. Такъ, Іезекіиль (VI вѣка до Р. X.) рисуетъ слѣдующую картину будущихъ событій: «Іегова вдохнетъ жизнь въ разбросанныя кости мертвыхъ» (*Шантепи де ла Сосе*, I, 300),

Мысль эта еще яснѣе развита въ тѣхъ строкахъ книги Даніила (II-ой вѣкъ до Р. X.), гдѣ онъ говоритъ, что «нѣкоторые изъ спящихъ въ землѣ проснутся для жизни вѣчной, а другіе — для позора и вѣчнаго безчестія». Приведя эти

---

1) „Histoire du peuple d'Israël", t. I, 1887, p. 128, 129.

2) „Lehrbuch der Religionsgeschichte". Freiburg, Leipzig, 2-е изданіе, 1897 г., т. I, стр. 253.

послѣднія слова, Ренанъ [1]) прибавляетъ: «Ясно, что Израиль достигъ крайняго предѣла своего вѣкового стремленія — царствія Божьяго, синонима будущаго и воскресенія. Чуждый понятію о самостоятельной душѣ, переживающей тѣло, Израиль не могъ представлять себѣ будущую жизнь иначе, какъ воскрешая цѣльнаго человѣка». Позднѣе, въ Талмудѣ, мысль о будущей жизни развита съ большими подробностями. Рай представляется мѣстомъ, наполненнымъ чудными благоуханіями, адъ же — нечистымъ мѣстомъ, полнымъ грязи и навоза. По Талмуду, «въ загробной жизни нѣтъ ни пищи, ни питья. Праведные сидятъ съ вѣнками на головахъ и съ восторгомъ созерцаютъ Бога».

Въ каббалистической философіи евреи усвоили ученіе переселенія душъ «Гильгуль» и думали, что душа Адама перешла въ Давида и позднѣе перейдетъ въ Мессію. Нѣкоторыя людскія души превращаются въ души животныхъ, въ листья деревьевъ и даже въ камни [2]).

Итакъ, еврейская религія только съ большими ограниченіями можетъ служить примѣромъ отсутствія представленія о загробной жизни.

Религіи, исповѣдуемыя китайцами, также приводились какъ примѣръ отсутствія представленія о безсмертіи.

Такъ, *Бюхнеръ* [3]) въ своей книгѣ «Сила и матерія», считавшейся матеріалистическимъ кодексомъ второй половины 19-го вѣка, утверждаетъ, что «буддизмъ, эта выдающаяся религія, наиболѣе распространенная и одна изъ самыхъ древнихъ, насчитывающая въ числѣ своихъ послѣдователей около $^1/_3$ всѣхъ жителей земного шара, вполнѣ игнорируетъ безсмертіе души».

Положеніе это встрѣчается также у Гэккеля въ его «Загадкахъ вселенной», книгѣ, служащей сводомъ матеріалистическихъ теорій конца 19-го вѣка. «Вѣра въ безсмертіе души, — говоритъ этотъ авторъ [4]), — вполнѣ отсутствуетъ въ большинствѣ восточныхъ наиболѣе развитыхъ религій. Мы не встрѣчаемъ ея въ буддизмѣ, обнимающемъ еще и понынѣ 30%

---

1) „Histoire du peuple d' Israël", т. VI, 1893, стр. 327.
2) *Тэйлоръ*: „Первобытная культура", II, стр. 92.
3) „Сила и матерія", 6-е франц. изд. 1884 г., стр. 439.
4) „Die Welträthsel" 1901, p. 226.

всего населенія земли. Она также отсутствуетъ въ древней народной религіи китайцевъ, а также и въ религіи Конфуція, ее замѣнившей».

Этотъ вопросъ слѣдуетъ разсмотрѣть глубже. Вполнѣ установлено, что основаніе древней религіи китайцевъ заключается именно въ очень сильно развитомъ поклоненіи предкамъ. Всѣ важныя событія семьи происходятъ «въ присутствіи предковъ». Они — связь между живущими родными. Какъ и въ другихъ приведенныхъ примѣрахъ анимизма и поклоненія предкамъ, мертвымъ предлагаютъ кушанья и окружаютъ ихъ полезными имъ предметами.

По *Ревиллю* [1]), «вообще китайцы допускаютъ принципъ личнаго безсмертія. Было бы совершенно непонятно, что могла бы явиться мысль предлагать настоящую пищу существамъ, на которыхъ смотрѣли бы какъ на исчезнувшихъ или возвратившихся въ безсознательное «все».

Предлагая мертвымъ пищу, одежду, драгоцѣнности, китайцы смотрятъ на загробную жизнь, «какъ на оченъ мало отличающуюся отъ той, которую ведутъ они сами на землѣ. Мертвые продолжаютъ интересоваться тѣми же вещами и людьми, и имъ нравится та же пища».

Съ развитіемъ идеи загробной жизни измѣнились также и обычаи. Вмѣсто того, чтобы предлагать мертвымъ вещественные предметы, какъ это еще дѣлается у столь многихъ народовъ, китайцы предлагаютъ имъ одни символы: «бумажные дома, матеріи, провизію, куклы, представляющія рабовъ; но все это — бумажное или соломенное — сжигаютъ для того, чтобы въ нематеріальной формѣ это дошло до чествуемаго такимъ образомъ духа» (*Ревилль*, l. c., стр. 191).

Одной изъ главныхъ причинъ поклоненія предкамъ служитъ боязнь, чтобы «мертвые, недовольные тѣмъ, что ихъ забываютъ, не выказали живымъ своего негодованія, посылая имъ болѣзни и разореніе» (id., стр. 195).

Поклоненіе мертвымъ пустило такіе глубокіе корни у китайцевъ, что даже самъ Конфуцій, несмотря на свое умственное развитіе и своей скептицизмъ, долженъ былъ заплатить ему обильную дань. «Мудрый Конфуцій, — говоритъ *Ре-*

---

[1]) „Histoire des religions", III. La religion chinoise. Paris, 1889, а также Chantepie de la Saussaye (l. c., стр. I, p. 58).

вилль, — считалъ долгомъ приносить въ жертву своимъ предкамъ мясо, которое посылали ему владыки, чествуя его» (l. c., стр. 185).

Конфуцій и его послѣдователи выражались относительно будущей жизни съ большою сдержанностью и двусмысленностью, что не мѣшало имъ «точно слѣдовать обычаямъ и обрядамъ, предполагавшимъ полнѣйшую вѣру въ будущую жизнь человѣческой личности» (стр. 187).

Если самъ Лао-Тзе не вѣрилъ ни въ рай, ни въ адъ и исповѣдовалъ даже очень раціоналистическія идеи, то послѣдователи его тѣмъ не менѣе вѣрили въ безсмертіе души и даже, въ концѣ-концовъ, приняли ученіе о посмертной наградѣ и наказаніи по заслугамъ.

Приверженцы Лао-Тзе, таоисты, совершенно исключительнымъ образомъ интересовались вопросомъ о безсмертіи. Прежде всего надо было найти напитокъ безсмертія, способный продлить до безконечности земную жизнь. «Одна изъ главнѣйшихъ претензій таоизма,—говоритъ *А. Ревилль*,—состоитъ въ обладаніи тайной безсмертія. Правда, что получить ее очень трудно, но еще труднѣе ее примѣнить. Однако, слѣдуя извѣстнымъ указаніямъ, можно, по крайней мѣрѣ, получить патентъ на долголѣтіе. Только совершенные таоисты достигаютъ той нравственной высоты, которая открываетъ имъ переходъ въ высшій міръ безъ болѣзни и смерти» (1. с., стр. 450).

Такъ, нѣкоторые учителя таоизма вознеслись живыми на небо: Шангъ-Тао-Лингъ «поднялся на высокую горную вершину и исчезъ въ небѣ» (id., стр. 444).

Современные таоисты вполнѣ приняли идею безсмертія души. «Они признаютъ вполнѣ приспособленное чистилище, къ формѣ котораго Лао-Тзе пришелъ расширеніемъ и распространеніемъ на всѣхъ людей уже близкой ему идеи послѣдовательнаго переселенія одной и той же души черезъ рядъ тѣлъ. Эти очистительные переходы ведутъ къ тому безсмертію, которымъ обладаютъ геніи и блаженные, если такое безсмертіе еще не достигнуто святостью земной жизни» (id., стр. 469).

Долго думали, что таоисты, по примѣру своего основателя, не признаютъ ада. Но пришлось измѣнить это мнѣніе,

тѣмъ болѣе, что «таоистское духовенство придумало изображать въ своихъ храмахъ, посвященныхъ божествамъ, покровителямъ различныхъ городовъ, мученія, предназначенныя грѣшникамъ десятью судилищами, скрытыми на днѣ океана, таящагося въ нѣдрахъ земли» (id., стр. 470).

Итакъ, множество китайцевъ-конфуціанцевъ и таоистовъ вѣрятъ въ загробную жизнь.

Буддистамъ въ особенности приписываютъ отрицаніе безсмертія души. Будда признавалъ браминское вѣрованіе въ переселеніе душъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе документы, выдержавшіе строгую критику. Относительно безсмертія души православный буддизмъ высказывается ясно. Самъ Будда избѣгаетъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса. При такихъ условіяхъ «души, со страхомъ взиравшія на небытіе и которыя не могли отказаться отъ ожиданія вѣчнаго блаженства, должны были по-своему толковать молчаніе Будды и заключать, что имъ не воспрещена надежда» [1]).

Вотъ какимъ образомъ старались буддійскіе учителя обойти прямую постановку этого труднаго вопроса. Король Посемади встрѣтилъ однажды извѣстную своею мудростью послѣдовательницу Будды, монахиню Кеми. Король спросилъ ее: «Существуетъ ли Совершенный (Будда) послѣ смерти?» — «Божественный, о великій король, не далъ откровенія о существованіи Совершеннаго послѣ смерти». — «Итакъ, о почтенная, Совершенный не существуетъ послѣ смерти?» — «Этого также не открылъ Божественный, о великій король!» — «Итакъ, о почтенная, Совершенный одновременно существуетъ и не существуетъ послѣ смерти? Итакъ, о почтенная, Совершенный ни существуетъ и ни не существуетъ послѣ смерти?» (*Oldenberg*, I. c., p. 281).

Вотъ какимъ образомъ Сумермитъ, «сынъ Бога, окруженный и предшествуемый толпой боговъ», восхвалялъ Будду (Татагата): «Ты искусный врачъ, дающій счастіе безсмертія» [2]).

Легко понять, что, за отсутствіемъ строго опредѣленныхъ указаній, буддисты не замедлили послѣдовать своему влеченію и признали въ принципѣ загробную жизнь.

Итакъ, «буддизмъ вовсе не проповѣдуетъ, какъ это легко-

---

1) *Oldenberg*: „Le Bouddha". Trad. par. Foucher. Paris, 1894, p. 281.
2) „Lalita Vistara", l. c., p. 303.

мысленно утверждаютъ въ настоящее время, уничтоженіе души человѣка послѣ смерти. Напротивъ того, онъ такъ убѣжденъ въ естественномъ переживаніи души, что только по отношенію къ немногимъ избраннымъ допускаетъ, какъ особое преимущество, возможность нарушить непрерывающуюся цѣпь жизни» (*А .Ревиллъ*, I. с., стр. 575).

Вѣрные основнымъ началамъ своей древней религіи, китайскіе буддисты продолжали поклоняться своимъ предкамъ и искать наилучшаго пути для достиженія безсмертія. Поэтому они не замедлили превратить Нирвану въ рай и распространить въ китайскомъ народѣ идею о посмертномъ возмездіи. «Буддистскіе монастыри въ Китаѣ обыкновенно заключаютъ цѣлый рядъ маленькихъ келій, въ которыхъ яркими красками изображены сцены, наполняющія 18 адовъ стенаніями и воплями. Потому что подъ землей находится восемь адовъ, въ которыхъ жара невыносима, и десять, въ которыхъ холодъ не менѣе ужасенъ» (*А. Ревиллъ*, I. с., стр. 556).

Рай китайскихъ буддистовъ Ни-Панъ (страна чистоты) — мѣсто, заключающее множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней. Прелестныя мѣста для прогулокъ омываются хрустальными водами, текущими по золотому песку, покрытому чудными цвѣтами лотоса. Тамъ вѣчно звучитъ дивная музыка. Три раза въ день падаетъ цвѣточный дождь. Каждые четыре часа чудныя птицы, фазаны и другія, хоромъ воспѣваютъ красоты религіи и напоминаютъ своимъ слушателямъ о *Буддѣ, Дарму* и *Сангу*... Таковы чудеса, ожидающія тѣхъ, которые возродятся послѣ смерти. Тамъ нѣтъ грѣха и нѣтъ ничего дурного» (ibid., стр. 525.)

Безполезно входить въ большія подробности, чтобы доказать ложность мнѣнія, будто треть человѣчества слѣдуетъ матеріалистическому міровоззрѣнію, въ которомъ нѣтъ мѣста для идеи о загробной жизни; наоборотъ, совершенно ясно, что значительное большинство людей убѣждено, что смерть не есть полное окончаніе существованія и часто настоящая жизнь представляется только переходною ступенью къ будущей. Но въ то время, какъ многіе первобытные народы считаютъ послѣднюю простымъ продолженіемъ земной жизни, народы съ болѣе утонченными идеями представляютъ себѣ будущую жизнь полной наслажденій для праведныхъ и мученій для грѣшниковъ.

Эта идея будущей жизни, столь распространенная по всему земному шару, по всей вѣроятности, легла въ основу религій. Она должна была дать начало представленію о высшихъ существахъ, о божествахъ. Дѣйствительно, многіе факты указываютъ на то, что первичные боги были не что иное, какъ умершіе родичи и предки, живущіе на томъ свѣтѣ и управляющіе оттуда земными дѣлами. Злые предки превращаются въ злыхъ духовъ, а добрые выполняютъ роль благодѣтельныхъ и доброжелательныхъ боговъ.

Очень многіе народы молятся предкамъ и считаютъ ихъ болѣе или менѣе божествами. Кафры приносятъ жертвы и молятся своимъ умершимъ роднымъ. Они думаютъ, что души умершихъ посѣщаютъ свои прежнія жилища и, сообразно со своимъ характеромъ, помогаютъ или вредятъ живымъ. Будучи способными на добро и зло послѣ смерти, эти умершіе родные еще не могутъ считаться настоящими божествами. Но какъ говоритъ *Леббокъ* [1]), не слѣдуетъ упускать изъ виду, что «богъ дикаря—существо, мало отличающееся по своей природѣ отъ него самого, развѣ только нѣсколько могущественнѣе его». Мы увидимъ, что между умершими родными, злодѣяній которыхъ боятся или о милостяхъ которыхъ умоляютъ, и между различнаго рода божествами существуетъ цѣлая гамма промежуточныхъ ступеней.

Индѣйцы Сѣверной Америки умоляютъ духовъ своихъ предковъ ниспослать имъ хорошую погоду или удачную охоту. Они думаютъ, что если индѣецъ погибаетъ отъ огня, то это происходитъ исключительно потому, что духи предковъ наказываютъ его за небрежное исполненіе обрядовъ и жертвоприношеній.

Начэсы Луизіаны пошли еще дальше: они строятъ храмы въ память своихъ мертвыхъ (*Тэйлоръ*, 1. c., II, стр. 182). Въ Полинезіи, въ Таннѣ, «души умершихъ предковъ почитаются какъ боги; старые вожди послѣ смерти становятся божествами, управляющими жатвой и сборомъ плодовъ. Туземцы молятся имъ и приносятъ имъ въ жертву первые плоды» (id., стр. 182).

---

[1]) „Origine de la civilisation". Франц. пер., стр. 261.

Островитяне Малайскаго архипелага молятъ духовъ своихъ предковъ о счастіи и помощи въ бѣдствіяхъ.

Почитаніе мертвыхъ очень развито въ Африкѣ. Зулусы совершаютъ свои побѣды при помощи «аматонговъ» или духовъ предковъ. «Даже малыя дѣти и старухи, не играющія никакой роли при жизни, послѣ смерти становятся могущественными духами. Дѣти становятся добрыми духами; старухи—творящими одно зло. Но особеннымъ почитаніемъ семьи пользуется ея умершій глава» (id., стр. 185). Зулусъ боготворитъ отца —своего главу—и къ нему обращается въ началѣ и въ концѣ молитвы. Помня его любовь и ласки, онъ убѣжденъ, что отецъ не оставитъ его и послѣ смерти. Эту идею обоготворенія предковъ зулусы распространяютъ до перваго родоначальника людей и создателя міра, до перваго «ункулункулу» (id., стр. 184).

Нѣтъ возможности привести здѣсь всѣ примѣры,—до того они многочисленны. По существу они сходны и отличаются только во второстепенныхъ, очень разнообразныхъ подробностяхъ.

Представленіе о будущей жизни въ видѣ безсмертія или иныхъ понятій, связанныхъ съ идеей много- или единобожія, развилось вслѣдствіе потребности жить и противодѣйствовать страху смерти, т.-е. для борьбы съ величайшимъ разладомъ человѣческой природы.

Поэтому намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ различныя религіи достигли этой цѣли.

Многіе первобытные народы буквально понимаютъ религіозное ученіе о безсмертіи и смотрятъ на обѣщаніе загробной жизни, какъ на неопровержимую истину. Такъ, туземцы острововъ Фиджи убѣждены, «что они возродятся въ иномъ мірѣ въ томъ же точно видѣ, въ которомъ они покинули землю; поэтому они желаютъ умереть раньше наступленія какой бы то ни было болѣзни». И такъ какъ очень трудно достигнуть старости безъ болѣзни или какой-нибудь немощи, то «какъ только человѣкъ чувствуетъ приближеніе старости, онъ предупреждаетъ своихъ дѣтей, что ему пора умирать. Если же онъ не говоритъ этого, то дѣти сами предупреждаютъ его. Собираютъ семейный совѣтъ, назначаютъ день и роютъ могилу. Старикъ дѣлаетъ выборъ между удушеніемъ и погребеніемъ заживо».

Слѣдующій примѣръ показываетъ, до какой степени можетъ доходить вѣра въ будущую жизнь. Молодой фиджіецъ однажды пришелъ къ англійскому путешественнику *Генту*, для того чтобы пригласить его на похороны своей матери. *Гентъ* принялъ приглашеніе и присоединился къ похоронному шествію.

Удивленный отсутствіемъ трупа, онъ спрашиваетъ объ этомъ молодого человѣка. Послѣдній «указалъ ему на свою мать, идущую среди нихъ столь же веселой и спокойной, какъ и всѣ присутствующіе. *Гентъ* выразилъ юношѣ свое удивленіе и спросилъ его, какъ онъ могъ его обмануть, сказавши, что мать умерла, въ то время какъ она жива и здорова. Отвѣтомъ было, что только-что совершилось похоронное пиршество и что теперь будутъ ее хоронить, что она старая, что онъ рѣшилъ вмѣстѣ съ братомъ, что она достаточно пожила и что пора ее убить, на что она согласилась съ удовольствіемъ» [1]).

Приведенный примѣръ не исключителенъ. Извѣстны цѣлые города съ нѣсколькими сотнями жителей, между которыми не было людей старше 40 лѣтъ, потому что всѣ старики были погребены. Легко понять, что при такой ревностной вѣрѣ люди могутъ не бояться смерти.

По *Скулькрафту* [2]), индѣйцы Сѣверной Америки очень мало боятся смерти. «Они не боятся перейти въ страну, полную безпрерывныхъ наслажденій, въ которой, какъ имъ приходилось постоянно слышать, нѣтъ ни горя, ни печали».

Мнѣ самому знакомъ примѣръ православной дѣвочки, которая была такъ убѣждена въ блаженствѣ рая, что во время серьезной болѣзни съ нетерпѣніемъ ожидала смерти. Передъ смертью она увѣряла, что уже видитъ чудные цвѣты и слышитъ дивное пѣніе райскихъ птицъ.

Но такая безпредѣльная вѣра исключительна. Всего чаще она недостаточна для того, чтобы уничтожить страхъ смерти, какъ это доказываетъ множество примѣровъ.

У однихъ только фанатиковъ, несложныхъ и первобытныхъ натуръ слѣпая вѣра можетъ побѣдить инстинктивное чувство страха смерти. Вотъ почему съ древнѣйшихъ временъ рели-

---

[1]) *Lubbock*, l. c., p. 372.

[2]) Цитата, приведенная Леббокомъ, l. c., стр. 374.

гіи старались найти, помимо иллюзіи будущей райской жизни, другія средства для ослабленія главнаго разногласія въ человѣческой природѣ. Въ этомъ отношеніи, съ нашей точки зрѣнія, наиболѣе интересно ученіе Будды. Я не имѣю при этомъ въ виду того измѣненнаго и передѣланнаго буддизма, о которомъ выше шла рѣчь и который вернулся къ представленію загробной жизни, страшнаго ада и рая, полнаго наслажденій.

Будда не увлекался никакими иллюзіями относительно великаго зла человѣческаго существованія. Его ученіе въ своемъ первоначальномъ видѣ было чрезвычайно пессимистично. Вотъ что говорилъ онъ по этому поводу: «Несомнѣнно несчастенъ этотъ міръ, созданный, рождающійся, старѣющій, умирающій, исчезающій и вновь появляющійся. Но намъ не извѣстенъ способъ, какъ выйти изъ этого міра, который есть не что иное, какъ громадное скопленіе страданій. Старость, болѣзнь, смерть и остальное, увы, то, что можетъ положить предѣлъ этому міру — одному громадному скопленію страданій, — того мы не знаемъ! Предѣлъ всему, что происходитъ отъ старости, болѣзни, смерти и остальнаго!» [1]).

Встрѣчи, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущей главѣ, внушили Буддѣ слѣдующія размышленія: «Горе юности, подтачиваемой старостью! Горе здоровью, разрушаемому разными болѣзнями! Горе кратковременной человѣческой жизни! Горе притягательной силѣ наслажденій, соблазняющихъ сердце мудреца! Если бы не было ни старости, ни болѣзни, ни смерти съ тѣмъ великимъ страданіемъ, которое вытекаетъ изъ пяти элементовъ существованія (скандасъ)! Если бы не было ни старости, ни болѣзни и смерти, всегда связанныхъ другъ съ другомъ! Хорошо! Вернувшись назадъ, я стану размышлять объ освобожденіи!» (ib., стр. 170).

Послѣ долгихъ думъ объ этихъ вопросахъ Будда предположилъ, что ему удалось разрѣшить задачу проповѣдью полнаго смиренія. Въ молодости онъ просилъ отца: «Я желаю, властитель, чтобы старость никогда не овладѣла мной и чтобы я не потерялъ яркихъ красокъ молодости; да буду я всегда здоровымъ и болѣзнь да не постигнетъ меня; да будетъ

1) „Lalita Vistara", стр. 289.

жизнь моя безгранична, и да не наступитъ смерть» [1]). Позднѣе ему пришлось отказаться отъ всѣхъ этихъ требованій.

Въ своей знаменитой бенаресской проповѣди Будда слѣдующимъ образомъ резюмируетъ главныя положенія своего ученія: «Вотъ, о монахи, святая истина о происхожденіи страданія: это—жажда бытія, ведущая отъ перерожденія къ перерожденію, сопутствуемая наслажденіемъ и желаніемъ, находящимъ тамъ и сямъ свое удовлетвореніе: жажда наслажденія, жажда бытія, жажда могущества».

«Вотъ, о монахи, святая истина о подавленіи страданія: погашеніе этой жажды полнымъ уничтоженіемъ желанія, упразднененіемъ желанія, отказомъ отъ него, освобожденіемъ отъ него, вытѣсненіемъ его» [2]).

Подъ вліяніемъ этого духа смиренія Будда постригся въ монахи и жилъ, строго слѣдуя начертаннымъ имъ правиламъ непорочности («непорочная вѣра, непорочная воля, непорочная рѣчь, непорочныя дѣйствія, непорочныя средства существованія, непорочныя примѣненія, непорочное вниманіе, непорочное размышленіе»).

Однако не много нашлось людей, стоящихъ на такой высотѣ и имѣющихъ силу оставаться вѣрными этимъ правиламъ. Вслѣдствіе этого буддизмъ вскорѣ отдалился отъ своихъ первоначальныхъ основъ и сталъ обыденнымъ религіознымъ ученіемъ.

Съ идеей буддизма неизбѣжно связано представленіе о *Нирванѣ*, такъ какъ предполагаютъ, что это именно и есть та настоящая цѣль, къ которой должна стремиться человѣческая жизнь. Многіе философы, особенно пессимисты съ *Шопенгауэромъ* во главѣ, признали Нирвану высшею цѣлью существованія даже съ точки зрѣнія ихъ собственнаго міросозерцанія. Но идею Нирваны объясняли очень различно. Это тѣмъ болѣе понятно, что лучшіе санскритологи еще не пришли къ соглашенію относительно значенія этого слова.

Я не хочу вмѣшиваться въ эти споры, такъ какъ не обладаю главнымъ орудіемъ—знаніемъ санскритскаго языка. Но, съ другой стороны, я не въ правѣ и умолчать объ этомъ существенномъ вопросѣ подъ предлогомъ, что онъ не окончательно

---

1) „Lalita Vistara", p. 176.
2) *Oldenburg*, p. 214.

рѣшенъ спеціалистами,—тѣмъ болѣе, что для многихъ мыслителей Нирвана представляется настоящею цѣлью человѣческаго существованія.

Долгое время считали Нирвану родомъ небытія, въ которомъ нѣтъ никакихъ проявленій психическаго порядка. Знаменитый оксфордскій санскритологъ Максъ Мюллеръ [1]) возсталъ противъ этого воззрѣнія. Онъ указалъ на то, что во всѣхъ мѣстахъ буддистскихъ источниковъ, въ которыхъ упоминается о Нирванѣ, она имѣетъ смыслъ не уничтоженія. Большая часть такихъ мѣстъ осталась бы даже совершенно непонятной, если бы слово уничтоженіе было употреблено вмѣсто «Нирваны».

Это мнѣніе раздѣляютъ и многіе другіе спеціалисты, не допускающіе, чтобы цѣлью религіозной жизни могло быть полное уничтоженіе. Такъ, *Рисъ Давидсъ* [2]) думаетъ, что Нирвана соотвѣтствуетъ душевному покою, котораго можно достичь во время земной жизни, и что это понятіе можно перевести словомъ «святость». По его мнѣнію, Нирвану никоимъ образомъ нельзя понимать въ смыслѣ небытія или уничтоженія, а скорѣе какъ отсутствіе сильныхъ страстей, каковы зависть, ненависть и пр.

Пфунгстъ [3]) присоединяется къ мнѣнію Макса Мюллера; онъ также убѣжденъ въ томъ, что «первоначальные послѣдователи Будды никоимъ образомъ не могли признать Нирвану уничтоженіемъ». *Дульманнъ* [4]), наоборотъ, старается доказать, что Нирвана буддистовъ все же можетъ означать отрицаніе желанія бытія, т.-е. полное уничтоженіе.

Слѣдуетъ однако сказать, что Нирвана не играетъ въ буддизмѣ столь существенной роли, какъ утверждаютъ это нѣкоторые истолкователи. Не даромъ въ нѣкоторыхъ буддійскихъ источникахъ о Нирванѣ упоминается только вскользь. Такъ, въ «Лалита Вистара» слово это приводится только очень рѣдко и не представляетъ при этомъ особеннаго значенія. Но въ этомъ же документѣ мы находимъ нѣсколько данныхъ, способныхъ освѣтить вопросъ о томъ, что такое Нирвана.

Когда молодой Будда, еще полный желаній, проситъ отца

---

1) „Buddhagosas Parables", p. XLI.
2) „Der Buddhismus", p. 119 (нѣмецкій переводъ).
3) „Das freie Wort". 5 янв. 1902, № 19, стр. 603—607.
4) „Nirvâna". Berlin, 1896.

даровать ему вѣчную молодость, здоровье, безпредѣльную жизнь и отсутствіе смерти, онъ прибавилъ слѣдующія слова: «Если вы не дадите мнѣ этихъ четырехъ даровъ, владыка, выслушайте, какой еще другой даръ я желаю: да не будетъ для меня переселенія души, когда кончится эта жизнь!» («Лалита Вистара», стр. 176).

Какъ уже было упомянуто, буддизмъ принялъ браминское ученіе о переселеніи душъ. По преданію, прежде чѣмъ стать владыкой, Будда прошелъ черезъ сотни различныхъ состояній. Душа его не только прошла черезъ 58 королей, но пробыла въ 18 обезьянахъ, 4 лошадяхъ, 4 змѣяхъ, 3 ящерицахъ, 2 рыбахъ и т. д. [1]). Эти вѣчные переходы души черезъ столько различныхъ тѣлъ должны были сильно смущать и занимать вѣрующихъ. Поэтому совершенно естественно, что такой мыслитель, какъ Будда, возымѣлъ желаніе отдѣлаться и освободить другихъ вѣрующихъ отъ столькихъ переселеній. Онъ смотрѣлъ на эти вѣчныя перерожденія какъ на великое зло, отъ котораго можно избавиться непорочностью жизни (*Рисъ Давидсъ* 1. с., стр. 132).

Картинный языкъ индусовъ сравнивалъ переселеніе душъ съ океаномъ. Ежеминутно смѣняющіяся волны должны были изображать въ этой метафорѣ постоянныя рожденія; пѣна гребней волнъ соотвѣтствовала нашему переходящему тѣлу, а другой берегъ являлся Нирваной. «Тотъ, кто дистигнетъ Нирваны, больше не вернется въ Великій океанъ Сансары» (ibid., стр. 145). Въ одной цитатѣ, приведенной *Рисомъ Давидсомъ* (1. с., стр. 118, прим. 4) изъ *Кама Сутта*, опредѣленно говорится, что «море представляетъ переселеніе душъ или Сансары, Нирвана же — островъ. Достигнувъ его берега, можно быть увѣреннымъ, что не будешь больше сброшенъ въ волны океана для послѣдовательныхъ возрожденій метемпсихозы».

Другими словами, чтобы избѣгнуть послѣ смерти страданій, соединенныхъ съ постоянными, часто нежелательными перерожденіями, надо вести непорочную жизнь, и тогда будутъ обезпечены покой или Нирвана. Послѣдняя, слѣдовательно, не есть полное отрицаніе всякаго психическаго состоянія, а

Spence Hardy: „A Manuel of Buddhisme". London, 1853, стр. 100.

только отрицаніе переселенія души. Съ этой точки зрѣнія легко объяснить всѣ или почти всѣ мѣста, въ которыхъ идетъ рѣчь о Нирванѣ.

Когда Будда въ старости, пораженный тяжкой и мучительной болѣзнью, былъ близокъ къ смерти, онъ подумалъ о своихъ ученикахъ и сказалъ имъ: «Не слѣдуетъ мнѣ войти въ Нирвану, не поговоривши съ заботившимися обо мнѣ, съ общиной моихъ учениковъ. Силой воли хочу я превозмочь эту болѣзнь и удержать въ себѣ жизнь».

Черезъ нѣкоторое время благочестивѣйшій Аманда отправился къ Буддѣ и сказалъ ему, между прочимъ, слѣдующія слова: «Дивный не войдетъ въ Нирвану до тѣхъ поръ, пока онъ не выскажетъ свою волю относительно общины учениковъ».

Все болѣе и болѣе слабѣя, духъ Будды восходитъ отъ экстаза къ экстазу, безпредѣльно, по всѣмъ ступенямъ восторга; затѣмъ онъ вошелъ къ Нирвану. И земля задрожала, и громъ загремѣлъ [1]).

Очевидно, что здѣсь Нирвана употребляется въ смыслѣ состоянія, соотвѣтствующаго смерти. Но это — смерть святого, проведшаго непорочную жизнь. Онъ будетъ избавленъ отъ метемпсихоза и будетъ наслаждаться душевнымъ покоемъ. По всей вѣроятности, позднѣе то же слово Нирвана примѣнялось къ душевному состоянію того, кто, благодаря своему непорочному существованію, былъ еще при жизни увѣренъ, что избѣжитъ переселенія души послѣ смерти.

Такъ какъ смыслъ Нирваны состоитъ, главнымъ образомъ, въ противопоставленіи переселенію душъ, то легко понять, почему не опредѣлялось, какому душевному состоянію она соотвѣтствуетъ.

Но, судя по всѣмъ даннымъ, касающимся буддійской религіи, совершенно невѣроятно, чтобы рѣчь шла о полномъ уничтоженіи. Въ этомъ отношеніи всего основательнѣе мнѣніе Макса Мюллера.

Итакъ, Будда предполагалъ, что людскія страданія могутъ быть исцѣлены отреченіемъ отъ всѣхъ жизненныхъ наслажденій и полнымъ смиреніемъ. Одинъ тотъ фактъ, что пер-

---

[1]) *Oldenberg* l. c., стр. 200—206.

воначальный буддизмъ не удержался и быстро переродился въ обыденную религію, сходную со многими другими вѣрованіями,—одно это доказываетъ, что Будда не достигъ цѣли. Обѣщаніе вѣчной жизни одно соблазнило массу и послужило распространенію буддизма на такія громадныя пространства.

Кромѣ своей главной задачи, утѣшенія человѣчества въ виду неизбѣжности смерти, религіи касаются и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ дисгармоніи въ человѣческой природѣ.

Во всѣ времена онѣ стремились къ регулированію дѣятельности органовъ пищеваренія и воспроизведенія, а также къ предупрежденію и лѣченію разныхъ болѣзней.

Всѣмъ извѣстно сильное вліяніе религій на выборъ и на приготовленіе пищи. Еще и до сихъ поръ многіе народы сохранили кулинарные обычаи, предписанные правилами религіи. Такъ, у евреевъ пища опредѣлена моисеевымъ закономъ, который входитъ даже въ подробности стряпни. Онъ запрещалъ употреблять въ пищу кровь животныхъ. Вотъ что повелѣваетъ Моисей: «Ты можешь вволю убивать и употреблять мясо животнаго, въ какомъ бы городѣ ты ни жилъ, по благословенію Господа Бога твоего. Какъ оскверненный такъ и чистый можетъ ѣсть его, какъ дикую козу или оленя. Только крови не вкушайте; выливайте ее на землю, какъ воду». И далѣе: «Остерегайся только ѣсть кровь этихъ животныхъ, потому что кровь—ихъ душа, чтобы не съѣсть душу съ мясомъ». «Не ѣшь ее, дабы быть счастливымъ тебѣ и дѣтямъ твоимъ послѣ тебя, если ты совершишь по волѣ Господа Бога твоего и какъ онъ находитъ должнымъ».

Книги Моисея заключаютъ также правила приготовленія нѣкоторыхъ блюдъ. «Не ѣшь ничего недопеченнаго или вареннаго въ водѣ, но жарь его (ягненка или козленка) на огнѣ съ головой, ногами и внутренностями».

Думали, что эти правила были вызваны извѣстными гигіеническими понятіями, будто бы согласными съ выводами современной науки.

Правда, что нѣкоторыя правила, какъ, напримѣръ, запрещеніе ѣсть недоваренное мясо, вполнѣ подтверждаются современнымъ знаніемъ.

Но большинство моисеевыхъ законовъ, какъ, напримѣръ, за-

прещеніе крови, зайца, свинины и многаго другого, находится въ полномъ противорѣчіи съ раціональной гигіеной.

Поэтому приготовленіе пищи по указаніямъ религіи имѣетъ исключительно историческій интересъ.

Религіи много занимались также и воспроизводительною дѣятельностью человѣка. Большинство основателей религіи должны были сильно чувствовать разладъ въ этой области человѣческой природы. Это приводило ихъ къ воздержанію, которому они слѣдовали сами и которое проповѣдывали другимъ. *Будда* послѣ молодости, въ которой онъ испыталъ всѣ радости, никогда не находя въ нихъ удовлетворенія, перешелъ къ полному воздержанію.

Онъ и его послѣдователи, принявшіе монашеское званіе, должны были совершенно отказаться отъ женщины. Половое сближеніе, совершенное такимъ лицомъ, ставилось на одну доску съ кражей и убійствомъ и служило поводомъ для безповоротнаго исключенія изъ монашескаго званія. Даже въ буддійскихъ правилахъ, относящихся къ свѣтскимъ членамъ, запрещалось «предаваться внѣбрачнымъ половымъ сношеніямъ, потому что въ нихъ заключается нѣчто низменное»[1]).

Всѣмъ извѣстно мнѣніе христіанской религіи относительно воспроизводительной дѣятельности. Учителя христіанства воздерживались отъ нея и учили тому же другихъ. Св. Павелъ часто подтверждаетъ свое воздержаніе: «Я желалъ бы, — говоритъ онъ, — чтобы всѣ слѣдовали моему примѣру; но каждый получилъ отъ Бога свой особенный даръ, каждый посвоему. Поэтому я говорю неженатымъ и вдовамъ, что лучше имъ оставаться какъ я; но если они не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ, потому что это лучше, чѣмъ разжигаться».

У дикихъ народовъ религія также сильно вмѣшивается въ сферу воспроизводительной дѣятельности.

По этому поводу слѣдуетъ упомянуть объ одномъ изъ самыхъ своеобразныхъ вѣрованій, встрѣчаемыхъ у туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ: это — поклоненіе божеству выкидышей. Божество это изображается въ видѣ удлиненнаго деревяннаго инструмента, извѣстнаго подъ именемъ Капо. Верхняя

[1]) *Rhis Davids*: „Der Buddhismus", p. 147.

часть его имѣетъ видъ чудовищной головы божества, нижняя же удлинена и заострена. Ее вводятъ въ матку для прободанія зародышевыхъ оболочекъ, чѣмъ и вызывается выкидышъ[1]).

Множество другихъ идоловъ служатъ дикарямъ для предохраненія отъ болѣзней. *Бартельсъ*[2]) описываетъ въ своей книгѣ о медицинѣ первобытныхъ народовъ цѣлую коллекцію талисмановъ, служащихъ для этой цѣли.

Главная идея, вызвавшая производство этихъ амулетовъ, основана на томъ убѣжденіи, что болѣзни — дѣло злыхъ духовъ, которыхъ слѣдуетъ по возможности отстранять.

Сибирскіе голды дѣлаютъ соломенныя изображенія животныхъ и деревянныя чучела для внѣдренія въ нихъ злыхъ геніевъ болѣзней. Гиляки дѣлаютъ деревянную человѣческую куклу съ изображеніемъ жабы на груди. Этотъ талисманъ употребляется какъ средство противъ болѣзней груди и живота.

Однако и въ болѣе развитыхъ религіяхъ встрѣчаются остатки этихъ первобытныхъ идей и обычаевъ. Еще *Лютеръ* признавалъ происхожденіе болѣзней сверхъестественнымъ. «Вотъ, — говоритъ онъ, — въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, — это въ томъ, что чума, лихорадка и другія опасныя болѣзни — не что иное, какъ дѣло рукъ дьявола».

Поэтому лучшимъ средствомъ противъ всякихъ болѣзней считались разныя религіозныя церемоніи.

Людская чума оставила многочисленные слѣды въ исторіи человѣчества. Эта ужасная болѣзнь, естественно, должна была особенно обратить на себя вниманіе. Обыкновенно ее приписывали гнѣву Божію и старались смягчить его всякими возліяніями и жертвоприношеніями. На жертвенникахъ убивали людей, чтобы укротить Божій гнѣвъ, а также уменьшить смертность отъ чумы.

Религіозные обряды значительно смягчились съ развитіемъ культуры, но отъ нихъ еще и теперь остались слѣды, дающіе себя чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ.

Всѣ согласно смотрятъ на эти обряды, какъ на остатки древнихъ обычаевъ, и не придаютъ имъ прежняго значенія. Гигіена въ пищѣ и въ предупрежденіи болѣзней по законамъ

---

1) *Ploss*: „Das Weib“, I, стр. 859.

2) „Die Medicin der Naturvölker“. Leipzig, 1893, стр. 225.

религіи уступила мѣсто научной гигіенѣ, основанной на точныхъ данныхъ, добытыхъ путемъ опытнаго метода.

Поэтому безполезно настаивать здѣсь на этой сторонѣ вопроса.

Итакъ, въ области религіи остается еще одна очень важная задача: смерть. Какъ было доказано, предложенныя до сихъ поръ рѣшенія этого вопроса неудовлетворительны. Предположеніе о загробной жизни не можетъ быть сдѣлано вѣроятнымъ, несмотря на самыя разнообразныя попытки доказать ее. Противоположное же мнѣніе вполнѣ согласуется со всей совокупностью человѣческаго знанія. Съ другой стороны, смиреніе, проповѣдуемое религіями и особенно ученіемъ Будды, не въ состояніи удовлетворить человѣчество, которое жаждетъ жить и взираетъ съ ужасомъ на неизбѣжность смерти.

Понятно, что при этихъ условіяхъ мыслители старались другими средствами выйти изъ великой дилеммы. Поэтому и было создано множество философскихъ теорій для рѣшенія задачи: жизнь—смерть.

Вопросъ этотъ имѣетъ первостепенный интересъ, а потому я считаю нужнымъ разсмотрѣть его въ особой главѣ.

ГЛАВА VIII.

Попытки философскихъ системъ бороться съ дисгармоніями человѣческой природы.

Нѣкоторыя философскія системы тѣсно примыкаютъ къ религіямъ.—Идеи античныхъ философовъ о безсмертіи души — Ученіе Платона. — Скептицизмъ Аристотеля.—Стоики: Цицеронъ, Сенека, Маркъ Аврелій.—Системы современныхъ философовъ.—Пессимизмъ и его происхожденіе.—Байронъ.—Ученіе Шопенгауэра и Гартманна.—Философія освобожденія Майнлендера.—Критика пессимизма.—Максъ Нордау.—Идеи современныхъ мыслителей о смерти.

Философскія системы тѣсно связаны съ религіозными ученіями.

Такъ, напримѣръ, буддизмъ сначала былъ философской теоріей и принялъ свой религіозный характеръ только въ рукахъ послѣдователей Будды. Точно такъ же и многія философскія ученія—не что иное какъ религіозные догматы,

которые старались основать на раціональныхъ доводахъ, помимо откровенія.

Идея о загробной жизни въ теченіе долгаго времени составляла одну изъ главныхъ основъ различныхъ философскихъ ученій, цѣль которыхъ была рѣшить задачу смерти. Философы древности представляютъ намъ многочисленныя доказательства такихъ попытокъ. *Платонъ* [1]), разсказывая трагическую исторію смерти своего учителя *Сократа*, по этому поводу очень опредѣленно высказываетъ общія имъ обоимъ мысли о смерти. Онъ влагаетъ въ уста *Федона* слѣдующія слова: «Смерть друга далеко не огорчала меня, напротивъ, судьба его казалась мнѣ достойной зависти при видѣ его отношенія къ смерти и въ виду его рѣчей. Стойкость, обнаруженная имъ передъ смертью, убѣждала меня въ томъ, что онъ покидаетъ жизнь не безъ помощи какого-нибудь божества, которое должно ввести его въ другую жизнь и дать ему наибольшее блаженство, которымъ когда-либо обладалъ человѣкъ» (стр. 12).

Платонъ приписываетъ Сократу очень опредѣленное представленіе о возмездіи. «Поистинѣ,—говоритъ *Сократъ*,—я былъ бы не правъ, не сожалѣя о смерти, если бы я не ожидалъ найти въ будущей жизни добрыхъ и мудрыхъ боговъ и людей, лучшихъ, чѣмъ на землѣ. Но знайте, что я надѣюсь быть присоединеннымъ къ справедливымъ людямъ». «Смерть не столь огорчаетъ меня, потому что я надѣюсь, что людей ждетъ нѣчто другое послѣ этой жизни и что согласно древнему изрѣченію, добрымъ будетъ лучше, чѣмъ злымъ» (стр. 21).

Такъ какъ здѣсь нѣтъ рѣчи объ истинахъ, открытыхъ божественнымъ авторитетомъ, то необходимо было доказать ихъ раціональными доводами. И дѣйствительно, Платонъ всякими соображеніями изощряется доказать намъ безсмертіе души. Онъ приводитъ пиѳагорейскія идеи переселенія душъ и утверждаетъ, что «души, любившія одну несправедливость, тиранію и хищничество, перейдутъ въ тѣло волковъ, коршуновъ и ястребовъ. Да и куда же могутъ перейти такія души?» Что же касается душъ «тѣхъ, которыя всегда обнаруживали

[1]) Полное собраніе соч. *Платона*. Перев. подъ редакціей Saisset. Т. V. Федонъ. (Франц. перев.)

общественную и гражданскую добродѣтель, называемую умѣренностью и справедливостью», «то онѣ войдутъ въ тѣла мирныхъ и кроткихъ животныхъ, какъ пчелы, осы и муравьи, или даже вернутся въ человѣческое тѣло, чтобы создать добродѣтельныхъ людей» (стр. 58).

Въ доказательство справедливости своихъ воззрѣній Платонъ приводитъ еще законъ контрастовъ. Подобно тому, какъ сильнѣйшее вытекаетъ изъ слабѣйшаго, быстрѣйшее—изъ болѣе медленнаго, такъ и изъ жизни должна возникнуть смерть, а изъ смерти—жизнь. «Поэтому-то,—говоритъ Сократъ,—изъ умершаго возникаетъ все живущее и имѣющее жизнь. А слѣдовательно, души наши послѣ смерти находятся въ аду». Итакъ, «мы признаемъ, что живые такъ же происходятъ отъ мертвыхъ, какъ и мертвые отъ живыхъ; это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что души мертвыхъ существуютъ гдѣ-то, откуда возвращаются къ жизни» (стр. 36).

Такого рода доводами старается Платонъ доказать безсмертіе души, составляющее основное начало его философіи. Онъ влагаетъ все это въ уста своего учителя Сократа въ день его смерти. Въ своихъ діалогахъ онъ старается отвѣтить на всякія возраженія. Но, несмотря на увѣренность, съ которой онъ утверждаетъ свое ученіе, все же отъ времени до времени чувствуется скептическая нота, звучащая въ его доводахъ; это-то и отличаетъ философію отъ религіи.

Очевидно, что вся система *Платона* создана для рѣшенія задачи смерти. Онъ неоднократно повторяетъ, что «настоящіе философы всю жизнь свою готовятся къ смерти; при этомъ было бы нелѣпымъ, если бы, неустанно стремясь къ этой единственной цѣли, они устранялись отъ нея и боялись, когда смерть настигнетъ ихъ» (стр. 22).

Платонъ, главнымъ образомъ, старается убѣдить самого себя въ существованіи будущей жизни: «Я стремлюсь,—говоритъ онъ,—убѣдить въ томъ, что скажу, не только присутствующихъ здѣсь, хотя, случись это, я былъ бы въ восторгѣ; но главная цѣль моя—убѣдить самого себя. Потому-то милый другъ, я разсуждаю слѣдующимъ образомъ, и ты увидишь, что разсужденіе это очень близко касается меня; если то, что я говорю, окажется правильнымъ, то слѣдуетъ вѣ-

рить ему; если же послѣ смерти нѣтъ ничего, то я все же буду имѣть ту выгоду, что не былъ вамъ въ тягость своими жалобами въ теченіе того времени, которое мнѣ остается пробыть съ вами» (стр. 74).

Сомнѣніе, являющееся у *Платона* только въ зачаточномъ состояніи, у нѣкоторыхъ другихъ философовъ древности становится гораздо болѣе выраженнымъ. Сначала Аристотель[1]) допускалъ существованіе безсмертной части души рядомъ съ частью смертной. Обѣ эти части сливались въ началѣ земной жизни и разъединялись въ концѣ ея.

Но *Аристотель* вскорѣ покинулъ эту теорію безсмертія личнаго сознанія. Позднѣе онъ очень опредѣленно высказался противъ платоновской идеи безсмертія души, что не мѣшало ему вѣрить въ нерушимость «дѣятельнаго разума», безсмертнаго духа, продолжающаго жить послѣ смерти.

Стоики еще далѣе развили подобное философское возрѣніе. Рядомъ съ индивидуальной душой они допускаютъ міровую душу, общее всеобъемлющее начало.

Цицеронъ [2]), занятый задачей старости и смерти, также старается оправдать мысль о будущей жизни. «Я убѣжденъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ *Сципіону* и *Лелію*,—что ваши знаменитые отцы, оба драгоцѣнные моему сердцу, въ настоящее время полны жизни, той, которая одна достойна этого названія; потому что тѣло для насъ—родъ темницы, въ которой мы обязаны выполнить тяжкій долгъ, насылаемый на насъ необходимостью» (стр. 269). «Видя дѣятельность человѣческаго ума, эту громадную память, обширную предусмотрительность, множество искусствъ, наукъ, открытій, я убѣдился и глубоко увѣренъ въ томъ, что природа, снабженная такими свойствами, не можетъ быть смертной. Душа въ постоянномъ движеніи; это движеніе не сообщается ей никакой внѣшней силой; она сама служитъ источникомъ его и никогда ей не будетъ конца, потому что она не можетъ отрѣшиться отъ себя самой. Кромѣ того, какъ простое вещество, безъ всякой посторонней примѣси она не дѣлима и слѣдовательно не истребима» (стр. 270). Такого рода доводами старается

1) *Zeller*: „Die Philosophie der griechen", т. II, 2 отд. Tuebingen, 1862, стр. 462, 465.
2) Полное собраніе сочиненій. Фран. перев. Парижъ, 1887 г., стр. 222—275.

Цицеронъ доказать безсмертіе души. «Вотъ почему,—добавляетъ онъ,—старость для меня не только лишена горести, но, напротивъ, полна прелести». Но въ концѣ-концовъ онъ самъ замѣчаетъ недостаточность своихъ доказательствъ, и скептическая нота становится у него еще сильнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ; онъ чувствуетъ себя вынужденнымъ сказать: «Если я ошибаюсь, вѣря въ безсмертіе души, то я люблю эту иллюзію и не хочу, чтобы она была отнята у меня, пока я живъ. Если послѣ смерти всякое чувство должно погаснуть во мнѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые полуфилософы, тогда нечего бояться, чтобы послѣ кончины моей они насмѣхались надъ моимъ заблужденіемъ» (стр. 279). Съ постепеннымъ усиленіемъ скептицизма идея безсмертія души, въ своей наивной и простой формѣ, сохраняется въ однихъ только религіозныхъ догматахъ. Философскія системы болѣе или менѣе освобождаются отъ нея, принимая взамѣнъ очень туманныя пантеистическія идеи. Сенека пытается еще отстоять положеніе о безсмертіи души; но видимо онъ не въ силахъ вѣрить въ него. Онъ приводитъ скорѣе поэтическіе, чѣмъ раціональные доводы. «Запозданія этой смертной жизни служатъ прелюдіей лучшаго и болѣе прочнаго существованія,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ писемъ.— Подобно тому какъ чрево, заключающее насъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, не производитъ насъ для вѣчнаго обитанія въ немъ, а для міра, въ который мы появляемся достаточно сильными для вдыханія воздуха и для перенесенія внѣшнихъ впечатлѣній, точно такъ же въ теченіе времени, протекающаго отъ дѣтства до старости, мы созрѣваемъ для второго рожденія. Новое начало, новый міръ ждетъ насъ. До тѣхъ поръ мы только издали въ состояніи выдержать небесное величіе. Сумѣй же, о человѣкъ, безъ ужаса думать о своемъ рѣшительномъ часѣ: онъ—послѣдній часъ для тѣла, но не для души. Смотри на всѣ окружающіе тебя предметы, какъ на обстановку гостиницы; ты долженъ идти далѣе». «День, котораго ты боишься, какъ своего послѣдняго дня, долженъ возродить тебя къ вѣчности» (стр. 111).

Но рядомъ съ этими свѣтлыми перспективами у Сенеки проскальзываютъ мрачныя мысли. «Да,—говоритъ онъ,—все существующее должно погибнуть; небытіе ждетъ все живу-

щее» (стр. 5). «Каждый день, каждый часъ открываютъ человѣку его ничтожество; неизмѣнно новый урокъ, даваемый ему жизнью, напоминаетъ ему забываемую имъ немощность, и отъ вѣчности, къ которой его уноситъ мечта, низводитъ къ мысли о смерти» (стр. 99).

Эти подъемы и пониженія мысли приводятъ къ новому, все болѣе и болѣе опредѣляющемуся воззрѣнію, *Сенека* приходитъ къ слѣдующей формулировкѣ своихъ взглядовъ на великій вопросъ человѣческаго существованія: «У всѣхъ существъ есть предназначенные періоды; они должны родиться, расти и погибнуть. Свѣтила, движущіяся надъ нами, земля, на которой мы разсѣяны и которая кажется намъ столь прочной, все это глухо подтачивается, все это конечно. Нѣтъ ничего, что не имѣло бы своей старости; хотя въ различные сроки, одинаковый конецъ ждетъ все существующее. Все существующее кончитъ небытіемъ; но міръ не погибнетъ отъ этого, — онъ растворится. Разложеніе для насъ — разрушеніе. Дѣйствительно, мы имѣли въ виду только ближайшее къ намъ; наша немощная душа, не умѣющая отдѣлять себя отъ тѣла, не видитъ ничего за его предѣлами. Между тѣмъ мы переносили бы съ гораздо большимъ мужествомъ мысль о своей кончинѣ и кончинѣ близкихъ, если бы мы были убѣждены, что природа — одна смѣна рожденій и смертей, что сложныя тѣла разлагаются, что разложившіяся тѣла вновь сливаются и что въ этомъ безконечномъ круговращеніи и проявляется могущество Бога, умѣряющаго міръ» (письмо LXXXI, собр. соч., т. I, стр. 253, франц. переводъ).

Заключеніемъ этого міровоззрѣнія представляется такая ободряющая идея: «Великая душа должна умѣть повиноваться Богу и безпрекословно подчиняться міровому закону. Если она не покидаетъ этой жизни для лучшей и для того, чтобы найти въ небесахъ болѣе блестящее и спокойное жилище, то, по крайней мѣрѣ, безъ страданій она вернется къ произведшему ее началу и сольется съ общей массой» (стр. 254)

Другими словами, за неимѣніемъ загробной жизни, которую первобытныя вѣрованія представляли себѣ довольно ясно и утѣшительно, философія не нашла ничего другого, какъ идею смиренія передъ неизбѣжными законами природы, и

ограничилась обѣщаніемъ туманнаго возврата къ какому-то общему и безконечному началу.

Идеи стоиковъ, особенно въ формѣ, приданной имъ *Сенекой*, находятъ горячаго и краснорѣчиваго сторонника въ *Маркѣ Авреліи*, «размышленія» котораго такъ извѣстны и цѣнимы всѣми.

Онъ часто касается въ нихъ задачи смерти, такъ же какъ и положенія, которое человѣкъ долженъ принять относительно нея. Вотъ почему его «размышленія» имѣютъ для насъ особенный интересъ. «Смерть,—говоритъ *Маркъ Аврелій* [1]),—такъ же какъ и рожденіе,—тайна природы. Это одни и тѣ же элементы, съ одной стороны соединяющіеся, съ другой—разлагающіеся въ одни и тѣ же начала. Въ смерти нѣтъ ничего отталкивающаго для разумнаго существа или для плана нашего строенія» (книга IV, 5). Эти мысли о смерти проникнуты неувѣренностью. «Будь это разсѣяніе, или разложеніе на атомы, или уничтоженіе, это— или потуханіе, или перемѣщеніе» (VII, 32). «Александръ Македонскій и его погонщикъ муловъ послѣ смерти свелись къ одному и тому же: или они вернулись къ одному и тому же общему міровому началу, или же оба они разсѣялись въ атомы» (VI, 24).

Несмотря на свой рѣзко выраженный деизмъ, *Маркъ Аврелій* очень нерѣшителенъ въ вопросѣ о безсмертіи души. «Если души не уничтожаются, — спрашиваетъ онъ себя, — какъ съ безконечныхъ вѣковъ вмѣщаетъ ихъ воздухъ?» (IV, 21). «Помни, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ размышленій, — твое существо, этотъ слабый составъ, должно когда-нибудь распасться; это слабое жизненное начало должно погаснуть или перейти въ другую область и получить свое назначеніе въ другомъ мѣстѣ» (VIII, 24). Легко понять, что при такой неувѣренности становится невозможнымъ утѣшаться перспективой будущей жизни. Поэтому надо найти нѣчто другое взамѣнъ этого вѣрованія, такъ долго удовлетворявшаго бѣдное человѣчество.

Маркъ Аврелій старается бороться со страхомъ смерти слѣдующимъ размышленіемъ: «Бояться смерти значитъ бояться или вовсе перестать чувствовать, или чувствовать иначе. Но

[1]) „Размышленія Марка Аврелія". Фр. пер. Алексиса Піэррона.

если ты лишенъ чувствованія, то не будешь ощущать ничего дурного; если же ты будешь чувствовать иначе, то будешь другимъ существомъ и не перестанешь жить» (VIII, 58).

Но, чувствуя, вѣроятно, что такая аргументація слишкомъ недоказательна, *Маркъ Аврелій* старается связать задачу смерти съ общими началами человѣческаго поведенія.

Какъ уже было упомянуто въ первой главѣ, *Маркъ Аврелій,* подобно многимъ философамъ древности, высказывалъ мысль, что человѣкъ долженъ жить сообразно законамъ человѣческой природы. Онъ развиваетъ это положеніе во многихъ мѣстахъ своихъ размышленій. «Смоковница дѣлаетъ то, что должна дѣлать смоковница, собака, что присуще собакѣ, пчела—присущее пчелѣ, и человѣкъ—присущее человѣку» (X, 8). Еще опредѣленнѣе высказываетъ онъ эту мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Надо жить сообразно своей природѣ» (VII, 56). «Никто не мѣшаетъ тебѣ жить согласно закону природы; съ тобой не случится ничего противнаго общему міровому закону» (VI, 58). «Пока рука выполняетъ дѣятельность руки, а нога—дѣятельность ноги, это не есть противоестественный трудъ для нихъ. То же самое для человѣка: дѣятельность его не противоестественна, пока онъ выполняетъ только человѣческую дѣятельность. А если она не противоестественна, то также и не вредна ему» (XII, 33).

Проникнутый этимъ принципомъ, *Маркъ Аврелій* примѣняетъ его къ смерти. Такъ какъ она — естественное явленіе, то ее надо принимать безропотно. Природа создала связь и она же порвала ее. «Она порвала ее? Такъ простимся, какъ прощаемся, когда оставляемъ друзей, но не раздирая своего сердца, не дожидаясь, чтобы насъ увлекли силой. Это также одна изъ вещей, сообразныхъ съ природою» (X, 36). По *Марку Аврелію,* «философія состоитъ въ томъ, чтобы ждать смерти со спокойствіемъ и видѣть въ ней одно разложеніе элементовъ, изъ которыхъ состоитъ каждое существо. Если сами элементы не ощущаютъ никакого зла отъ своего вѣчнаго превращенія одного въ другого, зачѣмъ же съ грустью смотрѣть на всеобщее измѣненіе и разложеніе? Это сообразно природѣ. Ничто же не дурно, что сообразно природѣ» (II, 17).

Такъ какъ смерть — явленіе, согласное съ природой, то остается только преклониться передъ нею. «Не призирай смерти, — говоритъ Маркъ Аврелій, — но принимай ее со смиреніемъ, какъ одно изъ явленій, свойственныхъ природѣ. Что такое переходъ отъ дѣтства къ молодости, и старость, и ростъ, и зрѣлость человѣка? Что такое ростъ зубовъ, бороды и сѣдыхъ волосъ? Что такое зачатіе, беременность, рожденіе и всякая другая дѣятельность природы, проявляющаяся въ различные періоды жизни? Сила, которая обусловитъ наше разложеніе, ничѣмъ не отличается отъ всего этого. Поэтому свойство мудраго заключается въ томъ, чтобы не обнаруживать относительно смерти ни страха, ни отвращенія, ни презрѣнія, но ждать ее какъ одну изъ функцій природы» (IX, 3).

Итакъ, отъ этой философіи остается, въ концѣ-концовъ, одно: *смиреніе*. Со смертью надо примиряться, не только когда она приходитъ въ концѣ продолжительной жизни, но и тогда, когда она настигаетъ насъ въ какой бы то ни было моментъ существованія. «Тотъ, кто умираетъ, достигнувъ послѣднихъ предѣловъ жизни, — говоритъ Маркъ Аврелій, — не имѣетъ преимуществъ передъ преждевременно умирающимъ» (IX, 33). «Безразлично, наблюдать ли окружающее въ теченіе ста лѣтъ или трехъ» (X, 37).

Въ своемъ сочиненіи о Маркѣ Авреліи *Ренанъ*[1]) сравниваетъ его философію смиренія съ Нирваною буддистовъ. «Подобно *Іисусу, Сакіа-Муни, Сократу, Франциску Ассизскому* и тремъ или четыремъ другимъ мудрецамъ, *Маркъ Аврелій* одержалъ полную побѣду надъ смертью. Онъ могъ съ улыбкою смотрѣть на нее, потому что для него она утратила значеніе».

Но подобно тому, какъ идеи *Будды* превратились въ религію, обѣщавшую безсмертіе души, и подобно тому, какъ Нирвана уступила мѣсто «западному раю» со всѣми его наслажденіями, такъ и смиренный скептицизмъ античной философіи долженъ былъ стушеваться передъ христіанствомъ съ его обѣщаніями будущей жизни и безсмертія.

Поэтому философія въ теченіе вѣковъ тонула въ волнахъ

---

1) „Origines du Christianisme“, т. VII, 6-е изд. Парижъ, 1879 г.

религіозныхъ чувствъ и идей, и пришлось возобновлять Сизифову работу для освобожденія человѣческаго разума. Здѣсь нѣтъ надобности слѣдить за этапами этого возрожденія, тѣмъ болѣе что они очень незначительны. Въ теченіе долгаго времени философскія системы изощрялись оправдать религіозные догматы отвлеченными аргументами, не прибѣгая къ божественному откровенію. При этомъ боги замѣнялись «субстанціей» или «субстанціями», а для рѣшенія тревожнаго и вѣчнаго вопроса смерти старались доказать безсмертіе души.

Философы начала этого періода въ исторіи человѣческой мысли принимаютъ главные религіозные догматы, какъ неоспоримыя начала. *Плотинъ* думаетъ, что безсмертіе души есть сама собой разумѣющаяся истина, не требующая доказательствъ. Онъ возражаетъ противъ понятія о воскресеніи тѣла, но допускаетъ переселеніе души.

Спиноза [1]) хотя и не вѣрилъ болѣе въ безсмертіе души въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но принималъ аристотелевскую идею, по которой «человѣческій разумъ не можетъ быть вполнѣ уничтоженъ вмѣстѣ съ плотью; отъ него остается нѣчто вѣчное». По его мнѣнію, смерть не что иное, какъ родъ вѣчной жизни, въ общеніи съ абсолютнымъ началомъ, возвратъ къ единому и безсмертному веществу.

Философы напрягаютъ всѣ силы, изучая основы человѣческаго знанія, для того, чтобы найти начала, способныя доказать дѣствительность главныхъ религіозныхъ догматовъ. Несмотря на своей скептицизмъ, Кантъ старается доказать достовѣрность человѣческаго сознанія и на немъ обосновать увѣренность въ будущей жизни и въ существованіи Бога.

Фихте преслѣдуетъ ту же цѣль, но онъ принужденъ признать, что «безсмертіе нельзя объяснить естественными условіями» и что «оно сверхъестественно». Если «мы не въ состояніи понять возможность вѣчной жизни, это не мѣшаетъ ей быть возможной, потому что она находится сверхъ всего естественнаго».

Гегель приходитъ къ пантеистическому воззрѣнію и думаетъ, что душа поглощается «абсолютнымъ существомъ».

Эти идеалистическія системы, доведенныя до крайности,

---

1) „Этика“, 5-я часть, 23 положеніе.

привели къ значительной реакціи и вызвали отрицаніе положеній, основанныхъ на однихъ простыхъ умозаключеніяхъ. Ихъ замѣнилъ догматическій матеріализмъ, въ свою очередь уступившій мѣсто скептическому позитивизму или, скорѣе, роду агностицизма.

При этихъ условіяхъ, въ виду невозможности поддержать идеи безсмертія души или будущей жизни въ какой бы то ни было формѣ, философія смерти свелась къ стоическому понятію о цѣлесообразности и гармоніи ея съ законами природы и о необходимости принимать ее вполнѣ безропотно. Вслѣдствіе этого послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости стало всецѣлое и полное смиреніе.

Легко понять, что нѣкоторые независимые и смѣлые умы не могли преклониться передъ такимъ результатомъ и пытались найти другое рѣшеніе великой задачи, занимающей человѣчество. Отсюда вытекаетъ пессимизмъ, философское ученіе, имѣвшее столько сторонниковъ въ прошломъ вѣкѣ и парящее еще надъ многими современными умами.

Какъ вѣра въ безсмертіе души и идея смиренія передъ всѣми бѣдами, угрожающими человѣчеству, такъ точно и пессимистическое міровоззрѣніе имѣетъ экзотическое происхожденіе. По всей вѣроятности колыбелью его служитъ Индія. Уже браманизмъ отличается пессимистическимъ взглядомъ на жизнь человѣческую; но та мысль, что все дурно въ этомъ мірѣ, была, главнымъ образомъ, развита ученіемъ Будды. «Жизнь всегда — страданіе; такова неисчерпаемая тема, которую неустанно преподносятъ намъ буддистскія сочиненія то въ видѣ философскихъ разсужденій, то въ поэтической формѣ изреченій» (*Ольденбергъ*, l. c., стр. 215).

Въ Европѣ пессимистическое міровоззрѣніе было введено лирическими поэтами, благодаря ихъ столь развитой чувствительности. Въ самомъ началѣ XIX вѣка у Байрона звучитъ эта грустная нота: онъ очень опредѣленно формулируетъ свою оцѣнку жизни, какъ это показываютъ слѣдующія строки [1]): «сочтите часы счастья, пережитые вами, сочтите дни, проведенные безъ страданій, и знайте, кто бы вы ни были, что еще лучше — не быть». Мысль эта еще опредѣленнѣе въ

---

1) *Байронъ*: Полное собраніе сочиненій „Эутаназія“.

нѣкоторыхъ другихъ стихахъ,—такъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ:

„Жизнь наша ложна по своей сущности. Она не находится въ гармоніи съ міромъ; законъ жестокій—она неизгладимо запятнана грѣхомъ. Безграничный этотъ Упасъ, это древо, отъ котораго все блекнетъ! Земля—его корни, листъ и вѣтви его—небеса, росою проливающія на человѣка болѣзнь, смерть, рабство—все видимое зло и, что хуже, невидимое, которое въ душѣ неизлѣчимой, которое терзаетъ сердцѣ, страданія его возобновляя вѣчно“ [1]).

Въ 6-й главѣ мы видѣли, что страхъ смерти преслѣдовалъ Байрона. Поэтому онъ хорошо понималъ инстинктивный характеръ этого чувства. Но онъ, какъ и другіе поэты-пессимисты *(Леопарди)*, не облекъ своего міровоззрѣнія въ форму цѣльной системы. Пробѣлъ этотъ былъ пополненъ философами.

Въ первой половинѣ XIX вѣка *Шопенгауэръ* сдѣлалъ попытку представить пессимистическія идеи, заимствованныя у индійскихъ религій и у поэтовъ, въ видѣ раціональнаго философскаго построенія. Онъ развиваетъ міровоззрѣніе, по которому «жизнь разсматривается какъ нѣчто, чему лучше было бы вовсѣ не быть», какъ родъ заблужденія, «отъ котораго мы должны избавиться путемъ сознанія его» [2]). По мнѣнію *Шопенгауэра*, существованіе наше—ошибка и результатъ преступнаго желанія; «если представить себѣ, насколько это возможно, множество бѣдствій, страданій и всякаго рода мукъ, освѣщаемыхъ солнцемъ на своемъ пути, то станетъ понятнымъ, что лучше бы ему производить на землѣ такъ же мало жизненныхъ явленій, какъ на лунѣ, и что лучше было бы, если бы поверхность первой, какъ и луны, оставалась въ кристаллизованномъ состояніи. На нашу жизнь можно смотрѣть, какъ на эпизодъ, напрасно смущающій спокойное блажен-

---

[1]) Our life is a false nature,—t'is not in
The harmony of things; this hard decree,
This uneradicable taint of sin,
This boundless Upas, this all-blasting tree
Whose root is earth, whose leaves and branches be
The skies, wich rain theis plagues on men like dew—
Disease, death, bondage—all the woes we see—
And warse, the woes we see not-which throb through
The immedicabe soul, with heart-aching ever new.

[2]) Parerga und Paralipomena, Ed. Reclam, т. II, стр. 267.

ство небытія и имѣющій характеръ громаднаго обмана» (id., стр. 253).

Эта грустная картина бытія—результатъ космическаго процесса, создавшаго столько бѣдствій и приведшаго къ роду человѣческому для того, чтобы онъ могъ достаточно почувствовать и оцѣнить все зло этого міра. Низшія существа счастливѣе человѣка, потому что ихъ ощущенія менѣе развиты и они не сознаютъ всей дурной стороны своего бытія. Человѣкъ оцѣниваетъ удовольствіе только какъ нѣчто отрицательное, въ то время какъ страданіе даетъ себя чувствовать вполнѣ положительнымъ образомъ. Свойственное человѣку размышленіе дѣлаетъ страданіе еще невыносимѣе для него. «Благодаря всему этому, ощущеніе страданія возрастаетъ у человѣка быстрѣе, чѣмъ ощущеніе удовольствія, и увеличивается еще совершенно особеннымъ образомъ, благодаря реальному представленію смерти. Животное боится смерти только инстинктивно, не создавая себѣ о ней настоящаго представленія, не видя ея передъ глазами какъ человѣкъ, постоянно имѣющій ее въ виду» (id., стр. 251).

Шопенгауэръ убѣжденъ, что счастье не можетъ составлять цѣли человѣческой жизни. «Существуетъ одно только пагубное заблужденіе,—говоритъ онъ въ своемъ главномъ сочиненіи [1]),—это—предположеніе, что мы здѣсь—для счастья». «Пока мы остаемся въ этомъ заблужденіи, увеличенномъ еще оптимистическими ученіями, міръ является намъ полнымъ противорѣчій». «Было бы справедливѣе видѣть цѣль нашей жизни въ страданіяхъ нашихъ, а не въ счастіи». «Все существованіе человѣка указываетъ, что страданіе—его настоящій удѣлъ. Жизнь глубоко погружена въ страданіе и не можетъ избавиться отъ него. Появленіе наше на свѣтъ сопровождается плачемъ; теченіе жизни въ сущности всегда трагично и еще болѣе—ея исходъ. Невозможно отрицать во всемъ этомъ печати предопредѣленія». «На смерть надо смотрѣть какъ на главную цѣль жизни: въ моментъ ея прихода разрѣшается все, что подготовлялось въ теченіе жизни».

Предвидѣніе и ожиданіе смерти, какъ требующія содѣйствія разума, возможны только для человѣка, но не для живот-

---

[1]) „Die Welt als Wille und Vorstellung". Leipzig, т. II, стр. 726.

ныхъ; «на одной только человѣческой ступени способна воля отречься и отвернуться отъ жизни» (id., стр. 730).

Гдѣ же средство для разрѣшенія всѣхъ этихъ противорѣчій и для объясненія космическаго процесса, приводящаго, съ одной стороны, къ смерти, а съ другой—развивающаго умъ до предвидѣнія и страха этого неизбѣжнаго конца? Есть ли это безсмертіе души, т.-е. рѣшеніе, поддерживаемое не только почти всѣми религіями, но также и многими философскими системами?

Шопенгауэръ разсматриваетъ на многихъ страницахъ этотъ вопросъ. Онъ не сторонникъ ни воскрешенія тѣла, ни безсмертія сознательной души. «Подобно тому, какъ человѣкъ не имѣетъ никакого воспоминанія о существованіи своемъ до рожденія, точно такъ же и послѣ смерти у него не можетъ оставаться никакого воспоминанія о его настоящей жизни» (W. a. W. II, стр. 559). «Тотъ, кто смотритъ на рожденіе человѣка, какъ на настоящее началю его бытія, принужденъ смотрѣть на смерть, какъ на конечный его предѣлъ, потому что оба явленія равнозначащи. Слѣдовательно, никто не можетъ считать себя безсмертнымъ иначе, какъ если онъ считаетъ себя неродившимся. По своей сущности и значенію смерть то же, что и рожденіе. Это та же прямая линія, проведенная въ двухъ направленіяхъ. Если рожденіе дѣйствительно происходитъ изъ небытія, то и смерть должна быть настоящимъ уничтоженіемъ» (id., стр. 555).

Итакъ, личнаго безсмертія не существуетъ. Впрочемъ, по мнѣнію *Шопенгауэра*, требовать этого безсмертія значило бы «увѣковѣчивать заблужденіе, потому что, въ сущности, каждая индивидуальность представляетъ не что иное, какъ частную ошибку, ложный шагъ, нѣчто такое, чему бы лучше вовсе не быть, и даже такое, освободиться отъ чего было бы истинной цѣлью жизни» (id., стр. 561).

Но если человѣкъ, какъ личность, смертенъ, «тѣмъ не менѣе смерть не можетъ взять болѣе того, что было дано рожденіемъ, т.-е. начала, благодаря которому послѣднее стало возможнымъ» (стр. 564). Сознаніе погибаетъ со смертью, но причина, произведшая это сознаніе, остается; «жизнь потухаетъ, но не жизненный принципъ, обнаруживающійся въ ней» (стр. 566.)

Что же это за вѣчный принципъ? Это—идея вида или рода. Люди и собаки, какъ индивидуумы, вскорѣ погибаютъ, но родъ людской или собачій, понятіе о человѣкѣ или о собакѣ остаются навсегда. Здѣсь *Шопенгауэръ* возвращается къ возраженіямъ *Спинозы*, также отрицавшаго безсмертіе души, но, несмотря на это, вѣрившаго въ вѣчность жизненнаго начала. По мнѣнію *Шопенгауэра*, это вѣчное начало есть воля въ ея наиболѣе общемъ и метафизическомъ смыслѣ; наоборотъ, смертная душа,—это разумъ, продуктъ мозговой дѣятельности.

Вѣчное жизненное начало есть нѣчто, совершенно неопредѣлимое, потому что мы не можемъ перейти предѣловъ сознанія. Вотъ почему вопросъ, въ чемъ суть этого начала... не можетъ быть рѣшенъ (стр. 566).

Самъ *Шопенгауэръ* признаетъ, что такое рѣшеніе задачи не можетъ успокоить тѣхъ, которые желаютъ имѣть увѣренность въ безсмертіи души. «Но,—продолжаетъ онъ,—все же это есть нѣчто, такъ что кто боится абсолютнаго уничтоженія, не долженъ пренебрегать полною достовѣрностью вѣчнаго существованія наиболѣе сокровеннаго принципа его жизни» (стр. 537).

Съ другой стороны, не слѣдуетъ терять изъ виду, что природа заботится только о сохраненіи вида; личность для нея безразлична, мы же составляемъ частицу природы и, слѣдовательно, должны бы раздѣлять ея стремленія. «Если бы мы хотѣли стать на болѣе глубокую точку зрѣнія, то должны были бы согласоваться съ природой и смотрѣть на смерть и на жизнь, какъ на вещи вполнѣ безразличныя (стр. 540).

Шопенгауэръ самъ чувствуетъ недостаточность своихъ воззрѣній и доводовъ. «Достигнувъ вершины своего ученія», онъ признаетъ, «что оно имѣетъ отрицательный характеръ и приводитъ къ отрицанію. Оно можетъ говорить только о томъ, что отрицаетъ и что должно быть отброшеннымъ; но оно вынуждено признавать ничтожнымъ все, что получается сверхъ этого. Оно можетъ прибавить въ утѣшеніе, что здѣсь идетъ дѣло объ относительномъ, а не абсолютномъ небытіи» (стр. 700).

Конечною цѣлью остается «отрицаніе воли жить, такъ какъ бѣдствія и страданія, это настоящее назначеніе человѣческой жизни, приводятъ насъ къ смиренію» (стр. 694).

Такъ какъ существованіе наше есть лишь рядъ несчастій

и такъ какъ, по *Шопенгауэру*, настоящая философія и приходитъ къ этому выводу, то очевидно, что конецъ индивидуальнаго существованія, т.-е. смерть, можетъ быть только пріятнымъ. «Въ общемъ смерть добродѣтельнаго человѣка обыкновенно спокойна и тиха. Но умирать свободно, съ удовольствіемъ и радостью есть привилегія человѣка смирившагося и отказавшагося отъ воли жить, потому что онъ хочетъ умереть дѣйствительно, а не только по виду, не испытывая потребности въ переживаніи своей личности и не требуя его. Онъ охотно покидаетъ извѣстное намъ существованіе. То, что замѣняетъ его, съ нашей точки зрѣнія есть ничто, потому что наша жизнь сравнительно съ его жизнью есть тоже ничто. Буддистская вѣра вызываетъ результатъ, къ которому приходитъ человѣкъ, рѣшившійся отвергнуть волю жить,—*Нирваною*, т.-е. небытіемъ» (стр. 581).

На основаніи всей совокупности этого пессимистическаго ученія *Шопенгауэра* можно было бы думать, что лучшимъ средствомъ рѣшить великую задачу жизни и смерти было бы «отречься отъ воли жить», покончивъ съ жизнью самоубійствомъ. Но не таково мнѣніе философа. Онъ, конечно, не присоединяется къ тѣмъ, которые считаютъ самоубійство преступленіемъ (Parerga, т. II, стр. 258). Онъ думаетъ только, что не въ немъ настоящее рѣшеніе вопроса. «Самоубійца отрицаетъ личность, но не видъ». «Самоубійство есть свободное уничтоженіе отдѣльнаго явленія, но это нисколько не касается существа дѣла» («Die Welt als Wille», т. I, стр. 472).

Будучи убѣжденъ, что самоубійство не есть настоящее рѣшеніе вопроса, *Шопенгауэръ* очень дорожилъ жизнью. Не вѣря болѣе въ безсмертіе души, онъ довольствовался идеей вѣчности нѣкотораго общаго, но не сознательнаго принципа жизни, и думалъ, что смиреніе и стремленіе къ небытію (къ Нирванѣ, по его объясненію ученія Будды) дѣйствительно могутъ утѣшить во всѣхъ бѣдахъ человѣческаго существованія.

Долгое время идеи *Шопенгауэра* не встрѣчали отклика въ общемъ мнѣніи мыслителей. Но позднѣе онѣ распространились все болѣе и болѣе, и философскій пессимизмъ вошелъ въ моду.

Тѣ, которые не принимали метафизическихъ посылокъ философіи *Шопенгауэра*, считали, однако, очень справедливыми

его критику состоянія человѣчества и его мнѣніе о невозможности счастья.

Какъ разъ черезъ полвѣка послѣ появленія главнаго труда *Шопенгауэра* («Die Welt als Wille und Vorstellung») другой нѣмецкій философъ, *Эдуардъ Гартманнъ* [1]), попытался сдѣлать новый шагъ въ томъ же направленіи. Не принимая всей метафизики *Шопенгауэра*, онъ раздѣляетъ его мнѣніе о невозможности считать счастіе настоящею цѣлью существованія. Въ доказательство этого положенія онъ разсматриваетъ три стадіи иллюзій, черезъ которыя прошло человѣчество.

На первой думали, что счастье можетъ быть достигнуто въ настоящей жизни. Но все считавшееся источникомъ счастья: молодость, здоровье, утоленіе голода, супружеская и семейная любовь, жажда славы и т. д., приводило къ полному разочарованію. Особенно строго критикуетъ *Гартманнъ* любовь въ тѣсномъ смыслѣ слова. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что «любовь доставляетъ заинтересованнымъ лицамъ гораздо болѣе страданій, чѣмъ удовольствія» (стр. 560). «Поэтому несомнѣнно, что разсудокъ долженъ бы совѣтовать полное воздержаніе отъ любви» и, какъ средство для достиженія этой цѣли, «уничтоженіе полового влеченія, т.-е. кастрацію, если послѣдняя дѣйствительно устраняетъ половое влеченіе» (стр. 565). По мнѣнію *Гартманна*, съ точки зрѣнія личнаго счастія, «это единственный возможный результатъ». Поэтому только жертвуя этимъ счастіемъ, человѣкъ можетъ рѣшиться любить съ цѣлью сдѣлать возможной эволюцію космическаго процесса.

Когда человѣчество убѣдилось въ невозможности достичь счастія въ этомъ мірѣ, оно вообразило, что цѣль эта можетъ быть достигнута послѣ смерти, въ загробной жизни. Но это было только второй стадіей иллюзіи, основанной на вѣрѣ въ будущую вѣчную жизнь.

Несомнѣнно, «что индивидуальность органическаго тѣла, точно такъ же какъ и сознанія — одна видимость, исчезающая послѣ смерти...» (стр. 603), и нетрудно, слѣдовательно, признать, заключаетъ *Гартманнъ*, что надежда личнаго безсмертія души также не что иное какъ иллюзія. Этимъ са-

---

[1]) „Philosophie des Unbewussten" .Berlin, 1869.

мымъ подрывается главная основа обѣщаній религій, такъ какъ человѣкъ дорожитъ однимъ своимъ драгоцѣннымъ *я* и нисколько не интересуется будущимъ благомъ, если не онъ самъ его ощущаетъ и имъ пользуется (стр. 606).

Разочаровавшись въ возможности достичь счастья въ настоящей и въ будущей жизни, человѣчество бросилось въ объятія третьей иллюзіи.

Все же, убѣжденное, что цѣль его есть истинное счастье, оно предположило, будто достигнетъ его лишь въ будущія времена космическаго процесса. Гипотеза эта основана на вѣрѣ въ прогрессивное міровое развитіе.

Но и это — заблужденіе. «Сколько бы человѣчество ни шло впередъ, — говоритъ *Гартманнъ*, — никогда не удастся ему не только устранить, но даже уменьшить главныя бѣды, его гнетущія: болѣзнь, старость, зависимость отъ воли и власти другихъ, нищенство и недовольство. Сколько бы лѣкарствъ ни нашли противъ болѣзней, число послѣднихъ, особенно столь мучительныхъ хроническихъ болѣзней, все же будетъ возрастать быстрѣе, чѣмъ успѣхъ медицины. Всегда веселая молодость будетъ составлять лишь частицу у человѣчества, въ то время какъ остальная часть его будетъ охвачена угрюмою страстью» (стр. 615).

Гартманнъ дѣлаетъ слѣдующія возраженія противъ идеи, будто счастье должно быть достигнуто по мѣрѣ прогрессированія человѣчества: «изъ всѣхъ народовъ самые довольные — наиболѣе грубые и первобытные; у культурныхъ же — наименѣе образованные. Прочно установлено, что съ прогрессомъ народнаго образованія увеличивается и его недовольство» (стр. 616).

«Съ теоретической точки зрѣнія, научные успѣхи только мало или даже вовсе не способствуютъ счастію. Съ практической — они служатъ на пользу политики, соціальной жизни, нравственности и техники». «Фабрики, пароходы, желѣзныя дороги и телеграфы еще не дали ничего положительнаго для счастья людского» (стр. 621).

Гартманнъ нѣсколько разъ возвращается къ тому выводу, что первобытные народы счастливѣе цивилизованныхъ, что «бѣдные, нищіе и грубые классы счастливѣе богатыхъ, благородныхъ и образованныхъ, что глупцы счастливѣе ум-

ныхъ и что вообще существо тѣмъ счастливѣе, чѣмъ его нервная система нечувствительнѣе, такъ какъ при этихъ условіяхъ избытокъ страданія надъ удовольствіемъ менѣе великъ, а сохраненіе иллюзій значительнѣе. Съ прогрессивнымъ же развитіемъ человѣчества получается не только нарастаніе богатствъ и потребностей, но и увеличеніе чувствительности нервной системы и умственной культуры. Вслѣдствіе этого также обнаруживается излишекъ воспринятаго страданія въ сравненіи съ удовольствіемъ и разрушеніе иллюзіи, т.-е. сознаніе жизненныхъ бѣдъ, суетности большинства удовольствій и чувство страданія. Опытъ показываетъ, что само страданіе растетъ вмѣстѣ съ сознаніемъ его. Итакъ, это столь часто провозглашенное увеличеніе общаго блага, связанное съ міровымъ прогрессомъ, основывается на совершенно поверхностномъ представленіи» (стр. 624.)

Придя къ такому пессимистическому заключенію, т.-е. къ невозможности достиженія счастья человѣчествомъ, *Гартманнъ* спрашиваетъ себя, каково же настоящее назначеніе человѣка?

Гартманнъ не былъ бы философомъ, если бы не признавалъ, что міръ созданъ по общему плану и что онъ слѣдуетъ правильному процессу развитія и идетъ къ опредѣленной цѣли. «Мы видѣли, — говоритъ онъ, — что въ существующемъ мірѣ все организовано наимудрѣйшимъ и вообще наилучшимъ образомъ и что его надо считать наилучшимъ изъ всевозможныхъ міровъ. Несмотря на это, положеніе вещей несравненно бѣдственнѣе и хуже, чѣмъ если бы его не было».

Убѣдившись въ обманчивости всѣхъ своихъ надеждъ, «человѣчество окончательно отказывается отъ какого бы то ни было положительнаго счастья и жаждетъ одного полнаго отсутствія страданій, небытія, Нирваны. Но здѣсь уже идетъ дѣло не о стремленіи, обнаруженномъ какимъ бы то ни было отдѣльнымъ индивидуумомъ, но обо всемъ человѣчествѣ, жаждущемъ уничтоженія, небытія. Этотъ исходъ третьей и послѣдней стадіи иллюзіи — единственный, который можно себѣ представить» (стр. 626).

Какими же средствами можно было бы достигнуть такого результата? Гартманнъ не считаетъ самоубійства лучшимъ средствомъ противъ человѣческихъ бѣдствій. Въ этомъ отношеніи онъ сходится съ *Шопенгауэромъ* и думаетъ, что такой

конецъ ничего не измѣнилъ бы въ общемъ ходѣ космическаго процесса. Задача не можетъ быть также разрѣшена отреченіемъ отъ удовольствій, аскетизмомъ. Даже воздержаніе отъ воспроизведенія себѣ подобныхъ не привело бы ни къ чему. «Къ чему бы послужило,—говоритъ Гартманнъ,—исчезновеніе человѣчества путемъ полового воздержанія? Этотъ несчастный міръ продолжалъ бы существовать, и безсознательное не замедлило бы воспользоваться первымъ случаемъ для созданія новаго человѣка или аналогичнаго ему типа» (стр. 636).

Итакъ, не исчезновеніе человѣчества составляетъ цѣль его, а «полное предоставленіе индивидуальности космическому процессу, дабы послѣдній могъ достичь своей цѣли—всеобщаго мірового освобожденія» (стр. 638). При этихъ условіяхъ жизненный инстинктъ входитъ въ свои права, такъ что временно приходится допустить единственной истиной «утвержденіе воли жить однимъ только полнымъ примиреніемъ съ жизнью и ея страданіями, а не трусливымъ отреченіемъ и уклоненіемъ отъ нихъ, можно сколько-нибудь содѣйствовать космическому процессу» (стр. 638).

Предлагаемое *Гартманномъ* рѣшеніе задачи человѣческаго существованія вполнѣ входитъ въ разрядъ системъ, проповѣдующихъ смиреніе. Не будучи въ состояніи объяснить намъ, въ чемъ именно заключается космическій процесъ, которому человѣчество должно изо всѣхъ силъ способствовать, но совѣтуя людямъ продолжать жить и размножаться, несмотря на убѣжденіе въ томъ, что счастье никогда не будетъ достигнуто, *Гартманнъ* требуетъ настоящаго отреченія и полнаго смиренія. Его рѣшеніе кажется болѣе опредѣленнымъ и дающимъ болѣе ясную программу для человѣческаго поведенія, чѣмъ предлагаемое *Шопенгауэромъ* стремленіе къ покою Нирваны. Но стоитъ ближе присмотрѣться, чтобы увидѣть, что опредѣленность эта только кажущаяся.

Легко понять, что при этихъ условіяхъ критическая или отрицательная часть ученій пессимистовъ привлекла многихъ сторонниковъ. Наоборотъ, только немногіе приняли идеи пессимистовъ въ смыслѣ разрѣшенія жизненныхъ затрудненій и противорѣчій.

Нѣмецкій философъ *Майнлендеръ* [1]), вполнѣ раздѣляющій

---

[1]) „Die Philosophie der Erlösung", 2 т. 3 изд. Франкфуртъ-на-Майнѣ, 1894.

идеи Шопенгауэра относительно страданій человѣческаго существованія, возражаетъ противъ его мнѣнія о смиреніи и Нирванѣ, какъ рѣшенія общей жизненной задачи. *Майнлендеръ* также охотно принимаетъ установленные Гартманномъ три періода иллюзій человѣчества, но онъ рѣзко возстаетъ противъ принятія воли жить съ цѣлью содѣйствовать космическому процессу. «Какъ!—говоритъ онъ,—вы совѣтуете предоставить себя общему міровому ходу и въ то же время проповѣдуете: избери себѣ какую-нибдуь карьеру, изучи какое-нибудь ремесло, зарабатывай деньги, богатство, славу, могущество, почести и т. д.; женись, рождай дѣтей! Другими словами, вы собственноручно разрушаете единственную цѣнную сторону вашего труда: анализъ иллюзій. Вы внезапно совѣтуете тому, кто проникъ въ смыслъ всѣхъ иллюзій, подчиняться имъ, точно иллюзія, съ которой сорвано покрывало, —все еще иллюзія и можетъ обнаруживать какое-нибудь дѣйствіе!» (т. II, стр. 637).

Вся задача совсѣмъ иначе представляется *Майнлендеру*. Убѣжденный, какъ и предшественники его, въ суетности счастья, онъ совершенно своеобразно рисуетъ себѣ космическій процессъ. Онъ думаетъ, что неопредѣлимое божество существовало до міра. Прежде чѣмъ исчезнуть, «оно дало начало вселенной». Послѣдняя стала средствомъ для достиженія полнаго небытія. «Міръ,—говоритъ *Майнлендеръ*,—есть средство для цѣли небытія и даже единственное возможное средство для этой цѣли. Богъ нашелъ, что ему возможно только черезъ развитіе реальнаго міра... перейти отъ бытія къ небытію». Во всякомъ случаѣ *Майнлендеръ* считаетъ совершенно достовѣрнымъ, что «вселенная движется въ направленіи небытія» (т. I, стр. 325). Движеніе это характеризуется ослабленіемъ суммы силъ. Вслѣдствіи такого ослабленія своей силы каждый индивидуумъ въ своемъ развитіи дойдетъ до такой ступени, когда его желаніе небытія сдѣлается осуществимымъ (стр. 327). Жизнь на нашей планетѣ слѣдуетъ считать ступенью по направленію къ смерти.

Для того, чтобы хорошо оцѣнить все счастіе смерти, необходимо достаточно извѣдать жизнь, и вотъ почему у всѣхъ животныхъ такъ развито чувство самосохраненія. Человѣкъ сначала проходитъ черезъ ступень развитія, на которой онъ

похожъ на всякое другое животное: «какъ у таковаго, воля жить у него стоитъ впереди воли умереть; жить ему хочется дьявольски, и въ такой же степени ненавидитъ онъ смерть».

«Сначала, съ одной стороны, преувеличивается страхъ смерти, а съ другой — любовь къ жизни. Страхъ смерти усиливается. Животное не знаетъ смерти и боится ея только инстинктивно, замѣчая какую-нибудь опасность. Наоборотъ, человѣкъ хорошо знакомъ со смертью и понимаетъ ея значеніе. Онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своей прошлой жизни и старается узнать, что предстоитъ ему въ будущемъ. Такимъ образомъ, онъ замѣчаетъ гораздо больше, даже безъ сравненія, опасностей, чѣмъ животное».

Въ продолженіе этого періода человѣкъ всячески избѣгаетъ смерти и старается сдѣлать свою жизнь какъ можно болѣе счастливой и утонченной.

Но не это есть послѣдняя фаза его развитія. Мыслитель вскорѣ приходитъ къ тому убѣжденію, что жажда жизни не составляетъ настоящей цѣли вселенной. Она служитъ только средствомъ для познанія глубокой и конечной цѣли существованія, которая заключается въ прекращеніи жизни. Философъ вскорѣ замѣчаетъ, что настоящее счастье невозможно и что одна смерть желательна.

Подводя итогъ всему этому космическому процессу, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: «все на свѣтѣ представляетъ собою волю умереть; она только болѣе или менѣе замаскирована, когда въ органическомъ мірѣ является въ видѣ воли жить» (стр. 334). Въ концѣ-концовъ, однако, воля умереть все болѣе и болѣе обрисовывается, такъ что философъ «во всей вселенной видитъ одно глубочайшее желаніе полнаго уничтоженія и ему чудится, будто онъ ясно слышитъ призывъ, проникающій во всѣ сферы небесныя: Освобожденіе! Освобожденіе! Смерть нашей жизни! И утѣшительный отвѣтъ: Всѣ вы найдете уничтоженіе и освобожденіе!» (стр. 335).

Чтобы нагляднѣе показать ходъ этой эволюціи, *Майнлендеръ* рисуетъ душевное состояніе того, кто приходитъ къ волѣ умереть и кончаетъ жизнь самоубійствомъ. «Сначала онъ бросаетъ тревожный взглядъ на смерть и съ ужасомъ отворачивается отъ нея. Затѣмъ онъ съ трепетомъ вращается вокругъ нея отдѣльными кругами. Но каждый день круги эти стано-

вятся уже и, въ концѣ-концовъ, онъ усталыми объятіями обнимаетъ смерть и смотритъ ей прямо въ глаза: тогда обрѣтаетъ онъ покой, тихій покой» (стр. 349).

Нелѣпо вѣрить, будто послѣ смерти ждетъ насъ что бы то ни было, кромѣ полнаго уничтоженія. Обыкновенный человѣкъ боится этой перспективы, «но главное въ томъ, чтобы человѣкъ овладѣлъ вселенной при помощи науки», и «мудрецъ прямо и радостно смотритъ въ глаза полному уничтоженію» (стр. 358).

«Исходя изъ воли жить *Шопенгауэра*,— говоритъ *Майнлендеръ*,— я пришелъ къ волѣ умереть, какъ къ конечному заключенію. Становясь на плечи *Шопенгауэра*, я поднялся до точки зрѣнія, никѣмъ не достигнутой раньше меня». «Въ настоящее время я одинъ; но за мной — все человѣчество, жаждущее освобожденія и цѣпляющееся за меня; и я вижу передъ собою свѣтлую и лучезарную зарю будущихъ временъ» (т. II, стр. 242).

Я остановился на этомъ изложеніи не вслѣдствіе прочности доводовъ *Майнлендера*, но исключительно въ виду того, что этотъ философъ-пессимистъ оказался гораздо послѣдовательнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Въ то время, какъ *Шопенгауэръ* и *Гартманнъ*, несмотря на глубокое убѣжденіе въ отсутствіи счастья и въ громадномъ преобладаніи страданія при всевозможныхъ условіяхъ существованія, все же продолжали жить, *Майнлендеръ*, вѣрный своей теоріи, покончилъ самоубійствомъ, едва достигнувъ 35 лѣтъ.

По всей вѣроятности, примѣръ этотъ не единственный. Нѣкоторые молодые люди, особенно недостаточно уравновѣшенные, подъ вліяніемъ пессимистической философіи избираютъ путь, столь трагически намѣченный *Майнлендеромъ*. Иные лишаютъ себя жизни, другіе воздерживаются отъ содѣйствія въ размноженіи человѣчества. Наконецъ, третьи, и эти наиболѣе многочисленны, сокращаютъ существованіе неразумнымъ образомъ жизни въ томъ убѣжденіи, что жизь не стóитъ того, чтобы быть сохраненной.

Талантливый современный писатель *Метерлинкъ* представляетъ собою отголосокъ царящаго въ современномъ поколѣніи пессимистическаго взгляда на жизнь. «Очевидно [1]), — го-

[1]) „Le Temple enseveli", 1902.

ворить онъ, — что съ извѣстной точки зрѣнія люди всегда будутъ, повидимому, несчастными и всегда будутъ казаться, что они влекомы къ неизбѣжной безднѣ; потому что они всегда будутъ обречены болѣзни, непостоянству вещества, старости и смерти». «Да, жизнь человѣческая въ общемъ — довольно грустная вещь, и легче, скажу даже почти пріятнѣе, говорить о ея печаляхъ и выставлять ихъ на свѣтъ, чѣмъ выискивать и выхваливать ея утѣшительныя стороны. Печали многочисленны, видимы, неопровержимы, утѣшенія же, или скорѣе разсужденія, позволяющія намъ съ извѣстной легкостью выносить удѣлъ жизни, кажутся рѣдкими, неясными, скудными» (стр. 163).

Хотя пессимистическія идеи очень развились и распространились въ теченіе XIX вѣка, тѣмъ не менѣе не было недостатка и въ голосахъ, возстававшихъ противъ такого отрицательнаго міровоззрѣнія. Приведемъ мнѣніе нѣмецкаго поэта *Роберта Гаммерлинга*[1]). Онъ укоряетъ философовъ-пессимистовъ въ томъ, что они не имѣютъ въ виду оцѣнки большинства человѣчества, желающаго одного только: жить, жить во что бы то ни стало и при какихъ бы то ни было условіяхъ. Всѣ доктринальныя разсужденія безсильны противъ этого, такъ какъ, по *Гаммерлингу*, вопросъ удовольствія и страданія—дѣло чувства, а не размышленія. Между тѣмъ общее чувство внѣ сомнѣнія: оно явно оптимистично.

Подобное же положеніе отстаивалъ хорошо извѣстный публицистъ *Максъ Нордау* [2]). По его мнѣнію, все въ живой природѣ доказываетъ, что основа ея вполнѣ оптимистична. «По правдѣ сказать,—говоритъ онъ,—оптимизмъ, безграничный и неискоренимый оптимизмъ, составляетъ основное возрѣніе человѣка, инстинктивное чувство, свойственное ему при всякихъ условіяхъ» (стр. 111). Другія живыя существа только подтверждаютъ эту истину. «Природа, — по мнѣнію Нордау,—всѣми вѣнчиками своихъ цвѣтовъ и всѣми голосами своихъ птицъ, трубитъ и провозглашаетъ оптимизмъ» (стр. 89). «Ни одно животное не ощущаетъ міровой скорби, и предокъ нашъ, современникъ пещернаго медвѣдя, конечно,

---

[1]) Цитировано у *Штейнера* „Welt und Lebensanschauungen im XIX Jahrhundert“, 1901, т. II, стр. 170—173.

[2]) „Paradoxes psychologiques“, Парижъ, 1900 г., стр. 71.

не былъ удрученъ мыслью о предназначенiи человѣчества» (стр. 90).

Въ этихъ соображенiяхъ не принято во вниманiе то, что пессимизмъ вовсе не долженъ одинаково ощущаться и оцѣниваться всѣми живыми существами. Птицы и другiя жизнерадостныя, т.-е. оптимистическiя, животныя не имѣютъ никакого представленiя о неизбѣжной смерти. Наши пещерные предки также не подозрѣвали ея. Если даже огромное большинство современнаго человѣчества оптимистично, то это, быть можетъ, зависитъ отъ того, что оно погружено въ одну изъ трехъ стадiй иллюзiй, о которыхъ говоритъ *Гартманнъ*. Только иногда, когда развитiе достигаетъ высшей своей ступени, человѣкъ убѣдившись въ суетности всѣхъ своихъ надеждъ, приходитъ къ пессимистическому мiровоззрѣнiю.

Максъ Нордау не хочетъ быть принятымъ за ученика мудраго *Панглосса*, утверждавшаго, что мiръ нашъ—лучшiй изъ мiровъ. Однако его доводы указываютъ на чрезмѣрный оптимизмъ. Онъ думаетъ, что страданiе необходимо для поддержанiя существованiя. «Безъ страданiя,—говоритъ онъ,—жизнь наша едва ли могла бы продлиться болѣе мгновенiя, потому что мы не умѣли бы отличать вредныхъ влiянiй и остерегаться ихъ» (стр. 92). Нечувствительность къ боли — такой дурной признакъ, что больные испытываютъ большую радость, когда вновь начинаютъ чувствовать уколы иглы.

Это вѣрно; тѣмъ не менѣе болевая функцiя, конечно, дурно организована у животныхъ и у человѣка. Часто незначительныя причины и ничтожныя болѣзни, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя невралгiи, вызываютъ нестерпимую боль. Такое физiологическое явленiе, какъ роды, большею частью сопровождается въ высшей степени сильными болями, совершенно безполезными въ смыслѣ «показателей опасности».

Съ другой стороны, иныя въ высшей степени серьезныя болѣзни, какъ ракъ и воспаленiе почекъ, въ продолженiе долгаго времени развиваются, не вызывая ни малѣйшаго ощущенiя боли. Вслѣдствiе этого вниманiе больного привлекается только тогда, когда уже пропущено время для всякаго лѣченiя. Тоже можно сказать относительно сифилитическихъ пораженiй, могущихъ грозить здоровью и жизни. Пораженiя эти не сопровождаются болѣзненными ощущенiями, чѣмъ от-

личаются отъ простого шанкра, болѣзни сравнительно очень безобидной, однако вызывающей сильныя боли.

Для выполненія той роли, которую приписываетъ ей *Нордау*, боль должна была бы обнаружиться во всѣхъ случаяхъ опасности, не достигая, однако, степеней, столь часто нестерпимыхъ.

Но изъ страданій, ощущаемыхъ людьми, прошедшими всѣ три стадіи иллюзій, самыя злѣйшія не тѣ, которыя называются физическими болями. Какъ было уже нѣсколько разъ упомянуто, наибольшее страданіе доставляетъ противорѣчіе между жизненнымъ инстинктомъ и неизбѣжностью полнаго уничтоженія. Самъ *Максъ Нордау* соглашается съ тѣмъ, что «мысль о прекращеніи нашего сознанія, объ уничтоженіи нашего «я»—ужасна» (стр. 100). И тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что «мы такъ счастливо организованы, что съ легкимъ сердцемъ примиряемся съ тѣмъ, что дѣйствительно вполнѣ неизбѣжно, и не терзаемся этимъ» (стр. 102). Но утвержденіе это не согласуется съ хорошо установленными фактами, изложенными нами въ 6-й главѣ. Наоборотъ, за немногими исключеніями, человѣкъ неохотно мирится съ перспективой смерти. Такъ бываетъ часто даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ погруженъ еще въ какую-нибудь степень иллюзіи. Всего чаще человѣкъ, желающій жить, не только испытываетъ чувство отвращенія къ смерти, но она представляется ему чѣмъ-то совершенно противнымъ нормальному ходу явленій.

Недостаточно сказать, что всѣ люди, испытывающіе это чувство,—психопаты или, что нелѣпо предполагать, будто человѣческое счастіе играетъ извѣстную роль въ міровомъ процессѣ. Наоборотъ, совершенно естественно, чтобы человѣкъ стремился къ своему счастію и чтобы онъ старался разобрать механизмъ явленій, происходящихъ въ немъ и вокругъ него, съ точки зрѣнія этого идеала. Вотъ почему несправедливо говорить, что «нельзя серьезно относиться къ пессимистической философіи» (id., стр. 84). Она впервые представила настоящій обвинительный актъ противъ человѣческой природы. И если считать физическую боль очень полезной въ качествѣ показателя опасности, то слѣдуетъ постольку же смотрѣть на пессимистическое міровоззрѣніе, какъ на шагъ впередъ въ человѣ-

ческомъ развитіи. Безъ него слишкомъ легко было бы впасть въ родъ самодовольнаго фатализма и пребывать въ квіэтизмѣ, подобномъ тому, который проповѣдуется нѣкоторыми религіями.

Но, съ другой стороны, легко понять, что мыслящее человѣчество не признаетъ пессимизма послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости и что философы разныхъ направленій изощряются отыскать какое-нибудь возможное рѣшеніе задачи жизни и смерти. Всѣ философскія системы безъ труда покинули вѣру въ будущую жизнь и въ личное безсмертіе. Но онѣ восприняли пантеистическую идею и допустили нѣкое общее начало, которое должно поглотить индивидуальныя сознанія. Мнѣнія относительно свойствъ этого начала раздѣлились. Одни называютъ его идеей, другіе — волей, силою или вѣчной силой *(Гербертъ Спенсеръ)*. Названія не имѣютъ здѣсь большого значенія, такъ какъ это начало представляется совершенно туманнымъ, и, въ сущности, о немъ нѣтъ сколько-нибудь опредѣленнаго понятія. Потому эта часть философскихъ ученій носитъ скорѣе лирическій характеръ и сливается съ поэзіей въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Нѣмецкіе поэты очень способствовали популяризаціи пантеистическихъ идей. Не говоря уже о *Гёте*, часто высказывавшемъ сужденія, по существу согласныя съ спинозизмомъ, *Шиллеръ*[1]) выражаетъ свое мнѣніе о цѣли жизни въ слѣдующихъ знаменитыхъ, такъ часто приводимыхъ стихахъ:

«Ты дрожишь предъ смертью? Ты желаешь безсмертія? Живи въ цѣломъ! Когда тебя давно не будетъ — оно останется».

„Vor dem Tode erschrickst du? Du wünschest unsterblich zu leben?
Leb im Ganzen! Wenn du lange dahin bist, es bleibt!“

Рюккертъ повторяетъ ту же мысль также въ очень извѣстныхъ стихахъ:

«Небытіе пугаетъ тебя, пока ты остаешься одинъ. О! почувствуй свою связь съ неразрушимымъ цѣлымъ!»

„Vernichtung weht dich an so lang du Einzler bist
O, fühl im Ganzen dich, das unvernichtbar ist“.

---

[1]) „Sämmtliche Werke“. Stuttgart, 1875, т. I, стр. 329.

Можно было бы наполнить цѣлый томъ описаніемъ попытокъ мыслителей всѣхъ странъ, старавшихся одѣть эти лирическія мысли въ болѣе философскую и менѣе туманную оболочку. Ограничимся указаніемъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ авторовъ.

Идеи Ренана [1]) объ этомъ предметѣ могутъ служить связующимъ звеномъ между поэзіей и философіей. Говоря о безсмертіи, онъ полагаетъ, что мы возродимся въ томъ слѣдѣ, который оставляетъ каждый изъ насъ «въ нѣдрахъ безпредѣльнаго» (стр. 138).

Мысли, развиваемыя *Гюйо* [2]), также носятъ очень поэтическій характеръ; какъ и многіе другіе, онъ не безъ протеста принимаетъ перспективу неизбѣжности смерти. Въ виду такого конца, онъ ощущаетъ «не только огорченіе, но и возмущеніе, чувство извѣстной несправедливости природы». «Итакъ, — заключаетъ онъ, — мы въ правѣ возставать противъ убивающей природы, если она убиваетъ то, что есть лучшаго съ нравственной стороны въ насъ самихъ и въ ближнемъ» (стр. 462).

Гюйо особенно во имя любви протестуетъ противъ смерти: «...смерть другихъ, уничтоженіе тѣхъ, кого любишь, — вотъ чего не можетъ допустить человѣкъ, твореніе, по существу своему мыслящее и любящее», говоритъ онъ (стр. 462).

Эта крупная, столь трудно рѣшаемая задача представляется ему слѣдующимъ образомъ: «Двѣ великія силы влекутъ умъ человѣческій въ противоположныя стороны въ вопросѣ о личномъ безсмертіи: наука, во имя естественнаго развитія, склонна всюду жертвовать личностью; любовь, во имя высшаго развитія, нравственнаго и общественнаго, хотѣла бы цѣликомъ сохранить ее. Это одно изъ самыхъ тревожныхъ противопоставленій, являющихся уму философа» (стр. 464).

Гюйо надѣется, что прогрессъ эволюціи приведетъ какъ бы къ сліянію индивидуальныхъ сознаній въ единое цѣлое. «Если такъ, — говоритъ онъ, — то спрашивается: не настанетъ ли нѣкогда день, когда проникшія другъ въ друга сознанія сольются между собой и сообщатъ другъ другу новое бытіе?»

---

[1]) „Dialogues et fragments philosophiques“. Paris, 1876.
[2]) „L'irréligion de l'avenir“. 6-me éd. Paris, 1895.

Предполагая это, онъ переносится «въ ту проблематическую, хотя и не противорѣчащую разуму эпоху, когда сознанія, достигшія всѣ вмѣстѣ высшей степени сложности и внутренняго единства, могли бы гораздо глубже проникать другъ въ друга, чѣмъ теперь, безъ того, чтобы какое бы то ни было изъ нихъ исчезало вслѣдствіе этого проникновенія» (стр. 470).

По этой гипотезѣ «задача заключалась бы въ томъ, чтобы быть одновременно достаточно любящимъ и любимымъ, чтобы жить и пережить въ другомъ» (стр. 471). «Слѣдовало бы, чтобы какъ исчезающій, такъ и остающіеся такъ любили другъ друга, чтобы тѣни, отбрасываемыя ими въ міровое сознаніе, сливались воедино». «Мы чувствовали бы тогда еще въ этой жизни, что входимъ въ безсмертіе привязанностей» и «этимъ путемъ была бы найдена точка соприкосновенія между смертью и безсмертіемъ» (стр. 472).

Гораздо менѣе поэтично рѣшеніе, недавно предложенное *Фино* [1]). По его мнѣнію, смерть можетъ огорчать насъ «если разсматривать ее только какъ отталкивающее небытіе. Наоборотъ, признаніе ея видоизмѣненіемъ жизни устранитъ нашъ страхъ и почти заставитъ насъ любить ее» (стр. 307).

Но что же такое это видоизмѣненіе жизни, долженствующее привести къ такому утѣшительному результату? Это «безсмертіе плоти», т.-е. жизнь существъ, развивающихся на счетъ человѣческаго трупа. «Трудъ работниковъ смерти начинается съ мухъ», которыя нарождаютъ червеобразныхъ личинокъ, кишащихъ въ разлагающемся тѣлѣ. То самое тлѣніе, которое такъ пугало *Льва Толстого* при мысли о смерти (см. VI гл., стр. 158), для *Фино* становится утѣшительнымъ символомъ. Онъ описываетъ послѣдовательныя фауны трупа и заключаетъ: «Жизнь продолжается такимъ образомъ въ могилѣ, жизнь шумная, вѣчно возобновляющееся оживленіе. Здѣсь любятъ, размножаются, живутъ, исчезаютъ. Могильный покой не что иное, какъ обманъ, подобный тому, какъ и прахъ, въ который тѣло наше будто бы должно обратиться» (стр. 105).

Я привелъ этотъ примѣръ, чтобы показать, до какихъ предѣ-

---

1) „La philosophie de la longévité". Paris, 1900.

ловъ можетъ довести потребность въ какомъ-нибудь рѣшеніи задачи смерти и жажда какого-нибудь луча надежды противъ неизбѣжности этого конца. Очевидно, что представленіе о трупной фаунѣ никогда не станетъ философской системой смерти. Мыслители несомнѣнно предпочтутъ ему неопредѣленность. И дѣйствительно, большинство современныхъ философовъ иначе разсматриваетъ эту задачу.

Насколько могу судить, геттингенскій ученый *Мэйеръ-Бенфей* въ своихъ статьяхъ «Современная религія» въ высшей степени точно и въ то же время просто резюмировалъ настоящее положеніе задачи[1]). Онъ говоритъ, что невозможно допустить безсмертіе души. Личность должна погибнуть цѣликомъ и неизбѣжно. Но точно такъ же, какъ ни одинъ атомъ нашей плоти не можетъ исчезнуть, такъ и «ни единая сила души нашей не можетъ пропасть». Чѣмъ жизнь наша была полнѣе, тѣмъ болѣе явные слѣды оставляетъ наша дѣятельность. Это соединеніе «индивидуальныхъ поступковъ съ общей жизнью человѣчества и составляетъ настоящее безсмертіе, настоящую Нирвану». «Единственнымъ возможнымъ средствомъ преодолѣть боязнь смерти, ужасъ небытія, является пріученіе ума нашего къ этимъ мыслямъ, воспитаніе его въ этомъ направленіи».

Мэйеръ-Бенфей раздѣляетъ мнѣніе пессимистовъ, по которому счастье никоимъ образомъ не можетъ считаться конечной цѣлью человѣчества: въ этомъ случаѣ весь эволюціонный процессъ былъ бы однимъ лишь ложнымъ шагомъ. Было бы цѣлесообразнѣе остановиться передъ сотвореніемъ рода человѣческаго, потому что животныя, не сознавая неизбѣжности смерти, конечно, счастливѣе человѣка.

«Но такъ какъ мы уже прошли путь отъ животнаго къ человѣку, вступили на культурную стезю, и все это не по своей волѣ или въ силу какой-нибудь случайности, а по врожденной необходимости нашей природы, то становится яснымъ, что цѣль, къ которой мы идемъ, — иная. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что цѣль эта — царство чистой и совершенной культуры».

Уже давно была высказана мысль, что цѣлью человѣче-

---

[1]) „Die moderne Religion". Leipzig, 1902. Смотри также: „Frankfurter Zeitung" 19 и 20 Februar 1902.

ства долженъ быть прогрессъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Предложено было даже нѣсколько формулъ для опредѣленія того, что такое настоящій прогрессъ, но до сихъ поръ не удалось этого выполнить. Терминъ «культура», останется столь же неяснымъ и общимъ до тѣхъ поръ, пока не найдутъ чего-нибудь опредѣленнаго, его выражающаго и дающаго ему конкретный смыслъ.

Бѣгло разсмотрѣвъ всѣ философскія системы, такъ упорно изощрявшіяся разрѣшить задачу индивидуальной смерти, мы приходимъ къ тому выводу, что онѣ большей частью отрицаютъ будущую жизнь и безсмертіе души. Наоборотъ, большинство ихъ допускаетъ какой-нибудь общій принципъ, неопредѣленное, вѣчное начало, долженствующее поглотить въ свое цѣлое индивидуальность души. Чувствуя, что эти столь туманныя мысли неспособны утѣшить бѣдное человѣчество, страшащееся уничтоженія и смерти, философы неустанно проповѣдуютъ, насколько возможно, полное смиреніе. И *Гюйо* также, замѣчая, что ученіе его о безсмертіи любви далеко не можетъ успокоить людей, ожидающихъ отъ философовъ какихъ-нибудь словъ утѣшенія, въ концѣ-концовъ признаетъ, что «такъ какъ нечего ожидать помощи передъ неумолимымъ, ни состраданія къ тому, что согласно съ цѣлымъ и съ нашей собственной мыслью, то остается умѣстнымъ одно смиреніе» (стр. 476).

Согласно общепринятому мнѣнію, быть философомъ—значитъ принимать вещи такъ, какъ онѣ есть, не слишкомъ возставая противъ дѣйствительности; и въ самомъ дѣлѣ, припѣвъ всѣхъ философскихъ системъ постоянно одинъ и тотъ же: преклониться передъ неизбѣжнымъ, т.-е. смириться передъ перспективой уничтоженія.

ГЛАВА IX.

Чего можетъ достигнуть наука въ борьбѣ съ болѣзнями.

Основы экспериментальнаго метода.—Вмѣшательство религіи въ борьбу съ болѣзнями.—Роль болѣзней въ обвинительномъ актѣ пессимистическихъ философскихъ ученій.—Успѣхи научной медицины въ борьбѣ съ болѣзнями.—Переворотъ въ медицинѣ и въ хирургіи, обусловленный открытіями Пастера.—Услуги, оказанныя серотерапіей въ борьбѣ съ заразными болѣзнями.—Безсиліе науки въ излѣченіи чахотки и злокачественныхъ опухолей.—Возраженія противъ научнаго развитія.—*Ж. Ж. Руссо, Толстой и Брюнетьеръ*.—Провозглашеніе банкротства науки.—Возвратъ къ религіи и къ мистицизму.

Младшая вѣтвь познавательной дѣятельности—наука приступила къ рѣшенію нѣкоторыхъ великихъ задачъ, волнующихъ человѣчество.

Только спустя долгое время послѣ установленія распространившихся между людьми міровоззрѣній и философскихъ системъ древняго міра скептическій умъ рѣшился поставить вопросъ: соотвѣтствуютъ ли дѣйствительности эти продукты человѣческаго мышленія? Мало-по-малу выросъ скептицизмъ и возникла борьба между установившимися ученіями и доктринальнымъ авторитетомъ, съ одной стороны, и научными соображеніями—съ другой.

Системы, опредѣлявшія отношеніе человѣка къ міру, и философія Аристотеля царили уже отъ 15-ти до 20-ти вѣковъ, когда стали высказывать сомнѣнія относительно настоящей цѣны этихъ ученій.

Бэконъ Веруламскій задался вопросомъ, отчего всѣ системы его времени были такъ неясны и оказались безсильными въ объясненіи міровыхъ явленій? Причина этого не въ самой природѣ, такъ какъ послѣдняя несомнѣнно подчинена незыблемымъ законамъ, которые могутъ быть предметомь точной науки; причина и не въ ограниченности ума тѣхъ людей, которые взялись за разрѣшеніе этихъ задачъ. Настоящую причину неудачи слѣдуетъ искать въ ложности или недостаткѣ примѣненныхъ методовъ. Чтобы помочь этому неудобству, Бэконъ [1]) совѣтуетъ «обобщать медленно, переходя отъ частныхъ фактовъ къ выводамъ, только одной степенью общѣе ихъ, и такъ

---

[1]) Novum Organum.

далѣе, до тѣхъ поръ, пока можно будетъ дойти до общей формулы. Такимъ путемъ мы сможемъ установить не туманные и двусмысленные принципы, но ясные и точно опредѣленные выводы, которые не будутъ опровергнуты самой природой».

Медленны и тяжелы были первые шаги науки, основанные на этомъ точномъ методѣ, который хотя и былъ давно предугаданъ, но впервые формулированъ *Францискомъ Бэкономъ*. Однако, результаты болѣе раннихъ формъ познавательной дѣятельности еще слишкомъ тяготѣли надъ умами для того, чтобы позволить имъ смѣло принять новый методъ. Тѣмъ не менѣе прогрессъ совершился, и стало возможнымъ приступить къ сложнымъ и труднымъ задачамъ, занимающимъ человѣчество.

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ до возникновенія точной науки формулировалъ *Будда* главныя недовольства рода человѣческаго. «Вотъ, о монахи, святая истина о страданіи,—провозгласилъ онъ въ своей проповѣди въ Бенаресѣ,—рожденіе есть страданіе, старость—страданіе, болѣзнь—страданіе, смерть—страданіе»... и т. д.

Медленно и постепенно слѣдуя отъ частнаго къ общему, наука отважилась приступить только къ наименѣе трудному изъ четырехъ, т.-е. къ болѣзни.

Въ буддійской легендѣ, приведенной въ 6-й главѣ, видъ больного «съ ослабленными чувствами, тяжелымъ дыханіемъ, высохшими членами, разстроеннымъ и пораженнымъ страданіемъ желудкомъ,—больного, выпачканнаго собственными испражненіями», вызвалъ у *Будды* слѣдующее размышленіе: «Здоровье, слѣдовательно, подобно игрѣ сновидѣнія! И страхъ смерти принимаетъ такой ужасный видъ! Какой же мудрецъ, увидавъ такія условія существованія, могъ бы еще думать о радости и удовольствіи?» «Горе здоровью, разрушаемому всякими болѣзнями!» Когда Будда, молодымъ принцемъ, между прочимъ, просилъ у отца «всегда оставаться здоровымъ и чтобы его не настигла болѣзнь», король-отецъ отвѣчалъ ему: «ты просишь невозможнаго, сынъ мой; въ этомъ я безсиленъ».

Съ того времени всѣ религіи занимались лѣченіемъ и предупрежденіемъ болѣзней. Причиной послѣднихъ онѣ обыкновенно считали вліяніе злыхъ духовъ и гнѣвъ боговъ; какъ

средства противъ нихъ онѣ предлагали жертвы, молитвы и все, что можетъ успокоить божественный гнѣвъ. Даже и теперь, особенно у первобытныхъ народовъ, подобная медицина еще въ ходу. На островѣ Суматрѣ, когда не удается остановить кровь изъ раны, приписываютъ эту неудачу вліянію злого духа (Полазіэкъ), сосущаго рану и дѣлающаго ее неизлѣчимой [1]). Въ Ніасѣ смотрятъ на кровотеченіе изъ носа у дѣтей, какъ на наказаніе отца за убійство свиньи во время беременности жены. Для излѣченія необходимо принести жертву божеству.

Надо сознаться, что рядомъ съ такими предразсудками между религіозными правилами первобытныхъ народовъ встрѣчаются и нѣкоторыя полезныя указанія, основанныя на вѣрныхъ наблюденіяхъ или даже на опытахъ. Въ народѣ на больныхъ испытываютъ разныя средства, большинство которыхъ скорѣе вредны; но попутно нападаютъ иногда и на очень дѣйствительныя лѣкарства. Поэтому народная медицина имѣетъ несомнѣнныя достоинства, но ее даже отдаленно нельзя сравнивать съ научной медициной, основанной на наблюденіи и на строгомъ опытѣ.

Научная медицина развивалась очень медленно, но въ настоящее время она достигла такой ступени, что человѣчество можетъ гордиться ею. Для преслѣдуемой нами цѣли безполезно настаивать на этомъ вопросѣ: однако я считаю нужнымъ представить читателю нѣкоторые факты, способные уяснить ему настоящее положеніе медицины.

Несомнѣнно, что въ пессимистическомъ міровоззрѣніи большую роль игралъ страхъ болѣзней. На это указываютъ не одни приведенныя нами слова Будды, но и изученіе пессимистическихъ философскихъ системъ. Въ 6-й главѣ было уже упомянуто, что *Шопенгауэръ* изъ страха холеры 1831 году бѣжалъ изъ Берлина во Франкфуртъ. Въ обвиненіи, направленномъ противъ устройства вселенной, однимъ изъ главныхъ доводовъ *Шопенгауэра* въ пользу того, что міръ этотъ — «наихудшій изъ всевозможныхъ міровъ», служитъ фактъ распространенія эпидемическихъ болѣзней. «Такое ничтожное измѣненіе атмосферы, которое невозможно даже обнаружить хи-

[1]) *Bartels:* Die Medicin der Naturvölker. 1893, стр. 20.

мическимъ анализомъ, вызываетъ холеру, желтую лихорадку, черную смерть и т. д.,—болѣзни, уносящія милліоны людей; немного большее измѣненіе могло бы погасить всякую жизнь»[1]).

Главный приверженецъ пессимизма Шопенгауэра, *Гартманнъ*, также высказываетъ очень мрачныя мысли о болѣзняхъ и о медицинѣ. Онъ убѣжденъ, что, несмотря на всѣ успѣхи, которые могутъ быть достигнуты человѣчествомъ, ему никогда не удастся не только избавиться отъ болѣзней, но даже уменьшить ихъ число. «Сколько бы,—продолжаетъ онъ,—ни нашли средствъ противъ болѣзней, все же онѣ, особенно хроническія и неопасныя, но очень мучительныя заболѣванія, будутъ развиваться быстрѣе медицины» [2]).

Если бы основатели пессимистической философіи по всѣмъ пунктамъ своего ученія ошибались настолько же, какъ они ошибаются относительно болѣзней и медицины, то человѣчество могло бы счесть себя очень счастливымъ. Стоитъ сравнить мнѣніе *Шопенгауэра* о большихъ эпидеміяхъ съ настоящимъ положеніемъ научной медицины, чтобы отдать себѣ отчетъ объ огромныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ послѣдней. Утверждая, что повальныя болѣзни происходятъ отъ слабыхъ измѣненій въ химическомъ составѣ воздуха, *Шопенгауэръ*, очевидно, отражалъ мнѣніе врачей своего времени. Экспериментальная наука вполнѣ опровергла ихъ. Неоспоримо установлено, двѣ крупныя заразы, приведенныя пессимистическимъ философомъ, а именно холера и чума, не имѣютъ ничего общаго съ химическимъ составомъ воздуха; онѣ зависятъ отъ двухъ микробовъ, природа и признаки которыхъ извѣстны съ такой же точностью, какъ и признаки какого-либо растенія. Холера вызывается открытымъ *Кохомъ* вибріономъ, микроскопическимъ организмомъ, живущимъ въ водѣ и переходящимъ въ человѣческій кишечный каналъ вмѣстѣ съ твердой пищей и питьемъ. До сихъ поръ не найдено вѣрнаго средства противъ холеры, но извѣстны способы помѣшать ей развиться. Всего проще—кипятить всякую пищу и избѣгать всякаго соприкосновенія съ испражненіями, водой и другими носителями холернаго коховскаго вибріона. Къ тому же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно употреблять сыворотки, способныя предупре-

[1]) „Die Welt als Wille und Vorstellung", II, стр. 687.
[2]) „Philosophie des Unbewussten", стр. 615.

ждать холеру. Если бы въ 1831 медицина уже обладала этими свѣдѣніями относительно холеры, то философія могла бы принять совсѣмъ иное направленіе. Вмѣсто того, чтобы дрожать передъ бѣдствіемъ и бѣжать во Франкфуртъ, *Шопенгауэръ* могъ бы спокойно продолжать жить въ Берлинѣ, а Гегель не пересталъ бы преподавать свою идеалистическую философію въ университетѣ того же города.

Второй аргументъ знаменитаго пессимиста — желтая лихорадка — уже потеряла свое устрашающее значеніе.

Въ прежнія времена болѣзнь эта была такъ распространена, что въ нѣкоторыхъ тропическихъ странахъ останавливала успѣхи колонизаціи; теперь — же съ нею борются вполнѣ успѣшно.

Стоило доказать, что желтая лихорадка прививается человѣку уколами маленькаго комара — Stegonia fasciata, — чтобы мѣрами противъ него могъ быть устраненъ этотъ бичъ.

Шопенгауэръ подтверждаетъ свое положеніе примѣромъ «черной смерти», способной убить милліоны людей. Безспорно, что болѣзнь эта, которая есть не что иное, какъ человѣческая чума, произвела огромныя опустошенія и въ XIV вѣкѣ унесла почти треть всего населенія Европы. Въ то время не сомнѣвались въ томъ, что она обязана божественному гнѣву, и собирались въ церквахъ для общихъ молитвъ объ ея отвращеніи. Приносили жертвы и бичевали себя въ надеждѣ избѣгнуть ужасной болѣзни. Путешественники, посѣщающіе Вѣну, видятъ на одной изъ главнѣйшихъ улицъ (Грабенъ) грубый и некрасивый памятникъ XVII вѣка, воздвигнутый въ память божественнаго вмѣшательства противъ одной изъ сильныхъ чумныхъ эпидемій.

Теперь, когда наука установила настоящую причину чумы, мы имѣемъ совершенно иныя идеи о происхожденіи и исчезновеніи этой болѣзни. Она не есть проявленіе злобы какого-нибудь божества, а просто губительное заболѣваніе, которое зависитъ отъ распространенія маленькаго микроба, открытаго одновременно *Китазато* и *Іерсеномъ* въ 1894 году. Всѣ признаки этой «чумной палочки» изучены, и установлено, что она вызываетъ эпидемію среди окружающихъ человѣка грызуновъ, особенно среди крысъ и мышей. Эти-то животныя и сообщаютъ человѣку чумную заразу; поэтому чрезвы-

чайно важно истреблять ихъ всѣми средствами. Чума, несомнѣнно, прекращается, когда она уничтожитъ грызуновъ; такъ должно было случиться и въ Вѣнѣ въ XVII вѣкѣ.

Чума, бывшая прежде самой опасной изъ повальныхъ болѣзней, теперь сошла въ разрядъ тѣхъ бѣдствій, борьба съ которыми сравнительно легка. Приходится только уничтожать крысъ и мышей и остерегаться предметовъ, которые могли бы содержать чумный микробъ. Съ пользою можно также употреблять въ нѣкоторыхъ случаяхъ предохранительныя прививки или противочумную сыворотку; послѣдняя дѣйствительна не только какъ предохранительная мѣра, но также и какъ средство противъ проявившейся уже чумы, если она еще не слишкомъ затянулась. Итакъ, опасность, о которой говоритъ *Шопенгауэръ* въ видѣ предположенія, есть окончательно избѣгнутое зло, именно благодаря успѣхамъ экспериментальной науки. Если въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ англійской Индіи, чума еще и производитъ сильныя опустошенія, то это зависитъ отъ непросвѣщенности населенія. Вмѣсто того, чтобы принять научныя мѣры, туземцы большею частью слѣдуютъ правиламъ, установленнымъ браманской религіей. Они понимаютъ чистоту не въ медицинскомъ и бактеріологическомъ смыслѣ, а въ религіозномъ. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ чума непрекращается въ Индіи. Тѣмъ не менѣе трудно найти болѣе доказательный примѣръ благодѣянія точной науки.

Предположеніе *Гартманна* относительно прогрессивнаго развитія болѣзней не основано ни на какихъ точныхъ данныхъ. Оно противорѣчитъ множеству хорошо установленныхъ фактовъ; совершенно обратно, — съ успѣхомъ гигіены и съ популяризаціей ея правилъ болѣзни становятся менѣе частыми и губительными.

Сильный подъемъ вызвало примѣненіе въ медицинѣ и хирургіи основныхъ положеній, добытыхъ *Пастеромъ* относительно броженій; знаменитый ученый показалъ, что эти разложенія органическихъ веществъ зависятъ отъ вмѣшательства очень распространенныхъ вокругъ человѣка микроскопическихъ организмовъ.

Открытіе это сначала было примѣнено въ хирургіи. *Англійскій* хирургъ *Листеръ* показалъ, что нагноеніе ранъ зависитъ отъ наводненія ихъ микробами. Руководствуясь этой

истиной, онъ успѣлъ помощью перевязокъ предохранить раны отъ всякаго загрязненія, и онъ замѣтилъ сразу чрезвычайное уменьшеніе числа послѣопераціонныхъ болѣзней. Со времени открытія анестезирующихъ средствъ, какъ эѳиръ, хлороформъ, кокаинъ, и со времени перевязокъ, защищающихъ раны отъ микробовъ, хирургія развилась удивительно быстро. Уже не говоря о многочисленныхъ и трудныхъ операціяхъ въ брюшной полости, теперь съ успѣхомъ отваживаются оперировать даже въ самомъ сердцѣ.

Ничто такъ хорошо не позволяетъ судить объ успѣхахъ современной хирургіи въ лѣченіи ранъ, вызванныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ сравненіе смертности раненыхъ во время войнъ въ XIX вѣкѣ. Въ крымской кампаніи среди англійскихъ войскъ смертность эта достигла 15,21%; въ 1859 — 1860 годахъ среди французскихъ войскъ въ Италіи она достигала 17,36%; среди нѣмецкихъ войскъ въ 1870 — 71-хъ годахъ, соотвѣтствующихъ началу примѣненія антисептіи въ хирургіи, она понизилась до 11,07%, въ то время какъ въ испанско-американской войнѣ 1898 г., т.-е. въ блестящій періодъ научныхъ методовъ, отъ ранъ умерло всего 6,64% [1]). Въ послѣдней трансваальской войнѣ смертность отъ ранъ достигла только половины той, которая наблюдалась въ 1870 — 1871 годахъ [2]).

Новыя медицинскія ученія, основанныя на открытіи ферментовъ и заразныхъ вирусовъ, настолько измѣнили теорію и практику акушерства, что родильная горячка, бывшая, прежде однимъ изъ бичей человѣческихъ, свелась къ сравнительно ничтожнымъ размѣрамъ.

Слѣпота новорожденныхъ, дѣлавшая все существованіе въ высшей степени несчастнымъ, можно сказать, вполнѣ устранена, благодаря предупредительнымъ мѣрамъ, мѣшающимъ ребенку во время рожденія заразиться отъ матери. Этотъ успѣхъ осуществился благодаря методу, предложенному нѣмецкимъ врачемъ *Креде* [3]). Способъ его состоитъ въ употреб-

---

1) *Borden*: The use of the Roentgen Ray etc. Washington, 1898, стр. 20.

2) Bulletin du service militaire 1901, № 499, стр. 73.

3) Чтобы составить себѣ понятіе о дѣйствительности способа *Креде*, стоитъ сказать, что въ Стокгольмѣ примѣненіе его понизило число случаевъ бленнорагіи новорожденныхъ съ 0,56% въ 1891 г. на 0,045% въ 1896 г. *V. Widmark*: Mittheilungen a. d. Augenklinik d. Carol Meb. Instit. zn Stockholm, 1902, p. 126.

леніи антисептическаго средства (ляписа), одна капля котораго, впущенная подъ вѣки новорожденнаго, мѣшаетъ развитію глазной бленнорагіи.

Воспаленіе червеобразнаго отростка, столь распространенная болѣзнь, о которой мы говорили въ 4-й главѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ примѣровъ дисгармоніи человѣческой природы, находитъ сильный отпоръ со стороны научной медицины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хирургическое вмѣшательство окончательно избавлетъ отъ аппендицита. Въ другихъ случаяхъ совершенно достаточно одного примѣненія лѣкарственныхъ средствъ для излѣченія и предотвращенія операціи.

Долгое время слишкомъ скептическіе умы утверждали, что однѣ болѣзни, доступныя хирургіи, дѣйствительно могутъ быть побѣждены лѣченіемъ, основаннымъ на микробіологіи. Но *Пастеръ* не замедлилъ доказать всю неточность этого утвержденія. Въ сотрудничествѣ съ Шамберланомъ и Ру онъ открылъ способъ предотвращать нѣкоторыя инфекціонныя болѣзни посредствомъ ослабленныхъ микробовъ. Ему удалось также предохранить животныхъ и человѣка, укушенныхъ бѣшеными животными, отъ бѣшенства, этой неизбѣжно смертельной болѣзни, одной изъ самыхъ ужасныхъ, которыя только существуютъ.

Медицинская наука очень быстро развилась въ этомъ новомъ направленіи и осуществила цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ открытій. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть открытіе лѣчебнаго свойства кровяной сыворотки животныхъ, которымъ привили нѣкоторые микробы или ихъ растворимые продукты. *Фонъ-Берингъ*, въ сотрудничествѣ съ японскимъ ученымъ *Китазато*, показалъ, что такой серумъ, приготовленный помощью яда дифтеритнаго микроба (яда, открытаго *Ру* въ сотрудничествѣ съ *Іерсеномъ*), въ состояніи не только предохранять здоровыхъ людей отъ дифтерита, но даже вылѣчивать отъ этой болѣзни уже заболѣвшихъ. Только въ случаяхъ, когда дифтеритъ слишкомъ затянулся, серумъ оказывается не въ состояніи его излѣчить.

Противодифтеритная сыворотка, вошедшая въ употребленіе уже болѣе 20 лѣтъ выдержала всякія испытанія и окончательно обнаружила свое предохранительное и лѣчебное свойство. Если еще бываютъ случаи смерти отъ дифтерита,

то это всего чаще объясняется слишкомъ позднимъ или недостаточнымъ лѣченіемъ.

Примѣненіе противодифтеритнаго серума свело смертность отъ дифтерита съ 50% и даже 60% до 12%—14%. Если вычислить, сколько дѣтей спасено этимъ способомъ, то число ихъ оказалось бы поистинѣ поразительнымъ.

Открытіе столь благодѣтельной серотерапіи было примѣнено къ нѣсколькимъ другимъ болѣзнямъ и не замедлило дать самые поощрительные результаты. Послѣ дифтерита, открытіе специфическихъ сыворотокъ оказало всего болѣе услугъ при столбнякѣ, дизентеріи и воспаленіи спинномозговыхъ оболочекъ.

Противо-столбняковая сыворотка, безсильная излѣчить уже проявившійся столбнякъ, оказываетъ неоцѣнимую услугу въ предохраненіи отъ этой ужасной болѣзни.

Во время нынѣшней чудовищной міровой войны, было много случаевъ столбняка среди военныхъ, раны которыхъ были загрязнены землею или навозомъ. Но стоило ввести предохранительныя прививки для всѣхъ раненыхъ вообще,—и число случаевъ заболѣванія столбнякомъ сразу понизилось въ поразительныхъ размѣрахъ. Очень распространенный вначалѣ войны,—впослѣдствіи столбнякъ сталъ крайне рѣдкимъ.

Та же сыворотка оказала большія услуги при кастраціи лошадей, очень часто заболѣвавшихъ раньше столбнякомъ вслѣдствіе этой операціи.

Специфическій серумъ также оказался весьма дѣйствительнымъ при лѣченіи дизентеріи, вызываемой маленькимъ бацилломъ.

Воспаленіе спинно-мозговыхъ оболочекъ, распространенное среди войскъ, сократилось въ значительной степени благодаря лѣченію специфической сывороткой.

Научная медицина, за послѣдніе годы, сдѣлала большіе успѣхи въ примѣненіи химическихъ лѣкарственныхъ средствъ.

Успѣшному развитію химіотерапіи человѣчество главнымъ образомъ обязано недавно умершему нѣмецкому ученому *Павлу Эрлиху*. Онъ открылъ лучшее средство противъ сифилиса—одной изъ наибольшихъ язвъ человѣческаго рода.

Если сальварсанъ или «606» Эрлиха и не вполнѣ оправдалъ всѣ возлагаемыя на него надежды, тѣмъ не менѣе не-

сомнѣнно, что средство это оказываетъ очень большія услуги въ борьбѣ съ «аваріей».

То же лѣкарство поразительно хорошо дѣйствуетъ и въ тропической болѣзни *піанъ*, весьма близкой къ сифилису.

Въ голландской Гвіянѣ оказалось возможнымъ закрыть больницу, предназначенную для заболѣвшихъ піаномъ, благодаря тому, что примѣненіе мышьяковистаго бензола пресѣкло эту ужасную болѣзнь.

Возвратный тифъ, какъ сифилисъ и піанъ, вызываемый микробомъ изъ группы спириллъ или спирохэтъ—излѣчивается тѣмъ же средствомъ.

Можно смѣло предсказать, что эта болѣзнь, точно также какъ и піанъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ— исчезнутъ съ лица земли.

Труднѣе будетъ борьба съ «аваріей», несмотря на то, что нѣсколько предохранительныхъ средствъ, производныхъ отъ мышьяка и ртути,—оказались дѣйствительными противъ этой болѣзни. Но профилактическое употребленіе ихъ наталкивается на такую небрежность публики и недоброжелательство со стороны матеріально заинтересованныхъ лицъ, что пройдетъ еще много времени прежде чѣмъ можно будетъ окончательно восторжествовать надъ этой болѣзнью.

Тѣмъ не менѣе будущность медицины заключается гораздо больше въ предупрежденіи болѣзней, чѣмъ въ лѣченіи ихъ, когда онѣ уже начали поражать организмъ.

Поэтому изученіе *причины* большинства человѣческихъ болѣзней должно оказать очень большія услуги въ борьбѣ съ ними.

Такимъ образомъ стоило доказать, что сыпной тифъ переносимъ вшами, чтобы уничтоженіемъ этихъ насѣкомыхъ можно было прекратить эпидемію, какъ это было осуществлено въ Тунисѣ *Шарломъ Николемъ*.

Другимъ примѣромъ успѣха предохранительныхъ мѣръ противъ заразныхъ болѣзней служитъ исчезновеніе маляріи (болотныхъ лихорадокъ) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ производили систематическое уничтоженіе комаровъ рода anopheles, сообщающаго человѣку паразитъ *Лавёрана* (Plasmodium malariae).

Благодаря этому методу удалось колонизовать прежде необитаемыя страны. Всего четверть вѣка, какъ медицина вступила въ новую фазу, и уже заняла мѣсто рядомъ съ другими точными науками, основанными на экспериментальномъ методѣ. Неудивительно, что въ такой короткій періодъ времени она еще не успѣла разрѣшить всѣхъ задачъ, поставленныхъ ей страждущимъ человѣчествомъ. Это несовершенство не преминуло вызвать строгія возраженія.

Какъ!—восклицаютъ,—вы утверждаете значительность успѣховъ медицинской науки, въ то время какъ должны признать ея безсиліе въ излѣченіи чахотки, этой самой распространенной болѣзни, которая одна убиваетъ одну шестую всего человѣчества! Правда, что заразительность этой болѣзни была установлена *Виллъмэномъ* почти 50 лѣтъ тому назадъ. Болѣе 30 лѣтъ прошло со знаменитаго открытія *Кохомъ* микроба, вызывающаго легочную чахотку и всѣ другіе виды туберкулеза. И тѣмъ не менѣе ни одно лѣкарство не въ состояніи еще устранить этой болѣзни. Во всѣхъ микробіологическихъ институтахъ и лабораторіяхъ ищутъ какихъ-нибудь предохранительныхъ прививокъ, серумовъ или лѣкарствъ, излѣчивающихъ туберкулезъ,—болѣзнь, которую исцѣляетъ въ такомъ большомъ количествѣ случаевъ сама безсознательная природа. Однако, результаты эти еще очень далеки отъ цѣли.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь хорошій примѣръ, доказывающій безсиліе науки. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса легко показать, что даже съ уже пріобрѣтенными данными можно было бы бороться съ туберкулезомъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ. Послѣ обнаруженія заразительности туберкулеза, даже не ожидая открытія *Коха*, можно и должно было употребить всевозможныя мѣры для уничтоженія веществъ, заключающихъ заразный вирусъ, т.-е. прежде всего мокроты чахоточныхъ. Несмотря на все, что было говорено до сихъ поръ по этому поводу, мы постоянно видимъ, какъ плюютъ на полъ вагоновъ и публичныхъ мѣстъ. Чахотка распространяется вовсе не вслѣдствіе несовершенства науки, а вслѣдствіе невѣжества и безпечности населенія. Для того, чтобы сократить какъ эту, такъ и многія другія болѣзни, подобныя тифу, холерѣ и дизентеріи достаточно было бы только сообразоваться съ

правилами научной гигіены, не ожидая открытія специфическихъ средствъ.

Несмотря на то, что до сихъ поръ еще не найдено вѣрнаго средства противъ туберкулеза, наука уже сдѣлала шагъ впередъ по пути къ отысканію его. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ казалось, что всѣ попытки предохранительныхъ прививокъ противъ этой болѣзни безцѣльны. Между тѣмъ, опыты Беринга [1]), подтвержденные Нейфельдомъ [2]) въ институтѣ Коха въ Берлинѣ, а также и другими учеными, показали возможность такихъ прививокъ по отношенію къ телятамъ. Хотя пока предупрежденіе и лѣченіе туберкулеза еще и не достигли желанной цѣли, однако мы имѣемъ право надѣяться, что въ будущемъ борьба съ этой ужасной болѣзнею значительно усовершенствуется.

Но если современная наука уже и значительно вооружена для борьбы противъ болѣзней, признанныхъ заразными, то того же нельзя сказать относительно нѣкоторыхъ другихъ болѣзней; между ними первое мѣсто занимаютъ злокачественныя или раковыя опухоли въ самомъ общемъ смыслѣ слова.

Мало такихъ ужасныхъ болѣзней, какъ эти опухоли; онѣ никогда не излѣчиваются самостоятельно и могутъ быть удалены съ надеждой на прочный успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда распознаны достаточно рано. Поэтому отъ нихъ ежегодно погибаетъ множество молодыхъ и старыхъ людей. Очень вѣроятно даже, что ракъ становится распространеннѣе прежняго, что объясняли удлиненіемъ продолжительности жизни въ настоящее время. Такъ какъ раковыя опухоли всего болѣе распространены у стариковъ, то большая долговѣчность могла бы уже сама по себѣ обусловить большее количество злокачественныхъ новообразованій. Однако, даже помимо этого обстоятельства, число случаевъ рака все болѣе и болѣе увеличивается.

Злокачественныя опухоли являются несомнѣнно самой безотрадной болѣзнью для медицины и хирургіи. Послѣднія въ этомъ отношеніи бродятъ еще въ большихъ потьмахъ, чѣмъ тѣ, которыя царили вокругъ заразныхъ болѣзней до открытія болѣзнетворныхъ микробовъ. Въ эпоху, когда не были

[1]) Beiträge zur experimentellen Therapie. Heft 5. Marburg, 1902.
[2]) Deutsche Medic. Wochenschr, 1903, стр. 653.

еще знакомы съ этими заразными живыми существами, уже имѣли понятіе о вирусахъ, т.-е. веществахъ, которыя, будучи привитыми, могли воспроизвести болѣзнь. Такъ, уже знали оспенный ядъ и умѣли даже помощью его предупреждать серьезное заболѣваніе оспой. Почти за вѣкъ до открытій Пастера найденъ былъ другой вирусъ—ядъ коровьей оспы, служащій отличнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ оспы. Эта великая услуга человѣчеству была оказана *Дженнеромъ*.

Опыты надъ ракомъ у крысы и у мыши указываютъ на то, что опухоли эти прививаются, какъ заразныя болѣзни. *Ганау* показалъ это относительно извѣстнаго рода эпителіомы у старыхъ крысъ; *Моро* [1]) удалось воспроизвести ракъ у бѣлыхъ мышей; результатъ этотъ былъ подтвержденъ *Іенсеномъ* [2]) и въ институтѣ Пастера *Боррелемъ* [3]).

Линьеръ сообщилъ мнѣ, что большая часть бѣлыхъ мышей въ его лабораторіи въ Буэносъ-Айресѣ гибнетъ отъ рака, который въ Аргентинской республикѣ очень часто встрѣчается и у людей. Этотъ эпидемическій характеръ болѣзни очень сильно говоритъ въ пользу ея инфекціоннаго характера.

Тотъ же фактъ вытекаетъ и изъ изслѣдованія распространенія злокачественныхъ опухолей у человѣка. Есть мѣстности, гдѣ ракъ встрѣчается очень часто, и другія, гдѣ онъ чрезвычайно рѣдокъ. Злокачественныя опухоли связаны съ мѣстными условіями, вслѣдствіе чего можно думать, что заразное начало ихъ переносится изъ почвы при помощи сырыхъ пищевыхъ продуктовъ. Въ виду этого однимъ изъ предохранительныхъ средствъ можетъ быть рекомендовано употребленіе лишь предварительно проваренной или прожаренной пищи. Хотя, помимо наивозможно болѣе ранняго хирургическаго вмѣшательства, всѣ попытки излѣчиванья злокачественныхъ опухолей не дали достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время были сдѣланы большіе успѣхи въ ознакомленіи съ причиной этихъ опухолей.

Такъ въ Америкѣ *Русъ* [4]) открылъ микроба, вызывающаго злокачественную саркому у куръ.

---

[1]) Arhives de med. experim.". 1864. VI, стр. 677.
[2]) Hospitalstidenne", 7 мая 1902, стр. 489.
[3]) Annales de l'Institut Pasteur". февраль, 1903.
[4]) Journal of experimental medecin 1914, vol 19, p. 52.

Датскому ветеринару *Фибигеру* [1]) удалось получить настоящій ракъ желудка у крысъ, которыхъ онъ кормилъ тараканами, зараженными внутреностными червями изъ группы нематодъ.

Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, несмотря на всѣ возраженія противъ нихъ, для того, чтобы показать, что злокачественныя опухоли относятся къ заразнымъ болѣзнямъ до извѣстной степени сравнимыхъ съ туберкулезомъ и его разновидностями (актиномикозомъ, спиротрихозомъ, а также и сифилисомъ).

Установленіе инфекціонной природы злокачественныхъ опухолей должно руководить нами въ борьбѣ съ ними. Тотъ фактъ, что эти опухоли рѣдко возникаютъ въ дыхательныхъ путяхъ, а, напротивъ, появляются всего чаще въ пищеварительныхъ, въ женскихъ половыхъ органахъ, такъ близко расположенныхъ возлѣ первыхъ,—и на кожѣ—указываетъ на то, что мы должны обращать особое вниманіе на пищевую гигіену и на чистоту нашего тѣла.

По наблюденію хирурговъ, кожные раки становятся рѣже съ развитіемъ чистоплотности и встрѣчаются главнымъ образомъ у неопрятныхъ людей.

Весьма возможно, что чистота кишекъ, т.-е. воздержаніе отъ сырой пищи, въ значительной степени устранитъ ракъ внутреннихъ органовъ.

Берлинскій врачъ *Боасъ* [2]) настаиваетъ на томъ, что очень значительное число больныхъ ракомъ обращается къ врачу только въ слишкомъ позднемъ періодѣ болѣзни. Такъ, въ 80% встрѣтившихся ему случаевъ рака прямой кишки больные являлись въ такомъ состояніи, когда операція было уже немыслима. Поэтому *Боасъ* совѣтуетъ, помощью популярныхъ статей, обратить всеобщее вниманіе на первые признаки раковыхъ заболѣваній. Онъ думаетъ, что, благодаря такой мѣрѣ, во многихъ случаяхъ ракъ можно будетъ оперировать во-время для обезпеченія выздоровленія.

Хотя надежда на окончательное излѣченіе рака лучами радія и Рентгена не оправдалась вполнѣ, тѣмъ не менѣе выяснилось окончательно, что на поверхностные раки кожи

---

1) Zeitschrift für Krebsforschung 1913, vol. 13, p. 217.
2) Deutsche med. Wochenschritt", 30 oct., 1902 г., стр. 798.

рентгеновскіе лучи оказываютъ несомнѣнно лѣчебное дѣйствіе. Другіе способы лѣченія въ видѣ примѣненія различныхъ сыворотокъ экстрактовъ бактеріальныхъ культуръ, пищеварительныхъ ферментовъ (трипсина) и проч. до сихъ поръ не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Усилія врачей направлены особенно на возможно раннее распознаваніе злокачественныхъ опухолей для ихъ немедленнаго удаленія хирургическими средствами.

За послѣднее время особенно выдвинулись способы смѣшаннаго лѣченія злокачественныхъ опухолей, при чемъ рядомъ съ оперативнымъ вмѣшательствомъ прибѣгаютъ къ лучамъ, химическимъ препаратамъ (радій, торій, мышьякъ, холинъ и пр.) и физическимъ дѣятелямъ, каковы электричество и теплота. Уже теперь, по мнѣнію *Черни*[1]), самаго опытнаго хирурга въ дѣлѣ лѣченія рака, излѣчивается окончательно до 80% рака лица и до 40% рака грудной железы. *Черни* «убѣжденъ», что, при наличности достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, «вопросъ о ракѣ будетъ окончательно разрѣшенъ лѣтъ черезъ 50, когда число больныхъ ракомъ сможетъ быть уменьшено наполовину». Я надѣюсь, что даже раньше человѣчеству удастся справиться съ этимъ бѣдствіемъ.

Несмотря на замѣчательные успѣхи современной медицины, существуетъ еще много неразрѣшенныхъ задачъ.

Неизвѣстна причина множества болѣзней, удручающихъ человѣчество; между ними — скарлатина, корь, глаукома и нѣсколько другихъ глазныхъ болѣзней, діабетъ, печеночныя и почечныя колики, ревматизмъ, подагра и т. д.

Несостоятельность медицины въ борьбѣ съ многими изъ нихъ несомнѣнно крайне прискорбна. Но убѣжденіе въ томъ, что медицинская наука на вѣрномъ пути и что со временемъ большинство указанныхъ задачъ будетъ разрѣшено къ благу человѣчества, — должно поддерживать надежду на конечную побѣду.

Предупрежденіе и лѣченіе болѣзней, такъ долго находившіяся въ вѣдѣніи религіи, все болѣе и болѣе переходятъ въ руки людей, занимающихся научной медициной. Остаются только еще нѣсколько нервныхъ болѣзней, которыя могутъ

---

[1]) Münchener medic. Wochenschr., 1912 г., стр. 2212.

быть излѣчены внушеніемъ; въ успѣшности такого излѣченія играютъ болѣе или менѣе значительную роль вѣра вообще и религія въ частности.

Я не счелъ нужнымъ долго останавливаться на преобладающемъ значеніи науки въ борьбѣ человѣчества съ болѣзнями; это слишкомъ очевидно и ясно; всѣмъ пришлось признать этотъ фактъ, и даже самые страстные противники науки должны были преклониться передъ нимъ.

Но тогда задачу стали формулировать иначе и пришли къ такой постановкѣ ея: конечно, наука можетъ облегчить человѣчество въ той или другой болѣзни. Но не въ этомъ вопросъ: болѣзнь—не болѣе, какъ эпизодъ человѣческой жизни, великія задачи которой остаются неразрѣшенными наукой. Недостаточно вылѣчить человѣка отъ дифтерита или отъ перемежающейся лихорадки. Надо сказать ему, въ чемъ его назначеніе и почему ему приходится старѣть и умирать въ то время, когда всего болѣе хочется жить. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается безсиліе всякой науки, и начинается благодѣтельная роль религіи и философіи. А такъ какъ наука постоянно возбуждаетъ сомнѣнія и критикуетъ философскія системы, то вмѣсто того, чтобы быть полезной человѣчеству, она только вредитъ ему.

Давно возникли нападки на науку. *Ж.-Ж. Руссо*[1]) обязанъ своей извѣстностью тому таланту и страстности, съ которыми онъ велъ эту борьбу. Съ поразительной силой и краснорѣчіемъ защищаетъ онъ свое положеніе, какъ можно судить по слѣдующимъ выпискамъ: «Народы,—говоритъ онъ,—узнайте, наконецъ, что природа хотѣла предохранить васъ отъ науки, какъ мать, вырывающая опасное оружіе изъ рукъ своего ребенка, что всѣ тайны, которыя она скрываетъ отъ васъ, не что иное, какъ страданія, отъ которыхъ она защищаетъ васъ, и что трудности сопутствующія образованію,—одно изъ немалыхъ ея благодѣяній. Люди извращены, они были бы еще хуже, если бы имѣли несчастіе родиться учеными» (стр. 469). «Если науки наши суетны по преслѣдуемой ими цѣли, то еще опаснѣе онѣ по вызываемымъ результатамъ. Возникнувъ отъ праздности, онѣ въ свою очередь поддержи-

[1]) „Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?“ Полное собраніе соч., 1875 г., т. I, стр. 463 (франц.).

ваютъ ее... Отвѣтьте же мнѣ, знаменитые философы, вы, научившіе насъ взаимному притяженію тѣлъ въ пространствѣ, отношеніямъ путей, одновременно проходимыхъ планетами при своемъ вращеніи; точкамъ схожденія, наклоненія и поворота кривыхъ линій... тому, какія свѣтила могутъ быть населенными; необыкновенному происхожденію нѣкоторыхъ насѣкомыхъ; отвѣтьте, говорю я, вы, давшіе намъ столько удивительныхъ свѣдѣній: если бы вы никогда не научили насъ всему этому, увеличилась ли бы численность наша, ухудшилось ли бы наше правленіе, меньше ли бы страшились насъ, уменьшилось ли бы наше процвѣтаніе, наша извращенность?» (стр. 470).

Строки эти, конечно, могли дѣйствовать своей искренностью и краснорѣчіемъ, но никоимъ образомъ не были въ состояніи помѣшать безпрерывному и побѣдоносному шествію науки. Именно въ концѣ XVIII вѣка осуществила она свои первые прочные успѣхи. Стоитъ вспомнить міровую систему *Лапласа* и основанія химіи—законъ сохраненія матеріи *Лавуазье*.

Въ XIX вѣкѣ наукою былъ произведенъ переворотъ всего жизненнаго строя примѣненіемъ пара и многихъ другихъ въ высшей степени важныхъ открытій. Тѣмъ не менѣе многіе выдающіеся умы это не удовлетворяло. Такъ, противъ науки XIX вѣка возстаетъ и другой геніальный писатель.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *О назначеніи науки и искусства*, *Левъ Толстой* [1]) старается доказать безполезность науки въ разрѣшеніи главныхъ задачъ, занимающихъ человѣчество. Предпріятіе это для русскаго писателя должно было быть, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ для *Ж.-Ж. Руссо*, потому что въ прошломъ вѣкѣ наука стала гораздо большей силой, чѣмъ она была въ XVIII вѣкѣ.

Толстой убѣжденъ, что теоретическія изслѣдованія, какъ, напримѣръ, о происхожденіи живыхъ существъ, о внутреннемъ строеніи тканей и т. д., не имѣютъ никакого значенія для человѣчества и служатъ только для прикрытія праздности ученыхъ. «Все, что мы называемъ культурой,—утверждаетъ Толстой,—наши науки, искусство, усовершенствованія пріятностей жизни,—это попытки обмануть нравственныя требо-

---

[1]) Собр. соч., т. XII, 1897 г., стр. 372—446.

ванія человѣка; все, что называемъ гигіеной и медициной,— это попытки обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы» (стр. 337).

Всѣ успѣхи науки «до сихъ поръ не улучшили, а скорѣе ухудшили положеніе большинства, т.-е. рабочаго» (стр. 497).

По мнѣнію Толстого, названіе настоящей науки можно дать только тому, «въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Эта-то наука и служила руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній»... «Безъ науки о томъ, въ чемъ назначеніе и благо человѣка, не можетъ быть никакой науки, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой» (стр. 411).

Итакъ, главное возраженіе русскаго писателя противъ науки, культуры и прогресса сводится къ ихъ безсилію разрѣшить труднѣйшія задачи, а именно: о настоящей цѣли человѣческаго существованія и объ опредѣленіи настоящаго блага, къ которому должно стремиться человѣчество.

Въ этомъ отношеніи Толстой выражаетъ мнѣніе, раздѣляемое большимъ числомъ мыслителей. Нѣсколько лѣтъ вслѣдъ за нимъ хорошо извѣстный критикъ и публицистъ *Брюнетьеръ* [1]), подъ вліяніемъ путешествія въ Римъ и свиданія съ папою, выразилъ совершенно сходное мнѣніе и громко провозгласилъ «банкротство науки».

Брюнетьеръ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свою критику: «Уже нѣсколько сотъ лѣтъ, какъ наука обѣщала обновить міръ, разоблачитъ тайны его; она не сдѣлала этого. Она безсильна разрѣшить единственно-существенныя задачи, тѣ, которыя касаются присхожденія человѣка, законовъ его поведенія, его будущей судьбы. Мы знаемъ теперь, что естественныя науки никогда ничего не откроютъ намъ на этотъ счетъ. Итакъ, въ столкновеніи между наукой и религіей наука оказалась побѣжденной, такъ какъ ей приходится признать себя безсильной тамъ, гдѣ религія сохранила всю свою силу. Религія даетъ рѣшеніе вопросовъ, которое не можетъ дать наука. Она открываетъ намъ то, чему не могутъ насъ

[1]) „Revue des deux mondes", 1895, т. 1, стр. 79. „La Science et la Religien". Paris, 1895. „Le Figaro", № 4, январь 1899.

научить ни анатомія, ни физіологія, т.-е. тому, что мы такое, куда направляемся и что намъ дѣлать».

«Нравственность и религія пополняютъ одна другую, и такъ какъ наука ничего не можетъ сдѣлать для нравственности, то обязанность установить послѣднюю лежитъ на религіи».

Брюнетьеру возражали, что укоры его неосновательны: во-первыхъ, потому, что наука никогда не обѣщала разрѣшить великихъ задачъ цѣли жизни человѣческой и основъ нравственности, а во-вторыхъ, потому, что иныя изъ этихъ задачъ, вѣроятно, никогда не будутъ рѣшены по недоступности своей человѣческому пониманію. Очень извѣстный французскій физіологъ *Шарлъ Рише* [1]) тщетно искалъ тѣ научныя сочиненія, въ которыхъ было бы обѣщано разрѣшеніе вопросовъ, занимающихъ *Толстого, Брюнетьера*, а съ нимъ и большую часть человѣчества.

«Въ какихъ классическихъ работахъ дала наука тѣ ослѣпительныя обѣщанія, о которыхъ съ горечью упоминаетъ *Брюнетьеръ?* — спрашиваетъ *Рише*. — Въ настоящую минуту у меня передъ глазами,—продолжаетъ онъ,—руководство для полученія степени бакалавра наукъ. Это сводъ современныхъ научныхъ знаній. Напрасно искалъ я въ немъ обѣщаній... Въ немъ нѣтъ никакихъ обѣщаній» (стр. 34).

Эти обѣщанія приходится искать въ популярныхъ научныхъ сочиненіяхъ. Безспорно, что со времени пробужденія раціоналистическаго и скептическаго духа въ Европѣ, т.-е. уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, высказывали мысль, что вся жизнь людская можетъ управляться естественными законами. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, были очень многочисленны. Въ сочиненіи *Бюхнера* «Сила и матерія», представляющимъ сводъ міровоззрѣнія основаннаго на научныхъ данныхъ XIX вѣка, мы находимъ слѣдующія указанія: «Итакъ,—говоритъ нѣмецкій популяризаторъ,—въ настоящее время слѣдуетъ искать основъ нравственности помимо старыхъ и воображаемыхъ вѣрованій въ сверхъестественное.............. вѣра въ реальность естественнаго и незыблемаго порядка вещей должна замѣнить вѣру въ духовъ и привидѣнія, естественная нравственность—искусственную..............» (стр. 511). *Бюхнеръ* пытается даже

---

[1]) „Revue Scientifique", 1899, I, стр. 33.

опредѣлить естественную нравственность. По его мнѣнію, это законъ взаимнаго уваженія, равноправія каждаго, съ общей и частной точки зрѣнія, въ виду общаго блага людей. Все, нарушающее или разрушающее это благо, есть «зло», все, содѣйствующее ему—«добро» (стр. 513).

Другой вопросъ: Куда идемъ мы? также находитъ отвѣтъ у *Бюхнера.* Послѣдній приходитъ къ слѣдующему выводу: «Мысль о небытіи и о прекращеніи индивидуальной жизни нисколько не страшна для человѣка, воспитаннаго на философскихъ принципахъ. Уничтоженіе есть полный покой, избавленіе отъ всѣхъ страданій, отъ всѣхъ впечатлѣній, терзающихъ душу и тѣло; это было уже вполнѣ выяснено глубокой религіей Будды, итакъ, уничтоженія нечего бояться, оно гораздо скорѣе желательно, когда жизнь достигаетъ предѣла и когда наступаетъ старость со своей неизбѣжной свитой недомоганій» (стр. 431).

Не слѣдуетъ думать, будто только что приведенныя мнѣнія исключительны для *Бюхнера.* Слѣдуетъ замѣтить, что мы находимъ тѣ же мысли въ книгѣ *Гэккеля* «Міровыя загадки», появившейся почти полвѣка послѣ 1-го изданія «Силы и матеріи». Онъ также находитъ отвѣты на вопросы, столь занимающіе человѣчество. Какъ мы видѣли въ 5-й главѣ, для него также задача нравственной философіи сводится къ общественному инстинкту человѣка и не имѣетъ ничего общаго съ какимъ бы то ни было религіознымъ догматомъ. Что же касается назначенія человѣка, то онъ слѣдующимъ образомъ рѣшаетъ этотъ вопросъ: «Самый желательный конецъ послѣ трудовой жизни, по совѣсти, хорошо проведенной,—это вѣчный покой могилы» (стр. 239).

Бюхнеръ и Гэккель утѣшаютъ тѣмъ, что смерть есть вѣчный «покой», упуская изъ виду, что между покоемъ и полнымъ небытіемъ—огромная разница.

Мы находимъ очень большое сходство въ доводахъ обоихъ популяризаторовъ науки XIX вѣка. Какъ *Бюхнеръ* приводитъ легенду о «вѣчномъ жидѣ», такъ и *Гэккель* опирается на легенду о несчастномъ *Агасферѣ,* тщетно искавшемъ смерти и находившемъ свою вѣчную жизнь нестерпимой.

«Если даже,—говоритъ *Гэккель,*—представить себѣ эту жизнь

среди рая со всѣми его прелестями, она все же, въ концѣ концовъ, должна стать страшно скучной» (стр. 239).

Только что приведенныя мнѣнія несомнѣнно раздѣляются очень большимъ числомъ людей, опирающихся на научные доводы; но нѣтъ недостатка и въ ученыхъ, иначе смотрящихъ на занимающій насъ вопросъ.

Размышляя объ общихъ научныхъ и міровыхъ задачахъ, нѣмецкій физіологъ *Эмиль дю-Буа Реймонъ* провозгласилъ свое «невѣдаю» (Ignorabimus). Этимъ онъ хотѣлъ предупредить, что цѣлый рядъ вопросовъ, въ высшей степени важныхъ для человѣчества,—выше людского пониманія и никогда не будетъ разрѣшенъ. Эти-то семь міровыхъ загадокъ старается разрѣшить *Гэккель* въ своей вышеназванной книгѣ.

Не рѣдки ученые, думающіе, что главныя задачи, тѣ, которыя, по мнѣнію *Толстого*, однѣ составляютъ настоящую науку, никогда не будутъ разрѣшены. «Каждый день,—говоритъ *Шарль Рише* (l. c., стр. 35),—приноситъ какую-нибудь новую побѣду, не разрѣшая конечной загадки,—назначенія человѣка,—загадки, которая, вѣроятно, никогда не будетъ рѣшена». Философы тоже исповѣдуютъ сходныя мнѣнія. «Конечно,—говоритъ *Гюйо*,—не у науки долженъ индивидуумъ спрашивать доказательствъ своей вѣчности» (*Irrèligion*, p. 460).

Отвѣты современной науки недостаточны для утѣшенія умовъ, обращающихся къ ней. Когда въ спорѣ о банкротствѣ ея *Ш. Рише* приводитъ благодѣтельное лѣченіе дифтерита специфическимъ серумомъ въ доказательство могущества научныхъ открытій, то *Брюнетьеръ* отвѣчаетъ ему: «Серотерапія не помѣшаетъ намъ умереть и не болѣе того научитъ насъ, зачѣмъ мы умираемъ». Всегда мы возвращаемся къ вопросу о смерти. Къ чему вылѣчивать ребенка отъ дифтерита для того, чтобы присудить его сдѣлаться взрослымъ и пріобрѣсти понятіе о неизбѣжной смерти, которое должно наполнить его ужасомъ?

Если наука безсильна разрѣшить важнѣйшія задачи терзающія человѣчество, если она отказывается отъ этого по недостатку знанія или если она не находитъ другого конечнаго рѣшенія, какъ предложеніе могильнаго уничтоженія, то легко понять, что многіе, даже самые выдающіеся умы отворачиваются отъ нея. Желаніе найти какое-нибудь утѣшеніе въ страданіяхъ нашего бытія, безъ опредѣленной цѣли на-

правляетъ ихъ въ объятія религій и метафизикъ. Вотъ почему въ современномъ человѣчествѣ, несомнѣнно, замѣчается обратное стремленіе къ вѣрѣ. Погружаются въ мистицизмъ, думая, что онъ дастъ отвѣтъ менѣе безотрадный, чѣмъ уничтоженіе, небытіе.

Эти поиски сверхъестественнаго замѣтны во всѣхъ слояхъ современнаго общества. Поэтому въ высшей степени интересно опредѣлить внутренній механизмъ отдаленія отъ науки и возвращенія къ вѣрѣ. Въ «Исповѣди» *Толстого* мы находимъ лучшее изложеніе этой перемѣны.

Придя къ тому выводу, что жизнь — безсмыслица, потому что она не можетъ быть согласуема со страхомъ смерти и полнаго уничтоженія (см. гл. VI), *Толстой* спросилъ себя: не удастся ли ему рѣшить великую задачу человѣческаго существованія помощью научныхъ данныхъ? «Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ и я, искали въ знаніи, точно такъ же ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаяніе — безсмыслица жизни, есть единственное несомнѣнное знаніе, доступное человѣку» (стр. 26). «Долго мнѣ казалось, вслушиваясь въ важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положенія, не имѣющія ничего общаго съ вопросами человѣческой жизни, что я чего-нибудь не понимаю» (стр. 27).

А между тѣмъ вопросъ, который ставилъ себѣ *Толстой*, казался ему очень простымъ: «зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ что-нибудь дѣлать? Еще иначе выразить вопросъ можно такъ: есть ли въ моей жизни смыслъ, который не уничтожался бы неизбѣжной, предстоящей мнѣ смертью? На этотъ-то одинъ и тотъ же, различно выраженный, вопросъ я искалъ отвѣта въ человѣческомъ знаніи» (стр. 27). «Съ ранней молодости меня занимали умозрительныя знанія, но потомъ математическія и естественныя науки привлекли меня и, пока я не поставилъ себѣ ясно своего вопроса, пока вопросъ этотъ не выросъ самъ во мнѣ, требуя настоятельнаго разрѣшенія, до тѣхъ поръ я удовлетворялся тѣми поддѣлками отвѣтовъ на вопросъ, которыя даетъ знаніе» (стр. 28). «Я говорилъ себѣ: все развивается, дифференцируется, идетъ къ усложненію и усовершенствованію, и есть законы, руководящіе этимъ ходомъ. Ты —

часть цѣлаго». «Какъ ни совѣстно мнѣ признаться, но было время, когда я какъ будто удовлетворялся этимъ. Это было въ то самое время, когда я самъ усложнялся и развивался. Мускулы мои росли и укрѣплялись, память обогащалась, способность мышленія и пониманія увеличивалась, я росъ и развивался, и, чувствуя въ себѣ этотъ ростъ, мнѣ естественно было думать, что это-то и есть законъ всего міра, въ которомъ я найду разрѣшеніе на вопросъ моей жизни. Но пришло время, когда ростъ во мнѣ прекратился, я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ, и я увидалъ, что законъ этотъ не только ничего мнѣ не объясняетъ, но что и закона такого никогда не было и не могло быть, а что я принялъ за законъ то, что нашелъ въ себѣ въ извѣстную пору жизни» (стр. 29).

«Не найдя разъясненія въ знаніи, я сталъ искать этого разъясненія въ жизни, — продолжаетъ *Толстой* свой трогательный разсказъ, — надѣясь въ людяхъ, окружающихъ меня, найти его» (стр. 44). «Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни. Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать вниманіе на то, а не на это, и эта-то сила вывела меня изъ моего отчаяннаго положенія и совершенно иначе направила разумъ» (стр. 133).

Это новое направленіе оказалось чувствомъ вѣры. «Какъ я ни поставлю вопроса: какъ мнѣ жить? — отвѣтъ: по закону Божію. Что выйдетъ изъ настоящей моей жизни? — Вѣчныя мученія или же вѣчное блаженство. Какой смыслъ, не уничтожаемый смертью? — Соединеніе съ безконечнымъ Богомъ, рай. Такъ что... я былъ неизбѣжно приведенъ къ признанію того, что у всего живущаго человѣчества есть еще какое-то другое знаніе, внѣ разума, — вѣра, дающая возможность жить».

«Противоположность разума и вѣра оставалась для меня тою же, что и прежде, но я не могъ не признать того, что вѣра даетъ человѣчеству отвѣты на вопросы жизни и вслѣдствіе этого возможность жить».

«Разумное значеніе привело меня къ признанію того, что жизнь безсмысленна, — жизнь моя остановилась, и я хотѣлъ уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на все человѣчество, я увидалъ, что люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ

смыслъ жизни. На себя оглянулся; я жилъ, пока зналъ смыслъ жизни. Какъ другимъ людямъ, такъ и мнѣ смыслъ жизни и возможность жизни давала вѣра» (стр. 57).

Сойдя на этотъ путь вѣры *Толстой* пришелъ къ слѣдующему воззрѣнію: «задача человѣка въ жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смириться, терпѣть и быть милостивымъ» (стр. 77). Это заключеніе въ свою очередь вызвало слѣдующее: «Сущность всякой вѣры состоитъ въ томъ, что она придаетъ жизни такой смыслъ, который не уничтожается смертью» (стр. 78).

Легко видѣть, что вся эта эволюція, порожденная инстинктивнымъ страхомъ смерти, привела къ вѣрѣ въ нѣчто, сохраняющееся послѣ смерти. При этихъ условіяхъ становится понятной упомянутая влаждебность къ наукѣ, такъ явно выраженная *Толстымъ*.

Конечно, не одного *Толстого* привела невозможность рѣшенія научнымъ способомъ вопроса смерти къ отверженію науки и возврату къ вѣрѣ.

Насколько можно судить по статьямъ *Брюнетьера*, онъ долженъ былъ пережить аналогичную внутреннюю борьбу, прежде чѣмъ такъ абсолютно вернуться въ лоно католичества.

Но даже столь положительный и скептическій умъ, какъ *Зола*, не устоялъ противъ настроеній, даваемыхъ вѣрой. По этому поводу мы находимъ очень интересную замѣтку у *Э. Гонкура* отъ 20 февр. 1883 г.: «сегодня вечеромъ послѣ обѣда, у софы изъ рѣзного дерева, возлѣ которой подаютъ ликеры, *Зола* заговариваетъ о смерти, навязчивая идея которой еще болѣе преслѣдуетъ его послѣ смерти матери. Послѣ молчанія онъ прибавляетъ, что смерть эта пробила брешь въ нигилизмѣ его религіозныхъ убѣжденій, — такъ ужасаетъ его мысль о вѣчной разлукѣ».

Очевидно, что въ слояхъ общества, менѣе проникнутыхъ раціоналистическими и научными идеями, очень часто должно наблюдаться возвращеніе къ религіи. Въ этомъ отношеніи мнѣ извѣстна исторія одной простой женщины-работницы, которая признавалась, что въ прежнія времена она вовсе не была вѣрующей, но что со времени рожденія ребенка стала вѣ-

рить въ Бога, думая, что одна эта вѣра можетъ избавить ея дитя отъ всѣхъ могущихъ постигнуть его бѣдъ.

Очень вѣроятно, что аналогичнымъ размышленіямъ обязанъ миѳъ о Прометеѣ, похитившемъ небесный огонь, за что онъ былъ прикованъ къ скалѣ.

Ту же мысль очень опредѣленно высказываетъ *Соломонъ* говоря: «вотъ я возвеличился и сталъ мудрѣе всѣхъ господствовавшихъ до меня надъ Іерусалимомъ, и сердце мое познало много мудрости и знанія. И я старался познать мудрость и ошибки безумія. Но я узналъ, что и это—терзанія ума. Потому что, гдѣ обиліе знанія, тамъ и обиліе горя, и тотъ, кто обогащается знаніемъ, обогащается и страданіемъ».

Гораздо позднѣе *Шекспиръ* представилъ въ *Гамлетѣ* типъ человѣка очень высокой культуры, которому разсужденіе и размышленіе мѣшаютъ дѣйствовать. Не будучи въ состояніи раціональнымъ путемъ рѣшить преслѣдующія его задачи, онъ спрашиваетъ себя: стоитъ ли жить? И прибавляетъ слѣдующія многозначительныя слова: «Такъ сознаніе обращаетъ всѣхъ насъ въ трусовъ; такъ блекнетъ румянецъ воли передъ блѣднымъ лучомъ размышленія».

Въ виду согласнаго мнѣнія столькихъ геніальныхъ людей, приходится, однако, задаться вопросомъ: не вредитъ ли слишкомъ много знанія людскому благу? Если въ самомъ дѣлѣ наука способна только разрушить вѣру и научить насъ тому, что живой міръ приходитъ къ сознанію бѣдствій старости, то спрашивается: не лучше ли вовсе остановить науку въ ея разрушительномъ шествіи? Быть можетъ, это стремленіе людей къ свѣту науки столь же вредно для рода людского, какъ стремленіе мотыльковъ къ огню гибельно для этихъ несчастныхъ насѣкомыхъ?

Вопросъ этотъ требуетъ опредѣленнаго отвѣта. Только, прежде чѣмъ вынести приговоръ, необходимо хорошенько изучить всѣ обстоятельства дѣла, что мы и постараемся выполнить въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА X.

Введеніе въ научное изученіе старости.

Общая картина старости.—Теорія старческаго вырожденія у одноклѣтчатыхъ.—Роль конъюгаціи инфузорій.—Старость у птицъ и у человѣкообразныхъ обезьянъ.—Общіе признаки старческаго вырожденія.—Склерозъ органовъ.—Фагоцитарная теорія старческаго вырожденія.—Разрушеніе макрофагами благородныхъ элементовъ.—Механизмъ сѣдѣнія волосъ. Серумы, вліяющіе на клѣтки (цитотоксины).—Артеріосклерозъ и его причины.—Вредное вліяніе кишечной флоры.—Кишечное гніеніе и способы его предотвращенія.—Попытки удлиннить человѣческую жизнь.—Долговѣчность въ библейскія времена.

Мы можемъ не раздѣлять мнѣнія тѣхъ, которые отворачиваются отъ науки и ищутъ правды и утѣшенія въ религіи; но мы не имѣемъ права не считаться съ ихъ мнѣніемъ или относиться къ нему свысока. Нельзя также ограничиваться утвержденіемъ, что люди, страдающіе отъ противорѣчія между желаніемъ жить и неизбѣжностью смерти и ищущіе разрѣшенія этой задачи, слишкомъ требовательны и не могутъ быть удовлетворены.

Когда говорятъ врачу: «голодъ и жажда мои неутолимы»,—онъ не отвѣчаетъ: «жаднымъ быть очень скверно; слѣдуетъ побороть этотъ недостатокъ силою воли». Онъ подробно изслѣдуетъ больного и старается по возможности избавить его отъ симптомовъ, на которые онъ жалуется и которые обусловливаются чаще всего сахарной болѣзнью.

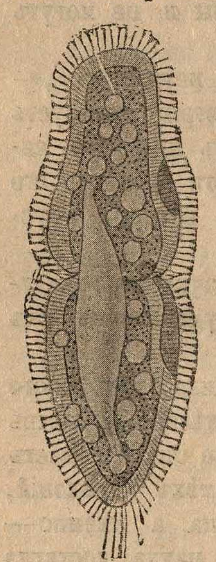
Точно такъ же должны относиться люди науки къ жаждущимъ жизни,—они обязаны стремиться къ уменьшенію ихъ страданія.

Слѣдуетъ признаться, что хотя наука накопила очень много свѣдѣній относительно всего, касающагося болѣзней, средствъ предупрежденія и лѣченія ихъ, тѣмъ не менѣе она обладаетъ крайне ничтожными данными относительно тѣхъ страданій, избавленія отъ которыхъ *Будда* просилъ у отца, а именно—старости и смерти. Относительно болѣзней наука достигла успѣховъ, о которыхъ не могъ имѣть никакого представленія отецъ *Будды*, царь *Кудгодана*; но на вопросъ о старости и смерти она не можетъ отвѣтить лучше, чѣмъ онъ. И людямъ, справляющимся объ этихъ задачахъ, она, какъ и царь, не

можетъ отвѣтить ничего другого, какъ: вы просите меня о невозможномъ; въ этомъ я безсильна.

Наука не только не имѣетъ никакого средства противъ старости, но она даже почти ничего не знаетъ относительно этого періода жизни человѣка и животныхъ. Мнѣ было очень трудно представить читателю на нѣсколько страницахъ современное положеніе медицины: такъ много слѣдовало сказать по этому поводу. Наоборотъ, достаточно нѣсколько строкъ, чтобы изложить наши свѣдѣнія о старости: такъ мало знаемъ мы о ней.

Какъ человѣкъ, такъ и всякія животныя съ возрастомъ претерпѣваютъ существенныя измѣненія. Силы ослабѣваютъ, тѣло горбится, волосы сѣдѣютъ, зубы изнашиваются. Однимъ словомъ, наступаютъ явленія старческой атрофіи. Въ этомъ преклонномъ возрастѣ, начинающемся въ различные сроки у разныхъ видовъ животныхъ, организмъ становится мало выносливымъ къ вреднымъ вліяніямъ и гибнетъ отъ различныхъ болѣзнетворныхъ причинъ.

Фиг. 12. Парамеція дѣлящаяся на-двое.

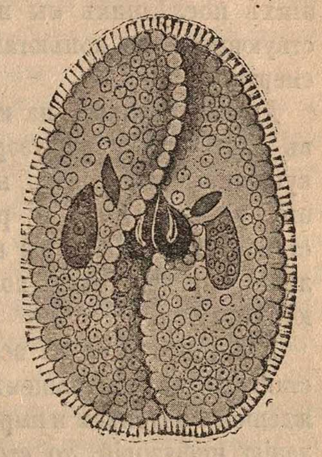
Иногда мы не улавливаемъ причины смерти и объясняемъ послѣднюю общимъ истощеніемъ тѣла, считая такой случай примѣромъ естественной смерти.

Свойственно ли это вырожденіе, или старческая атрофія, одному человѣку и высшимъ животнымъ, или же она встрѣчается у всѣхъ живыхъ существъ? Таковъ первый вопросъ, возникающій въ научномъ умѣ.

Всѣмъ извѣстны старыя деревья, одинъ видъ которыхъ указываетъ на ихъ преклонный возрастъ. Ихъ стволъ дуплистъ, кора потрескана, вѣтви и листва бѣдны. Нѣкоторыя древесныя породы живутъ сотни и, быть можетъ, тысячи лѣтъ; другія же старѣютъ гораздо скорѣе.

Итакъ, дряхлость наблюдается и въ растительномъ мірѣ. Думали, что она присуща также простѣйшимъ животнымъ, относящимся къ классу инфузорій. Вотъ что было у нихъ найдено. Инфузоріи легко живутъ въ сосудахъ съ настоемъ сѣна или

листьевъ. Онѣ обильно размножаются дѣленіемъ (см. фиг. 12), которое совершается въ очень короткіе промежутки времени. Иныя дѣляться приблизительно ежечастно. Понятно, что при этихъ условіяхъ, содержимое сосудовъ населяется необыкновенно быстро и черезъ короткое время кишитъ инфузоріями.

Фиг. 13. Конъюгація двухъ парамецій (по *Бютчли*).

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ зоологовъ, Мопа [1]), наблюдалъ, что послѣ ряда многочисленныхъ поколѣній инфузоріи становятся все мельче, подвергаются, такъ сказать, кахексіи и если имъ не удается конъюгироваться по двѣ особи, то умираютъ отъ истощенія (фиг. 13). Это совокупленіе приводитъ къ обмѣну нѣкоторыхъ внутреннихъ частей организма инфузорій, въ результатѣ чего получается полное обновленіе. Послѣ этого акта, относящагося къ явленіямъ оплодотворенія, инфузоріи снова принимаютъ свой обычный видъ и дѣлаются вновь способными размножаться очень долгое время дѣленіемъ.

Это періодическое истощеніе, предшествующее совокупленію, по Мопа, является примѣромъ старческаго вырожденія инфузорій. Онъ видѣлъ его у многихъ видовъ высшихъ инфузорій (рѣсничныхъ). То же явленіе наблюдается у многочисленныхъ другихъ простѣйшихъ организмовъ, но, по всей вѣроятности, его нельзя вполнѣ обобщить для всѣхъ микроскопическихъ существъ. Такъ, у бактерій, къ которымъ относится большинство болѣзнетворныхъ зачатковъ, конъюгація встрѣчается только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Даже самые крупные виды, какъ сибиреязвенная палочка, могутъ культивироваться въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, никогда не обнаруживая явленій конъюгаціи, или совокупленія.

Даже у инфузорій, которымъ необходимо конъюгироваться, чтобы имѣть возможность безпредѣльно размножаться, исто-

[1]) Le rajeunissement cariogamique chez les Cilliés. Archives de Zoologie expérimentale. 1889.

щеніе передъ конъюгаціей нельзя сравнивать со старческимъ вырожденіемъ человѣка, деревьевъ или животныхъ. У всѣхъ этихъ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ истощеніемъ, предшествующимъ не конъюгаціи и не обновленію, а несомнѣнной смерти.

Другая разница, на которую слѣдуетъ указать, заключается въ томъ, что у инфузорій истощеніе, предшествующее совокупленію, наступаетъ не у всѣхъ особей, какъ мы видимъ это у животныхъ и растеній, подверженныхъ настоящей старости. У инфузорій нѣсколькими сотнями смѣняются поколѣнія, прежде чѣмъ появятся слабыя особи, готовыя конъюгироваться.

Если, несмотря на все это, кто-нибудь продолжалъ бы настаивать на настоящемъ родствѣ между старческимъ вырожденіемъ человѣка и вырожденіемъ, предшествующимъ совокупленію инфузорій, то стоитъ только представить себѣ послѣдствія, которыя вызвало бы у человѣка примѣненіе способа, столь дѣйствительнаго у инфузорій, — чтобы вполнѣ измѣнить такое мнѣніе: конъюгація инфузорій — настоящее обновленіе, сразу излѣчивающее ихъ отъ истощенія; аналогичное средство у человѣка привело бы только къ еще болѣе быстрому и полному истощенію. Впрочемъ, судя по изслѣдованіямъ *Калкинса*[1]), истощенныя вырожденіемъ инфузоріи могутъ быть обновлены не только совокупленіемъ съ себѣ подобными, но также прибавленіемъ бульона или мозгового экстракта къ средѣ, въ которой онѣ живутъ.

Настоящая же старость является такой стадіей существованія, когда силы слабѣютъ, съ тѣмъ, чтобы болѣе не возстановиться.

У животныхъ съ опредѣленнымъ жизненнымъ цикломъ, признаковъ старческаго вырожденія не замѣчается. Жизнь взрослыхъ насѣкомыхъ часто очень кратковременна; они умираютъ, не обнаруживая ни малѣйшихъ видимыхъ старческихъ признаковъ. У низшихъ позвоночныхъ старость мало извѣстна и вообще мало замѣтна. Наоборотъ, у птицъ и у млекопитающихъ признаки старческой атрофіи очень рѣзки.

Нѣкоторые виды птицъ отличаются долговѣчностью. У

[1]) Biological Bulletin, t. III oct. 1902, стр. 192; Archiv. für. Entwickelungsmechanik, 1902, t. XV, стр. 139.

нихъ продолжительность жизни вообще больше, чѣмъ у млекопитающихъ. Не рѣдки примѣры, когда такія птицы, какъ гуси, лебеди, вороны, нѣкоторыя хищныя птицы и т. д. живутъ болѣе 50 лѣтъ [1]); у млекопитающихъ же такая долговѣчность является скорѣе исключеніемъ.

Даже такія мелкія птицы, какъ канарейки, могутъ жить до 20 лѣтъ. Особенной же долговѣчностью отличаются попугаи. Извѣстно, что какаду достигаютъ 80 лѣтъ и болѣе. Намъ удалось изслѣдовать южно-американскаго попугая (Chrysotis amazonica), умершаго въ 82 года, — оченъ глубокій возрастъ для этого вида. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти попугай обнаруживалъ безспорные признаки старческаго вырожденія. Онъ сталъ менѣе подвиженъ; опереніе его, не представляя ни малѣйшей сѣдины, стало, однако, менѣе блестящимъ, суставы лапъ обнаруживали явные признаки подагры. Однимъ словомъ, легко было видѣть, что попугай ослабъ и истощился.

Признаки старости еще рѣзче у млекопитающихъ, чѣмъ у птицъ. Старую собаку легко узнать по ея вялой походкѣ, ея сѣдѣющей шерсти, изношеннымъ зубамъ. Видъ такого животнаго непріятенъ, тѣмъ болѣе, что оно часто бываетъ нечистоплотнымъ и злымъ. *Брэмъ* [2]) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ старость собаки. «Въ 12 лѣтъ для собаки наступаетъ старость. Эта послѣдняя ступень ея жизни обнаруживается въ ея общемъ видѣ, во всѣхъ ея органахъ. Шерсть ея теряетъ блескъ и сѣдѣетъ на лбу и на мордѣ; зубы стираются и выпадаютъ. Собака становится лѣнивой, безразличной ко всему, что прежде ее возбуждало или радовало; часто она теряетъ голосъ или слѣпнетъ. Собаки иногда достигаютъ 20-ти и даже 26 и 30 лѣтъ, но это — рѣдкія исключенія».

Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о домашнемъ животномъ, то можно было бы думать, что старость его, сопровождаемая столь значительными явленіями вырожденія, ускоряется искусственными условіями жизни. Поэтому, для того, чтобы имѣть возможность судить по существу, слѣдовало бы взять примѣръ старости млекопитающаго, живущаго на свободѣ. Между тѣмъ условіе это не легко выполнимо, потому что старыя

---

1) *Gurney*: On the comparative Ages to wich Birds live. The Ibis. January, 1899, VII, ser. V nº 17, стр. 19.

2) Человѣкъ и животныя, т. I.

животныя, вслѣдствіе своей слабости, легко становятся добычей хищниковъ. Въ виду этого интересно привести нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя о старости человѣкообразныхъ обезьянъ.

Туземцы Борнео наблюдали старыхъ орангъ-утанговъ, которые не только потеряли всѣ зубы, но такъ утомлялись лазаньемъ на деревья, что предпочитали питаться только тѣмъ, что случайно падало съ нихъ, и сокомъ травъ [1]). По словамъ Сэваджа, гориллы съ возрастомъ сѣдѣютъ; это и подало поводъ къ баснѣ, будто существуетъ два вида этихъ животныхъ.

Старость обезьянъ на свободѣ очень напоминаетъ нашу собственную; подобно ей, она сопровождается печальными явленіями. Итакъ, старческое вырожденіе, на которое всѣ смотрятъ какъ на одно изъ величайшихъ въ мірѣ золъ, вовсе не есть привилегія одного человѣческаго рода.

Если картина старости, нарисованная въ приведенной нами въ VI-й главѣ буддійской легендѣ, и преувеличена, тѣмъ не менѣе вѣрно, что этотъ періодъ жизни характеризуется значительными измѣненіями, дѣлающими существованіе стариковъ весьма печальнымъ. *Будда,* въ силу своего пессимизма, смотрѣлъ на вещи слишкомъ мрачно. Посмотримъ же, какъ характеризуютъ старость оптимисты. Вотъ какъ описываетъ ее *Максъ Нордау*—врачъ, литераторъ и публицистъ: «...Старикъ,—говоритъ онъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя,—физически, является непріятнымъ воплощеніемъ дряхлости; нравственно, онъ—слѣпой и безжалостный эгоистъ, неспособный даже интересоваться чѣмъ бы то ни было, кромѣ самого себя; умственно, онъ—ослабленный и ограниченный мыслитель, по существу сплетенный изъ старыхъ ошибокъ и предразсудковъ и остающійся глухимъ для новыхъ идей» («Психологическіе парадоксы»).

Но, быть можетъ, мнѣ возразятъ, что я черпаю свои свѣдѣнія у писателя, который, въ качествѣ публициста, склоненъ къ преувеличеніямъ. Обратимся же къ ученому физіологу, который говоритъ передъ слушателями, желающими поучаться и узнать истину. Изложивъ въ общихъ чертахъ физическое вырожденіе, обусловленное старостью, *Лонже* [2]) рисуетъ слѣ-

[1]) *Huxley*: Мѣсто человѣка въ природѣ. 1891, стр. 210, 220.
[2]) Учебникъ физіологіи, 2-е изд., т. II, стр. 335.

дующую картину: старики «чувствуютъ, что земное призваніе ихъ выполнено; имъ кажется, что каждый думаетъ это о нихъ и попрекаетъ ихъ за то, что они еще занимаютъ мѣсто на землѣ; отсюда ихъ недовѣріе ко всему окружающему, ихъ зависть ко всему молодому; отсюда также ихъ любовь къ одиночеству и неровность ихъ настроенія... Конечно, невсѣ старики таковы: сердце иныхъ остается молодымъ и бодро бьется въ ослабѣвшемъ тѣлѣ; но вообще старики мрачны, въ тягость себѣ и другимъ, если они не окружены дѣтьми и внуками, которые любятъ въ нихъ прошлое и прощаютъ настоящее. Такъ смѣняются для нихъ годы, и каждый шагъ впередъ приближаетъ ихъ къ концу поприща, каждый часъ проводитъ въ нихъ новую морщину, приноситъ имъ новую слабость, новое сожалѣніе. Ихъ тѣло... дряхлѣетъ; позвоночникъ слишкомъ слабъ, чтобы поддерживать ихъ, и это придаетъ имъ особенное положеніе, приближающее ихъ къ землѣ».

Несомнѣнно, что старость—печальное состояніе; для того чтобы проникнуть въ сущность его, необходимо глубокое изученіе. Пока не имѣли никакого представленія о настоящей причинѣ болѣзней, большею частью не могли ничего предпринять для пресѣченія ихъ. То же относится и къ старости.

Возможно ли при современномъ положеніи науки составить себѣ сколько-нибудь точное понятіе о характеристическихъ чертахъ старческаго вырожденія? Задача эта не легка въ виду незначительнаго количества точныхъ фактовъ, относящихся къ этому, столь важному однако вопросу.

Всѣ знаютъ, что мясо старыхъ животныхъ отличается жесткостью. Нельзя сравнивать мясо старыхъ куръ съ нѣжнымъ мясомъ цыплятъ. Другіе органы, какъ печень или почки, у старыхъ животныхъ гораздо тверже, чѣмъ у молодыхъ. Твердое мясо старыхъ животныхъ сравниваютъ съ подошвою. Это сравненіе по существу вѣрно. Подошва сдѣлана изъ кожи животнаго, т.-е. изъ очень твердой ткани, состоящей изъ такъ называемой «соединительной ткани»—громаднаго количества волоконъ, смѣшанныхъ съ живыми элементами или соединительно-тканными клѣтками. Ткань эта очень прочная, почему и служитъ для выдѣлыванія подошвъ обуви.

Когда соединительная ткань значительно развивается въ какомъ-нибудь органѣ, то послѣдній становится тверже и ме-

нѣе пригоднымъ для ѣды. Отвердѣніе это называется *склерозомъ* (печени, почекъ и т. д.). Именно въ старости многіе органы склонны отвердѣвать или подвергаться склеротическому вырожденію. Фактъ этотъ былъ давно замѣченъ, но общее значеніе его признано только гораздо позднѣе. Вотъ что говоритъ *Деманжъ* [1]) въ своей монографіи объ измѣненіяхъ организма въ старости. «Одновременно съ атрофіей и вырожденіемъ паренхиматозныхъ элементовъ [2]), наблюдается глубокое измѣненіе соединительно-тканной сѣти, служащей имъ опорой. Въ иныхъ случаяхъ, вслѣдствіе клѣточной атрофіи, соединительно-тканная оболочка становится явственнѣе, однако безъ преувеличеннаго развитія; это часто наблюдается въ старческой печени. Но по большей части соединительная ткань претерпѣваетъ настоящее возбужденіе, которое, не доходя до воспаленія, вызываетъ эмбріональное размноженіе и послѣдующій склерозъ. Склерозъ этотъ, смотря по обстоятельствамъ, развивается то островками, то полосами; онъ начинается то съ периферіи органа, то въ глубинѣ его и своими петлями заглушаетъ элементы органа, обусловливая новую причину ихъ атрофіи и вырожденія. Клѣточный элементъ такимъ образомъ мало-по-малу исчезаетъ, соединительно-тканная сѣть замѣняетъ его и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ предстательной железѣ, вслѣдствіе своего усиленнаго развитія, дѣлаетъ органъ объемистѣе нормальной его величины; но еще чаще слѣдствіемъ является общая и частная атрофія» (стр. 9).

Старческіе склерозы иногда выражаются въ формѣ отвердѣванія печени (циррозъ печени) или почекъ (циррозъ почекъ); но всего чаще этому измѣненію подвергаются артеріи; дегенерація послѣднихъ извѣстна подъ названіемъ артеріосклероза.

Казалисъ давно уже формулировалъ такъ часто повторяемый афоризмъ: «нашъ возрастъ—это возрастъ нашихъ артерій». И дѣйствительно, эти сосуды, разносящіе кровь во всѣ органы, имѣютъ очень большое значеніе для всей нашей организаціи. Когда вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія соединительной ткани они отвердѣваютъ, то хуже выполняютъ

---

[1]) Etude clinique et anatomo-pathologique sur la vieillesse. Paris. 1886.

[2]) Паренхиматозные элементы составляютъ самыя существенныя клѣтки органовъ, какъ печень, почки, мускулы, мозгъ и т. д.

свою дѣятельность и становятся гораздо болѣе хрупкими. Приписывали даже (теорія *Деманжа*) всѣ старческія измѣненія вырожденію артерій. Это—очевидное преувеличеніе, тѣмъ болѣе, что при вскрытіи стариковъ нерѣдко наблюдаютъ слабую степень или даже отсутствіе артеріосклероза.

Можно было бы думать, что отвердѣваніе многихъ органовъ въ старости—общее явленіе и придаетъ большую прочность всему скелету. Кости, отдѣленныя одна отъ другой въ зрѣломъ возрастѣ, у стариковъ спаиваются вслѣдствіе известковаго отложенія въ швахъ. Позвонки часто спаиваются вслѣдствіе окостѣненія отдѣляющихъ ихъ частей. Большинство хрящей также окостенѣваетъ. Однако, несмотря на все это, точно для того, чтобы доказать, что въ старости все полно противорѣчій, самый костный скелетъ становится легче, количество минеральныхъ веществъ въ немъ уменьшается. Слѣдствіемъ этого являются частые изломы костей у стариковъ. Особенно часто ломается у нихъ головка бедренной кости; это имѣетъ нерѣдко своимъ послѣдствіемъ смерть, чему примѣромъ служитъ знаменитый *Вирховъ*, одинъ изъ величайшихъ представителей научной медицины XIX-го вѣка.

Можетъ ли наука опредѣлить главныя измѣненія тканей у стариковъ?—На Берлинскомъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ 1890 года извѣстный нѣмецкій анотомъ *Меркель* [1]) захотѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ описаніи тканей въ старости онъ старается доказать, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, ткани, покрывающія кожу и слизистыя оболочки (эпителіальныя ткани), отличаются сохраненіемъ типа молодости; другія же, какъ соединительная ткань, представляютъ величайшія измѣненія. Эта попытка является первымъ очеркомъ скрытаго механизма старческаго вырожденія; но она не приводитъ ни къ какому простому и общему представленію.

Позднѣе я старался [2]) пополнить этотъ пробѣлъ, пользуясь появившимися работами различныхъ наблюдателей по вопросу о старческомъ вырожденіи. Я формулировалъ слѣдующимъ образомъ свое мнѣніе: въ старческой атрофіи мы

---

[1]) Bemerkungen üb. d. Gewebe beim Altern, Verhandlung. d. X. Internat. medic. Congresses. Berlin. 1891. T. II, стр. 124.

[2]) Année Biologique de Yves Delage. T. III, 1899. стр. 249.

всегда встрѣчаемъ одну и туже картину—*атрофію благородныхъ и специфическихъ элементовъ тканей и замѣну ихъ гипертрофированной соединительной тканью.* Въ мозгу нервныя клѣтки, т.-е. тѣ, которыя служатъ для самой высокой дѣятельности—умственной, чувствующей, управляющей движеніями и т. д.,—исчезаютъ для того, чтобы уступить мѣсто низшимъ элементамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *невроглiи*—рода соединительной ткани нервныхъ центровъ. Въ печени соединительная ткань вытѣсняетъ печеночныя клѣтки, выполняющія существенную роль въ питаніи организма. Та же ткань наводняетъ и почки; она затягиваетъ каналы, необходимые для избавленія насъ отъ множества вредныхъ растворимыхъ веществъ. Въ яичникахъ яички—специфическіе элементы, служащіе для размноженія вида,—точно такъ же вытѣсняются и замѣняются клѣтками зернистаго слоя изъ группы соединительной ткани.

Другими словами, старость характеризуется борьбою между благородными элементами организма и простыми, первичными,—борьбою, кончающейся въ пользу послѣднихъ. Побѣда ихъ выражается ослабленіемъ умственныхъ способностей, разстройствами питанія, затрудненіемъ обмѣна веществъ и т. д.

Говоря «борьба», я не употребляю метафоры. Дѣло идетъ о настоящей битвѣ въ самой глубинѣ нашего организма.

Во всѣхъ частяхъ нашего тѣла встрѣчается не мало клѣтокъ, удержавшихъ значительную долю независимости. Онѣ обладаютъ самостоятельной подвижностью и способны поглощать разныя твердыя тѣла, вслѣдствіе чего ихъ называютъ *фагоцитами*, или пожирающими клѣтками. Послѣднія выполняютъ очень существенную роль въ нашемъ организмѣ, именно: онѣ въ большомъ количествѣ скопляются вокругъ микробовъ или разныхъ другихъ постороннихъ тѣлъ, способныхъ вредить здоровью, и поѣдаютъ ихъ. Фагоциты также разсасываютъ кровоизліянія и различные элементы, проникающіе въ мѣста, гдѣ не могутъ выполнять никакой полезной роли. Такъ, когда при апоплектическомъ ударѣ кровь изливается въ какую-нибудь часть мозга и вызываетъ двигательный параличъ, фагоциты скопляются вокругъ кровяного сгустка и пожираютъ его вмѣстѣ съ заключенными въ немъ кровяными ша-

риками. Разсасываніе это производится медленно; но по мѣрѣ того какъ мозгъ освобождается отъ кровоизліянія, движенія возстановляются, и организмъ можетъ вполнѣ выздоровѣть. Въ этомъ примѣрѣ излѣченіе обязано фагоцитамъ.

Когда, во время родовъ, матка представляетъ громадную рану, покрытую кровяными сгустками, опять таки фагоциты очищаютъ ее и приводятъ въ нормальное состояніе. Итакъ, роль этихъ клѣтокъ вообще очень благодѣтельна.

Существуютъ двѣ большія категоріи фагоцитовъ: мелкіе подвижные фагоциты, обозначаемые подъ именемъ *микрофаговъ*, и крупные фагоциты, то подвижные, то нѣтъ, которыхъ называютъ *макрофагами*.

Первые происходятъ изъ костнаго мозга и циркулируютъ въ крови, составляя часть бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, или лейкоцитовъ. Они отличаются лопастной формой своихъ ядеръ, что позволяетъ имъ легко проникать сквозь мелкіе кровяные сосуды и скопляться въ эксудаты, развивающіеся вокругъ микробовъ. Иногда эксудаты эти образуются въ очень короткое время, что является очень выгоднымъ условіемъ для выздоровленія отъ заразныхъ болѣзней.

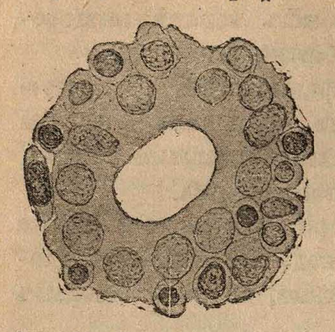
Наоборотъ, при разсасываніи кровоизліяній и при зарубцеваніи ранъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ макрофаги. Вообще можно сказать, что микрофаги излѣчиваютъ насъ отъ микробовъ, а макрофаги — отъ механическихъ поврежденій, какъ кровоизліянія, пораненія и т. д.

Макрофаги снабжены простымъ, нелопастнымъ ядромъ. Они относятся либо къ извѣстной категоріи бѣлыхъ шариковъ крови, лимфы и эксудатовъ, либо къ неподвижнымъ клѣткамъ соединительной ткани, селезенки, лимфатическихъ железъ и т. д.

Фагоциты одарены собственной чувствительностью. Они обладаютъ родомъ обонянія или вкуса, позволяющимъ имъ узнавать составъ окружающей среды. Судя по полученному впечатлѣнію, они или приближаются къ тѣламъ, вызвавшимъ его, или остаются безразличными, или удаляются. Проникновеніе въ организмъ заразныхъ микробовъ раздражаетъ преимущество микрофаговъ; привлекаемые микробными продуктами, они стекаются въ эксудаты.

При старческомъ вырожденіи мы имѣемъ дѣло съ вмѣша-

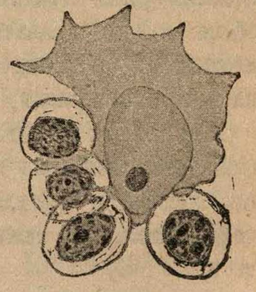
тельствомъ макрофаговъ. Фагоциты эти обусловливаютъ между прочимъ атрофію почекъ у стариковъ (фиг. 14).

Фиг. 14. Разрѣзъ почечнаго канальца, наводненнаго макрофагами девяностолѣтняго старика (макрофаги по препарату *Вейнберга*).

Они въ огромномъ количествѣ притекаютъ къ этимъ органамъ, гдѣ скопляются вокругъ почечныхъ канальцевъ и уничтожаютъ ихъ. Занявъ ихъ мѣсто, макрофаги образуютъ соединительную ткань, замѣняющую такимъ образомъ нормальную почечную ткань. Аналогическій процессъ происходитъ также и въ другихъ тканяхъ, подвергающихся старческому перерожденію. Такъ, наблюдаютъ, что въ мозгу стариковъ и старыхъ животныхъ очень многія нервныя клѣтки окружены макрофагами и поѣдаются ими (фиг. 15).

Въ вышеприведенной мною статьѣ я счелъ себя въ правѣ утверждать, что старческое вырожденіе по существу сводится къ разрушенію макрофагами благородныхъ элементоовъ организма. Результатъ этотъ слѣдовало подтвердить прямыми наблюденіями, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые ученые сочли его сомнительнымъ.

Фиг. 15. Мозговая клѣтка 100-лѣтней старухи, поѣдаемая макрофагами (по препарату д-ра *Филиппа*).

Такъ *Маринеско* [1]), имѣющій авторитетъ во всемъ, касающемся нервной системы, возражалъ противъ моего мнѣнія, основываясь на томъ фактѣ, что въ нервныхъ центрахъ стариковъ разрушеніе специфическихъ элементовъ не зависитъ отъ фагоцитовъ.

Вотъ какъ онъ высказывается по этому вопросу: «На большомъ числѣ препаратовъ какъ головно-мозговой коры, такъ и спинного мозга стариковъ я никогда не находилъ макрофаговъ, разрушающихъ нервную клѣтку; старческая атрофія, слѣдовательно, не есть результатъ нашествія фагоцитовъ на нервную клѣтку».

---

[1]) Comptes rendus de l'academie des Sciences, 3 avril. 1900.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія *Маринеско* прислалъ мнѣ нѣсколько препаратовъ спинного мозга и головно-мозговой коры стариковъ. Я легко могъ подтвердить отсутствіе фагоцитоза въ спинномъ мозгу, т.-е. въ органѣ, старческое перерожденіе котораго вообще очень слабо. Наоборотъ, на разрѣзахъ коры большихъ полушарій двухъ стариковъ 102 и 117 лѣтъ я безъ труда могъ замѣтить очень большое количество нервныхъ клѣтокъ, задѣтыхъ макрофагами. *Маринеско* высказалъ мнѣніе что, наводненіе нервныхъ клѣтокъ макрофагами нисколько не зависитъ отъ поглощенія первыхъ послѣдними. Основываясь на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, я болѣе чѣмъ когда-либо остаюсь при томъ мнѣніи, что нервныя клѣтки пожираются макрофагами.

Вопросъ этотъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подвергли многосторонней и тщательной разработкѣ. Много было высказано мнѣній и за, и противъ поѣданія нервныхъ клѣтокъ макрофагами, но нужно думать, что окончательное рѣшеніе этого вопроса не за горами, тѣмъ болѣе, что главный мой противникъ, *Маринеско,* наконецъ согласился признать невронофагію въ томъ смыслѣ, какъ я ее проповѣдую (см. Comptes rendus de la Société de Biologie, 1908).

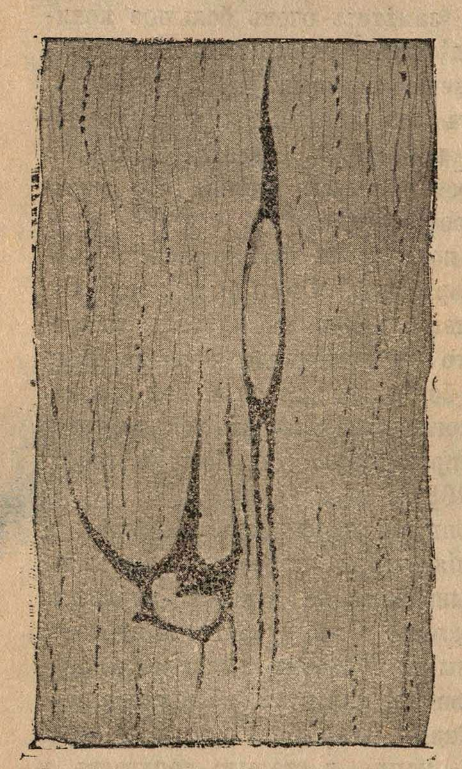
Нѣсколько лѣтъ назадъ боннскій профессоръ *Рибберть* [1]) возсталъ противъ моего мнѣнія, что въ старческомъ вырожденіи особенно важная роль выпадаетъ на атрофію нервныхъ клѣтокъ при помощи макрофаговъ. Онъ думаетъ напротивъ, что при этомъ вліяетъ главнымъ образомъ накопленіе пигментныхъ зернышекъ въ нервныхъ клѣткахъ, мѣшающее нормальному отправленію послѣднихъ. Теорія эта однако же легко опровергается фактами. Такъ, напр., у старыхъ попугаевъ, у старыхъ бѣлыхъ мышей и бѣлыхъ крысъ, вовсе не наблюдается отложенія пигмента въ нервныхъ клѣткахъ, между тѣмъ какъ послѣднія окружаются макрофагами, обусловливающими ихъ атрофію.

Наводненіе тканей макрофагами въ старости представляется такимъ общимъ явленіемъ, что ему несомнѣнно надо придавать большое значеніе. Только, для того чтобы точнѣе опредѣлить роль этихъ фагоцитовъ, надо было подыскать особенно

[1]) Der Tod aus Altersschwäche. Bonn, 1908.

подходящій объектъ изслѣдованія. Я обратился къ сѣдѣнію волосъ [1]), являющемуся всего чаще первымъ видимымъ признакомъ старости.

Окрашенные волосы наполнены зернами пигмента, разбросанными въ обоихъ слояхъ, составляющихъ волосъ. Въ опредѣленный моментъ клѣтки осевой части волоса начинаютъ двигаться; онѣ выходятъ изъ своего оцѣпенѣнія и начинаютъ пожирать весь доступный имъ пигментъ. Набитыя окрашенными зернами, клѣтки эти, составляющія разновидность макрофаговъ (и названныя *пигментофагами* или, еще лучше, *хромофагами*), становятся подвижными и покидаютъ волосъ, направляясь то въ кожу, то вонъ изъ организма (фиг. 16). Такимъ путемъ *хромофаги* переносятъ пигментъ волосъ, которые вслѣдствіе этого становятся безцвѣтными, сѣдыми [2]). Этотъ процессъ всего проще объясняетъ быстрое сѣдѣнье волосъ; по поводу него существуетъ цѣлая литература. Въ то время какъ нѣкоторые авторы признаютъ возможность очень быстраго исчезновенія пигмента, другіе, изъ которыхъ упомяну извѣстнаго анатома *Штида* [3]) категорически отрицаютъ этотъ фактъ. Нынѣшняя

Фиг. 16. Сѣдѣющій волосъ. Хромофаги, переносящіе пигментныя зерна.

---

[1]) Annales de l'Institut Pasteur. 1901, стр. 865.

[2]) Annales de l'Institut Pasteur.

[3]) Недавно извѣстный анатомъ *Штида*, высказалъ мнѣніе, по которому волоса вовсе не сѣдѣютъ, а замѣняются бѣлыми волосами, сразу вырастающими безъ пигмента. Это мнѣніе однако же опровергается точно установленными фактами и находится въ противорѣчіи съ сѣдѣньемъ перьевъ, которое можетъ быть прослѣжено гораздо полнѣе чѣмъ сѣдѣнье волосъ.

война, столь богатая явленіями нервнаго возбужденія, дала возможность съ точностью рѣшить этотъ вопросъ.

Привожу случай, разсказанный врачемъ *Леборомъ* [1]) относительно молодого солдата 23 лѣтъ.

Вскинутый въ воздухъ передъ взорванной траншеей—онъ оглохъ и былъ контуженъ въ различныя части головы, особенно съ лѣвой стороны и, будучи отправленъ въ англійскій лазаретъ въ Аркъ-ан-Барруа́, на другой день онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что у него на головѣ, съ лѣвой стороны, пучки бѣлыхъ волосъ.

Механизмъ сѣдѣнія волосъ и шерсти имѣетъ то значеніе, что указываетъ на возбужденіе макрофаговъ, какъ на преобладающее явленіе въ старческомъ вырожденіи. Пористость костей у стариковъ зависитъ отъ сходной причины, т.-е. отъ разсасыванія и разрушенія скелета возбужденными макрофагами, наводняющими костныя пластинки.

Этотъ выводъ вытекаетъ изъ изслѣдованій, предпринятыхъ нами совмѣстно съ докторомъ *Вейнбергомъ*, и находится въ согласіи съ данными, опубликованными *Таширо* [2]).

Усиленная дѣятельность макрофаговъ въ старости очень тѣсно связана съ явленіями при нѣкоторыхъ хроническихъ болѣзняхъ. Старческій склерозъ входитъ въ ту же категорію, какъ и склерозъ органовъ, вызванный различными болѣзнетворными причинами. Такъ, несомнѣнно существуетъ аналогія старческаго вырожденія почекъ съ хроническимъ такъ называемымъ интерстиціальнымъ нефритомъ. Указанное нами старческое разрушеніе нервныхъ клѣтокъ макрофагами встрѣчается также въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ нервныхъ центровъ, какъ, напримѣръ, въ прогрессивномъ параличѣ, бѣшенствѣ и проч.

Недавно *Салимбени* и *Жери* [3]) сдѣлали очень подробное микроскопическое изслѣдованіе органовъ девяностотрехлѣтней старухи, при чемъ оказалось, что повсюду было замѣтно наводненіе тканей макрофагами, какъ это вообще наблюдается въ старости.

Уже давно замѣтили, что старость очень сходна съ болѣзнью. Поэтому вовсе неудивительно, что человѣкъ ощуща-

---

[1]) Bulletin de le société médicale des hôpitaux. 1915, p. 439.
[2]) Ziegler's Beiträge zur pathol. Anatomie, 1893, т. XXXIV, стр. 238.
[3]) Annales de l'Inst. Pasteur.

етъ сильное отвращеніе къ старости. Въ то время какъ дѣти и юноши всегда считаютъ себя старше своихъ лѣтъ и явно желаютъ стать взрослыми, зрѣлый человѣкъ не имѣетъ никакой охоты состарѣться. Инстинктивное чувство подсказываетъ намъ, что старость заключаетъ въ себѣ нѣчто ненормальное. Безъ сомнѣнія, ошибочно смотрѣть на старость какъ на физіологическое явленіе. Изъ-за того, что всѣ старѣютъ, принимать старость за нормальное явленіе можно лишь постольку, поскольку можно принимать за нормальное явленіе родовыя боли, отъ которыхъ избавлены только очень немногія женщины. Въ обоихъ случаяхъ мы, конечно, имѣемъ дѣло съ патологическими, а не съ чисто-физіологическими явленіями. Подобно тому какъ стараются смягчить или устранить боли роженицы, такъ естественно стремиться устранить зло, приносимое старостью. Но только во время родовыхъ болей достаточно примѣнить анестезирующее средство, между тѣмъ какъ старость — хроническое зло, противъ котораго гораздо труднѣе найти лѣкарство.

Мы видѣли, что въ старости происходитъ борьба между благородными элементами и фагоцитами, что жизненность первыхъ большею частью ослаблена, въ то время какъ вторые, наоборотъ, обнаруживаютъ усиленную дѣятельность. Поэтому казалось бы, что средствомъ борьбы противъ патологической старости должно бы быть, съ одной стороны, усиленіе наиболѣе цѣнныхъ элементовъ организма, а съ другой — ослабленіе наступательнаго стремленія фагоцитовъ.

Я долженъ сейчасъ же предупредить читателя, что задача эта еще не рѣшена, но что рѣшеніе ея не заключаетъ въ себѣ ничего непреодолимаго. Это такой же научный вопросъ, какъ многіе другіе. Свойства клѣточныхъ элементовъ легко измѣняются подъ различными вліяніями. Поэтому нѣтъ ничего неразумнаго въ исканіи средствъ, способныхъ усиливать кровяные шарики, нервныя, печеночныя и почечныя клѣтки, сердечныя и другія мышечныя волокна.

Если эти благородные элементы (нервныя, печеночныя, почечныя и сердечныя клѣтки) требуютъ усиленія, то это доказываетъ, что они подвержены какимъ-то постепенно ослабляющимъ ихъ причинамъ.

Было бы въ высшей степени важно знать, каковы эти

причины, потому что это дало бы намъ въ руки еще новое средство борьбы со старостью. Аналогія старческаго вырожденія съ атрофическими болѣзнями нашихъ важнѣйшихъ органовъ позволяетъ предположить и сходство причинъ, вызывающихъ оба эти ряда явленій. Склерозъ мозга, почекъ и печени часто зависитъ отъ отравленія такими ядами, какъ алкоголь, свинецъ, ртуть и т. д. Болѣзни эти также могутъ быть вызваны заразными началами, между которыми главную роль играетъ сифилисъ.

Большое значеніе этого венерическаго заболѣванія, вызывающаго болѣзненные и патологическіе признаки старости, главнымъ образомъ обнаруживается въ артеріосклерозѣ. По очень добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ, собраннымъ шведскимъ врачемъ *Эдіреномъ* [1]) въ монографіи артеріосклероза, пятая часть случаевъ этой болѣзни вызывается сифилисомъ. Еще большее количество случаевъ (25%) обусловлено хроническимъ алкоголизмомъ. Итакъ, оба эти фактора вмѣстѣ обусловливаютъ почти половину (45%) случаевъ артеріосклероза.

Сифилитическій вирусъ и алкоголь дѣйствуютъ какъ яды, вызывающіе сначала дегенерацію и отвердѣніе стѣнокъ артерій, а затѣмъ ослабленіе благородныхъ элементовъ организма. Низшія клѣтки—фагоциты—менѣе чувствительны къ этимъ ядамъ, чѣмъ и объясняется ихъ побѣда надъ отравленными элементами.

Ревматизмъ, подагра и инфекціонныя болѣзни играютъ только второстепенную роль между причинами артеріосклероза. Въ результатѣ всѣхъ разсчетовъ *Эдіренъ* признается, что почти въ одной пятой случаевъ ему невозможно было добиться настоящей причины артеріосклероза. Въ громадномъ большинствѣ этихъ случаевъ дѣло касалось пожилыхъ людей, «такихъ», которые, по *Эдірену*, «поражены, такъ сказать, физіологическимъ склерозомъ» (стр. 118).

Я же предполагаю, что этотъ склерозъ безъ выясненной причины—вовсе не физіологическій, а должно быть, столь же патологическій, какъ и склерозъ сифилитическаго или алкоголическаго происхожденія. Но откуда же, спросятъ меня,

[1]) Die Arteriosclerose. Leipzig, 1898.

является отравленіе въ этихъ случаяхъ? При сифилисѣ мы имѣемъ дѣло съ организованнымъ вирусомъ, а именно съ «блѣднымъ» спирилломъ Шаудина. Онъ-то и вызываетъ инфекцію или отравленіе, приводящее къ артеріосклерозу, прогрессивному параличу и къ другимъ серьезнымъ поврежденіямъ здоровья. При алкоголизмѣ мы имѣемъ дѣло съ ядомъ дрождей, этихъ микроскопическихъ грибковъ, близкихъ къ настоящимъ микробамъ. Для того же чтобы объяснить артеріосклерозъ въ примѣрахъ, гдѣ нѣтъ ни сифилиса, ни алкоголизма, ни другой опредѣленной причины, слѣдуетъ отнести отравленіе на счетъ той массы безчисленныхъ микробовъ, которые кишатъ въ нашемъ кишечномъ каналѣ.

Уже *Бушаръ* [1]) обратилъ вниманіе на отравленіе организма, зависящее отъ нашего кишечнаго канала, *Гюшаръ* [2]) особенно настаивалъ на роли ядовъ пищи въ причиненіи обобщеннаго уплотненія артерій. Эти яды вырабатываются кишечными микробами.

Между этими микробами могутъ быть безвредные, даже такіе, которые полезны, но безспорно есть много такихъ, присутствіе которыхъ вредитъ здоровью и жизни. Не будучи въ состояніи подробно разсмотрѣть этотъ важный вопросъ, считаю нужнымъ резюмировать его въ нѣсколькихъ строкахъ.

Кишечный каналъ человѣка питаетъ громадное количество бактерій. По изслѣдованіямъ *Страсбургера* [3]), оно достигаетъ 128.000.000.000.000 въ день. Микробы эти немногочисленны въ частяхъ кишечника, переваривающихъ пищу, но они кишатъ въ толстыхъ кишкахъ, т.-е. въ нижней части, служащей вмѣстилищемъ пищевыхъ остатковъ. Послѣдніе вмѣстѣ со слизистыми выдѣленіями служатъ очень благопріятной средой для размноженія микробовъ. И въ самомъ дѣлѣ, микробная флора составляетъ $^1/_3$ человѣческихъ испражненій. Флора эта очень разнообразна и заключаетъ большое число видовъ, между которыми встрѣчаются палочки, кокки и разные другіе микробы; нѣкоторые изъ нихъ еще недостаточно изучены.

Уже одно распредѣленіе этой микробной флоры доказы-

---

1) Leçons sur les auto-intoxications, 1887.
2) Traité clinique des maladies du coeur. 3-е изданіе 1899, т. I, стр. 202.
3) Zeitschrift für klinische Medicin, 1902, т. XLVI, стр. 434.

ваетъ ея безполезность для жизни и здоровья человѣка; она бѣдна въ переваривающихъ частяхъ и очень богата въ тѣхъ, которыя не выполняютъ этой функціи. Одного этого факта достаточно для опроверженія мнѣнія ученыхъ, приписывающихъ кишечной флорѣ полезное вліяніе. Мнѣніе это основано главнымъ образомъ на томъ, что нѣкоторыя животныя истощаются при взращиваніи въ исключительныхъ условіяхъ безъ доступа микробовъ. *Шотеліусъ* [1]) впервые выполнилъ такой опытъ. Онъ выводилъ цыплятъ въ клѣткѣ, для этого спеціально приготовленной. Цыплята вылуплялисъ изъ яицъ и жили нѣсколько недѣль; но, не заключая микробовъ внутри своего тѣла и питаясь одной стерилизованной пищей, они, вмѣсто того, чтобы прибавляться въ вѣсѣ, худѣли и впадали въ крайній маразмъ.

Когда *Шотеліусъ* прибавлялъ бактеріи къ пищѣ этихъ кахектическихъ цыплятъ, послѣдніе немедленно поправлялись и возвращались къ нормальному состоянію.

Аналогичный опытъ былъ сдѣланъ г-жею *Мечниковой* [2]) надъ головастиками лягушки; выкормленные въ сосудѣ съ хлѣбомъ, заключающимъ микробы, они развивались нормально; когда же выращиваніе производилось при полномъ отсутствіи микробовъ, то головастики хотя и жили въ теченіе мѣсяцевъ, но были кахектическими и останавливались въ своемъ развитіи.

Впослѣдствіи Коэнди [3]) и Волманну [4]) удалось выращивать цыплятъ и головастиковъ лягушки безъ всякаго содѣйствія микробовъ при вполнѣ удовлетворительныхъ условіяхъ развитія.

Съ другой стороны, *Нюталю* и *Тирфелдеру* [5]) удалось въ теченіе нѣсколькихъ дней растить новорожденныхъ морскихъ свинокъ, кишечникъ которыхъ не содержалъ микробовъ, и которыя получали исключительно вполнѣ стерилизованное молоко или растительную пищу. Несмотря на этотъ режимъ безъ микробовъ, морскія свинки развивались въ довольно хорошемъ состояніи.

Такъ какъ оба ряда опытовъ были произведены при усло-

---

1) Archiv f. Hygiene, 1898, стр. 48.
2) Annales de l'Institut Pasteur, 1901, стр. 306.
3) Ibid. 1912, p. 106,
4) Ibid. 1913, p. 154
5) Zeitschrift f. physiologische Chemie, 1895, стр. 109.

віяхъ, устраняющихъ всякую причину ошибки, то было бы очень важно согласовать, повидимому, совершенно противорѣчивые результаты. Всѣ приведенные три опыта имѣютъ то общее между собою, что они относились къ новорожденнымъ животнымъ. А, какъ извѣстно, непосредственно послѣ рожденія пищеварительные ферменты часто выдѣляются очень несовершеннымъ образомъ. У морскихъ свинокъ количество ихъ могло быть достаточнымъ для перевариваніи вводимой пищи, въ то время, какъ у цыплятъ и у головастиковъ ферменты эти сами по себѣ не были въ состояніи въ достаточной степени выполнять свою роль. Прибавленіе микробовъ, одаренныхъ значительной пищеварительной силой, легко могло пополнить недостаточность собственныхъ ферментовъ кишечнаго канала.

Рядомъ съ морскими свинками, взрощенными *Нюталемъ Тирфелдеромъ*, стоитъ цѣлая серія низщихъ животныхъ, каковы личинки моли, шелковичные черви и другія насѣкомыя, кишки которыхъ почти вполнѣ лишены микробовъ, а между тѣмъ легко усваиваютъ очень неудобоваримую пищу, какъ воскъ и шерсть. Результаты эти подтверждаются еще фактомъ, хорошо извѣстнымъ физіологамъ: желудочный и панкреатическій соки млекопитающихъ легко перевариваютъ очень разнообразную пищу въ средахъ, заключающихъ антисептическія вещества, при чемъ вмѣшательство микробовъ вполнѣ исключено. За послѣднее время докторами *Коэнди* и *Вольманомъ* были произведены въ моей лаботоріи опыты, доказывающіе, что цыплята, головастики лягушекъ и мухи могутъ быть выращены безъ всякаго участія какихъ бы то ни было бактерій.

Намъ нѣтъ надобности углубляться здѣсь въ изученіе этого вопроса, такъ какъ то, что по существу интересуетъ насъ, легко можетъ быть доказано при помощи фактовъ, уже изложенныхъ читателю. Такъ, полная атрофія толстыхъ кишекъ у женщины, о которой шла рѣчь въ IV главѣ, достаточно доказываетъ, что эта часть кишечника не только не необходима для здоровья и жизни человѣка, но и что онъ легко можетъ обойтись безъ богатой флоры, заключенной въ его толстой кишкѣ. Въ этомъ-то и заключается вся суть вопроса. Именно эта безполезная флора и можетъ вызвать серьезныя поврежденія здоровья и даже угрожать смертью. Брюшныя раны

гораздо опаснѣе грудныхъ потому, что онѣ позволяютъ содержимому кишекъ проникать въ брюшную полость. Кишечные микробы размножаются тогда въ организмѣ, который и заболѣваетъ серьезно или смертельно.

Когда микробы эти остаются въ кишечномъ содержимомъ, они только рѣдко и въ маломъ количествѣ проникаютъ въ кровообращеніе; поэтому организмъ безъ большого затрудненія побѣждаетъ ихъ. Громадное большинство этихъ микробовъ не проходитъ сквозь стѣнки кишекъ, но ихъ растворимые продукты легко могутъ попасть въ лимфу и кровь. Фактъ этотъ вытекаетъ изъ множества хорошо установленныхъ данныхъ

Уже довольно давно въ мочѣ человѣка и животныхъ былъ найденъ цѣлый рядъ такихъ веществъ, какъ производныя фенола, крезола, индола, скатола и т. д. Было замѣчено, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ количество этихъ веществъ значительно увеличивается. Застой содержимаго кишекъ вызываетъ увеличеніе фенола и индола.

Какъ эти, такъ и нѣсколько другихъ анологичныхъ фактовъ, подали мысль, что названные продукты выдѣляются микробами, живущими въ кишкахъ. Всасываясь стѣнками кишекъ, они проникаютъ въ кровь и могутъ вызвать болѣе или менѣе серьезныя нарушенія здоровья.

Бауманнъ, очень много занимавшійся этимъ вопросомъ, представилъ весьма большое количество доводовъ, основанныхъ на точныхъ опытахъ и говорящихъ въ пользу микробнаго происхожденія веществъ въ мочѣ. *Эвальдъ* подтвердилъ это предположеніе очень наглядными фактами иного рода. Ему представился случай изучить паціента, которому вслѣдствіе ущемленія грыжи пришлось сдѣлать кишечную фистулу.

За все время бездѣйствія толстыхъ кишокъ, кишечное содержимое и моча не заключали ни фенола, ни индола, ни ихъ производныхъ.

Но какъ только фистула закрылась и возстановилось сообщеніе съ толстыми кишками, — фенолъ и индиканъ вновь появились въ выдѣленіяхъ. *Эвальдъ* заключаетъ изъ этого, что источникъ обоихъ этихъ веществъ находится въ толстыхъ кишкахъ.

Послѣ цѣлаго ряда изслѣдованій, произведенныхъ за послѣднее время, не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію, что на-

званные яды суть исключительные продукты жизнедѣятельности кишечныхъ бактерій и что, несмотря на небольшое количество, попадающее въ кровь, эти яды способны вызвать хроническое отравленіе въ видѣ артеріосклероза, медленнаго воспаленія почекъ, печени, и проч., словомъ въ видѣ измѣненій характерныхъ для старческаго перерожденія. Предположеніе мое о роли кишечной флоры въ обусловливаніи старости уже болѣе не есть гипотеза, какъ прежде, а научно установленный фактъ. Систематическія изслѣдованія, выполненныя за послѣдніе годы въ моей лабораторіи[1]) поставили внѣ всякаго сомнѣнія вредное вліяніе индола, феноловъ и маслянной кислоты — (продуктовъ кишечнаго гніенія и броженія) — на самыя цѣнныя ткани нашего организма.

Въ IV главѣ мы уже высказали положеніе, что толстыя кишки развились у млекопитающихъ съ цѣлью накопленія пищевыхъ остатковъ, позволяющаго продолжительный и безостановочный бѣгъ, который представляетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. Съ другой стороны, микробы, столь обильно развивающіеся въ содержимомъ толстыхъ кишокъ, облегчали усвоеніе нѣкоторыхъ неудобоваримыхъ веществъ, какъ, напримѣръ, клѣтчатки. Но оба эти обстоятельства не имѣютъ болѣе значенія для рода человѣческаго. Не быстротой бѣга достигаетъ человѣкъ своей добычи, и не имъ избѣгаетъ онъ враговъ своихъ. Сильное развитіе его умственныхъ способностей даетъ ему возможность бороться другими, гораздо болѣе дѣйствительными средствами. Съ другой стороны, онъ легко можетъ обойтись безъ клѣтчатки: кухонное искусство и культура овощей и плодовъ растеній даютъ ему такія средства питанія, о которыхъ никогда не могло и подумать ни одно животное.

Но и эта медаль имѣетъ свою обратную сторону. Не обладая сознаніемъ ни смерти, ни старости, млекопитающія пріобрѣли преимущества толстыхъ кишокъ на счетъ своей долговѣчности. Уже было упомянуто выше, что птицы живутъ долѣе млекопитающихъ. Онѣ же лишены толстыхъ кишокъ и имѣютъ несравненно менѣе богатую микробную флору, чѣмъ

---

[1]) *Metchnikoff*. Annales de l'Institut Pasteur 1910, *p*. 755. — 1913, *p*. 893.
Dretchinsky. Id. 1912. *p*. 401.
Coleman. Id. 1915, *p*. 139.

млекопитающія. Правило это представляетъ одно очень многозначительное исключеніе. Страусы и другія бѣгающіе, самыя большія изъ птицъ, отличаются неспособностью летать и быстротою бѣга, избавляющей ихъ отъ погони враговъ. Только у нихъ однихъ изъ всѣхъ птицъ сильно развиты толстыя кишки. Однако вмѣсто того, чтобы жить гораздо дольше значительно меньшихъ птицъ, какъ попугаи, вороны, лебеди и т. д., страусы, по наблюденіямъ *Ривіера,* занимающагося въ Алжиріи разводкою ихъ, живутъ всего до 35 лѣтъ. Своимъ образомъ жизни, развитіемъ толстой кишки, богатствомъ кишечной флоры и кратковременностью жизни, страусы, слѣдовательно, гораздо ближе подходятъ къ млекопитающимъ, чѣмъ къ птицамъ.

Замѣчательно, что большое число долговѣчныхъ птицъ не имѣютъ слѣпой кишки, — части, заключающей всего болѣе микробовъ. Изслѣдованіе содержимаго кишокъ попугая указываетъ на крайнюю бѣдность микробной флоры. Итакъ, сравнительное изученіе фактовъ вполнѣ подтверждаетъ гипотезу, что обильная кишечная флора, безполезная для пищеваренія, укорачиваетъ только жизнь, благодаря микробнымъ ядамъ, ослабляющимъ благородные элементы и усиливающимъ фагоциты.

Родъ человѣческій унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ какъ толстыя кишки, такъ и условія, благопріятствующія развитію богатой кишечной флоры. Онъ терпитъ, слѣдовательно, неудобства этого наслѣдія. Съ другой стороны, у человѣка мозгъ необыкновенно развился, а съ нимъ и умственныя способности, обусловливающія наше сознаніе старости и смерти. Наше сильное желаніе жить находится въ противорѣчіи съ немощами старости и краткостью жизни. Это — наибольшая дисгармонія человѣческой природы.

Итакъ, для того, чтобы сдѣлать старость дѣйствительно физіологической, необходимо противодѣйствовать неудобствамъ, зависящимъ отъ развитія толстыхъ кишокъ. Разумѣется, невозможно положиться на силы, дѣйствующія внѣ воли человѣка, и ждать уничтоженія ставшихъ ненужными толстыхъ кишокъ. Человѣкъ, руководимый точной наукой, долженъ дѣятельно стремиться достигнуть этого результата. Уже теперь нѣкоторые искусные хирурги отваживаются удалять толстыя кишки у больныхъ, страдающихъ хроническими запорами. Быть

можетъ, въ отдаленномъ будущемъ и пойдутъ по этому пути. Но пока раціональнѣе дѣйствовать непосредственно на вредные микробы, населяющіе наши толстыя кишки. Среди ихъ разнообразной флоры можно отличать такъ называемыя анаэробныя бактеріи, т.-е. способныя жить безъ свободнаго кислорода и добывающія его по мѣрѣ надобности изъ разлагаемыхъ ими органическихъ веществъ. Размноженіе это выражается явленіями броженія и гніенія, часто сопровождаемыя выдѣленіемъ ядовъ. Между послѣдними встрѣчаются алкалоиды (птомаины), жирныя кислоты и даже настоящія токсины.

Въ кишкахъ нормальнаго человѣка явленія гніенія происходятъ только въ слабой степени, иногда даже вовсе не происходятъ. Но при кишечныхъ болѣзняхъ дѣтей и взрослыхъ, гнилостные микробы обильно развиваются и выдѣляютъ яды, раздражающіе стѣнки кишокъ.

Во избѣжаніе этихъ гнилостныхъ болѣзней у маленькихъ дѣтей, уже довольно давно было предложено давать имъ только стерилизованное молоко (въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенка выкармливаютъ на рожкѣ) или другую пищу, предварительно освобожденную отъ микробовъ. Въ большинствѣ случаевъ такое кормленіе даетъ очень благопріятные результаты.

Изыскивая вліянія, мѣшающія гніенію, замѣтили, что молоко загниваетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ то время какъ мясо, сохраненное при тѣхъ же условіяхъ, очень легко подвергается разложенію. Ученые, желавшіе дать себѣ отчетъ въ причинѣ этой разницы, послѣдовательно приписывали отсутствіе гніенія молока то казеину, то молочному сахару. Но изслѣдованія, сдѣланныя эльзасскимъ врачомъ *Бинштокомъ* [1]) и подтвержденныя *Тиссье* и *Мартелли* [2]), установили, что загниванію молока мѣшаютъ нѣкоторые микробы. Это именно тѣ, которые вызываютъ скисанье молока, превращая молочный сахаръ въ молочную кислоту; они отличаются своимъ противодѣйствіемъ гнилостнымъ микробамъ. Гніеніе происходитъ въ щелочной средѣ. Между тѣмъ микробы молока послѣдовательно производятъ большія количества кислоты, которая и мѣшаетъ развитію дѣйствію гнилостныхъ бактерій. Если къ мясному настою, въ который посѣяны гнилостные и молочные

[1]) Archiv f. Hygiene, 1902, t. XXXIX, стр. 390.
[2]) Annales de l'Institut, 1902, стр. 865.

микробы, прибавить соды, гніеніе наступаетъ тотчасъ, несмотря на присутствіе этихъ мѣшающихъ организмовъ.

При такихъ условіяхъ понятно, почему молочная кислота часто останавливаетъ нѣкоторые поносы и почему молочный режимъ такъ благопріятенъ въ болѣзняхъ, вызванныхъ кишечнымъ гніеніемъ. Понятно также, почему перебродившее молоко столь полезно въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

Итальянскій врачъ *Ровиги* [1]) ежедневно пилъ $1^1/_2$ литра кефира, т.-е. молока, подверженнаго молочному и спиртовому броженіямъ. Уже черезъ нѣсколько дней исчезъ индиканъ въ его мочѣ (одинъ изъ продуктовъ гнилостнаго разложенія въ кишкахъ) и наступило вообще значительное уменьшеніе эѳировъ—продуктовъ гніенія.

Итакъ, совершенно ясно, что, съ цѣлью сократить эти медленныя отравленія, ослабляющія сопротивленіе нашихъ благородныхъ элементовъ и усиливающія фагоциты, слѣдуетъ вводить въ пищевой режимъ кефиръ и, еще лучше, кислое молоко. Послѣднее отличается отъ кефира отсутствіемъ алкоголя, могущаго съ теченіемъ времени уменьшить жизненность нѣкоторыхъ существенныхъ клѣтокъ нашего организма. Присутствіе большого количества молочныхъ микробовъ неизбѣжно должно мѣшать размноженію гнилостныхъ микробовъ, что одно уже очень полезно для организма.

За послѣднее десятилѣтіе употребленіе бактерій, производящихъ молочную кислоту на счетъ сахара, распространилось очень значительно. На аптечномъ рынкѣ появилось большое количество разныхъ препаратовъ, изъ коихъ многіе къ сожалѣнію не достигаютъ цѣли. По нашему мнѣнію, лучше всего употреблять кислое молоко, приготовленное при помощи чистыхъ культуръ молочнокислыхъ бактерій, а также эти культуры въ видѣ мягкой мази, которую можно смѣшивать съ вареньемъ. Среди молочныхъ бактерій лучше другихъ «болгарская палочка» и «стрептобациллы». Недавно введена въ употребленіе новая бактерія (glycobacter peptolyticus), способная производить сахарныя вещества на счетъ крахмала и тѣмъ обусловливающая размноженіе бактерій въ такихъ глубокихъ частяхъ кишечнаго канала, куда не проникаетъ непосредственно поглощенный сахаръ.

1) Zeitschrift f. Physiol. Chemie 1892, t, XVI, стр. 43.

Но введеніемъ въ нашъ кишечный каналъ полезныхъ микробовъ не исчерпываются нужныя мѣропріятія. Можно еще также препятствовать проникновенію «дикихъ» микробовъ, способныхъ вредить здоровью. Почва, особенно унавоженная, содержитъ множество различныхъ и между прочимъ вредныхъ микробовъ. *Бинштокъ* нашелъ, что въ землѣ земляничныхъ грядокъ его сада встрѣчаются палочки столбняка. Въ теченіе трехъ недѣль глоталъ онъ понемногу этой земли и убѣждался въ исчезновеніи этихъ микробовъ въ его кишкахъ. Онъ приписываетъ это вліянію своихъ кишечныхъ микробовъ. Мы имѣемъ однако право предполагать, что въ случаяхъ, когда такой антагонизмъ проявляется недостаточно и когда цѣльность стѣнки кишечника нарушена—можетъ развиться столбнякъ,—благодаря спорамъ тетаническаго бацилла, проглоченнымъ съ землею, земляникою или сырыми плодами и овощами, выросшими на этой землѣ. Но въ унавоженной почвѣ встрѣчаются не однѣ бактеріи столбняка; въ ней находится еще множество другихъ микробовъ и среди нихъ—очень опасные.

Поэтому вполнѣ установлена необходимость воздержанія отъ сырой пищи и употребленія только предварительно переваренной, или же совершенно стерилизованной. Устраненіе дикихъ микробовъ и введеніе культурныхъ изъ кислаго молока могутъ привести къ значительному измѣненію кишечной флоры, благопріятному для сохраненія здоровья. Я знаю людей, слѣдующихъ такой діэтѣ и очень довольныхъ ею.

Итакъ, наука даже въ своемъ настоящемъ, несовершенномъ видѣ, не безоружна въ исканіи средствъ, задерживающихъ или хотя бы ослабляющихъ медленное и хроническое отравленіе организма, которое приводитъ къ вырожденію нашихъ наиболѣе цѣнныхъ элементовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда последнее зависитъ отъ сифилиса или алкоголизма, борьба должна быть направлена противъ нихъ. Мы уже давно знакомы со средствами такой борьбы, и если она не очень успѣшна, то это зависитъ только отъ безпечности или недоброжелательства заинтересованныхъ лицъ [1]).

---

1) Слѣдуетъ отмѣтить противодѣйствіе, которое упорно оказываютъ нѣкоторые врачи и аптекря распространенію 30%-ной каломельной мази и впрыскиваніямъ мышьяковистыхъ соединеній (атоксила и сальварсана), какъ предохранительныхъ средствъ отъ сифилиса лицамъ, пришедшимъ въ соприкосновеніе съ заразнымъ веществомъ. Нечего и говорить, что это противодѣйствіе находится въ полномъ противорѣчіи съ твердо установленными научными данными.

Усилить сопротивленіе благородныхъ клѣтокъ и превратить дикую кишечную флору человѣка въ культивированную — таковы достижимыя средства для того, чтобы старость стала болѣе физіологической, чѣмъ теперь, и, вѣроятно, также для продленія жизни человѣческой.

Если бы нѣкоторые изъ вредныхъ микробовъ нашей кишечной флоры не могли быть вполнѣ устранимы, то можно было бы обезвредить ихъ помощью соотвѣтствующихъ сыворотокъ. Уже найденъ специфическій серумъ противъ микроба ботулизма, способнаго серьезно вредить здоровью, если онъ попадаетъ въ кишечный каналъ.

Наше внутреннее сознаніе говоритъ намъ, что жизнь наша слишкомъ коротка, и уже давно ищутъ средствъ для ея продленія. Не говоря о средневѣковыхъ попыткахъ найти жизненный элексиръ, вопросъ этотъ занималъ и серьезныхъ мыслителей всѣхъ временъ.

Декартъ думалъ, что нашелъ средство продлить жизнь, и очень дорожилъ этимъ. *Бэконъ Веруламскій* напечаталъ сочиненіе о жизни и смерти, въ которомъ даетъ совѣты для достиженія долговѣчности; въ его предписаніяхъ значительную роль играютъ кровопусканія и селитра.

Однимъ изъ наиболѣе древнихъ методовъ для продленія жизни человѣческой была такъ называемая *герокомія*, состоявшая въ соприкосновеніи стариковъ съ молодыми дѣвушками. Уже царь Давидъ прибѣгалъ къ этому средству, и позднѣе оно было нѣкоторое время въ большомъ ходу.

По всей вѣроятности такое прикосновеніе или даже простое приближеніе вызываетъ выдѣленіе сока предстательной железы, отличающагося способностью возбуждать движенія сѣмянныхъ тѣлъ. Этотъ сокъ въ то же время должно быть усиливаетъ и дѣятельность другихъ органовъ, чѣмъ повышаетъ вообще жизненный тонусъ и тѣмъ содѣйствуетъ выносливости организма.

Шарлатаны XVIII вѣка предлагали разныя лѣкарства противъ старости; между послѣдними была освященная вода св. Германа, представлявшая настой александрійскаго листа, дѣйствующій какъ простое слабительное. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ такихъ лѣкарствъ, очищая толстыя кишки, въ то же время уменьшали кишечную флору и, слѣдовательно,

мѣшали выдѣленію микробныхъ ядовъ, столь вредныхъ нашимъ наиболѣе благороднымъ клѣткамъ.

Въ концѣ XVIII вѣка появилась «*Макробіотика*, или средство продлить человѣческую жизнь» [1]) извѣстнаго нѣмецкаго профессора *Гуфеланда*. Въ свое время сочиненіе это возбудило много шума; оно заключаетъ нѣсколько интересныхъ и вѣрныхъ наблюденій. Среди предписаній чистоплотности и умѣренности, *Гуфеландъ* совѣтуетъ «употреблять больше растительной пищи, чѣмъ иной; мясо всегда болѣе склонно къ гніенію, чѣмъ растенія, заключающія зачатки кислотности, которая разрушаетъ гніеніе — нашего смертнаго врага» (стр. 296). Какъ видно, врачъ уже этой отдаленной эпохи предвидѣлъ одинъ изъ существенныхъ успѣховъ современной науки.

Задача продленія человѣческой жизни не переставала занимать ученыхъ и въ наше время. Такъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ современныхъ физіологовъ, недавно скончавшійся боннскій проф. *Пфлюгеръ* [2]) въ публичной лекціи изложилъ результаты своихъ изслѣдованій касательно этого вопроса. Убѣдившись въ томъ, что біографіи людей, достигшихъ очень преклоннаго возраста, не даютъ достаточныхъ свѣдѣній относительно образа жизни, который слѣдуетъ вести, *Пфлюгеръ* настаиваетъ на средствахъ избѣжать заразныхъ болѣзней и приходитъ къ слѣдующему выводу: «въ концѣ-концовъ я могу только присоединиться ко всему тому, что предписано во всѣхъ статьяхъ Макробіотики; избѣгайте вреднаго и будьте умѣренны во всемъ» (стр. 30).

Годомъ позднѣе одинъ извѣстный нѣмецкій клиницистъ, *Эбштейнъ* [3]), напечаталъ весьма обстоятельное сочиненіе объ искусствѣ продлить жизнь. Авторъ этотъ былъ очень пораженъ тѣмъ, что между людьми, прожившими очень долго, есть нѣсколько такихъ, которые вели образъ жизни, полный излишествами, особенно злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Несмотря на это, *Эбштейнъ* совѣтуетъ если не полное воздержаніе отъ этихъ напитковъ, то по крайней мѣрѣ очень большую умѣренность въ ихъ употребленіи. Онъ также предписываетъ упрощеніе образа жизни и воздержаніе отъ всего, могущаго вредить здоровью.

---

1) L'art de prolonger la vie humaine. Фр. переводъ 2-го нѣмец. изд. Лозанна, 1899 г.

2) Ueber die Kunst der Verlängerung der menschlichen Lebens. Bonn. 1890.

3) Die Kunst das menschliche Leben zu verlängern. Wiesbaden. 1881.

Изученіе его работы, полной научнаго духа, показываетъ намъ, что макробіотика—наука, которую надо еще создать. Подробное изслѣдованіе старческихъ явленій можетъ лишь быть полезнымъ въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ невозможно считать чистой утопіей проекты сдѣлать старость физіологической и легко выносимой, а также—продлить человѣческую жизнь. И это тѣмъ болѣе, что нѣтъ недостатка въ примѣрахъ долговѣчности.

Собрано большое число фактовъ о людяхъ, жившихъ болѣе 100 лѣтъ и до смерти сохранившихъ свои умственныя способности и бодрость. Безполезно приводить здѣсь исторію людей, изъ которыхъ нѣкоторые достигли 120, 140 и даже 185 лѣтъ (*Сань-Мунго* въ Гласговѣ). Другъ мой *Рей Ланкестеръ* [1]) предполагаетъ, что эти исключительные старцы—такія же уродливыя явленія, какъ и великаны, достигающіе невѣроятныхъ размѣровъ. Но столѣтніе старики гораздо многочисленнѣе великановъ, и въ то время какъ у послѣднихъ наблюдаются несомнѣнныя патологическія свойства, долговѣчные люди, наоборотъ, удивляютъ насъ своей бодростью и здоровьемъ.

Много говорено было о долговѣчности древнихъ евреевъ, упоминаемой въ Ветхомъ Завѣтѣ. Преувеличиваютъ ли, приписывая Маѳусаилу 963 года, а Ною—595, или же лѣтосчисленіе это производится по инымъ расчетамъ, чѣмъ наше? *Гензелеръ* [2]) думаетъ, что въ эту отдаленную эпоху каждое время года считалось за годъ. Тогда долговѣчность Маѳусаила свелась бы къ 242 годамъ, что не очень многимъ превышаетъ самую длинную жизнь, которая наблюдалась въ современную намъ эпоху.

Что же касается менѣе древняго періода библейской исторій, то многія данныя указываютъ, что годъ тѣхъ временъ соотвѣтствовалъ нашему. Такъ, въ книгѣ «Чиселъ» нѣсколько разъ идетъ рѣчь о людяхъ «двадцати лѣтъ и болѣе входящихъ въ составъ Израильтянъ, которые могутъ идти на войну». Левиты могли вступать на службу, начиная съ 25 лѣтъ; но въ 50 лѣтъ левитъ выходитъ въ отставку и «болѣе не долженъ служить»; этотъ не слишкомъ поздній предѣлъ дѣятельности

---

[1]) The Advancement of Sicence. London, стр. 233.

[2]) Приведено *Пфлюгеромъ*, Uered. Kunst d. Verläng., стр. 14.

указываетъ на то, что годы жизни соотвѣтствовали нашимъ; къ тому же многія другія мѣста Пятикнижія, а именно тѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь о годичныхъ праздникахъ послѣ сбора плодовъ, подтверждаютъ этотъ выводъ. Поэтому приходится допустить, какъ очень вѣроятную, долговѣчность въ 100, 120 лѣтъ, приписываемую нѣсколькимъ библейскимъ личностямъ (Аарону, Моисею, Іисусу Навину). Точно такъ же слѣдуетъ считать многозначительными слова, вложенныя въ уста Іеговы, изъ которыхъ видно, что Онъ полагаетъ предѣлъ жизни человѣческой въ 120 лѣтъ

Итакъ, долговѣчность этой отдаленной эпохи должна была быть дѣйствительно больше настоящей. По расчету *Эбштейна*, нормальная жизнь должна длиться 70 лѣтъ, потому что въ этомъ возрастѣ умираетъ всего болѣе (l. c., стр. 12); несмотря на увеличеніе долговѣчности въ теченіе XIX-го вѣка приходится все-таки признать, что въ нѣкоторыя библейскія эпохи люди жили еще больше, чѣмъ теперь; это не должно казаться намъ особенно удивительнымъ.

Мы видѣли, какую важную роль играетъ сифилисъ, какъ причина преждевременной и патологической старости. Онъ служитъ однимъ изъ великихъ факторовъ артеріосклероза и вырожденія наиболѣе благородныхъ элементовъ нашего организма. Сифилисъ тѣмъ ужаснѣе, что передается по наслѣдству. Между тѣмъ, хотя въ библіи и идетъ рѣчь о болѣзняхъ половыхъ органовъ и хотя приводятся подробныя данныя относительно обрѣзанія, однако нѣтъ ничего, что можно было бы отнести къ сифилису. *Эбштейнъ* [1]), напечатавшій сочиненіе о ветхозавѣтной медицинѣ, настаиваетъ на томъ, что «въ библейскихъ документахъ ничего не говорится объ этой болѣзни» (стр. 156). Впрочемъ, и въ древности сифилисъ не былъ вовсе извѣстенъ или же существовалъ въ ослабленной формѣ. *Гэзеръ* [2]), авторъ лучшаго современнаго трактата по исторіи медицины, думаетъ, что если сифилисъ и встрѣчался у народовъ древности, то онъ «оставался мѣстнымъ и во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, чѣмъ теперь, приводилъ къ обобщенному зараженію».

Изъ этого примѣра видно какого успѣха въ долговѣчности

---

1) Die Medicin im alten Testament. Stutgart, 1901.
2) Lehrbuch d. Geschichte d. Medicin. Iena, 1878, I, III, стр. 223.

могло бы достигнуть человѣчество, устранивъ хотя бы только сифилисъ, причиняющій одну пятую случаевъ артеріосклероза. Уничтоженіе алкоголизма, этой второй великой причины дегенераціи артерій, приведетъ въ будущемъ къ еще большему продленію жизни. Научное изученіе старости и средствъ измѣнить ея патологическій характеръ, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать тому, чтобы жизнь стала длиннѣе и счастливѣе. Несмотря на несовершенство современной науки, нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ причинъ держаться на этотъ счетъ пессимистическихъ воззрѣній.

ГЛАВА XI.

Введеніе въ научное изученіе смерти.

Теорія безсмертія низшихъ организмовъ.—Безсмертіе половыхъ элементовъ высшихъ организмовъ.—Безсмертіе клѣточной души.—Существованіе естественной смерти у нѣкоторыхъ животныхъ.—Естественная смерть у поденокъ (эфемеръ).—Потеря инстинкта самосохраненія у взрослыхъ эфемеръ.—Инстинктъ жизни у стариковъ.—Инстинктъ естественной смерти у человѣка.—Смерть старцевъ въ библейскія времена.—Перемѣна инстинктовъ у животныхъ и человѣка.

Послѣ всего сказаннаго въ предыдущей главѣ, я думаю, согласятся со мною, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ станетъ возможнымъ измѣнить состояніе старости. Изъ болѣзненной и отталкивающей, какова она теперь, старость обратится въ физіологическую и выносимую. Добьются также большей долговѣчности сравнительно съ настоящей. Но, возразятъ мнѣ, къ чему жить 100 или 120 лѣтъ вмѣсто 70 или 80, если останется все та же ужасная перспектива неизбѣжнаго уничтоженія смертью? Развѣ не было уже доказано *Маркомъ Авреліемъ* (l. c., стр. 247), что «тотъ, кто умираетъ, достигнувъ крайняго предѣла жизни, нисколько не выигрываетъ сравнительно съ тѣмъ, который умираетъ преждевременно?» Или еще, что «безразлично, наблюдать ли окружающее въ теченіе ста или трехъ лѣтъ» (стр. 248)? Въ этихъ изреченіяхъ не принимается въ соображеніе качественная разница въ оцѣнкѣ вещей въ различные возрасты. Люди 25 и 50 лѣтъ не только различно разсуждаютъ, но такъ же и различно воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія.

Даже «взглядъ на происходящее вокругъ» у одного и того же человѣка мѣняется по мѣрѣ его возраста. Молодые люди цѣнятъ впечатлѣнія, сравнивая ихъ со своимъ идеаломъ, а такъ какъ послѣдній всегда очень высокъ, то дѣйствительность не удовлетворяетъ ихъ. Они требовательны и не довольны тѣмъ, что даетъ имъ реальный міръ. Зрѣлые или болѣе пожилые люди легче удовлетворяются, гораздо лучше сознавая дѣйствительную цѣну вещей. Какъ было уже развито въ одной изъ предыдущихъ главъ, молодые болѣе склонны къ пессимизму, чѣмъ старые.

Итакъ оцѣнка жизни мѣняется съ возрастомъ. Мѣняется ли она и относительно смерти? Часто повторяли, что жизнь не что иное, какъ подготовка къ смерти. *Цицеронъ* говорилъ, что «смолоду слѣдуетъ пріучаться безъ ужаса глядѣть на свой послѣдній часъ: иначе—нѣтъ болѣе покоя, такъ какъ несомнѣнно, что мы должны умереть» (l. c., стр. 268). Философія разсматривалась какъ искусство подготовляться къ смерти.

Прежде чѣмъ указать на путь, который можетъ избрать наука для разрѣшенія задачи смерти, «этого послѣдняго врага, который будетъ побѣжденъ», по выраженію *св. Павла*, надо познакомиться съ тѣмъ, что̀ она знаетъ вообще о смерти.

Привыкли считать смерть чѣмъ-то столь естественнымъ и неизбѣжнымъ, что съ давнихъ поръ на нее смотрятъ какъ на свойство, присущее всякому организму. Однако, когда біологи стали ближе изучать этотъ вопросъ, они напрасно искали какого-нибудь доказательства этому мнѣнію, принятому всѣми за догматъ.

Наблюденіе низшихъ животныхъ, какъ инфузорій и другихъ простѣйшихъ, показываетъ, что они размножаются дѣленіемъ и въ короткое время становятся необыкновенно многочисленными. Поколѣнія слѣдуютъ другъ за другомъ съ большой быстротой безъ единаго случая смерти. Напрасно стали бы искать хоть одного трупа въ безчисленномъ множествѣ кишащихъ инфузорій. Изъ этого легко наблюдаемаго факта нѣкоторые ученые, именно *Бютчли* и *Вейсманнъ* [1]), вывели, что одноклѣтчатыя существа безсмертны. Инфузорія дѣлится на-двое; каждая половина тотчасъ дорастетъ и

[1]) Ueber d. Dauer des Lebens. Jena, 1882, смотри то же: Aufsätze über Vererbung. Jena, 1892, стр. 1 и 123.

обновляется, чтобы снова размножиться тѣмъ же путемъ. Сложнѣе обстоитъ дѣло, когда дѣленіе производится одновременно на нѣсколько частей, каждая изъ которыхъ уноситъ часть материнскаго организма. Примѣры такого способа размноженія многочисленны. Такъ какъ животное сразу дѣлится на цѣлый рядъ особей новаго поколѣнія, то индивидуальность первой особи исчезаетъ. Въ этомъ случаѣ можно было бы, какъ допускаетъ это *Гетте* [1]), предположить естественную смерть, безъ настоящаго разруженія, безъ присутствія трупа.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у низшихъ существъ нѣтъ естественной смерти, сколько-нибудь подобной той, которая наблюдается у высшихъ животныхъ или у человѣка. Думали, что истощеніе инфузорій послѣ длиннаго ряда дѣленій, истощеніе, требующее конъюгаціи двухъ особей, можно бы разсматривать какъ случай естественной смерти. Но мнѣніе это не вяжется съ обновленіемъ, которое слѣдуетъ за этимъ совокупленіемъ. Если совокупленіе не наступаетъ, то это приводитъ къ смерти истощенныхъ инфузорій, но на такую смерть надо смотрѣть какъ на случайную, подобную смерти отъ голода.

И такъ, теорія безсмертія одноклѣточныхъ организмовъ почти общепринята. Но даже и среди животныхъ, болѣе высоко стоящихъ на лѣстницѣ живыхъ существъ, есть такія, у которыхъ не наблюдается естественной смерти. Таковы животныя, состоящія изъ нѣсколькихъ органовъ и изъ большого количества клѣтокъ. Сюда относятся многіе полипы и нѣкоторые черви, а именно кольчатые. Между послѣдними есть такіе, которые очень усиленно размножаются дѣленіемъ (фиг. 17). «Въ теченіе всего лѣтняго времени,—говоритъ *Эдмондъ Перрье* [2]),—наидоморфные черви лишены половыхъ органовъ, и кажется даже (еще не изданныя наблюденія *Мопа*), что можно искусственно поддержать ихъ въ такомъ безполомъ состояніи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а быть можетъ, и постоянно». Итакъ, случай этотъ смѣло можно привести въ примѣръ безсмертія, обязаннаго неисчерпаемой способности регенераціи существа, которое однако довольно сложно по своему строенію.

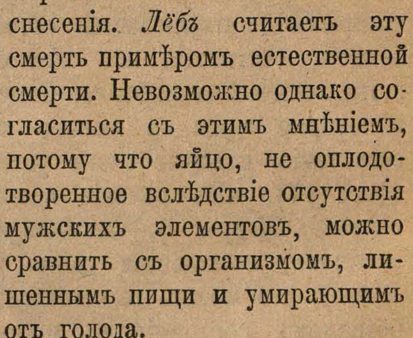
---

[1]) Ueber den Ursprung des Todes, 1893.
[2]) Учебникъ зоологіи, стр. 1713.

Этихъ данныхъ достаточно, чтобы показать, что естественная смерть не необходимо связана съ организаціей. Очень извѣстный нѣмецкій ботаникъ *Нэгели* [1]) высказалъ даже положеніе, будто въ природѣ не существуетъ естественной смерти. Онъ упоминаетъ о деревьяхъ, достигшихъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ и кончающихъ свое существованіе не естественной смертью или истощеніемъ силъ, а вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы.

Думаютъ, что знаменитое драконовое дерево вильи Оротава на Тенерифѣ, которымъ такъ любовался *Ал. Гумбольдтъ*, жило нѣсколько тысячъ лѣтъ. Стволъ его былъ дуплистъ, но гигантское дерево продолжало жить, пока не было опрокинуто бурей. Итакъ, нужно было грубое внѣшнее вмѣшательство, чтобы убить этотъ столь долговѣчный организмъ.

Въ одной изъ своихъ работъ знаменитый американскій біологъ *Жакъ Лёбъ* [2]) коснулся вопроса о естественной смерти, существованіе которой кажется ему недоказаннымъ. Онъ наблюдалъ, что зрѣлыя яйца неоплодотворенныхъ морскихъ звѣздъ погибаютъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ снесенія. *Лёбъ* считаетъ эту смерть примѣромъ естественной смерти. Невозможно однако согласиться съ этимъ мнѣніемъ, потому что яйцо, не оплодотворенное вслѣдствіе отсутствія мужскихъ элементовъ, можно сравнить съ организмомъ, лишеннымъ пищи и умирающимъ отъ голода.

Фиг. 17. Хетогастеръ, дѣлящійся на четыре части (рис. Мениля).

Если въ природѣ существуетъ естественная смерть, то она должна была появиться на землѣ значительно позже первыхъ организмовъ. *Вейсманнъ* думаетъ, что она развилась какъ полезное приспособленіе для жизни вида, т.-е. «какъ уступ-

1) Abhandlung d. k. Bairischen Akademie d. Wissenschaften, 1865.
2) Archiv für die gesammte Physiologie, 1902, t. XCIII, стр. 59.

ка внѣшнимъ условіямъ жизни, а вовсе не какъ абсолютная необходимость, имѣющая основу въ самой сущности жизни» (l. c., стр. 33). Такъ какъ изношенный организмъ не годится болѣе для размноженія и для борьбы за существованіе, то *Вейсманнъ* думаетъ, что естественная смерть есть слѣдствіе принципа естественнаго подбора: она становится необходимой для поддержанія силы вида. Но такое нововведеніе вполнѣ излишне, такъ какъ ослабленія состарившагося организма совершенно достаточно, чтобы устранить его въ борьбѣ. Насильственная смерть должна была появиться съ первыхъ же шаговъ жизни на землѣ. Инфузоріи и другіе низшіе организмы, обладая принципіальнымъ безсмертіемъ, тѣмъ не менѣе ежеминутно должны были умирать отъ насилія: ихъ пожирали болѣе сильныя существа. Невозможно, слѣдовательно, видѣть въ естественной смерти, если она дѣйствительно существуетъ, результатъ естественнаго подбора въ пользу вида. Во внѣшнемъ мірѣ естественная смерть должна встрѣчаться очень рѣдко, въ виду частой насильственной смерти, вслѣдствіе болѣзней или прожорливости враговъ.

Правда, что всѣ статистики отмѣчаютъ болѣе или менѣе многочисленные случаи смерти отъ старости, безъ видимой болѣзни. Часто очень истощенные старики не ощущаютъ никакой боли и какъ бы тихо засыпаютъ вѣчнымъ сномъ; но вскрытіе все же при этомъ обнаруживаетъ болѣе или менѣе серьезныя поврежденія органовъ. Итакъ, приходится предположить, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ насильственной смертью, большею частью вызываемой заразными микробами.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, вмѣсто того, чтобы принимать положеніе, будто естественная смерть вполнѣ присуща организму, приходится искать дѣйствительныхъ доказательствъ ея существованія на землѣ.

Давно уже было указано на то, что естественной смерти подвержены одни элементы, служащіе для индивидуальной жизни. Наоборотъ, клѣтки, обезпечивающія воспроизведеніе вида, одарены безсмертіемъ подобно одноклѣтчатымъ организмамъ. Женское яичко превращается въ зародышъ и даетъ начало новому поколѣнію, половые элементы котораго становятся исходной точкой третьяго поколѣнія и т. д. Громадное большинство яичекъ и сѣмянныхъ тѣлъ умираетъ, но не

естественной смертью, а вслѣдствіе вредныхъ внѣшнихъ вліяній. Только незначительное меньшинство этихъ половыхъ элементовъ безконечно переживаетъ въ будущихъ поколѣніяхъ.

Итакъ, можно утверждать, на основаніи научныхъ доказательствъ, что организмъ нашъ заключаетъ вполнѣ безсмертные элементы— яички и сѣмянныя тѣла. Такъ какъ клѣтки эти одарены самостоятельной жизнью и проявляютъ нѣкоторыя свойства, относящіяся къ разряду психическихъ явленій, то можно бы серьезно поставить вопросъ о безсмертіи души.

Наблюденіе простѣйшихъ, а именно инфузорій, указываетъ на очень сильную чувствительность этихъ одноклѣтчатыхъ существъ. Они выбираютъ добычу, отличаютъ живыхъ инфузорій отъ мертвыхъ [1]), выслѣживаютъ себѣ подобныхъ для совокупленія, избѣгаютъ опасностей, охотятся,—однимъ словомъ, обнаруживаютъ цѣлый рядъ свойствъ, несомнѣнно относящихся къ обширной группѣ психическихъ признаковъ. Явленія эти, по сравненію ихъ съ тѣмъ, что мы видимъ у высшихъ животныхъ, безспорно у инфузорій стоятъ на очень низкой стадіи развитія. Тѣмъ не менѣе можно вести рѣчь и о душѣ простѣйшихъ.

Одаренныя безсмертіемъ тѣла, благодаря послѣдовательному воспроизведенію повторнымъ дѣленіемъ, существа эти обладаютъ также безсмертной душой. Только вслѣдствіе чрезвычайной первобытности этой души намъ невозможно сколько-нибудь опредѣленно судить о ней.

Такъ какъ и въ человѣческомъ тѣлѣ тоже существуютъ безсмертныя половыя клѣтки, то спрашивается—обладаютъ ли и онѣ безсмертной душой? Въ настоящее время нельзя сомнѣваться въ томъ, что яички и сѣмянныя тѣла одарены такой же чувствительностью, какъ и низшіе организмы. Яички выдѣляютъ существа, возбуждающія чувствительность сѣмянныхъ тѣлъ. Послѣднія, руководимыя особымъ родомъ обонянія или химіотаксіей, направляются къ яичку и проникаютъ въ него. Иныя вещества возбуждаютъ чувствительность и подвижность сѣмянныхъ тѣлъ и притягиваютъ ихъ, другія—отталкиваютъ ихъ. Химіотаксія сѣмянныхъ тѣлъ впервые была доказана у тайнобрачныхъ знаменитымъ ботаникомъ *Пфефферомъ*. Съ

---

[1]) *Salomonsen*. Festskrift ved indvielsen af Statens Serum Institut Copenhague, 1902, XII.

тѣхъ поръ убѣдились въ чувствительности мужскихъ клѣтокъ у нѣсколькихъ растеній и различныхъ животныхъ.

Яички и сперматозоиды, которымъ удается конъюгироваться, даютъ начало новому поколѣнію и передаютъ ему свою «клѣточную душу», по терминолотіи *Геккеля* [1]). Итакъ, душа эта дѣйствительно постольку же безсмертна, какъ и тѣло воспроизводительныхъ клѣтокъ.

Совершенно вѣрно, слѣдовательно, что мы содержимъ въ своемъ организмѣ элементы, одаренные безсмертной душой; но тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что фактъ этотъ нисколько не обусловливаетъ безсмертія нашей сознательной души. Въ одной изъ предыдущихъ главъ было уже упомянуто о томъ, что мы не отдаемъ себѣ отчета въ психическихъ явленіяхъ множества нашихъ клѣтокъ, одаренныхъ своей клѣточной душой. Мы нисколько не ощущаемъ постоянной борьбы нашихъ фагоцитовъ съ вѣчно стремящимися наводнить насъ микробами. Между тѣмъ фагоциты — чувствительные и подвижные элементы, обладающіе душой постольку же, какъ и инфузоріи.

Женщина также не имѣетъ ни малѣйшаго ощущенія тѣхъ многочисленныхъ сѣмянныхъ тѣлъ, одаренныхъ клѣточной душой, которыя проникаютъ какъ въ ея тѣло, такъ и въ ея яички. Она не имѣетъ даже никакой возможности воспринять болѣе развитую душу зародыша. Ребенокъ до рожденія обладаетъ гораздо болѣе многочисленными и совершенными психическими свойствами, чѣмъ половыя клѣтки. Онъ способенъ на нѣкоторыя ощущенія и движенія. Въ послѣдніе мѣсяцы беременности ребенокъ обладаетъ уже осязаніемъ, вкусомъ и, до извѣстной степени, зрѣніемъ [2]). А между тѣмъ душа его никоимъ образомъ не можетъ быть воспринята матерью. Послѣдняя не въ состояніи даже чувствовать, заключаетъ ли она въ своей утробѣ одну или двѣ такихъ зачаточныхъ души. Итакъ, безсмертіе клѣточной души не имѣетъ никакого отношенія къ задачѣ смерти, которая одна интересуетъ насъ.

Часто высказывали мнѣніе, будто безсмертіемъ обладаютъ однѣ воспроизводительныя клѣтки животныхъ и человѣка; всѣ же другіе элементы ихъ организма — смертны. Если онѣ из-

---

[1]) Gesammelte populäre Vorträge. Bern. 1878.

[2]) *Preyer*: Die Seele des Kindes, 1884, u Specielle Physiologie des Embryo, 1885, стр. 547.

бѣгнутъ насильственной, случайной смерти, то кончаютъ свое существованіе естественной смертью. Настаивали, слѣдовательно, на контрастѣ между клѣтками индивидуальной жизни — смертными — и клѣтками видовой жизни — безсмертными. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда не половые, а другіе элементы организма способны воспроизводиться, нѣтъ никакой причины отрицатъ ихъ безсмертіе. Когда полипъ или червь размножается дѣленіемъ, то цѣлое множество его клѣтокъ содѣйствуетъ образованію новаго существа, такъ же точно, какъ и дѣлящаяся на двое инфузорія. Клѣтки эти, слѣдовательно, постольку же безсмертны.

Безсмертныя животныя встрѣчаются только среди низшихъ безпозвоночныхъ. Чѣмъ выше поднимаемся мы по лѣстницѣ существъ, тѣмъ рѣже наталкиваемся на явленія регенераціи. Въ то время какъ червей, напримѣръ, земляного червяка, можно разрѣзать на нѣсколько кусковъ, каждый изъ которыхъ способенъ развиться въ цѣлую особь, — мягкотѣлыя возобновляются только отчасти. У улитки выростаютъ ея отрѣзанныя щупальцы; но если разрѣзать ее самое на нѣсколько частей, то она неминуемо обрекается этимъ на смерть. У позвоночныхъ одни низшіе представители, какъ, напримѣръ, тритонъ и саламандра, могутъ воспроизводить хвостъ и ноги. У нихъ, какъ и у мягкотѣлыхъ, не можетъ болѣе быть и рѣчи о размноженіи дѣленіемъ. У высшихъ позвоночныхъ, птицъ и млекопитающихъ регенерація происходитъ въ очень узкихъ предѣлахъ. Ни хвостъ, ни ноги никогда не выростаютъ вновь.

Изъ этого можно заключить, что прогрессъ въ организмѣ животномъ развился на счетъ воспроизводительной способности элементовъ и тканей. У наивысшихъ животныхъ наблюдается еще возобновленіе нѣкоторыхъ органовъ, напримѣръ, печени. Но тѣ же животныя обладаютъ клѣтками, способными возобновляться только въ исключительныхъ случаяхъ. Это именно нервныя клѣтки, наиболѣе благородные и совершенные элементы организма. Развившись однажды во время зародышей жизни, онѣ въ теченіе всего существованія не размножаются болѣе и не возобновляются. Достигнувъ наивысшихъ свойствъ, каковы психическія отправленія, онѣ совершенно потеряли отличительныя качества безсмертныхъ клѣтокъ, т.-е. способность дѣлиться.

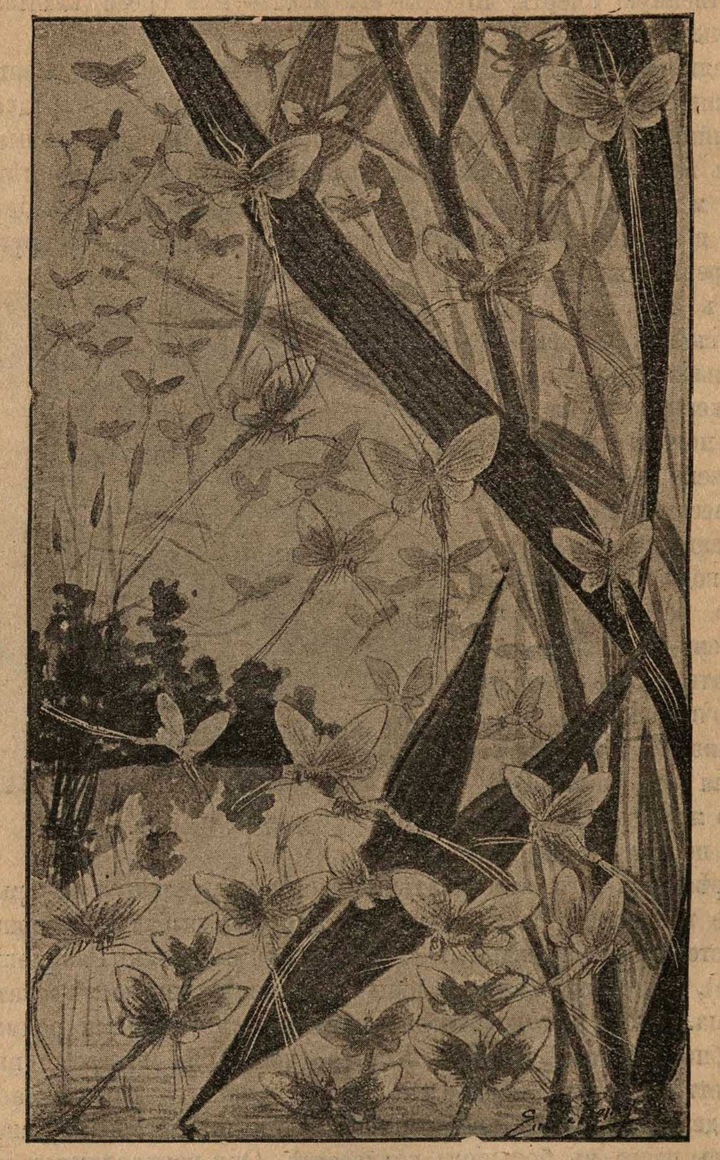
Если существуютъ элементы, неизбѣжно обреченные на естественную смерть, то слѣдуетъ искать ихъ среди клѣтокъ нервныхъ центровъ.

Нельзя сомнѣваться въ существованіи естественной смерти въ животномъ мірѣ; но она, безспорно, встрѣчается рѣдко. Лучшимъ примѣромъ ея служатъ замѣчательныя насѣкомыя, всѣмъ извѣстныя подъ именемъ поденокъ. Кто въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ не видѣлъ роевъ этихъ крылатыхъ, граціозныхъ и изящныхъ насѣкомыхъ (фиг. 18), летающихъ вокругъ фонарей? Поденки выходятъ изъ воды, гдѣ живутъ ихъ личинки— маленькія насѣкомыя, снабженныя 3-мя парами ногъ и питающіяся очень мелкими органическими остатками, находящимися въ прѣсной водѣ. Эти личинки вовсе не охотятся за живьемъ и должны защищаться отъ своихъ многочисленныхъ прожорливыхъ враговъ, убѣгая отъ нихъ. Онѣ долго живутъ (иныя изъ нихъ по 2 и 3 года) въ илѣ рѣкъ для того, чтобы затѣмъ быстро превратиться въ крылатое насѣкомое. Въ окрестностяхъ Парижа рыбакамъ хорошо извѣстенъ подъ названіемъ «манна» родъ поденокъ (Palingenia virgo), выходящихъ изъ глубины Сены или Марны послѣ заката солнца. Очень кратковременно летаютъ онѣ большими роями, подобно крупнымъ хлопьямъ снѣга, когда онъ внезапно начинаетъ выпадать (фиг. 19). Полетъ «манны» длится часъ или два, послѣ чего насѣкомыя падаютъ въ истощеніи, скопляясь часто въ большомъ количествѣ. Они направляются къ свѣту, и рыбаки собираютъ ихъ вокругъ лампъ фонарей, для того, чтобы воспользоваться ими какъ приманкой для рыбы. Жизнь этихъ насѣкомыхъ въ окрыленномъ состояніи дѣй-

Фиг. 18. Поденки.

ствительно эфемерна, такъ какъ длится никакъ не болѣе нѣ-

Фиг. 19. Рой Palingenia Virgo.

скольких часовъ. Весь ихъ организмъ указываетъ на краткость ихъ существованія. Въ то время какъ у личинокъ хо-

рошо развиты органы жеванія, служащіе имъ для пожиранія пищи, у крылатыхъ насѣкомыхъ — одни зачатки этихъ органовъ. Поэтому они не въ состояніи питаться, что явно доказываетъ приспособленіе ихъ къ очень краткой жизни. Немногіе часы, прожитые ими въ воздухѣ, предназначены для любви. Тотчасъ по выходѣ изъ воды самцы и самки эфемеръ совокупляются и немедленно кладутъ комки яицъ, падающихъ въ воду. Черезъ нѣсколько недѣль изъ послѣднихъ вылупляются молодыя личинки.

Вся жизнь и организація взрослыхъ поденокъ указываетъ намъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ естественной смертью. Послѣдняя наступаетъ не потому, чтобы поблизости не было пищи для этихъ насѣкомыхъ или потому, чтобы они не находили вокругъ себя чего-нибудь необходимаго для ихъ существованія, но вслѣдствіе того, что они рождаются нежизнеспособными, лишенными органовъ, безъ которыхъ жизнь невозможна.

Придя къ тому выводу, что естественная смерть дѣйствительно существуетъ, было бы крайне важно изучить ея механизмъ, насколько позволяетъ это современное положеніе науки. Для того, чтобы исключить всякую мысль о насильственной смерти, надо было узнать, не становятся ли вышедшія изъ воды поденки жертвою какой-нибудь очень скоротечной заразной болѣзни? Эта гипотеза, хотя и мало вѣроятная, требуетъ все же провѣрки. Наблюдается множество насѣкомыхъ, которыя умираютъ въ очень короткое время вслѣдствіе наводненія паразитическихъ плѣсеней, вызывающихъ настоящія эпидеміи. Всѣ мы видѣли, особенно осенью, мухъ, окруженныхъ маленькимъ бѣлымъ налетомъ и приклеенныхъ имъ къ стеклу окна, гдѣ онѣ и умираютъ. Въ виду большого количества этихъ насѣкомыхъ, умирающихъ одновременно, тоже можно было бы подумать что мы имѣемъ дѣло съ естественной смертью. А между тѣмъ здѣсь просто — заразная смертельная болѣзнь, причиненная паразитическимъ грибкомъ.

Что касается эфемеръ, то всякое предположеніе объ острой эпидеміи должно быть исключено. Изслѣдованія, сдѣланныя нами по этому поводу, доказали обратное. У умирающихъ поденокъ не развивается никакихъ микробовъ, которымъ могла бы быть приписана смерть. Послѣднюю, слѣдовательно, при-

ходится считать естественной, зависящей отъ организма, отъ самаго внутренняго существа этихъ насѣкомыхъ. Среди клѣтокъ, входящихъ въ составъ тѣла поденокъ, нѣтъ недостатка въ фагоцитахъ. Не имъ ли слѣдуетъ приписать быструю смерть насѣкомыхъ, которая можетъ быть вызвана опустошеніями фагоцитовъ въ органахъ и въ благородныхъ тканяхъ? Тщательное микроскопическое изслѣдованіе не обнаружило никакихъ доказательствъ въ пользу такой гипотезы. Какъ разъ наоборотъ. Всѣ органы, сохраненные при наилучшихъ техническихъ условіяхъ представляютъ свою нормальную структуру. Мозгъ, нервные центры вообще, какъ и мускулы и другіе органы, не обнаруживаютъ никакихъ слѣдовъ того разрушенія фагоцитами, на которое было указано какъ на общее правило при старческой дегенераціи. Поэтому въ этомъ несомнѣнномъ примѣрѣ естественной смерти не можетъ быть вопроса о пагубномъ вмѣшательствѣ макрофаговъ.

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что столь быстрая смерть поденокъ и иныхъ насѣкомыхъ объясняется истощеніемъ, претерпѣваемымъ ими вслѣдствіе быстрой кладки яицъ и выдѣленія мужскихъ элементовъ. При этомъ могло бы происходить нѣчто подобное послѣопераціонному потрясенію, вслѣдствіе котораго иногда погибаютъ оперированные больные. Гипотеза эта однако недопустима; рядомъ съ поденками, совершившими половое отправленіе, такъ же внезапно умираетъ множество вовсе неоплодотворявшихъ самцовъ. У эфемеръ всегда значительно большее количество самцовъ, чѣмъ самокъ; многіе изъ первыхъ поэтому не могутъ быть подвержены половому потрясенію, такъ какъ они не выпоражнивали вовсе своихъ органовъ воспроизведенія, что не мѣшаетъ имъ однако умирать вмѣстѣ съ остальными.

Въ этомъ примѣрѣ естественной смерти нельзя было установить, одновременно ли умираютъ всѣ ткани. Весьма вѣроятно, однако, что первыми умираютъ клѣтки нервныхъ центровъ, что обусловливаетъ смерть остального организма. Вопросъ этотъ требуетъ еще подробнаго изученія.

Смерть настигаетъ эфемеръ въ любовное время, въ минуту удовлетворенія ихъ полового инстинкта. Было бы очень интересно знать, что могутъ ощущать эти существа, умирая во время акта воспроизведенія.

Такъ какъ, само собой разумѣется, невозможно вполнѣ рѣшить этотъ вопросъ, — приходится удовлетворяться нѣсколькими фактами, относящимися къ нему.

Всѣ эфемеры, не только тѣ, которыя живутъ незначительное число часовъ, но даже живущія по нѣскольку дней (какъ, напримѣръ, Хлоэ, Chloë) очень легко даютъ себя изловить. Ихъ не зачѣмъ схватывать невзначай или ловить сѣткой, какъ мухъ, осъ и столько другихъ насѣкомыхъ. Поденокъ можно просто взять пальцами, такъ какъ онѣ не обнаруживаютъ никаго сопротивленія, никакого желанія улетѣть или бѣжать, несмотря на присутствіе двухъ или четырехъ крыльевъ и 6 ногъ. Фактъ этотъ не единственный среди насѣкомыхъ. Многія другія такъ же легко даютъ себя поймать. Таковы крылатые муравьи, травяныя вши и т. д. Но въ то время какъ послѣднія въ теченіе всей жизни никогда не избѣгаютъ враговъ, поденки въ личиночномъ состояніи очень пугливы. Когда ихъ хотятъ поймать среди водяныхъ растеній, гдѣ онѣ прячутся, — онѣ тотчасъ чувствуютъ приближеніе направленной на нихъ трубочки и очень быстро убѣгаютъ. Иногда ловля этихъ насѣкомыхъ требуетъ большой ловкости и терпѣнія (фиг. 20). Ихъ жизненный инстинктъ, чувство самосохраненія, обнаруживается поспѣшнымъ бѣгствомъ. Между тѣмъ очевидно, что у взрослой поденки инстинктъ этотъ исчезаетъ. Если трогать ее, то иногда она удаляется, но не улетаетъ, несмотря на большое развитіе органовъ движенія и слабый вѣсъ тѣла, который уменьшенъ кромѣ того, присутствіемъ воздуха, наполняющаго кишечникъ вмѣсто пищи. Всего чаще, если тронуть эфемеру, то она, даже не отдаляясь, безъ сопротивленія даетъ себя взять.

Фиг. 20. Личинка эфемеры (Chloe rufulum).

Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить фактъ, который мнѣ пришлось наблюдать недавно. Изъ летающихъ эфемеръ рода Chloë самцы даютъ себя поймать безъ малѣйшаго сопротивленія, между тѣмъ какъ самки, тотчасъ по приближеніи къ нимъ, отлетаютъ и вовсе не легко даются въ руки. Различіе это легко объясняется тѣмъ, что Chloë живородящи и несутъ въ себѣ зародышей въ теченіе нѣсколькихъ дней, около недѣли, между тѣмъ какъ самцы тотчасъ по вылупленіи

изъ куколки готовы къ совокупленію и очень скоро заканчиваютъ весь свой циклъ жизни.

Мы не имѣемъ никакого права утверждать, чтобы жизненный инстинктъ личинки уступилъ мѣсто у взрослой поденки инстинкту естественной смерти; но приходится допустить однако, что у нея жизненный инстинктъ исчезъ. Невозможно объяснить несопротивленіе окрыленныхъ эфемеръ недостаточностью какихъ-нибудь органовъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ: онѣ не только сохраняютъ тѣ глаза, которыми обладали и въ личиночномъ состояніи, но самцы пріобрѣтаютъ еще пару огромныхъ глазъ, нужныхъ имъ для отысканія самки во время быстраго полета въ сумеркахъ заходящаго солнца. Органы осязанія также очень развиты у поденокъ во всѣхъ возрастахъ. И однако, несмотря на это высшее развитіе, взрослыя эфемеры остаются равнодушными передъ непріятелемъ.

Вовсе не случайно пришлось намъ выбрать лучшій примѣръ естественной смерти именно среди насѣкомыхъ. Этотъ отрядъ животныхъ отличается большой прочностью клѣточныхъ элементовъ и соотвѣтственнымъ отсутствіемъ обновленій тканей. Въ этомъ отношеніи насѣкомыя походятъ на высшихъ животныхъ и человѣка. Нервныя клѣтки ихъ очень обособлены и способны выполнять наиболѣе высокія функціи, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ психическія. Но хорошо одаренные съ функціональной точки зрѣнія, элементы эти неспособны возобновляться. Было сдѣлано очень много опытовъ въ этомъ направленіи и оказалось, что въ то время какъ у холоднокровныхъ позвоночныхъ головной и спинной мозгъ съ ихъ нервными клѣтками способны возобновляться, у млекопитающихъ только въ исключительныхъ случаяхъ наблюдается нѣкоторая степень регенераціи клѣтокъ нервныхъ центровъ.

Поэтому всего скорѣе можно бы ждать примѣровъ естественной смерти у животныхъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ органическаго міра, какъ у человѣка. Но здѣсь мы не находимъ столь доказательнаго примѣра, какъ среди насѣкомыхъ, у поденокъ. Уже было упомянуто выше, что по крайней мѣрѣ огромное большинство случаевъ смертей отъ старческаго истощенія, принимаемыхъ за естественную смерть, надо относить на счетъ случайныхъ причинъ,—особенно на счетъ за-

разныхъ болѣзней стариковъ (воспаленіе легкихъ, почекъ и т. д.). Тщательное изслѣдованіе тканей подтверждаетъ этотъ выводъ.

Частое разрушеніе благородныхъ клѣтокъ фагоцитами точно такъ же указываетъ скорѣе на насильственный процессъ, чѣмъ на естественную смерть, подобную той, которая наблюдается у взрослыхъ поденокъ.

Итакъ, естественная смерть у человѣка скорѣе потенціальна, чѣмъ дѣйствительна. Старость, не будучи физіологическимъ явленіемъ, представляетъ болѣзненные признаки. При этихъ условіяхъ неудивительно, что она приводитъ только къ случайной смерти. Вѣроятно, однако, что и естественная смерть все же иногда наступаетъ въ очень старомъ возрастѣ.

Часто старались опредѣлить границу человѣческой жизни. При этомъ *Флуренсъ* [1]) основывался на продолжительности роста. Предположивъ, что періодъ этотъ соотвѣтствуетъ $1/5$ всей жизни, онъ выводитъ, что послѣдняя у человѣка должна длиться 100 лѣтъ. А такъ какъ столѣтніе люди очень рѣдки, то всѣ смертные случаи до этого возраста надо считать преждевременными и случайными. Но правило *Флуренса* произвольно, и ничто не доказываетъ его справедливости. Вѣроятно, въ родѣ людскомъ предѣлъ жизни не такъ постояненъ, какъ у поденокъ, и поэтому невозможно ограничить его какой-нибудь цифрой. Въ большинствѣ случаевъ онъ долженъ былъ бы быть значительно выше 100 лѣтъ и только въ исключительныхъ случаяхъ могъ бы спускаться ниже этой границы. Относительно возраста естественной смерти должны существовать такія же колебанія, какъ наблюдаемыя при половой зрѣлости. Хотя наступленіе послѣдней подчинено нѣкоторымъ правиламъ, тѣмъ не менѣе наблюдаются большія или меньшія отклоненія относительно средняго возраста его появленія.

Патологическій характеръ человѣческой старости долженъ былъ нарушить также и все, касающееся естественной смерти. Поэтому пока совершенно невозможно дать себѣ отчетъ въ особенностяхъ послѣдней. Какъ извѣстно, нѣкоторые органы и ткани могутъ сохранять жизненность нѣсколько времени послѣ смерти. Даже черезъ 30 часовъ послѣ смерти отъ

---

1) De la longevité humaine. 2-me éd. Paris. 1885.

заразной болѣзни сердце, удаленное изъ человѣческаго трупа и поставленное въ опредѣленныя условія, можетъ еще ожить и сокращаться нѣкоторое время. Изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, произведенныя главнымъ образомъ Каррелемъ, показили, что нѣкоторыя ткани млекопитающихъ могутъ быть сохранены живыми въ теченіе двухъ полныхъ мѣсяцевъ. Бѣлые кровяные шарики, сѣмянныя тѣла и мерцательные волоски трупа могутъ еще двигаться. То же ли наблюдается и въ столь рѣдкихъ случаяхъ естественной смерти? Одно будущее разъяснитъ это.

Наиболѣе важный вопросъ, связанный съ естественной смертью,—слѣдующій. Сопровождается ли она у человѣка исчезновеніемъ жизненнаго инстинкта и появленіемъ новаго, инстинкта смерти? Наблюдается ли въ этомъ случаѣ аналогія съ естественной смертью у поденокъ? Легко понять, что на это нельзя отвѣтить съ полной точностью.

Старость есть, такъ сказать, извращенное явленіе; поэтому лица, приближающіяся къ возрасту естественной смерти, только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ сохраняютъ достаточную полноту умственныхъ способностей. Мнѣ пришлось видѣть столѣтнюю женщину, помнящую еще нѣсколько событій своей молодости. Она рѣзко высказывала желаніе жить; но умственныя способности ея были серьезно задѣты. Такъ, мозгъ ея при вскрытіи представлялъ сильную дегенерацію нервныхъ клѣтокъ на пути разрушенія макрофагами.

Мнѣ удалось получить довольно подробныя свѣдѣнія относительно столѣтней женщины, жившей въ Руанѣ въ 1900 г. [2]). Стоило бросить взглядъ на ея портретъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что она не владѣла болѣе полнотой своихъ умственныхъ способностей. Во многихъ отношеніяхъ она была инвалидомъ. Знаменитый химикъ *Шеврейль*, умершій въ возрастѣ 103 лѣтъ, точно такъ же не обнаруживалъ никакого желанія умереть; онъ очень желалъ жить, но умственныя способности его сильно ослабѣли.

Я наблюдалъ столѣтнюю старуху, рожденіе которой торжественно праздновалось въ Сотвилѣ близъ Руана [3]). Несмотря на то, что въ физическомъ отношеніи она еще довольно хо-

---

[1]) Berliner Klinische Wochenschrift. 1912, p. 533.
[2]) Journal de Rouen, 28 сентября 1903.
[3]) Journal de Rouen, 21 сент. 1900. *Georges Dubosc.*

рошо сохранилась, ея умственныя способности настолько ослабѣли, что не можетъ быть и рѣчи о развитіи у ней новой особенности, каковъ инстинктъ естественной смерти. Заболѣвъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, воспаленіемъ легкихъ, она обнаруживала несомнѣнное желаніе выздоровѣть и жить.

Вышеприведенные случаи составляютъ общее правило. Но бываютъ исключенія, требующія особеннаго вниманія. Въ упомянутой въ шестой главѣ статьѣ *Токарскаго* о страхѣ смерти, онъ приводитъ примѣръ старухи державшей слѣдующую рѣчь: «если бы ты прожилъ столько же, какъ я, ты бы понялъ, что можно не только не бояться смерти, но даже желать ея и такъ же *ощущать потребность умереть, какъ ощущать потребность спать»*. Въ этомъ глубокомъ возрастѣ появилось новое чувство, подобное потребности сна и непонятное менѣе старымъ людямъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ инстинктомъ естественной смерти, развившимся у столѣтней старухи, достаточно сохранившей свои психическія способности.

Я очень желалъ быть свидѣтелемъ такого замѣчательнаго инстинкта у кого-нибудь изъ того значительнаго числа старыхъ людей, которое мнѣ удалось наблюдать. Но всѣ, на кого мнѣ указывали, какъ на будто бы имѣющихъ его, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывались совершенно иначе настроенными. Однѣ были старыя, больныя, уставшія страдать; онѣ предпочитали смерть своей страдальческой жизни, но еще болѣе желали бы выздоровѣть, чтобы спокойно жить. Когда имъ говорили о возможности выздоровленія, онѣ обнаруживали явные признаки удовольствія и проникались надеждами.

Произведенныя мною изслѣдованія въ пріютахъ стариковъ дали одни отрицательные результаты въ этомъ отношеніи. Никто въ нихъ не проявлялъ ни малѣйшаго инстинкта смерти. Зато черезъ посредство доктора *Фовель* я узналъ о фактѣ, который можетъ быть помѣщенъ рядомъ съ наблюденіемъ *Токарскаго*. Дѣло касается старухи, здоровье и средства которой были вполнѣ удовлетворительны и которая передъ смертью обнаруживала твердое желаніе умереть; она высказывала его совершенно въ такомъ же духѣ, какъ и столѣтняя старуха Токарскаго. Только *Фовель* имѣлъ дѣло

съ женщиной, достигшей всего 85 лѣтъ. Если, что весьма вѣроятно, это—второй примѣръ инстинкта естественной смерти, то приходится заключить, что онъ можетъ развиваться въ очень различные возрасты, подобно половому инстинкту. Будапештскія газеты воспроизвели письмо столѣтняго старца Іосифа Решковскаго, письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что «жизнь ему страшно надоѣла, что онъ выносилъ ее въ теченіе болѣе вѣка, но—съ него довольно, такъ какъ смерть не приходитъ, то онъ предпочитаетъ лишить себя жизни». Дѣйствительно онъ покончилъ самоубійствомъ.

Въ своихъ поискахъ за примѣрами инстинкта смерти мы обратились къ довольно обширному сборнику *Лежонкура* [1]). Но свѣдѣнія этого автора относятся преимущественно къ образу жизни столѣтнихъ людей и очень неполны въ томъ, что относится къ ихъ послѣднимъ мгновеніямъ.

Въ Библіи упоминается о часто встрѣчавшихся въ тѣ отдаленныя времена людяхъ, которые достигали столѣтняго возраста вполнѣ хорошо сохранившимися [2]). Въ Библіи встрѣчаются также нѣкоторыя указанія, которыя могутъ быть истолкованы въ смыслѣ инстинкта естественной смерти. Вотъ какъ описана смерть нѣкоторыхъ патріарховъ. Жизнь Авраама длилась 175 лѣтъ. Утративъ силы, онъ умеръ въ счастливой старости, старцемъ и *насыщеннымъ своими днями*. Исаакъ жилъ 180 лѣтъ. Утративъ силы, онъ умеръ *старикомъ и насыщеннымъ жизнью*. Іовъ жилъ 140 лѣтъ. Онъ увидалъ сыновей своихъ и сыновей ихъ до четвертаго поколѣнія. Затѣмъ онъ умеръ *старымъ и насыщеннымъ жизнью*. Вѣроятно, что чувство, выражаемое насыщеніемъ жизни, такъ странно звучащимъ для насъ, не что иное, какъ инстинктъ естественной смерти, развитый у достаточно хорошо сохранившихся стариковъ, достигшихъ 140—180 лѣтъ. Изъ описанія другихъ смертей слѣдуетъ, что это библейское выраженіе не есть простая формула, относящаяся къ смерти знаменитыхъ мужей. Такъ, объ Измаилѣ говорится, что онъ жилъ 137 лѣтъ, послѣ чего онъ утратилъ силы и умеръ

---

[1]) Galerie des centenaires anciens et modernes. Paris, 1842.

[2]) Быть можетъ, эта долговѣчность многихъ патріарховъ, приводящая къ появленію инстинкта естественной смерти, была причиной малаго развитія идеи будущей жизни въ религіи древнихъ іудеевъ (см. гл. VII).

и былъ взятъ къ своимъ народамъ. Іаковъ жилъ въ Египтѣ 17 лѣтъ. Жизнь его длилась 147 лѣтъ. Аарону было 123 года, когда онъ умеръ на горѣ Горъ. Моисей умеръ 120-ти лѣтъ; зрѣніе его не ослабѣло, и бодрость не изсякла.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ рѣчь идетъ о старцахъ, изъ которыхъ всего одинъ достигъ свыше 140-лѣтняго возраста, когда началъ появляться инстинктъ смерти.

Намъ должно казаться совершенно удивительнымъ и почти невѣроятнымъ, что у человѣка можетъ развиться инстинктъ естественной смерти,—до того проникнуты мы совершенно обратнымъ жизненнымъ инстинктомъ. Изъ всего, приведеннаго въ шестой главѣ, становится несомнѣннымъ, что какъ желаніе жить, такъ и страхъ смерти не что иное, какъ проявленіе инстинкта, очень глубоко укорененнаго въ человѣческой природѣ. Онъ сравнимъ съ инстинктомъ голода, жажды, сна, движенія, половой и материнской любви.

Инстинкты же эти могутъ переходить изъ крайности въ крайность.

Всѣмъ извѣстны тѣ преданность и забота, которыя проявляются самками относительно ихъ потомства. Нѣтъ жертвы, на которую не были бы способны эти матери для охраненія жизни и благоденствія своихъ дѣтенышей. Это и есть проявленія материнскаго инстинкта, одного изъ самыхъ сильныхъ, который можно наблюдать. А между тѣмъ такая нѣжная и преданная любовь длится только, пока дѣтеныши безпомощны. Какъ только они начинаютъ быть самостоятельными, привязанность матери обращается въ равнодушіе и даже въ ненависть и враждебность.

Тѣ же матери вновь ощущаютъ нѣжность къ своему новому поколѣнію дѣтенышей, такъ что происходитъ періодическое измѣненіе материнскаго инстинкта.

Новорожденный ребенокъ инстинктивно наслаждается женскимъ молокомъ, которое кажется ему единственной въ мірѣ вкусной пищей. При первомъ проявленіи своихъ чувствъ онъ обнаруживаетъ полное удовольствіе во время сосанія. Но инстинктъ этотъ сохраняется только въ періодъ кормленія грудью. Какъ только ребенокъ начинаетъ употреблять всякую другую пищу, онъ становится равнодушнымъ къ женскому молоку и кончаетъ тѣмъ, что ощущаетъ даже родъ отвра-

щенія къ нему, которое можетъ длиться въ теченіе всей остальной жизни. Большинство взрослыхъ людей, которымъ я предлагалъ женское молоко, не хотѣли даже попробовать его,—такимъ отвратительнымъ казалось оно имъ. А между тѣмъ вкусъ его самъ по себѣ вовсе не имѣетъ ничего непріятнаго. Здѣсь также мы имѣемъ дѣло съ временнымъ и измѣнчивымъ инстинктомъ.

Дѣтямъ часто случается наѣсться слишкомъ много какихъ-нибудь сластей, послѣ чего онѣ не только не прельщаютъ ихъ больше, а, наоборотъ, вызываютъ глубочайшее отвращеніе, которое можетъ сохраниться на всю жизнь.

Говорятъ, что когда въ кондитерскую поступаютъ дѣти въ обученіе, то вначалѣ имъ позволяютъ ѣсть сколько угодно сластей.

Черезъ короткое время у нихъ развивается глубокое отвращеніе къ этимъ вещамъ, столь сильно прельщавшимъ ихъ вначалѣ.

Какъ мать, обожающая своихъ дѣтей, такъ и ребенокъ, обожающій сласти, не легко поймутъ, какъ можетъ случиться, чтобы мать возненавидѣла свое потомство, а подмастерье кондитерской ощущалъ отвращеніе при видѣ сластей.

Точно такъ же человѣчество, столь сильно жаждущее жить, легче повѣритъ въ безсмертіе, чѣмъ въ переходъ жизненнаго инстинкта въ инстинктъ смерти. Послѣдній, очевидно въ потенціальной формѣ, гнѣздится въ природѣ человѣческой. Если бы циклъ жизни людской слѣдовалъ своему идеальному, физіологическому ходу, то инстинктъ естественной смерти появлялся бы своевременно—послѣ нормальной жизни и здоровой, продолжительной старости.

Вѣроятно, этотъ инстинктъ долженъ сопровождаться чуднымъ ощущеніемъ, лучшимъ, чѣмъ всѣ другія ощущенія, которыя мы способны испытывать. Быть можетъ, тревожное исканіе цѣли человѣческой жизни и есть не что иное, какъ проявленіе смутнаго стремленія къ ощущенію наступленія естественной смерти. Въ немъ должно быть нѣчто сходное съ неопредѣленными чувствами молодыхъ дѣвственницъ, предшествующими настоящей любви.

Въ дѣйствительности жизнь наша съ самаго начала претерпѣваетъ пагубное вліяніе дисгармоній человѣческой при-

роды. Вліяніе это становится все большимъ и большимъ въ теченіе нашего существованія и приводитъ къ разстроенной патологической старости. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при этихъ условіяхъ люди не ощущаютъ ни желанія состарѣться, ни истинкта смерти. Старики, несмотря на свою привязанность къ жизни, не въ состояніи ощущать всей ея прелести и умираютъ со страхомъ, не узнавъ, что такое инстинктъ смерти.

Ихъ можно сравнить съ женщинами, вышедшими замужъ раньше развитія своей половой потребности и умирающими во время родовъ, не зная, что такое настоящій любовный инстинктъ. Въ прежнія времена число такихъ женщинъ было значительно. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Абиссиніи дѣвушки выходятъ замужъ очень рано, не достигнувъ должнаго физическаго развитія. По *Гассенштейну* [1]), почти треть (30%) этихъ молодыхъ женщинъ умираетъ во время родовъ. Онѣ покидаютъ жизнь, не зная хорошенько, что такое настоящій половой инстинктъ.

Успѣхи культуры вообще и медицины въ очень значительной степени уменьшили число такихъ женщинъ.

Надо надѣяться, что наука достигнетъ такихъ же успѣховъ по отношенію къ инстинкту естественной смерти.

Съ прогрессомъ науки все болѣе и болѣе увеличится число людей, доживающихъ до нормальнаго появленія этого инстинкта.

ГЛАВА XII.

Общій обзоръ и выводы.

Дисгармоніи человѣческой природы составляютъ главный источникъ нашихъ бѣдствій.—Научныя данныя о происхожденіи и предназначеніи человѣка.— Цѣль человѣческаго существованія.—Трудности, на которыя наталкивается наука при изученіи этой задачи.

Что такое прогрессъ?—Затрудненіе подвести весь родъ людской подъ формулу прогресса и нравственности.—Инстинктъ жизни и естественной смерти.—Примѣненіе къ практической жизни принциповъ, изложенныхъ въ этой книгѣ.

Человѣкъ, происшедшій отъ какой-нибудь человѣкообразной обезьяны, унаслѣдовалъ организацію, приспособленную къ

---

1) *Ploss-Bartels*, Das Weib, 1, p. 626.

условіямъ жизни совершенно инымъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ ему приходится жить. Одаренный несравненно болѣе развитымъ мозгомъ, чѣмъ его животные предки, человѣкъ открылъ новый путь къ эволюціи высшихъ существъ. Такое быстрое измѣненіе природы привело къ цѣлому ряду органическихъ дисгармоній, которыя тѣмъ сильнѣе давали себя чувствовать, что люди стали умнѣе и чувствительнѣе. Отсюда—цѣлая вереница несчастій, которыя бѣдное человѣчество старалось устранить всѣми доступными ему средствами.

Дисгармоніи въ половой функціи привели къ употребленію часто весьма странныхъ мѣръ съ цѣлью уменьшить это зло. Но величайшій разладъ человѣческой природы заключается въ патологической старости и въ невозможности дожить до инстинкта естественной смерти. Эта дисгармонія послужила поводомъ къ наивному и ложному представленію о безсмертіи души, о воскресеніи тѣла, равно какъ и ко многимъ другимъ догматамъ, которые выдавались за истины, переданныя откровеніемъ.

Но человѣческій умъ, направляясь постоянно впередъ, возсталъ противъ этихъ попытокъ первобытной мысли.

Сознавая безсиліе человѣчества возстановить столь желанную гармонію, многіе примирились съ пассивнымъ фатализмомъ и стали даже думать, что жизнь человѣческая есть родъ ироніи судьбы и составляетъ ложный шагъ въ развитіи живыхъ существъ. Точная наука, развиваясь медленно, но въ опредѣленномъ направленіи, попыталась наконецъ взять дѣло въ свои руки. Подвигаясь постепенно и прогрессируя отъ простого къ сложному и отъ частнаго къ общему она установила рядъ истинъ, которыя стали общепринятыми.

Несчастное человѣчество ставило наукѣ вопросъ за вопросомъ и теряло терпѣніе передъ медленностью научныхъ успѣховъ. Оно провозглашало суетными и мало интересными тѣ задачи, которыя наукѣ удавалось разрѣшать. Временами оно предпочитало даже вернуться назадъ и обманывать себя прекрасными иллюзіями, которыя предлагали ему религіозныя ученія и философскія системы.

Но наука, увѣренная въ руководствующихъ ею методахъ, спокойно продолжала свое дѣло. Мало-по-малу она сочла себя въ правѣ отвѣтить на нѣкоторые поставленные ей вопросы.

Откуда происходимъ мы? Постоянно спрашивали ее.

Наука отвѣчала, что человѣкъ есть родъ обезьяньяго выродка, одареннаго большимъ умомъ и способнаго пойти очень далеко. Мозгъ его выполняетъ весьма сложныя и совершенныя отправленія, значительно высшія, чѣмъ у его животныхъ предковъ, но несовмѣстимыя съ существованіемъ безсмертной души.

Куда идемъ мы? Вотъ вопросъ, всего болѣе занимающій человѣчество, такъ какъ ему менѣе важно знать свое происхожденіе, чѣмъ свое предназначеніе. Есть ли смерть полное уничтоженіе, или же она—только начало новой, безконечной жизни? Если не это послѣднее ждетъ насъ, то какъ примириться съ неизбѣжностью смерти?

Наука не можетъ допустить безсмертія сознательной души, такъ какъ сознаніе есть результатъ дѣятельности элементовъ нашего тѣла, не обладающихъ безсмертіемъ. Это послѣднее свойственно лишь очень низко стоящимъ существамъ, которыя постоянно возстановляются посредствомъ дѣленія, и сознаніе которыхъ еще очень неразвито.

Такъ какъ смерть представляется намъ полнымъ уничтоженіемъ, то ея неизбѣжность становится невыносимой вслѣдствіе условій, при которыхъ она настигаетъ насъ. Она является въ то время, когда человѣкъ не закончилъ своего нормальнаго развитія и когда онъ вполнѣ обладаетъ жизненнымъ инстинктомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ поднялся нѣсколько выше своихъ непосредственныхъ, обыденныхъ интересовъ, онъ началъ спрашивать себя имѣетъ ли жизнь человѣческая опредѣленную цѣль и какова она? Не находя ея большею частью, онъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, будто существованіе его—простая случайность и что не слѣдуетъ даже искать его цѣли.

Въ виду этого онъ приходилъ къ угнетающимъ и пессимистическимъ заключеніямъ. Человѣчество очутилось въ положеніи отрока, который, до появленія полового чувства, спрашивалъ бы себя, какова цѣль его половыхъ органовъ? Такъ какъ они, въ своей половой функціи, ни къ чему не служатъ ему, онъ легко могъ бы заключить, что они безполезны и даже нелѣпы.

Вслѣдствіе дисгармоній своей природы человѣкъ не слѣдуетъ нормальному развитію. Первая часть его жизни проходитъ еще безъ особыхъ отклоненій; но послѣ зрѣлаго возраста развитіе наше болѣе или менѣе извращается и кончается преждевременной и патологической старостью и слишкомъ ранней и неестественной смертью.

Не должна ли бы скорѣе всего цѣль человѣческаго существованія заключаться въ завершеніи полнаго физіологическаго цикла жизни съ нормальной старостью, приводящей къ потери жизненнаго инстинкта и къ появленію инстинкта естественной смерти?

Въ пессимистическомъ лагерѣ часто о смерти шла рѣчь какъ о настоящей цѣли человѣческаго существованія. Такъ, *Шопенгауэръ* [1]) говоритъ: «По истинѣ, на смерть слѣдуетъ смотрѣть какъ на настоящую цѣль жизни; въ минуту ея появленія рѣшается все раньше подготовленное и воспринятое въ теченіе всей жизни».

Та же мысль выражена и въ слѣдующихъ стихахъ *Бодлера* [2])

C'est la mort, qui console, hélas! et qui fait vivre;
C'est le but de la vie et c'est le seul espoir
Qui, comme un élixir, nous monte et nous énivre
Et nous donne le coeur de marcher jusqu' au soir.

На нормальный конецъ, наступающій послѣ развитія инстинкта смерти, дѣйствительно, можно смотрѣть какъ на конечную цѣль человѣческаго существованія. Но прежде чѣмъ дойти до этого, надо пережить цѣлую нормальную жизнь, — которая также должна быть удовлетворенной. Познаніе настоящей цѣли существованія значительно облегчаетъ эту задачу, указывая намъ на поведеніе, котораго надо держаться въ теченіе всей жизни.

Въ первой главѣ читателю представленъ былъ общій обзоръ мнѣній относительно этого вопроса. Съ первыхъ же по-

---

1) Die Welt als Wille und Vorstellung, t. II, стр. 730.
2) Fleurs du mal. La mort des pauvres. 1883, p. 340.

„Смерть утѣшаетъ — увы! и заставляетъ жить;
Она — цѣль жизни и единственная надежда,
Которая, какъ элексиръ, насъ бодритъ и опьяняетъ
И даетъ смѣлость идти до вечера".

пытокъ раціональнаго обоснованія нравственности старались найти основу эту въ человѣческой природѣ, передъ которой многіе преклонялись. Ученія, основывавшія правила поведенія на другихъ началахъ, считали, напротивъ, природу человѣческую въ корнѣ извращенной. Наука открыла намъ, что человѣкъ, происходя отъ животнаго, имѣетъ въ своей природѣ какъ хорошія, такъ и дурныя свойства и что именно послѣднія дѣлаютъ существованіе наше столь несчастнымъ. Но природа людская измѣняема и можетъ быть передѣлана на пользу человѣчества.

Нравственность, слѣдовательно, должна основываться не на извращенной человѣческой природѣ, какова она теперь, но на идеальной, т.-е. такой, какой должна она стать въ будущемъ. Прежде всего слѣдуетъ попытаться возстановить правильную эволюцію человѣческой жизни, т.-е. превратить дисгармонію ея въ гармонію *(ортобіозъ)*. Такъ какъ одна наука способна рѣшить подобную задачу, то человѣчество обязано давать ей возможность выполнить ее. Между тѣмъ даже въ очень передовыхъ странахъ наука далека отъ такого идеала. Она на каждомъ шагу наталкивается на многочисленныя препятствія, значительно замедляющія ея успѣхи.

Наука не пользуется въ современномъ обществѣ заслуженнымъ ею уваженіемъ и ее недостаточно преподаютъ юношамъ, которыхъ заставляютъ терять время на изученіе классическихъ языковъ, большей частью совершенно ненужныхъ.

Улучшеніе человѣческой природы прежде всего требуетъ глубокаго знанія ея. Какъ возможны попытки измѣнить наличную, въ высшей степени патологическую старость въ физіологическую и нормальную, если намъ недостаточно извѣстенъ ея внутренній механизмъ? А между тѣмъ, благодаря глубоко укорененнымъ предразсудкамъ очень трудно добыть органы умершихъ стариковъ. Вскрытія окружены часто непреодолимыми препятствіями. Во Франціи обязательныя правила «не допускаютъ вскрытій ранѣе 24 часовъ послѣ смерти». Кромѣ того, они могутъ быть сдѣланы только, если тѣло не вытребовано «родственниками въ восходящей и нисходящей прямой линіи или супругами, братьями, сестрами, племянниками». Помимо родныхъ, еще существуютъ общества взаимопомощи, которыя также могутъ вытребовать трупъ и воспре-

пятствовать вскрытію его. Когда же послѣднее разрѣшено, то оно «должно служить исключительно для установленія научныхъ фактовъ и никогда не должно идти далѣе этого и переходить въ изувѣчиваніе, путемъ удаленія органовъ или приготовленія анатомическихъ препаратовъ, каковъ бы ни былъ интересъ, представляемый этими органами или препаратами» (циркуляръ директора Assistance publique, 20 янв. 1900 г.). При этомъ понятны затрудненія, на которыя наталкиваешься, желая изучить старческую дегенерацію человѣка и стараясь найти средства помѣшать ей.

На затрудненія наталкиваешься даже при добываніи старыхъ животныхъ. Предпочитаютъ лучше безъ всякой нужды держать ихъ до смерти и затѣмъ хоронить ихъ трупы, чѣмъ посвятить ихъ научному изслѣдованію, которое можетъ быть столь полезнымъ для человѣчества.

Коль скоро мы пришли къ тому выводу, что мистическія и метафизическія системы не могутъ разрѣшить задачъ человѣческаго счастья и смерти и что одна точная наука способна выполнить это, то оказывается необходимымъ устранять препятствія, мѣшающія ея успѣхамъ. Исправленіе дисгармоній человѣческой природы помощью научныхъ методовъ представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что въ былыя времена старость была физіологичнѣе и смерть естественнѣе.

Подобно тому какъ изученіе человѣческой природы позволяетъ опредѣлить истинную цѣль нашего существованія, такъ же точно разъясняетъ оно и значеніе истинной культуры и истиннаго прогресса.

Изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, что философы указываютъ на движеніе человѣчества къ культурѣ и прогрессу. Но что подразумѣваютъ они подъ этими двумя словами? Старались, сколь возможно ясно, опредѣлить ихъ, и первый изъ современныхъ философовъ, *Гербертъ Спенсеръ* [1]), посвятилъ этому спеціальный трудъ. Онъ разобралъ явленія, которыя считаетъ прогрессивными, сначала въ неорганическомъ мірѣ, затѣмъ въ мірѣ живыхъ существъ и наконецъ — въ родѣ человѣческомъ. Онъ считаетъ прогрессивными измѣненіями только тѣ, «которыя непосредственно или косвенно клонятся къ

---

[1]) Прогрессъ, его законы и причины. Этюды, т. I.

увеличенію общаго блага; и только въ виду этого и надо считать ихъ прогрессивными». Чтобы опредѣлить явленія, составляющія прогрессъ, *Гербертъ Спенсеръ* считаетъ необходимымъ параллельно прослѣдить ихъ какъ во внѣчеловѣческомъ, такъ и въ человѣческомъ мірѣ. Всюду, по его мнѣнію, прогрессъ характеризуется превращеніемъ однородныхъ явленій въ болѣе сложныя; происходитъ постоянное обособленіе, будь это въ мірѣ планетъ, въ эмбріональномъ развитіи или въ животныхъ и человѣческихъ обществахъ. Но обособленіе это не исчерпываетъ всего прогресса: въ него входитъ въ значительной степени превращеніе неопредѣленнаго состоянія въ гораздо болѣе опредѣленное. *Гербертъ Спенсеръ* отожествлялъ прогрессъ съ эволюціей, которая, по его мнѣнію, «есть интеграція вещества, сопровождаемая разсѣяніемъ движенія; въ то же время матерія изъ однородной, неопредѣленной и несвязной переходитъ въ разнородную, связную; при этомъ сдержанное движеніе претерпѣваетъ сходное превращеніе» [1]). Формула эта хочетъ обнять слишкомъ много явленій, что дѣлаетъ ее недостаточно опредѣленной, особенно въ приложеніи къ человѣческимъ явленіямъ. Обособленіе не составляетъ само по себѣ всего прогресса. Приходится спросить себя, гдѣ предѣлъ его и какъ должно оно измѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ.

Примѣненіе этой теоріи эволюціи и прогресса заставляетъ *Герберта Спенсера* [2]), въ его сочиненіи объ основахъ нравственности, опредѣлить послѣднюю какъ стремленіе къ жизни, сколь возможно полной и продолжительной. Какъ видно изъ его доводовъ, онъ отожествляетъ полноту со сложностью. Цивилизація является осуществленіемъ прогресса, сравнительно съ первобытной жизнью. «Цивилизованный человѣкъ питается правильнѣе, соотвѣтственно появленію и степени аппетита; пища его значительно выше качественно; она не загрязнена; гораздо разнообразнѣе и лучше приготовлена». Такое же обособленіе замѣчается въ одеждѣ, въ жилищахъ и т. д. По *Герберту Спенсеру*, весь этотъ прогрессъ долженъ служить истинному благу, т.-е. полнотѣ и продолжительности человѣческой жизни.

---

1) „Основныя Начала“.
2) Основы нравственности. 1880 г.

Однако легко убѣдиться въ томъ, что такое понятіе о прогрессѣ не точно; то же относится и къ опредѣленію цѣли существованія. Если столь рѣзкое усложненіе жизненныхъ условій цивилизованныхъ народовъ дѣйствительно есть лучшее средство къ достиженію счастья, то нѣтъ надобности останавливаться на этомъ пути. Наоборотъ, если, какъ я думаю, настоящій прогрессъ заключается въ устраненіи дисгармоній человѣческой природы и въ установленіи физіологической старости съ послѣдующей естественной смертью, то условія его сразу измѣняются и опредѣляются.

Слишкомъ большая сложность жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ для *Герберта Спенсера* является признакомъ прогресса; по-моему же, это невѣрно. *Спенсеръ* говоритъ о пищѣ, ея разнообразіи и изготовленіи. Несомнѣнно, что сложность ея вредна съ точки зрѣнія физіологической старости и что болѣе простая пища менѣе цивилизованныхъ народовъ полезнѣе. Намъ не зачѣмъ излагать здѣсь кулинарную гигіену; достаточно сказать, что большинство утонченныхъ блюдъ, употребляемыхъ въ богатыхъ домахъ, гостиницахъ и ресторанахъ, очень неблагопріятно раздражаютъ органы пищеваренія и выдѣленія. Съ этой точки зрѣнія, истинный прогрессъ заключается въ устраненіи современной кухни и въ возвратѣ къ простой ѣдѣ нашихъ предковъ. Одно изъ условій, позволившихъ евреямъ библейскаго періода обладать болѣе здоровой и продолжительной жизнью, чѣмъ цивилизованные народы, это, конечно — большая простота ихъ пищи. Истинная гигіена не согласна съ утонченнымъ кулинарнымъ искусствомъ; точно такъ же не одобряетъ она слишкомъ большую дифференцировку въ современныхъ одеждахъ и жилищахъ. Итакъ, прогрессъ заключается въ упрощеніи многихъ сторонъ жизни цивилизованныхъ народовъ.

Роскошь, сдѣлавшая людямъ такъ много зла, вполнѣ входитъ въ формулу перехода «отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности». Основой этой роскоши служитъ не общій законъ міроваго развитія, а гораздо скорѣе воззрѣніе на жизнь, совершенно иное, чѣмъ то, которое считаетъ цѣлью существованія — возстановленіе нормальнаго цикла человѣческой жизни.

Очень можетъ быть, что одинъ изъ древнѣйшихъ источниковъ міровоззрѣнія, приведшаго къ такой роскоши, находится еще въ книгѣ Экклезіаста. Придя къ тому заключенію, что «гдѣ изобиліе знанія, тамъ изобиліе горя», и «познавъ изъ всего сотвореннаго Богомъ, что человѣкъ не можетъ узнать причины всего совершающагося подъ солнцемъ, и что если онъ ищетъ узнать ее, онъ не найдетъ ея, и что если мудрецъ даже и говоритъ, что знаетъ ее, все же онъ не разыщетъ ея», *Соломонъ* проповѣдуетъ слѣдующія правила поведенія: «Иди же и ѣшь хлѣбъ твой съ радостью, и весело пей вино свое, потому что Богу пріятны дѣла твои. Да будутъ одежды твои всегда бѣлы и голова твоя благовонна. Наслаждайся всѣми днями твоей суетной жизни съ любимой женщиной, данной тебѣ подъ солнцемъ на всѣ дни твоей суетности; потому что таковъ удѣлъ твой въ жизни, должный тебѣ за работу, которую ты творишь подъ солнцемъ. Дѣлай по мѣрѣ силъ своихъ все, что можешь дѣлать; потому что въ могилѣ, куда ты направляешься, нѣтъ ни дѣлъ, ни рѣчей, ни знанія, ни мудрости».

Мудрость эта поучаетъ, что надо сколь возможно болѣе наслаждаться жизнью, такъ какъ человѣкъ неспособенъ разрѣшить задачи о цѣли своего существованія. Ученіе это сдѣлалось руководящимъ и привело къ жизненной организаціи, которая все прогрессировала по этому эпикурейскому пути.

Но какъ только смыслъ и цѣль жизни становятся опредѣленнѣе, истинное благо не можетъ болѣе заключаться въ роскоши, противной усовершенствованію нормальнаго цикла человѣческой жизни. Вмѣсто того, чтобы злоупотреблять всѣми наслажденіями, молодые люди, убѣжденные, что это повело бы къ печальнымъ, патологическимъ послѣдствіямъ старости и смерти, будутъ, наоборотъ, подготовлять себѣ физіологическую старость и естественную смерть. Учебные годы будутъ, конечно, гораздо продолжительнѣе. Уже и въ наше время они длятся значительно дольше, чѣмъ это было нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться масса знанія, тѣмъ больше времени надо будетъ для ея изученія. Но подготовительный періодъ этотъ служитъ прелюдіей зрѣлости и идеальной старости.

Отталкивающая картина современной старости относится къ старости, уклонившейся отъ своего настоящаго смысла, полной эгоизма, узости взглядовъ, негодности и злости. Физiологическая старость будущаго, конечно, станетъ иной въ этомъ отношенiи.

Въ животныхъ обществахъ, особенно развитыхъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, произошла сильная дифференцiацiя особей. Рядомъ съ особями, способными размножаться, встрѣчаются другiя, безплодныя и занятыя воспитанiемъ потомства и выполненiемъ необходимыхъ для общества работъ. Это обособленiе, весьма полезное общинѣ, должно было независимо развиться у различныхъ общественныхъ насѣкомыхъ. Вотъ почему въ муравьиныхъ и въ пчелиныхъ обществахъ работницы—безплодныя самки, у термитовъ же это особи обоихъ половъ съ атрофированными половыми органами. Въ людскомъ родѣ эволюцiя происходитъ въ иномъ направленiи. Она не приводитъ къ образованiю класса безплодныхъ людей; но такъ какъ жизнь человѣка гораздо длиннѣе жизни насѣкомыхъ, то она подраздѣляется на два перiода: первый—плодовитый и второй—безплодный.

Старость, являющаяся при настоящихъ условiяхъ скорѣе ненужной обузой для общины, сдѣлается рабочимъ, полезнымъ обществу перiодомъ. Старики, не подверженные болѣе ни потерѣ памяти, ни ослабленiю умственныхъ способностей, смогутъ примѣнять свою большую опытность къ наиболѣе сложнымъ и тонкимъ задачамъ общественной жизни.

Молодые люди большею частью—очень дурные политики, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ они слишкомъ вмѣшиваются въ общественныя дѣла, они большею частью приносятъ много вреда въ силу того, что не обладаютъ еще необходимыми практическими свѣдѣнiями. Ихъ непригодность обнаруживается въ рѣзкихъ перемѣнахъ политическихъ мнѣнiй, по мѣрѣ того какъ они становятся старше и опытнѣе.

Въ будущемъ эти трудныя и сложныя обязанности будутъ поручены старикамъ. Тогда значительно усовершенствуются политика и правосудiе, современные недостатки которыхъ объясняются отсутствiемъ еще прочныхъ основъ.

Когда жизнь человѣческая значительно продлится, не поведетъ ли это къ слишкомъ густому перенаселенiю земли? Уже

и теперь жалуются на то, что старики живутъ слишкомъ долго и не очищаютъ мѣсто молодымъ. Противъ избытка жизни на землѣ будутъ легко регулировать рождаемость — съ тѣмъ, чтобы производилось меньшее количество индивидуумовъ. Количество людей можетъ уменьшиться, но ихъ качество и долговѣчность увеличатся.

Когда каждый будетъ знать настоящую цѣль человѣческаго существованія и признаетъ своимъ идеаломъ осуществленіе нормальнаго развитія жизни, онъ получитъ вѣрное руководящее правило для практической жизни. Извѣстно будетъ по крайней мѣрѣ, куда идти, — чего нѣтъ въ настоящее время. Теперь хотятъ улучшить жизнь, но не знаютъ ни какъ сдѣлать это, ни въ чью пользу. Прежде думали, что любовь къ ближнему идетъ прогрессируя и обобщаясь. Семейная любовь распространилась на племя, а затѣмъ на націю. Думали, что нѣтъ никакого препятствія для распространенія ея на все человѣчество. Идея эта очень развилась въ XVIII вѣкѣ и съ тѣхъ поръ стала общимъ мѣстомъ всѣхъ филисофскихъ, нравственныхъ и политическихъ системъ.

Но со времени чрезмѣрнаго усовершенствованія и распространенія путей сообщенія, когда самыя отдаленныя путешествія стали общедоступными, туманное понятіе «человѣчества» замѣнилось опредѣленнымъ знакомствомъ съ низшими туземными расами многихъ областей земного шара. Убѣдились, что «человѣчества» въ прежнемъ смыслѣ слова вовсе не существуетъ,—такъ велика разница между первобытными и цивилизованными народами. И дѣйствительно, мы видимъ, что многіе изъ современныхъ теоретиковъ сокращаютъ распространеніе общественныхъ чувствъ на весь человѣческій родъ. Въ V-й главѣ было уже приведено мнѣніе моралиста *Сутерлэнда* относительно благодѣяній, вытекающихъ изъ присвоенія англо-саксонцами австралійскихъ лѣсовъ, принадлежавшихъ туземцамъ. Съ другой стороны, также извѣстна глубокая ненависть между бѣлыми и черными, особенно въ обѣихъ Америкахъ и на Антильскихъ островахъ. Такихъ примѣровъ легко можно было бы привести очень много.

Но какъ же выйти изъ этого затрудненія? Гдѣ же должна остановиться любовь къ ближнему, если она не можетъ въ одинаковой степени обнять все человѣчество?

Знаменитый нѣмецкій физико-химикъ *Оствальдъ* [1]) въ своихъ лекціяхъ о натуръ-философіи касается этого вопроса. Онъ называетъ хорошими «поступки, облегчающіе существованіе другихъ людей» (стр. 450). Но къ какимъ «другимъ людямъ» должна примѣняться эта нравственность? Какова величина круга распространенія любви къ ближнему? спрашиваетъ себя *Оствальдъ.* «По общему мнѣнію, — говоритъ онъ, — кругъ этотъ долженъ обнимать семью и націю; что же касается мнѣнія, будто онъ долженъ распространяться на все человѣчество, то большинству это кажется скорѣе теоретическимъ идеаломъ, чѣмъ практически возможнымъ требованіемъ. И дѣйствительно, мы склонны гораздо болѣе ограничивать свою альтруистическую дѣятельность по отношенію къ людямъ низшихъ расъ, чѣмъ къ своимъ соотечественникамъ или товарищамъ по положенію въ общественной жизни» (стр. 453). По этой формулѣ нравственная дѣятельность не должна распространяться далѣе соотечественниковъ. Человѣчество должно быть исключено изъ нея.

Здѣсь мы касаемся одной изъ задачъ, относящихся къ принципамъ нормальной жизни. Въ былыя времена главною связью между людьми служилъ религіозный идеалъ. Позднѣе послѣдній уступилъ мѣсто идеалу родины, который, за неимѣніемъ лучшаго, держался до нашихъ дней. Членовъ одного народа соединяетъ общность языка; но успѣхи цивилизаціи пошатнули основу этой дифференцировки. Легко допустить большую солидарность между людьми, говорящими на одномъ языкѣ и не знающими другого, такъ какъ это — единственное средство для нихъ понимать другъ друга. Но знаніе только одного языка не есть послѣднее слово человѣческаго прогресса.

Съ развитіемъ средствъ сообщенія различныя націи все болѣе и болѣе приходятъ въ соприкосновеніе одна съ другой. Поэтому знаніе иностранныхъ языковъ стало одной изъ первыхъ необходимостей современной жизни. При этихъ условіяхъ національная связь должна ослабѣть такъ же, какъ ослабѣла семейная связь. Враждебность, которая ощущалась къ людямъ, говорящимъ на непонятномъ языкѣ, превратилась, на-

[1]) Vorlesungen über Naturphilosophie. Leipzig. 1902.

противъ, въ солидарность, когда стали ихъ понимать. Итакъ, въ этомъ направленіи, очевидно, наблюдается успѣхъ, и было бы очень важно отыскать какое-нибудь общее начало для обоснованія международной солидарности.

Говорятъ про общую культурность различныхъ народовъ, не соображая, что выраженіе это слишкомъ неопредѣленно. Признаніе же истинной цѣли человѣческаго существованія и науки, какъ единственнаго средства къ ея достиженію, можетъ служить идеаломъ для объединенія людей. Вокругъ него они будутъ группироваться, какъ вокругъ религіознаго идеала.

Весьма вѣроятно, что научное изученіе старости и смерти, которое должно будетъ составить двѣ новыя отрасли науки— *геронтологію* и *танатологію*, приведетъ къ значительнымъ измѣненіямъ въ ходѣ послѣдняго періода жизни. Все извѣстное по этому поводу подтверждаетъ такое предположеніе. Но можно ли будетъ когда-либо дойти до инстинкта естественной смерти? Онъ гнѣздится въ глубинѣ человѣческой природы въ скрытомъ состояніи. Возможно ли будетъ разбудить его? Такъ долго не обнаруживаясь, онъ, быть можетъ, атрофировался? Наука сумѣетъ разъяснить этотъ вопросъ. Для того, чтобы передаваться по наслѣдству, признаки могутъ оставаться въ скрытомъ состояніи и вовсе не должны проявляться у особи, которая ихъ передаетъ. Такъ, напр., потеря мѣсячныхъ у женщины передается, такъ сказать, потенціальнымъ способомъ. Послѣ прекращенія мѣсячныхъ женщина уже не рождаетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Признаки пчелъ-работницъ не могутъ передаваться по наслѣдству этими безплодными насѣкомыми. Царица передаетъ лишь скрытые зачатки этихъ признаковъ, безъ того, чтобы сами они обнаруживались у нея какимъ-либо образомъ. Такъ, царица никогда не изготовляетъ воска и не имѣетъ даже восковыхъ железъ; но она передаетъ своимъ безплоднымъ дѣтямъ способность производить воскъ и зачатки соотвѣтствующихъ органовъ. Нѣтъ поэтому никакого основанія для предположенія, чтобы инстинктъ естественной смерти, коль скоро онъ заложенъ въ нашей природѣ, потерялся отъ столь долгаго неупотребленія.

Случаи инстинкта естественной смерти у человѣка въ настоящее время очень рѣдки. Но благопріятныя условія и

нѣкотораго рода воспитаніе инстинкта естественной смерти, по всей вѣроятности, будутъ въ состояніи пробудить и въ достаточной мѣрѣ развить его.

Много работы предстоитъ людямъ, прежде чѣмъ они достигнутъ этой цѣли. Но характерную черту науки составляетъ именно то, что она требуетъ сильной дѣятельности, въ то время какъ религіозныя ученія и системы метафизической философіи ограничиваются пассивнымъ фатализмомъ и нѣмымъ смиреніемъ. Даже одна перспектива получить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ научное разрѣшеніе великихъ задачъ, занимающихъ человѣчество, способна дать большое удовлетвореніе.

Когда *Толстой*, терзаемый невозможностью рѣшить эти задачи и преслѣдуемый страхомъ смерти, спросилъ себя: не можетъ ли семейная любовь успокоить его душу, онъ тотчасъ увидѣлъ, что это—напрасная надежда. Къ чему, спрашивалъ онъ себя, воспитывать дѣтей, которыя вскорѣ очутятся въ такомъ же критическомъ состояніи, какъ и ихъ отецъ? «Зачѣмъ же имъ жить? Зачѣмъ мнѣ любить ихъ, растить и блюсти ихъ? Для того же отчаянія, которое во мнѣ, или для тупоумія? Любя ихъ, я не могу скрывать отъ нихъ истины, — всякій шагъ ведетъ ихъ къ познанію этой истины. А истина—смерть». Понятно, что нѣкоторые люди, дойдя до такого пессимистическаго воззрѣнія, воздерживаются отъ произведенія потомства.

Съ точки же зрѣнія, проводимой въ этой книгѣ, положеніе наше кажется гораздо менѣе безвыходнымъ. Одна увѣренность, что человѣческая жизнь не представляетъ ни ложнаго шага природы, ни безсмыслицы, отъ которой слѣдовало бы избавиться всевозможными способами, — одна эта увѣренность уже способна успокоить умы мыслящихъ и страдающихъ людей.

Наше поколѣніе не имѣетъ никакихъ шансовъ дожить до физіологической старости и естественной смерти. Но оно найдетъ однако, истинное утѣшеніе въ надеждѣ, что молодые сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ къ этой цѣли. Оно будетъ думать, что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ окончательное рѣшеніе задачи будетъ все ближе и ближе и что когданибудь настанетъ день, когда люди достигнутъ истиннаго блага.

Это прогрессивное шествіе требуетъ еще многихъ жертвъ; уже и теперь люди науки жертвуютъ своимъ здоровьемъ, а иногда и жизнью, для рѣшенія какой-нибудь важной задачи, какъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ медицинскихъ вопросовъ, касающихся лѣченія и спасенія жизни себѣ подобныхъ.

Для достиженія этого надо, чтобы люди были убѣждены во всемогуществѣ науки и во вредномъ вліяніи глубоко укоренившихся предразсудковъ. Придется измѣнить много современныхъ обычаевъ и учрежденій, кажущихся такъ прочно установленными. А покинуть множество распространенныхъ привычекъ, измѣнить весь планъ преподаванія—это потребуетъ долгихъ и тяжкихъ усилій.

Рѣшеніе задачи человѣческой жизни должно неизбѣжно повести къ болѣе точному опредѣленію основъ нравственности. Послѣдняя должна имѣть цѣлью не непосредственное удовольствіе, а завершеніе нормальнаго цикла существованія. Для того, чтобы достигнуть этого результата, люди должны гораздо болѣе помогать другъ другу, чѣмъ они дѣлаютъ это теперь. Имъ необходимо будетъ получать гораздо большую степень образованія, чѣмъ та, которой они достигаютъ въ настоящее время. Отъ этого должно значительно выиграть все общественное устройство.

Истинная политика должна будетъ обосноваться на новыхъ началахъ. Политика въ настоящее время находится въ томъ положеніи, въ которомъ была медицина въ давнее время. Въ былыя времена каждый могъ лѣчить по-своему, потому что еще не существовало медицинской науки и все было неопредѣленно. Даже и теперь еще у нѣкоторыхъ мало цивилизованныхъ народовъ каждая пожилая женщина имѣетъ право выполнять роль акушерки. То мать принимаетъ при родахъ своей дочери, то (напримѣръ, въ кастѣ Полайэровъ въ Малабарѣ) свекровь. Часто въ качествѣ акушерки приглашаютъ просто подругу родильницы [1]). У болѣе культурныхъ народовъ произошла нѣкоторая специализація: при родахъ у нихъ служатъ опытныя женщины; настоящія, дипломированныя акушерки. У еще болѣе цивилизованныхъ народовъ акушерки, получившія достаточное образованіе, на-

1) *Ploss Bartels*: „Das Weib", II, p. 86.

ходятся подъ руководствомъ врачей-акушеровъ, специалистовъ по этой части. Это глубокое обособленіе было вызвано успѣхами обстетрики и, съ своей стороны, значительно содѣйствовало имъ.

Современныя условія политики соотвѣтствуютъ былому положенію медицины. Каждая взрослая личность мужского пола считается достаточно подготовленной къ выполненію самыхъ трудныхъ функцій, какъ, напримѣръ, избирателя, присяжнаго и т. д. Единственнымъ оправданіемъ этому служитъ младенческое состояніе соціальной науки. Когда послѣдняя разовьется, въ ней наступитъ такая же специализація, какъ и въ медицинѣ. Тогда то пожилые люди, пріобрѣвшіе большую опытность и сохранившіе всѣ свои способности, благодаря ненарушенному физіологическому состоянію, скажутъ будущему человѣчеству величайшія услуги.

По мѣрѣ прогресса въ направленіи къ истинной цѣли существованія люди должны будутъ въ значительной мѣрѣ отказаться отъ личной свободы. Но за то они пріобрѣтутъ высокую степень солидарности. Чѣмъ точнѣе и опредѣленнѣе становится какое-нибудь знаніе, тѣмъ менѣе мы въ правѣ не считаться съ нимъ. Прежде всякій свободно могъ учить, что китъ есть рыба; но съ тѣхъ поръ, какъ совершенно точно установлено, что животное это—млекопитающее, подобная ошибка болѣе непозволительна. Съ тѣхъ поръ, какъ медицина стала точной наукой, свобода врачей сдѣлалась гораздо ограниченнѣе. Извѣстно, что нѣкоторые врачи были даже осуждены за то, что не слѣдовали правиламъ асептики и антисептики. Такія свободы, какъ свобода не прививать оспы, плевать на полъ, предоставлять собакамъ бѣгать безъ намордниковъ и т. д., достойны некультурныхъ временъ и должны будутъ исчезнуть съ успѣхами цивилизаціи.

Съ другой стороны, убѣжденіе, что цѣль человѣческой жизни можетъ быть достигнута только благодаря очень большой солидарности между людьми, уменьшитъ современный эгоизмъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что наслажденіе жизнью, по правиламъ *Соломона* противоположно истинной цѣли человѣческаго существованія, достаточно для того, чтобы уменьшить роскошь и все вызываемое ею зло. Увѣренность въ томъ, что одна наука способна противодѣйствовать бѣдамъ, вытекающимъ изъ

дисгармоній человѣческой природы, неизбѣжно приведетъ къ развитію образованія, что само по себѣ уже увеличитъ солидарность между людьми.

Направляясь прямо къ цѣли, надо будетъ все время справляться съ природой. Послѣдняя уже осуществила, напримѣръ, въ эфемерахъ, полный циклъ нормальной жизни, приводящей къ естественной смерти. Въ задачѣ людского предназначенія человѣкъ никогда не сможетъ удовлетвориться однимъ тѣмъ, что дала ему природа: дѣятельное вмѣшательство его самого будетъ необходимо. Подобно тому, какъ онъ измѣнилъ природу животныхъ и растеній, человѣкъ долженъ будетъ измѣнить свою собственную природу для того, чтобы сдѣлать ее гармоничнѣе.

Когда дѣло идетъ о выработкѣ новой расы болѣе удовлетворяющей нашему эстетическому чутью или полезной человѣку, то спеціалисты сначала намѣчаютъ себѣ тотъ идеалъ, котораго хотятъ достигнуть. Затѣмъ они наблюдаютъ индивидуальныя отличія животныхъ и растеній, которыхъ хотятъ измѣнить, и производятъ самый тщательный подборъ, чтобы воспользоваться этими отличіями.

Идеалъ долженъ соотвѣтствовать природѣ избранныхъ организмовъ.

Для измѣненія человѣческой природы тоже прежде всего надо отдать себѣ отчетъ въ идеалѣ, къ которому слѣдуетъ стремиться, и затѣмъ употребить всѣ средства предоставляемыя наукой, для его осуществленія.

Если мыслимъ идеалъ, способный соединить людей въ нѣкотораго рода религію будущаго, то онъ не можетъ быть обоснованъ иначе, какъ на научныхъ данныхъ. И если справедливо, какъ это часто утверждаютъ, что нельзя жить безъ вѣры, то послѣдняя не можетъ быть иной, какъ вѣрой во всемогущество знанія.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ И К°
МОСКВА.

Цѣна 3 р. 20 к.

